

ВОЕННЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Владимир Понизовский

ПОСТЫ
СМЕНЯЮТСЯ
НА
РАССВЕТЕ

Scan Kreyder - 16.10.2014
STERLITAMAK

В О Е Н Н Ы Е П Р И К Л Ю Ч Е Н И Я

О Р Д Е Н А Т Р У Д О В О Г О К Р А С Н О Г О З Н А М Е Н И
В О Е Н Н О Е И З Д А Т Е Л Ь С Т В О
М И Н И С Т Е Р С Т В А О Б О Р О Н Ы С С С Р

ВЛАДИМИР ПОНИЗОВСКИЙ

**ПОСТЫ СМЕНЯЮТСЯ
НА РАССВЕТЕ**

МОСКВА - 1979

Р2
П56

ВОЛОНТЕРЫ

1

Андрей Лаптев прошел КПП и вступил на пирс. Навстречу шагнул мужчина — лоб с выступающими теменными шишками, коричневые пятна загара на скулах.

— Ветер свежий.

— Так точно. Пять баллов.

Мужчина протянул руку:

— Зато попутный. Здравствуйте, камарадо Артуро. Все в порядке. Пароход готов к отправлению.

Как недавно генерал в Москве, он придирчиво оглядел Андрея — мешковато сидящий на нем новый костюм, сверкающие магазинным сизым блеском штиблеты, берет, неловко надвинутый на самые брови.

— Какие вещи у вас с собой?

Лаптев растопырил пальцы.

— А в карманах?

— Носовой платок, расческа и бутерброд.

— Покажите.— В голосе мужчины звучали жесткие начальственные нотки.

Бутерброд и платок он вернул, а расческа ему не понравилась.

— Все необходимое получите на борту.— И повел мимо военных кораблей.

Андрей хоть и старался держать себя соответственно новой своей роли, но, как мальчишка, с восхищением косил глаза на крейсера и эсминцы.

Его судно было пришвартовано у дальнего причала. Мужчина остановился около трапа:

— Поднимайтесь на палубу и принимайте хозяйство. Вы назначаетесь шефом.

— После первого же обеда команда выбросит меня за борт! — растерялся Лаптев. Конечно, если необходимо, он готов стать и официантом, и чистильщиком сапог. Но шефом... Спросил: — А нельзя для начала — рядовым поваром? Не берусь отвечать за всю кухню!

— Да не шеф-поваром! — не удержался — захохотал инструктор. — Ох и чудило! — с трудом заставил себя погасить смех. — Вы назначаетесь комендантом корабля со всеми правами единоначальника.

— А капитан и штурман — настоящие? Или такие же шефы, как и я?

— Не беспокойтесь! На все сто! Испанские морские волки. — Показал на низко осевший в воду белый борт: — В трюмах — авиабомбы, артиллерийские снаряды и двенадцать танков. Ваша задача — довести пароход до военно-морской базы Картахена и сдать груз представителю Испанской республики. Если в море перехватят ита-ло-германские подводные лодки или надводные корабли, в плен не сдаваться, судно взорвать.

Андрей оценивающе оглядел «посудину»:

— Взорвать — это я сумею.

— Надеюсь, не придется. Из Картахены выедете в Валенсию и поступите в распоряжение нашего главного военного советника. Задача ясна?

— Так точно!

С палубы по трапу спускалась девушка. Она сбегала вприпрыжку, и Андрей увидел, как голубую юбку взбивают круглые белые колени. Девушка остановилась около них, выпятила нижнюю губу и сдула упавшую на глаза и щеку светлую прядь.

— Познакомьтесь, ваша переводчица Хозефа.

Лаптев оглядел ее: худенькая фигурка, веселые светлые глаза под челкой пшеничных волос, коротко стриженных и перехваченных широкой голубой лентой. «Красочка!..» Ему показалось забавным: бомбы и танки в трюмах — и девчонка с голубой лентой.

— Будем знакомы, — сухо сказал он.

— Желаю успеха! И, как говорится: три фута под килем! — напутствовал инструктор.

Андрей не знал, надо ли ответить: «К черту!..»

— Спасибо! — опередила его Хозефа. Голос у нее был звонкий и веселый.

И вот прозвучали команды на незнакомом языке,

прогрохотали якорные цепи, накручиваемые лебедкой, забурлил винт. Пароход дал протяжный прощальный гудок.

Лаптев стоял, обхватив ладонями поручни. Берет он сунул в карман, и ветер лохматил волосы.

Буксир выводил судно в открытое море мимо серых военных кораблей. Краснофлотцы, свободные от вахт, высыпали на стальные палубы и с любопытством глазели на пароход под чужеземным флагом. И для Андрея все было необычно и остро интересно: не только в военном порту, но и вообще на море он оказался впервые. А вот теперь довелось, да еще в каком качестве!

Мерно, с носа на корму, покачивался пароход. Вибрировал под ногами настил, ритмично рокотали машины в чреве судна. Солнце уже не резало глаза, скатывалось за горизонт. Ветер сник, расслабились мускулы волн. Берег позади растворился в сини. Море стало темным. Лишь прямо по курсу оно было розовым, даже светлее неба, наливавшегoся глубокими пунцовыми тонами. Высоко в поднебесье обозначились прежде неразличимые золотистые облака.

У Андрея защемило сердце. Словно бы уплывала в невозвратное вся его прошлая, полная забот, огорчений и радостей жизнь и с этого момента начиналась совсем иная, ни в чем минувшем не имеющая опоры — как эта неверная морская зыбь. Он понимал, что все не так, что в будущем, в совершенно иных условиях непременно пригодятся и его знания, и его опыт — иначе не стоял бы он сейчас у этого поручня.

Только сейчас он увидел, что Хозефа стоит рядом. Ветер обтекал ее, остро обозначил грудь, оголил выпуклый лоб. Девушка тоже, будто зачарованная, смотрела на море. «А она-то зачем здесь? Тоже мне, солдат в юбке... Парня не могли найти, что ли?..» Но снова почему-то всплыло давнее, из детства: «Красочка!..» У них в селе так говаривали: «Уж больно хороша, красочка!» «Ишь куда повело...» Он отвернулся, подошел к трапу, начал подниматься в рубку, к капитану. Хозефа застучала каблучками по ступеням вслед за ним. «Так и будет за мной хвостом? Лучше бы дали переводчиком парня». И еще подумал: «Юбка у девчонки как парашют, а с палубы смотрят на нее моряки».

Ночь уже поглотила землю. Блестками рассыпались

далекие огни. Стало совсем темно. Лишь стлался за кормой светлый след.

Что ж, новый этап в его жизни... Тридцать его лет остались там, на берегу. А что впереди? Победы? Поражения?.. Что бы ни было, хорошо, когда в размеренный ток жизни свежим ветром в пять баллов, и даже штормом, врывается неизведанное. Хотя, коль вернется жив-здор, в очередной автобиографии запишет одной строчкой: «С сентября 1936 г. по... находился на спецзада-нии».

Он снова посмотрел назад. Но уже не увидел и огней. «Ерема, Ерема, сидел бы ты дома...» — снова тонким насмешливым голосом детства прозвучало в мозгу.

2

«Ерема, Ерема, сидел бы ты дома...» Где теперь его дом?.. «Рязанцы, синебрюхие, мешком солнышко ловили!..» «Почему — синебрюхие?» — допытывался он у бабушки Фроси. «Рубахи синие носили». — «А почему мешком солнышко?» — «Аднысь бой сильнай был, а солнце в глаза, спасу нет, дык спымали рязанцы его в мешок и спускали на ворога, инт ослеп и побег». Хороша присказка, ничего, оказывается, не было в ней обидного.

Их село Музлево стояло над Цной. За селом — в бараках и брезентовых палатках — размещался запасной полк. Что ни день, уходили к станции маршевые роты — на фронт, на войну, которая, как казалось Андрею, шла вечно. Правда, он помнил, как маршировали солдаты еще с разухабистыми песнями. Но потом вышагивали уже без песен, молчаливые и угрюмые: не новобранцы, а мобилизованные по второму сроку, оторванные от семей, залечившие раны в лазаретах.

Отца на фронт не забрали — он работал на железной дороге, пролежавшей неподалеку от села. Когда он возвращался домой и развешивал рубаху, она, высыхая, из черной становилась белой. И Андрей ногтями соскребал с нее соль.

Потом в селе загомонили: «Революция! Конец войне!!»

Андрей видел, как солдаты запасного полка бросали с берега в реку винтовки. Котомки за спину — и по домам. А потом снова началась война. Не та, далекая, неведомая, мировая, а гражданская. И эта война захлест-

нула и их Музлево. За Цной грохотало, матери прятали ребят в подпол и в погреба. Потом, когда стихло, захватившие село казаки пороли на площади перед управой мужиков.

В селе сбился красный отряд, и отец ушел вместе с ним в леса. Однажды, уже зимой, пробрался в избу — помыться и запастись продуктами. С отцом было еще двое. Андрей не мог заснуть, прислушивался с печи к их разговору. Понял, что нет в отряде оружия, сказал: — Батя, я знаю, где сховано! В Дунькином омуте!

Той же ночью запрягли сани. Мороз сковал реку. Андрей точно помнил, куда солдаты побросали трехлинейки. Показал. Прорубили полынью и из черной жгучей воды начали доставать винтовки. Уложили в сани, прикрыли соломой. Только отъехали, навстречу казачий разъезд.

Офицер:

— Кто такие? Откуда? Что везете? — И приказывает одному из казаков: — Проверь, что в санях.

За хранение оружия — Андрей знал — расстрел на месте: по селу расклеены листки. Казак соскочил с коня, сунул руки в сено, отвалил пук. Матово блеснули обледенелые ложа.

— Ничего нет, ваше благородие! — вытянулся перед офицером.

Ускакали. Отец — лицо белей снега — больно прижал сына к тулупу.

А вскоре Музлево встречало регулярные части Красной Армии. Отец вступил в полк и ушел вместе с ним.

Где сложил он свою голову — на западе, или на севере, или на Южном фронте? Так и осталось неведомо Андрею по сей день. А тогда — только выступил в поход отцов полк — собрался следом и он. Прежде что мать, что бабка Фрося: «Завертай баловущий, спокою от тебя нету — пропади ты пропадом!» А тут: «Миленький, сладенький! Не пустим ни в жисть!» Да разве могли удержать? Подбил он еще двух приятелей, таких же пацанов. Горбушки хлеба и луковицы в котомках — вот и все их снаряжение. И ходу! Куда вот только идти? Дороги от села — во все четыре стороны. Загадали:

Чигирики, мигирики, шаранды, баранды,
По мосту, по мосту, по лыкову мосту:
Шишел вышел, вон пошел!..

Получилось: за реку им перебираться. Удачно загадали — прямо на воинскую часть вышли. Но никто не желал принимать босоное пополнение: «А ну, безгоровые, кругом марш — и домой!» Такой оборот их не устраивал. Стали околачиваться около полевой кухни — хворост на растопку собирают, дрова пилят, воду носят, картошку чистят... Повар не нахвалится, кормит от пуза. Но не настоящее это дело для революционного бойца. «Потопаем в другую часть», — решил Андрей.

Но тут неожиданно повезло. Попались, видать, на глаза командиру в ответственный момент.

— А ну, ребята, марш сюды! — позвал он их. — Есть такое боевое дело: мы потеряли соприкосновение с противником и не знаем, с какого фланга его ждать. Так что дуйте по хуторам, а как увидите беляков — посчитайте вприглядку, сколько их, какое вооружение, пушки-пулеметы, хурда-мурда разная — и назад!

— А нам ружья, а нет — хучь наганы!

— Ишь, ветродуи! Ничего не дам. Пойдете так. А задержат и допрос начнут снимать — брешите как есть, без выдумки: откуда родом, как зовут, иначе худо будет... А почему бродите — голод, мол, гоняет.

Разбрелись мальцы в разные стороны. Плетется Андрей от хутора к хутору, от деревни к деревне — как назло, нет беляков, только старики, бабы да малолетки, хоть плачь! Устал целый день без пользы грязь по проселкам месить. Зашел в избу попросить хлеба. Только присел передохнуть, видит в оконце: солдат идет. За спиной — винтовка, на плечах — погоны. Беляк! Не успел Андрей сообразить, что делать, как солдат уже вошел в хату.

— Эй, кто тут живой? Запрягай коня!

В избе только старуха и сосунок. Старуха — на колени перед солдатом, цепляет руками сапоги:

— Не замай, родимый! Воронок — остатний наш кормилец!

Малыш тоже будто понимает, орет в зыбке.

— Запрягай! — Оттолкнул сапогом солдат старуху и подступил к Андрею, схватил его за шкирку: — Выводи коня!

Воронок упрямылся. Андрей никак не мог затянуть на нем хомут — то ли со страху, а может, тугой был.

— Сопля! — Солдат оттолкнул мальчика, скинул вин-

товку, прислонил к стене конюшни, уперся ногой в хомут.

Андрей зырк-зырк по сторонам, хватъ винтовку, передернул затвор, вогнал патрон в патронник:

— Руки вверх!

Таким голосом гаркнул, что сам испугался.

— Положь, не балуй! — рассвирепел солдат. Но, когда увидел черный ствол, нацеленный в грудь, и перекошенное ненавистью лицо мальчика, поднял руки.

Боясь оглянуться назад, — может, сзади погоня? — боясь, что солдат опустит руки и придется тогда нажать на спусковой крючок, Андрей вел беляка по проселкам, пока не привел в полк, к своему ротному.

С того дня и зачислили его на все виды пищевого и вещевого довольствия, да еще получил он от командира в награду желанный наган. Так, в тринадцать лет, стал он красным бойцом-разведчиком. Еще несколько раз посылали его в тыл противника. С «языком» больше не повезло. Но «хурду-мурду» — сведения о врагах — собирал: невдомек было белякам, что вихрастый нищенка с котомкой — красный лазутчик.

Однажды на рассвете отправился он на задание. К обеду вернулся, а роты нет. И вообще никого из своих. Хозяйка, у которой располагались на постое, передала:

— Старшой казал: «Нагоняй, лети что есть духу!»

Сорок верст — то бегом, то шагом, а под конец уже, шатаясь от усталости, едва не ползком — отмерял Андрей по пустынной дороге со следами ободьев и подошв. Когда впереди показались дома городка, услышал гулкие взрывы. На станции один-единственный паровоз разводил пары. Только успел вскарабкаться в теплушку, состав тронулся. Едва поезд пересек мост, как грохнул последний взрыв сзади. Оказалось, войска противника перешли на этом участке в наступление и их полк получил приказ отходить.

Через несколько дней фронт установился и полк снова занял позиции. Но Андрею уже не довелось продолжать службу — пришло распоряжение командования собрать по полкам, эскадронам и ротам всех таких «безгодных», как он, и направить в Москву, на учебу.

Тогда он впервые и приехал в столицу. Не сказал бы, чтоб с охотой. Конечно, раз посылают командиры и есть такое распоряжение чуть ли не самого Ленина, значит,

надо, и он, как сознательный революционный боец, должен подчиниться. Но на фронте он уже испытал чувство боевого братства, когда люди равны — не считаясь с возрастом; когда кругом — опасности и распаляет сердце азарт схватки; когда враг — вон он, маячит у горизонта или, того острее, — в двух шагах... Разговоры на привалах. Дымки кухонь. И, что греха таить, кобура с наганом, оттягивающая пояс... Тяжело оторвать себя от всего этого. И наган хоть заслужен, подарен, а пришлось отдать. «Боевое оружие нужно здесь, зачем оно в глубоком тылу?» И то правда...

Вот он, глубокий тыл — голодный, изможденный. Заколочены щелястыми досками витрины магазинов с побитыми вывесками. Если подойти поближе, услышишь, как шуршат за досками крысы. Бесконечные очереди за хлебом. А хлеба того по карточке — на ладони три пайки уместятся. На шершавой бумаге на шершавых стенах плакаты: «Трудящиеся! Спешите на защиту вашей власти, ваших революционных завоеваний!», «Социалистическое Отечество в опасности!». Рядом и другие: «Вооружись знанием, рабочий и крестьянин, как ты вооружился винтовкой!», «Знание — это оружие в руках бойца!».

Горячие слова. Да почему-то не лежит душа к учебе, когда с севера — вести о наступлении англичан и американцев, с юга рвется к столице Деникин, на Западном фронте — там, где его полк, — жмет Петлюра... Собрался было Андрей снова податься в действующую армию, да встретил на улице Федьку, бывшего бойца из своего же полка. Федька был в кожанке, с пистолетом на боку. Разговорились. Оказалось, несет он службу в ВЧК.

— Иди к нам! Нам боевые хлопцы сгодятся!

— Э-ма, да чего тут делать у вас, в глубоком тылу?

— Тылу-у? — задохнулся от возмущения Федька. — Да знаешь ты!..

И как начал рассказывать: о заговорщиках, контрреволюционерах, бандитах, саботажниках, спекулянтах, о схватках не на жизнь, а на смерть.

— Иди к нам, Пеструха, не пожалеешь!

Пеструха — это у Андрея кличка была такая. Обидная, вроде как у телки или бычка, да ничего не поделаешь: темно-русая голова его была будто с подпалинами:

белые прядки — одна надо лбом, другая — справа над ухом.

Пошел Андрей с Федором. Не пожалел. Зачислили его бойцом оперативного отряда. И снова выдали наган. А к нему еще и удостоверение. Такого документа у него никогда не было. Не какая-то фитюлька с кляксами — на обороте царского уездного предписания о взыске недоимок, — а настоящий типографский бланк. Слева красивым шрифтом: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Московская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности при Московском Совете. Москва, Б. Лубянка, 14», номер и число. А далее: «Московская Чрезвычайная Комиссия при Московском Совете Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов разрешает гражд. Лаптеву Андрею Петровичу ношение и хранение револьвера за № 1369 системы «наган». Подпись: «Председатель Комиссии В. Манцев» и треугольная печать МЧК. К нагану — мешочек патронов.

Белые подходили к Москве. Восстание заговорщиков в столице должно было начаться в самый критический момент. Чекисты заблаговременно раскрыли шпионский «Национальный центр», нити от которого тянулись к Деникину, Колчаку, Юденичу, к иностранным посольствам, привели к подпольному штабу «Добровольческой армии Московского района» и главарю его — полковнику Ступину. Штаб захватили врасплох.

Но деникинцы уже в Курске. Пал Орел... 25 сентября 1919 года — взрыв бомбы в Леонтьевском переулке, в бывшем особняке графини Уваровой, где после революции размещался Московский комитет партии большевиков. Взрыв во время собрания партийного актива столицы. Андрей шел в скорбной колонне к Кремлю, где хоронили жертв белого террора. От товарищей чекистов он знал: враги рассчитывали, что в тот час на собрании будет выступать Ленин...

Преступников нашли. Организаторами взрыва оказались член ЦК партии левых эсеров и один из лидеров анархистов.

Эсеры, анархисты, «Союз возрождения», «Куковский клуб», белые офицеры, меньшевики... А кроме явной контры — спекулянты, саботажники. Андрей участвовал в боевой деятельности МЧК. «Участвовал» — это, конеч-

но, громко сказано: хоть и взяли его в оперативный отряд, а берегли. Он попытался протестовать.

— Ша, салага! — охладил его пыл командир отряда Чигирь, бывший балтийский матрос, — громадина, поверх кожанки перетянутая портупьями. — У меня на борту — дисциплина и р-революционный порядок, и каждый сверчок — знай свой шесток!

— Да я ж на фронте разведчиком был, сколько раз в тыл к белякам ходил!

— Вот и в нашем экипаже будешь впередсмотрящим! По рукам?

Рука Андрея утонула в лапше матроса, как лодчонка.

Приставленный к «клиенту», он «вел на поводке» своего подопечного — какого-то контрика — от дома к дому; выслеживал матерого спекулянта на толкучке — от кого получает, где хранит товар: муку, сало, сахар. А если и брали Андрея на боевые операции, то Чигирь ставил в наружное оцепление. И лишь по дальним выстрелам и приглушенным крикам Андрей мог догадываться, что происходит там.

Снова сделал попытку отстоять свои права.

— Лады, братушка! Ты станешь на мою вахту, я — на твою, — вроде бы согласился матрос, — ежели только сможешь скантовать контрика вот так! — И легко, будто подушку, поднял мальчика за воротник в воздух.

Нет, так «скантовать контрика» Андрей еще не мог... Но какой бы малой ни была его роль, все, чем жила МЧК, касалось и его. Даже когда приходилось обходить дом за домом, чтобы переписать больных, — потому что в специальном приказе Дзержинский поставил перед чекистами задачу бороться еще с одним страшным врагом — сыпным тифом.

Минули осень девятнадцатого, зима двадцатого. Отброшен к Черному морю Деникин; освобождена Украина; под Пулковом разгромлен Юденич. Остатки западной белой армии бежали за кордон, от белогвардейцев и интервентов-англичан уже очищен Север...

Народ приступал к мирной работе. С февраля двадцатого года боевые красные армии начали превращаться в трудовые армии. Прославленные в боях дивизии и полки выходили на восстановление железных дорог, на лесоповал, на добычу угля и торфа, в заросшие бурьяном

поля. Революция провозгласила новый лозунг: «Одолеем разруху, голод, нужду — как одолели белогвардейцев!» На Лубянке, прямо у входа в ВЧК, прилепили к стене плакат. На нем изображен рабочий с лопатой на плече, с молотком в руке, а за ним — боец в красной звездной шапке, с мотыгой: «Наследию войны — разрухе мы объявили войну! Топором, ломом, киркой, лопатой вонзимся ей в грудь! Молотом тяжким разобьем ей голову! Тогда заработают НАШИ фабрики, НАШИ машины и станки! Веками создавали мы богатства ДЛЯ ДРУГИХ — наших жирных господ — ДЛЯ СЕБЯ будем их созидать теперь! Довольно терпеть нищету: в наших руках неисчислимы богатства! Дружным трудом братской коммуны восстановим железные дороги: они дадут ХЛЕБ голодным, ТЕПЛО холодным; напитают СЫРЬЕМ, зажгут топливом наши фабрики и заводы! Только СВОЕЙ РУКОЙ защитим мы детей рабочих, жен, отцов, матерей, спасем СОВЕТСКУЮ РЕСПУБЛИКУ!» Каждый раз, прежде чем войти в здание, Андрей останавливался у этого плаката. Выделенные жирно аршинные красные буквы били точно в цель — ему чудилось, что руки наливаются силой. «Своей рукой защитим!..»

В один из дней весны его вызвали к председателю ВЧК. До этого Андрей видел Дзержинского лишь два-три раза, перед началом больших операций, когда Феликс Эдмундович сам ставил задания оперативным отрядам. А сейчас он приказал явиться в свой кабинет именно бойцу Лаптеву. Откуда председатель знает о нем, зачем вызывает? Может быть, Андрей в чем-то провинился?..

Кабинет Дзержинского был в одном из бесконечных коридоров здания на Лубянке. Войдя в комнату, Андрей успел заметить в углу железную койку под серым, в полоску, одеялом. Длинная кавалерийская шинель свешивалась с гвоздя до самого пола. Феликс Эдмундович сидел за большим столом, загруженным папками. В кабинете было холодно.

Андрей вытянулся, доложил как положено.

— Тебе сколько лет? — спросил Дзержинский. — Пятнадцать?.. Учиться тебе надо, товарищ Лаптев. Хочешь учиться?

— Не знаю...

— Красным командиром мечтаешь стать?

— Конечно! — Андрей залился краской.

— Вот и пошлем мы тебя на пулеметные курсы состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Возражений нет, боец Лаптев?

3

С теплом и грустью, как вспоминают о прошлом, о минувших огорчениях и тревогах, которые теперь представляются совсем и не тревогами и не огорчениями, а, наоборот, сладкой болью роста, вспоминал он обиды той осени двадцатого года. Да, тогда ему было обидно чуть ли не до слез: уже сколько недель занимается на пулеметных курсах, а все не доверяют ему пост № 27...

Первые пулеметные курсы, когда поступил на них Андрей, размещались в Кремле — в приземистых, толстостенных и узкооконных казармах, вытянувшихся напротив Арсенала по правую сторону от Троицких ворот. Два дня курсанты учились, на третий — несли караульную службу, сменяясь поротно: две роты учатся, а третья — на постах. Эти посты пулеметчики приняли поздней осенью 1918 года от красных латышских стрелков — тех самых, что первыми встали с винтовками в руках у Смольного в дни Октября, а потом сопровождали поезд с правительством Республики из Петрограда в Москву.

Теперь каждое утро очередной наряд выстраивался на развод караула во дворе Кремля, у Грановитой палаты. Курсанты — подтянутые, отутюженные, надраенные, хоть и поношены шинели, залатаны брюки и обмотки на ногах.

— Слуша-ай наряд караулов по Кремлю на сегодня!..

Кому — на стены, кому — к хранилищу ценностей Казначейства или в парные наряды у Спасских и Троицких ворот, только и открытых тогда в Кремле. А кому — и на посты в бывшем здании Судебных установлений, где разместился Совет Народных Комиссаров. Каждый курсант с замиранием ждал, надеясь и сомневаясь, назначения на пост № 27. С трепетом ждал и Андрей. Но проходили дни нарядов, он изучил суровым и молчаливым своим взглядом весь Кремль, все бойницы его стен, каждую щербину камня ворот, научился строго требовать: «Пропуск!», не чувствовать и песчинки сна в самый глухой предрассветный час, когда со стороны Замо-

скворечья тянет промозглый туман и убаюкивает тишина, старательно занимался и метко стрелял — но так ни разу не получил назначения на желанный пост. Почему? Если причина в том, что он — самый младший на курсах, то кто посмеет сказать — маленький? Уши оторвет!.. Правда, ростом не очень вышел, и физиономия круглая и конопатая, как заржавленная сковородка, — смех один... Хоть бы пушок какой появился, чтобы по примеру других курсантов завести бритву и помазок и со звоном направлять лезвие на широком ремне... Говорят, чтобы быстрее росли усы, надо губу керосином мазать... Но разве революции не все равно, сколько ему лет и есть ли у него усы и борода...

Теперь-то он понимает, что напрасны были его невысказанные обиды: часовыми на пост № 27 назначали самых проверенных курсантов после обсуждения кандидатур на президиумах ротных ячеек и утверждения на общих партийных собраниях. Прошлые заслуги были, конечно, в счет, но каждого новенького товарищи должны были хорошенько узнать сами. До Лаптева еще не дошел черед.

Все же дождался своего часа и он. На очередном разводе командир — комиссар курсов объявил:

— Слуша-ай наряд караулов по Кремлю на сегодня!.. Пост № 27 — у входа в квартиру товарища Ленина — первая смена. Курсант Лаптев!..

Смена постов — в нечетные часы. Андрей печатал шаг, сдерживал дыхание, боясь, что не утерпит, рванется вперед, обгонит разводящего. Здание Совнаркома — в двухстах метрах от их казарм, правее Арсенала. Вход с крыльца под узорным чеканным навесом. Первый этаж, второй, третий... Длинный коридор с высоким сводчатым потолком. С одной стороны — высокие окна, выходящие во внутренний, замкнутый треугольником здания двор. С другой — двери. Что за ними?.. Коридор упирался в стену. В стене, по верху застекленной, — низкая, чуть выше человеческого роста, желтая дверь с потертой бронзовой ручкой. У двери вытянулся товарищ Андрея, курсант. Это и есть пост № 27.

Ритуал смены караула. И вот уже Лаптев стоит один в пустом безмолвном коридоре. В руке — винтовка. На шее — свисток на красном шнуре. Стоит, в первые минуты боясь шелохнуться. Но проходит время, и он начи-

нает обвыкать, «обживать» свою позицию. Удивительно: за этой обычной дверью — Ленин! Далеко его комната от двери? Какая она? Что сейчас делает Владимир Ильич?.. Хотя что можно делать в этот рассветный час? Спит, наверно.

Вдоль коридора, начинающегося от двери, тянется по светло-желтому паркету мягкая сиреневая дорожка-ковер. По левую руку от Андрея — окно с широким дубовым подоконником. В коридор уже струится голубизна, глушит неяркое свечение электрических ламп в бронзовых люстрах, свешивающихся со свода. Напротив, на стене, белеет листок, окантованный рамкой. «Инструкция часовому поста № 27». Он перечитывает, хотя уже давно знает ее наизусть: часовой может беспрепятственно пропускать в квартиру Владимира Ильича Ленина, Надежду Константиновну Крупскую, Дмитрия Ильича, Марию Ильиничну и Анну Ильиничну, ее приемного сына Георгия Лозгачева и домработницу Ульяновых — Александру Михайловну Сысоеву, а остальных — только по личному указанию. Несложные обязанности. Но вот узнает ли Андрей каждого в лицо? Владимира Ильича и Надежду Константиновну — это ясно, а вот у других придется на первый раз спросить пропуск. Сейчас, сейчас откроется дверь! Нет, еще рано... А вдруг? Он сдерживал волнение, не смел переступить с одной затекшей ноги на другую.

Тишина. Лишь через каждые четверть часа сквозь толщу стен и двойные стекла окон просачивается перезвон курантов Спасской башни. Как красив глубокий голос этих главных часов Республики! Чем-то он напоминает тягучий наплыв колоколов из-за Цны, из такого, кажется, уже давнего детства... Мать пишет: голод выморил все их село. Без мужиков, разметанных войной по всей России, земля не родит. И их бабка Фрося умерла. Мать спрашивает: может, оставить ей избу и приехать в Москву, поближе к сыну, — авось кто внаймы возьмет. Спрашивает совета, как у старшего. Конечно, пусть приезжает!..

Хорошо думается в тишине, на посту. Но каждый перезвон курантов увеличивает опасения Андрея. Дверь заперта. Из-за нее не доносится ни звука. Неужели он так и не увидит Владимира Ильича?.. Проходит час, второй. Является разводящий со сменой.

Андрей успокаивал себя: еще трижды становиться ему за эти сутки к дверям. Еще дважды... Еще один раз... Но надо же такое невезение: за все дежурство Владимир Ильич так ни разу и не вышел! Андрей встретил Надежду Константиновну, познакомился с сестрами Ленина и Жорой Лозгачевым, с говорливой рыжей Александрой Михайловной, которая тут же потребовала, чтобы он называл ее просто тетей Сашей. Но Владимира Ильича... Может быть, в тот день его не было в Кремле?

Пришлось и на этот раз довольствоваться рассказами других счастливцев. А сколько их было, связанных с Владимиром Ильичем и бережно хранимых свидетельств!.. Курсанты старшего срока и командиры взводов вспоминали, как в июне девятнадцатого Ленин присутствовал на митинге-концерте, устроенном в честь выпуска красных командиров в Доме Союзов, как выступал на вечере, а на следующее утро на Кремлевском плацу принял парад выпускников, отправлявшихся на фронт. Через месяц в Свердловском зале Кремля Владимир Ильич участвовал в торжествах по случаю следующего выпуска краскомов — и снова обратился к ним с напутствием. Сколько рассказов было посвящено первомайскому субботнику уже этого, двадцатого года — всего за месяц до прихода Андрея на курсы! — когда разбирали завалы, оставшиеся с октябрьских боев на Драгунском плацу. С самого утра Ленин вместе с сотрудниками Совнаркома и курсантами носил бревна, битые кирпичи и щебень. День был солнечный, не по-майски жаркий. Курсанты вспоминали: и какой на Владимире Ильиче был пиджак, и как норовил он скинуть его, и какие тяжелые носилки поднимал... У тех же, кто стоял на посту № 27, были свои собственные воспоминания: с одним часовым Ленин поделился сообщением о важной победе; с другим — прочел письмо, полученное курсантом из дома, и помог в беде.

Через несколько недель Андрей опять занял место на посту № 27.

Он встал у двери с потертой бронзовой ручкой ровно в семь ноль-ноль. Прошло всего несколько минут, и послышался скрип половиц за дверью, она отворилась, и вышел Владимир Ильич. В левой руке — ворох бумаг, правой поглаживает щеку — Наверное, только что после бритья. Хоть множество раз видел его на фотографиях

и слышал в описаниях товарищей, но все равно представлял Ленина и выше ростом, и шире в плечах.

Замер, прижав ложе винтовки к бедру. Ленин сделал два шага, поравнялся. И — то ли увидев новенького, и уж очень молодого, то ли просто не изменяя обычному своему правилу — остановился, протянул руку:

— Здравствуйте, товарищ курсант!

Андрей чуть было не выронил винтовку, перехватывая ее в другую руку, и вцепился в ладонь Ленина.

— Сколько вам лет?.. Где ваши родители?.. Как вы оказались здесь?..

Он растерялся, аж взмок от волнения. Мямлил что-то невразумительное. Ленин внимательно слушал, дружелюбно кивая. Потом направился по коридору к своему кабинету, но, сделав несколько шагов, обернулся — и снова вернулся в квартиру. Через несколько минут вышел, неся маленький пакет, аккуратно завернутый в газету. Положил пакет на подоконник рядом с часовым:

— Когда сменитесь, возьмете — это для вас.

И так, с улыбкой, с ворохом бумаг под мышкой, шагал по коридору, по фиолетовой дорожке.

Сдав пост, Андрей развернул пакет. На газете — два ломтя черного хлеба, склеенные слоем повидла.

Он понес щедрый дар в караульное помещение и там, разделив с друзьями поровну на полоски толщиной в палец, наполнив кружки кипятком, заваренным морковкой, с наслаждением, не торопясь, смакуя, съел свою долю.

Владимира Ильича он видел еще несколько раз, неся дежурство на посту № 27 или № 33 — это уже у кабинета Председателя Совнаркома. В своем кабинете Владимир Ильич работал, как правило, до четырех часов дня, потом возвращался домой и после двухчасового отдыха снова направлялся в кабинет или в зал заседаний. Рабочий день его заканчивался в десять вечера, а часто — глубокой ночью. И когда бы ни возвращался, Ленин всегда нес в руке кипу бумаг, или книги, или газеты.

Хоть и не довелось Андрею еще раз поговорить с Лениным, но выступления его он слышал трижды. Однажды их рота была в карауле. Андрей сменился с поста вечером. После дежурства положено почистить винтовку, поставить ее в пирамиду — и можешь отдыхать. Только сел под лампу почитать газету, пригласили на собрание.

Рота промаршировала через плац к зданию Совнаркома. Поднялись по парадной лестнице на второй этаж, в Свердловский зал. Зал круглый, просторный, с высоким голубым куполом в золотых розанчиках, с круглыми колоннами меж окон, с мраморными барельефами, изображающими сцены из древнеримской истории. Здесь у курсантов и раньше проходили собрания, устраивались концерты. Сейчас все места оказались занятыми. Пристроились, как удалось, — кто у стены, кто подпер колонну. Андрей присел около выхода на ступеньку. Началось собрание: текущие дела, критика, самокритика. Слушал он, слушал, не заметил, как заклевал носом. Очнулся от грохота. Не сразу сообразил, что грохот этот — аплодисменты. Увидел: выходит на сцену Ленин. Недовольно поводит плечом, потом резко поднимает руку, утихомиривая курсантов.

Когда аплодисменты смолкли, Владимир Ильич сказал:

— Вам, военным, особенно непростительно так расточительно относиться ко времени. Допустимо ли, чтобы на никому не нужные аплодисменты вы потратили почти пять минут!.. Вашим товарищам я сказал, что располагаю только тридцатью минутами для доклада, а вы у меня отняли пять минут. Нехорошо так с вашей стороны. Надо ценить время. Теперь я вынужден сократить свой доклад до двадцати пяти минут.

Ленин рассказал о положении в стране и на фронте, обосновал неизбежность разгрома врагов Советской Республики.

...Андрей стоял на посту в Большом театре в дни работы одного из конгрессов Коминтерна. Его место — за кулисами. Поначалу не понравилось; завидовал тем курсантам, которые встали в дверях у входов в зрительный зал: видят прославленных революционеров, съехавшихся в Москву чуть ли не со всего мира. А за кулисы долетал только слитный шум из партера и с балконов. Там сверкали сказочные хрустальные люстры, а здесь было темно и холодно, пахло мышами и пылью...

Но напрасно Андрей огорчался раньше времени: когда распахнулся занавес и вышли к столу члены президиума конгресса, его позиция оказалась самой лучшей. До трибуны — рукой можно дотянуться. А с трибуны той выступал Владимир Ильич.

Кремлевские курсанты и несли службу, и учились. Самый главный предмет: стрелковое пулеметное оружие. Изучали все системы, которые в то время существовали не только в России, но и в других странах: «максим», «кольт», «льюис», «шош», «гочкис», «виккерс»... Стреляли метко. По секундомеру, с завязанными глазами, на ощупь разбирали и собирали даже самые сложные пулеметные замки.

В утренние часы и поздними вечерами над площадями Кремля, над Красной площадью, превращавшейся в учебный плац, звучали их голоса:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И, как один, умрем
В борьбе за это!

Еще пели «Смело, товарищи, в ногу!», «Варшавянку», а чаще — на ее мотив свою курсантскую, неизвестно кем сочиненную:

Стены Кремля и бойницы кремлевские
Были оплотом тиранов-царей.
Ныне в воротах курсанты московские
Стали на страже свободы своей!

Как жили они?.. Вернется Андрей мыслью к тем месяцам — и снова стеснит сердце щемящей грустью. И то, что казалось тогда трудным, представляется в дымке времени самым счастливым... Да и тогда разве не чувствовали они счастье большой веселой семьи? Было трудно? Конечно. В двадцатом голодала страна, голодала Москва. И у курсантов на первое в обед — мучная болтушка, на второе овсянка или каша из немолотой ржи, лишь по воскресеньям — суп с селедочными головами. Хлеба по красноармейской норме полагалось щедро — почти два фунта. На общекурсантском собрании они решили по полфунта отчислять в пользу голодающих детей, еще часть пайка — подшефному заводу. Оставалось по триста граммов на брата. Ну и что? Есть нечего — зато жить весело! По субботам с песнями выходили они на субботники, в воскресенье — на воскресники, а то и на «вторники», на «четверги» — когда надо было срочно разгружать баржи или эшелоны с углем, лесом, мукой.

В редкие часы, свободные от нарядов и занятий, Андрей любил побродить по Кремлю, посидеть в Тайницком саду, откуда открывался широкий обзор на обмелевшую Москву-реку, по которой сновали лодчонки и редко, шлепая плицами, проплывали горластые пароходы, а по берегам с плотиков бабы полоскали белье. Дальше, за рекой, лежало приземистое, дымное Замоскворечье, а по всему кругу сверкали купола сорока сороков церквей первопрестольной и белокаменной.

Получив увольнительную, отправлялся и в город — шумный, сутолочный, веселый. Особенно влекло в Китай-город, начинавшийся сразу за Красной площадью, огороженный полуразрушенной стеной — бывшее царство купцов-толстосумов, банкиров-миллионщиков. Теперь бесконечные ряды торговых домов, складов, лабазов, как бы вросшие в землю, были молчаливы и насуплены. Вывески проржавели. Сами купцы да банкиры — те, кто не успел удрать, — попрятались по щелям. Только по касторовым потертым сюртукам да злобным поблескиваниям глаз и распознавал их. Шел, а вслед ему шипели:

— Ленинский юнкер!..

Он гордился: да, ленинский! Не юнкер — курсант!..

Возвращаясь, видел светящееся окно на третьем этаже здания Судебных установлений. Это горела лампа в комнате Владимира Ильича...

Однажды, в увольнительную, познакомился с девушкой. Сама подбежала к нему: «Помогите!» Пристал какой-то хлыщ. «Кто? Где?» Хлыща и след простыл. Андрей проводил ее до подъезда обшарпанного дома в Зарядье.

— Мария, — протянула она на прощание холодную ладошку.

Вот уж не ждал, не гадал — во сне и наяву возникало перед ним ее бледное лицо с доверчивыми глазами, и он чувствовал ее холодные пальцы в руке. В следующую увольнительную завернул к ее дому. Она будто ждала — покраснелась, улыбка до ушей. Когда встретились и в третий раз, пригласила на чай. Отец, почтовый служащий, поглядывал на курсанта с опаской, а мать встретила приветливо:

— Заходите, будем рады!

Маша-мамонка — его девушка!

— Почему «мамонка»?

— Так у нас желтую кувшинку называют. Пестик у нее желтый, а лепестки белые,— объяснил он.— У нас в заводах их собирают вместо дурмана.

— Значит, я дурман?

— Да. Голова от тебя кругом идет...

Его девушка! «Жених и невеста — тили-тили тесто!..»

Но в тот двадцатый год снова обрушились на Республику две беды: «пан» и «барон». С запада началось нашествие белополяков, а барон Врангель, воспользовавшись тем, что Красная Армия была брошена против шляхты, выполз из Крыма.

На плацу объявили общее построение пулеметных курсов. Начальник — комиссар школы вышел вперед:

— Всем вам известно положение на Южном фронте. Организуется курсантская бригада, которая отправится на борьбу против Врангеля. Добровольцы — три шага вперед!

Не успел он закончить — все роты сделали три шага. Но всех отпустить нельзя — надо готовить пополнение красных командиров. Отобрали половину личного состава. Лаптев оказался среди счастливцев. И поехали «на черного барона». В конце августа под Ореховом и Синельниковом на Запорожье сводная курсантская бригада приняла первый бой, разгромила врага — и похоронила первых своих погибших товарищей. Бои под Михайловкой, на днепровском берегу, в Павло-Кичкасе... Бригада прошла от Гуляй-Поля до Хортицы. Славно поработали ее пулеметы. Кремлевцы начали свою боевую летопись. Но с самим «главнокомандующим вооруженными силами юга России» схватиться им не пришлось: пока пробивались с боями к морю, дивизии Южного фронта под командованием Михаила Васильевича Фрунзе уже разгромили Врангеля в Крыму. А тут и приказ — курсантам вернуться в Москву.

Перед самым отъездом приехал в бригаду представитель штаба Южного фронта, спросил:

— Кто из курсантов работал в органах ЧК?

Отозвались Андрей и еще несколько человек.

— Поступаете в распоряжение штаба фронта!..

«Удостоверение. Дано сие тов. Лаптеву в том, что он действительно есть сотрудник Особого отдела Северной группы ЮгЗапфронта, что подписью и приложением печати удостоверяется. Действительно по 1 января 1921 го-

да...» Так стал Андрей сотрудником отдела по борьбе с бандитизмом на Украине. Конники их группы гонялись по степям и шляхам за недобитыми махновцами и петлюровцами, под Полтавой захватили отчаянную и жестокую Черную Марусю... Не расставался с седлом и шашкой, пока не поступил приказ Реввоенсовета Республики: всех курсантов немедленно откомандировать в Москву для продолжения учебы.

Снова родная казарма. Эге, кое-что изменилось!.. Первым делом, форма. Раньше была обыкновенная, солдатская: гимнастерка, буденовка. А теперь во всю грудь «разговоры» — красные полосы-нашивки; галифе ярко-малинового цвета; шинель длинейшая; на голове — шапка с козырьками в обе стороны, как пожарная каска, называют ее «здравствуй-прощай». А на ногах — настоящие, скрипучие, яловые сапоги!.. У всех курсантов вид молодцеватый: в такой форме кажутся и выше ростом, и шире в плечах. А может, действительно подросли и раздались за это время? По себе трудно судить. Хотя и сам вроде бы уже не тот малец — и вытянулся, и накачал мускулы. И походка стала, как у заправского кавалериста, вразвалочку.

— Привет, Пеструха! Живой? Ишь какой богатырь!..

Вот в каком бравом виде предстанет он перед мамонкой!.. Андрей едва дождался увольнительной.

Затарабанил в дверь квартиры. Услышал шаркающие шаги, звяканье запоров. В проеме — ссутулившийся старик. Едва признал в нем отца Маши.

— Нет доченьки... И матери нет... Брюшняк. — И посмотрел слезящимися глазами так, будто не Врангель был виной их беды, а он, красный курсант...

У Андрея что-то с болью оборвалось в груди.

Наступило первое октября. Курсанты и их командиры, одинаково возбужденные, при параде, выстроились повзводно, поротно. Начальник школы взял в обе руки плотные листы:

— «Приказ по 1-й Советской Объединенной военной школе Рабоче-Крестьянской Красной Армии имени Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. Номер 148. 1 октября 1922 года. Город Москва, Кремль...

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики нижепоименованные курсанты

по окончании школы сего числа произведены в КРАСНЫЕ КОМАНДИРЫ!»!

Андрею так и показалось: начальник зачитал последние два слова прописными буквами. Потом произнес фамилии произведенных в командиры:

— «...Третья пульрота — Лаптев Андрей Петрович»!

Последние строки приказа были полны торжественности и грусти:

— «Поименованных товарищей исключить из списков курсантов и считать прикомандированными к комсоставу. Приказ подлежит прочтению в ротах, батареях, эскадрах...»

В последний раз вышагивал он по Кремлю. Спасские ворота. Сколько раз стоял он здесь днями и ночами, зимой и летом на посту... Сейчас он показал часовому, курсанту-первогодку, свой командирский пропуск — разовый, невозвратный — и вышел на Красную площадь.

Отсюда начиналась его новая дорога...

5

Лаптеву предложили на выбор два назначения: взводным пехотного полка в Москве или такую же должность на границе. Западной, на рубеже с белопанской Польшей. Он выбрал границу.

Началась служба. День за днем. Год за годом. В ту пору в приграничных районах Украины, Белоруссии, Ленинградской области одновременно с укрепрайонами создавалась на случай войны на путях возможного наступления противника система баз для партизанских отрядов. Эту идею вскоре после гражданской войны подал Михаил Васильевич Фрунзе, предвидевший, что молодой Советской республике придется вступить в бой с мировым империализмом. Для обучения будущих партизанских вожаков и для оборудования тайных баз оружия, снаряжения и продовольствия Наркомат по военным и морским делам подобрал небольшую группу командиров, имевших боевой опыт. Видимо, неплохо нес службу Андрей, коль и ему, в числе самых проверенных, доверили это особой важности дело. Направлен он был в Белоруссию.

В ту пору он уже не только окончил высшую школу погранвойск, но и прошел специальные курсы диверси-

онной работы, овладел парашютным делом — даже стал инструктором. Несколько лет обучал колхозных бригадиров, завгаров и директоров совхозов — чтобы в пору невзгод могли они стать умелыми партизанами и подпольщиками. Правда, довелось Андрею однажды услышать и такое мнение: «В грядущей войне нашему народу не придется воевать на своей территории — враг будет сломлен и опрокинут в первом же бою; зачем же нам партизанские базы в приграничных районах и вся эта возня с подготовкой партизанских командиров и диверсантов?» Ладно бы говорил профан или даже одногодок Андрея — нет, высокий военачальник, имевший и боевые заслуги, и власть...

А в мире становилось все напряженнее. В Германии власть захватили фашисты. Гитлер провозгласил своей целью крестовый поход против коммунизма, начал подготовку к большой войне. Конечно, начнется она не завтра, не послезавтра. Но уже потянуло с Запада смрадным дымом тех факелов, что полыхали над колоннами штурмовиков в Берлине, Нюрнберге, Мюнхене...

И тут громовым раскатом — весть из-за Пиренеев: 18 июля 1936 года начался военно-фашистский мятеж против Испанской республики. Не очередной путч в верхах, не борьба за власть между соперничающими политиками и генералами — фашизм от слов переходил к делу, начинал пробу сил на европейской арене, давал свой первый бой.

Но почему — в Испании? Потому что здесь в феврале тридцать шестого года на выборах в кортесы одержал победу Народный фронт и во главе республики стали левые силы, поддерживаемые коммунистами и социалистами. Прорыв антикоммунистического кольца, сжимавшего Советский Союз, — так оценили победу Народного фронта в западных столицах. И прежде всего — в Берлине и Риме. Главарь заговорщиков генерал Франко рассчитал, что по его сигналу восстание захлестнет всю страну и через двое суток республика будет свергнута. Но в Мадриде и Барселоне народные силы сразу же подавили выступления мятежников. Франкистам удалось закрепить лишь в нескольких разрозненных районах. И тогда открыто выступили истинные вдохновители и организаторы заговора — Гитлер и Муссолини. В Берлине был создан специальный штаб для оказания поддержки Франко.

К испанским берегам устремились корабли с иноземными солдатами, с оружием, военной техникой. Германия и Италия развернули подготовку к открытой интервенции.

Правительство Испанской республики обратилось с призывом о помощи ко всем странам мира. Однако Англия, Франция, Соединенные Штаты предпочли не услышать этого призыва, поспешили заявить о своем «невмешательстве». Это и нужно было агрессорам. И только правительство Советского Союза предоставило Испанской республике многомиллионный кредит и начало поставлять ей оружие.

Волонтеры из многих стран всеми возможными и невозможными путями пробирались за Пиренеи, на помощь защитникам республики. Среди них были и коммунисты-интернационалисты из Советского Союза. Лаптев, как только узнал о такой возможности, начал писать рапорты «по начальству». Рапорт за рапортом. Отказано — тут же готов следующий. Пока не вызвали в Москву, в наркомат.

Пожилой генерал — два ромба в петлицах — постучал карандашом по стопке его посланий, оценивающе оглядел.

— Приметный ты со своими прядками, — показал на его седые подпалины. — И нос у тебя гузкой, не западноевропейский нос.

— При чем тут нос, товарищ комдив? — удивился Лаптев. — А голову обрею, как Котовский.

— Не принято там бритоголовым. Чему вас только учили? — И, не дав Андрею выложить аргументы, неожиданно спросил: — Когда сможешь ехать?

— Хоть послезавтра! Только бы в Минск за вещами заскочить!

— Никаких вещей. И если ехать — то завтра.

— Так точно, завтра!

Мать Андрея уже давно жила в Москве — со времени его курсантства. Вечер он провел с нею. Утром, как бы между прочим, сказал:

— По старому адресу пока не пиши. Если от меня долго не будет писем — не волнуйся: посылают далеко на Север, в командировку. На несколько месяцев — а там сама знаешь, как с почтой: олени, собаки...

Мать украдкой перекрестила его, но ни о чем спрашивать не стала: солдатка, мать краскома.

Утром он сел на севастопольский поезд. А еще через сутки прошел через контрольно-пропускной пункт военно-морской базы на пирс.

6

Итак, теперь ему предстояло выступить в роли шефа. Лаптев познакомился с экипажем — с товарищами и помощниками в начавшемся путешествии. Команда парохода — испанские моряки-коммунисты, совершавшие уже не первый рейс от берегов республики к берегам Советского Союза и обратно. В русском языке, правда, еще не сильны, но дело свое знают. На борту кроме Хозефы — два радиста, советские добровольцы, — Лев из Ленинграда и Жора из Одессы, шифровальщик Олег и танкисты. Молчаливые. Все время держатся около своего командира. Одеты в такие же костюмы и береты, как и Андрей.

Осмотрел он и груз. Броня машин поблескивает серой краской, опущены стволы орудий. Грозные машины. Насколько он может судить — самой последней конструкции.

Пока шли Черным морем, Андрей при помощи экипажа заминировал судно, кабели из трюмов протянул к себе в каюту, подсоединил к взрывному механизму.

Из Севастополя пароход вышел, неся на борту название «Измир». На следующее утро с любой «коробки», встретившейся им в открытом море, без труда можно было прочесть: «Мартабан». Босфор и Дарданеллы их «посудина» прошла под своим настоящим именем «Мар-Кариб» и трехцветным испанским флагом. Ночью же, когда открылись по курсу просторы Средиземного моря, начался аврал. Все вооружились кистями и ведрами с краской. И в рассветных лучах пароход преобразился — из бело-черного стал голубым, со второй трубой, синей с красной полосой, изрыгающей такие же черные клубы дыма, как и первая. Новой трубе Андрей и сам удивился: как же ухитрились подключить ее к котлу? Испанцы только посмеивались, подмигивали, цокали языками: догадайся, мол, компаньеро шеф!.. Лаптев забрался по переборкам к трубе, заглянул — и расхохотался: сидит внутри цилиндра, изображающего трубу, матрос и жжет паклю, пропитанную мазутом. Сам как черт, только белки глаз и зубы блестят, а во рту — сигара.

Капитан вел судно вдоль Африканского побережья. Команда каждую минуту ждала появления вражеских кораблей. Но горизонт был чист, и лишь изредка проплывали встречным курсом «торгаши» или «пассажиры». Этот район Средиземноморья пересекало множество незримых шоссе — и кому было удивляться еще одной «посудине», не спеша резавшей форштевнем синюю волну?.. Остались по северу Балеарские острова, по югу — город Алжир. У мыса Крамис, когда вышли на траверз порта Картахена, капитан резко, на девяносто градусов, повернул пароход.

Теперь предстояло одолеть самый опасный участок. Из Москвы получили шифрованную телеграмму: на пути к базе их встретят корабли военно-морского флота республики. Сообщили пароль и отзыв для обмена при встрече.

Начало быстро темнеть. Лаптев приказал не зажигать огни. Машины заработали на максимальных оборотах. Никто не спал. Вглядывались в темноту. Шли часы. Приближался берег Испании. Республиканских кораблей не было. Андрей стоял на мостике рядом с капитаном. Небо уже светлело. От мерного покачивания клонило в сон...

Капитан дотронулся до его плеча. Лаптев подался вперед и увидел в сером рассветном тумане проступивший силуэт миноносца. Военный корабль застопорил ход. С его борта замигал светофор: «Кто вы?»

Андрей приказал ответить паролем. Вместо отзыва с миноносца передали острыми вспышками прожектора: «Остановиться!»

Значит, франкисты? Надо же! Нарвались, когда до Картахены оставался час хода!.. Лаптев через Хозефу сказал капитану:

— Миноносец маленький. Потопить нас не успеет. Бей ему носом в бок, будем кормить рыб вместе.

Увидел, как девушка с хрустом стиснула пальцы. И громко перевела.

Андрей приказал радисту:

— Вызывай Москву. Передавай: «Свой долг выполнили».

Жора начал отстукивать: «Перехвачены противником. Идем на таран. Свой долг выполнили». Не выдержал, добавил: «Прощай, мама!»

Капитан сделал маневр. Судно полным ходом устремилось на миноносец.

За эти мгновения, как бывает только на море, стало совсем светло и туман растаял. На миноносце увидели несущийся на них пароход. Кто-то с палубы яростно заорал в переговорную трубу:

— ¡Ellos son fascistas!¹

Капитан рванулся к штурвалу:

— ¡Son amigos! ¡Republicanos!² — И отдал команду востопорить ход.

Вскоре выяснилось: миноноска — корабль республиканской береговой охраны. Подождали, когда растают последние пряди тумана, и пошли следом за нею сквозь узкий створ в минных полях к Картахене.

На берегу от встретившего их советского представителя Андрей узнал, что корабли республики, направленные для их сопровождения, ночью в открытом море разминулись с пароходом — и они, и «торгаш» шли с погашенными огнями. А миноноска возвращалась с задания в другом квадрате и ни о каких паролях не ведала.

7

Вот она, земля Испании!.. «Я хату покинул, пошел воевать...» По совести говоря, Андрей смутно представлял себе эту страну. В воображении рисовалось нечто прекрасное: пальмы под жгучим солнцем, белые дворцы, черноокие красавицы, тореадоры — образ страны, слепленный из обрывков услышанного и репродукций с картин Веласкеса и Эль Греко, печатавшихся в «Огоньке».

Земля Испании предстала совсем иной. Картахена бухтой врезалась в каменистые горы. К гавани сползали узкие и кривые улицы, мощенные серым известняком. Вдоль улиц громоздились безрадостно-серые дома с похожими на амбразуры окнами. Вдоль берега тянулись тяжелые пакгаузы, арсеналы, доки. У причалов стояли, сердито подняв стволы орудий, серые корабли.

Хозефа попыталась оживить суровую однотонность картины экскурсом в историю. Заглядывая в путеводитель, начала сыпать:

¹ Это фашисты! (исп.)

² Свои! Республиканцы! (исп.)

— Картахена — это бывший Новый Карфаген, основанный еще до нашей эры. Отсюда Ганнибал вел свои легионы против Рима...

Советский представитель — белобрысый, но уже успевший загореть до черноты, в берете, прилепленном к макушке, — вернул их в сегодняшний день:

— Картахена — главная военно-морская база республиканского флота на Средиземном море и вообще лучшая гавань на всем побережье Пиренеев.

Лучшая гавань? Это — дело. И все же не такой представлял себе Андрей Испанию.

Сдав груз, распрощавшись с командой и советскими волонтерами-танкистами, он вместе с Хозефой отправился, как и было приказано, на попутной машине в Валенсию. Советский представитель дал адрес: отель «Метрополь», номер 213. «Там встретят».

Ехали на ящиках со снарядами и минами. Грузовик, ревя и громыхая на выбоинах, неся по шоссе вдоль моря. Шофер оказался отчаянный — откуда было знать пассажирам, что в Испании все шоферы такие, — делал крутые виражи, лихо проскакивал по хлипким мосткам, не уступал дорогу ни встречным, ни попутным машинам. Ящики со снарядами скрипели и громыхали в кузове. Но на этой-то дороге и увидел Андрей те приметы экзотической страны, которые рисовало воображение. Арбы, запряженные мулами, были до краев, с горкой, наполнены золотистыми плодами, в Москве считавшимися редкостными и продававшимися поштучно. Андрея поразили именно эти арбы, мимо которых с ревом проносились их машина. Прямо на апельсинах восседали мужчины с длинными кнутовищами в руках и с винтовками за плечами и черноглазые, дерзко улыбающиеся женщины. В их черные волосы были вплетены красные гвоздики. С одной из арб смуглый весельчак метнул в кузов апельсин. И Хозефа, изогнувшись и подпрыгнув, как на волейбольной площадке, поймала золотистое ядро и рассмеялась.

Андрей посмотрел на нее. Вспомнил, как вела себя девушка на судне — в тот момент, когда увидели они эс-минец. «Не трусиха». И еще подумал: «Хорошо, что она едет со мной!»

Скалистые горы расступились. Суровый пейзаж сменился на невиданно красочный: оливковые рощи чере-

довались с апельсиновыми и лимонными, с рисовыми полями, фруктовыми садами и виноградниками. Справа густо синело море, желтыми дюнами бугрились пляжи. Слева от шоссе земля была красного цвета. Поодаль, на вершинах холмов, поднимались дворцы — то аскетически неприступные, как тюрьмы, то вычурные воздушные башни в мавританском, как пояснила Хозефа, стиле. Вдоль дороги лепились хижины. Но и они под ослепительным солнцем казались живописными. Воздух был горячий, упругий и душистый.

До Валенсии Андрей и Хозефа добрались поздним вечером. Лаптев уже знал, что в связи с угрозой, нависшей над Мадридом, сюда переехало правительство республики. Трижды грузовик останавливали патрули, дотошно проверяли документы. Андрей настроился на суровый облик прифронтового города — и снова, еще не устав удивляться, был поражен несоответствием ожидаемого увиденному: казалось, вся Валенсия плясала в карнавале. Яркие огни, роскошные витрины магазинов, развесистые пальмы — как театральные декорации — вдоль тротуаров, и между пальмами, тоже как декорации, — мешки с песком; воздух, настоящий на запахах сигар и кофе; людской поток — бесконечный поток, захлестнувший и проезжую часть улиц. Кого только не кружило в этом потоке! Взгляд останавливался на парнях, словно бы сошедших с плакатов времен гражданской войны: в кожаных куртках, перепоясанных пулеметными лентами, с пистолетами и гранатами на ремнях. Только вместо фуражек — островерхие шапочки с кисточками. Эти шапочки в СССР уже знали, называли «испанками», и они стали непременным атрибутом пионерской формы. Шли девушки, туго затянутые в синие комбинезоны на диковинных застежках «молниях», тоже с карабинами или пистолетами. И тут же — на тротуарах, за столиками кафе и у дверей ресторанов и баров — мужчины в смокингах и даже во фраках и при цилиндрах, дамы в декольтированных платьях, с пышными прическами и веерами... Стены домов сплошь облеплены плакатами. С балконов свешиваются флаги. Из окон, перемежаясь с голосами дикторов, читавших военные сводки, неслись звуки танго, брэнчание гитар... Пока Андрей отыскал отель «Метрополь», у него голова пошла кругом. Глаза Хозефы завороченно блестели, а рот был удивленно приоткрыт.

Лаптев толкнул зеркальную дверь, пропустил впереди себя девушку в холл. И будто освежило прохладным душем. В первое мгновение не сообразил, отчего такое ощущение. Но тут же понял: в холле стояли люди в штатских костюмах, все, как один, — в беретах, и громко говорили по-русски.

Он не подошел. Сказал, чтобы Хозефа ждала в холле, а сам отправился в двести тринадцатый номер.

Открыл высокий смуглый мужчина с могучим, прорезанным складкой подбородком. Молча, жестом, пригласил в комнату. Прикрыл дверь. Андрей назвал пароль. Услышал отзыв. Пожал протянутую руку.

— Пойдемте! — Мужчина натянул берет. — Где ваша переводчица?

Они снова окунулись в людской водоворот. Но свернули с центральных улиц — и будто оборвался на кадре фильм: в переулках было сумрачно и тихо, редко попадались прохожие, разве что на скамейках, вынесенных из домов, как где-нибудь в Ростове, судачили старухи в черных платках.

Спутник привел их к особняку, расположенному за высоким забором в глубине сада. Часовой у калитки. Часовой в подъезде.

— О вашей переводчице позаботятся наши девушки. А вам — сюда.

Андрей вошел в кабинет. Навстречу ему поднялся мужчина в зеленой куртке полувоенного образца, с португеей, продетой под матерчатым, без знаков различия погоном.

— Здравствуй!

Крупнолицый, с коротко стриженными седыми волосами на рассеченной шрамами голове. Большие спокойные серые глаза.

Так вот кто главный военный советник республиканской армии Испании! Андрей превосходно знал его и не раз там, на Родине, видел в форме с тремя ромбами в петлицах, с орденом Красного Знамени над карманом гимнастерки. Это Ян Карлович Берзин. Там он был начальником Разведывательного управления штаба РККА, а в последнее время — заместителем командующего Особой Дальневосточной Краснознаменной армией. Это он направлял Андрея на выполнение задания в Белоруссии. Между собой командиры называли его Стариком.

Сейчас в кабинете Берзина был еще один мужчина. И его Андрей вроде бы тоже видел прежде.

— Знакомьтесь: Илья Григорьевич Старинов.

Да, коллега по организации партизанских баз. Только не в Белоруссии, а по соседству — на Украине. Виделись однажды, на инструктаже. Но Лаптев знает: Старинов — отличный диверсант, автор многих хитроумных мин и взрывных устройств. Вот где довелось снова встретиться!..

— Илья Григорьевич прибыл со всем своим хозяйством, — продолжил Берзин. — Он покажет вам различные взрыватели и замыкатели, которые можно сделать прямо на месте, из подручных средств. Займетесь с ним завтра с утра. А сейчас — прошу!

В соседней комнате был накрыт ужин. За столом Берзин ввел в обстановку, полуобернувшись к висевшей на стене карте и время от времени показывая на нее:

— Главные события сейчас происходят под Мадридом. Франкисты ведут наступление на столицу от Толедо и Эстремадуры. Бои ожесточенные. На стороне мятежников — четыре пятых всего состава кадровой армии и самое современное вооружение и снаряжение. Получают его из Италии, Германии и еще из кое-каких стран, называющих себя нейтральными. Уже начали прибывать под видом «добровольцев» регулярные войсковые соединения немцев и итальянцев. Но это еще не все. Командующий операцией по захвату Мадрида генерал Мола сказал: «Четыре колонны идут со мной, а моя «пятая колонна» находится в Мадриде». Это не оговорка. Франкисты организовали глубоко законспирированную сеть контрреволюционного подполья. «Пятая колонна» только ждет сигнала, чтобы ударить в спину республике. Как видите, положение тяжелое. Но у республики много сил. Против мятежников поднялся весь народ, объединились все левые партии. Однако пока еще чересчур много слов и очень мало дела... Руководители беспечны, командиры неопытны, бойцы недисциплинированы. Испанцы никак не могут понять, что необходимо строго хранить военную тайну. О любой операции, когда она только еще готовится, уже знает каждый мальчишка на улице. Конечно, враги этим пользуются. — Берзин налил из оплетенной бутылки красное вино, продолжил: — Пожалуй, я изобразил слишком мрачную картину. Ведь несмотря на

все, республика дает жестокий отпор франкистам. Друзья не обучены, но воюют самоотверженно. Каждый готов умереть за свободу. По последним сообщениям, все атаки мятежников под Мадридом отбиты, наступательный дух франкистов сломлен.— Он поднял стакан, мерцающий рубиновым светом: — За победу республики!

Вино было терпкое, очень вкусное.

— Соловья баснями не кормят! Ешьте, не стесняйтесь — вы же с дороги.— Берзин сам вооружился вилкой и ножом, продолжил: — Уже прибывают под Мадрид интернациональные бригады. Польский батальон имени Домбровского, французский — имени Парижской коммуны и, что особенно важно, — немецкий батальон имени Эдгара Андре, итальянский — имени Гарибальди... В их составе опытные командиры и бойцы, подавляющее большинство волонтеров — коммунисты.— Он достал из нагрудного кармана листок.— Это — клятва двенадцатой интербригады. «Мы будем защищать Мадрид так, как если бы он был родным городом каждого из бойцов. Ваша честь — наша честь. Ваша борьба — наша борьба». Хорошо сказано! — Снова сложил и спрятал листок.— Самое главное сейчас для республики — организация и дисциплина. И пример в этом должны показать мы, советские волонтеры. Как и бойцы двенадцатой интербригады, мы можем сказать: борьба испанского народа — это наша борьба. Но пасаран!

Андрею уже был известен этот клич, звучавший в Испании как пароль и означавший: «Они не пройдут!»

В конце ужина Берзин сказал:

— После того как ознакомитесь с хозяйством Ильи Григорьевича — суток вам хватит,— выезжайте в Мадрид. Там наш советник по разведке Ксанти. Поступите в его распоряжение. Свою фамилию забудьте. Отныне для всех, с кем придется вам работать, и для самого себя вы — камарадо Артуро.

Действительно, они управились даже меньше чем за сутки — Старинову почти ничего не пришлось объяснять. Опытные диверсанты, они понимали друг друга с полуслова, и Андрей без труда разобрался в хозяйстве Ильи Григорьевича, перечертил схемы устройств. Старинов щедро поделился образцами мин и механизмов для взрыва на расстоянии.

У них еще осталось время побродить по Валенсии.

Первое впечатление — беззаботно-веселого города — сохранилось. Но под солнцем, не по-осеннему щедро заливавшим улицы, многое предстало иным. В толпе Андрей увидел множество детей. Девчонки и мальчишки шныряли по тротуарам, заполняли подъезды, выглядывали из окон зданий, которые, судя по вывескам, недавно принадлежали банкам и компаниям.

— Неужели испанцы так чадолюбивы?

— Да, в испанской семье четверо детей — минимум, — отозвалась Хозефа. — Но это все дети, эвакуированные из Мадрида и других фронтовых районов, дети погибших и воюющих республиканцев. Местные жители их охотно принимают, и теперь в каждой семье здесь по восемь — десять ребятишек. Вчера наши девчата сказали, что многих детей скоро отправят в Советский Союз.

Все также не было свободных мест за столиками кафе, выставленными под тентами прямо на тротуары, — будто эти господа и дамы не вставали со вчерашнего вечера. Но около магазинов, вдоль стен, колыхались длинные очереди усталых женщин, и в толпе Андрей видел мужчин в лаптях, небритых, с воспаленными глазами. Многие парни и девушки были в синих, похожих на спецовки комбинезонах.

— Это «моно асуль» — форма бойцов народной милиции, — пояснила Хозефа. Показала на флаги: — Красные — коммунистов и социалистов, красно-черные — анархистов, под трехцветным флагом республики объединяются радикалы и республиканцы. Чуть ли не каждый испанец сейчас член какой-нибудь партии. И каждая партия выпускает свои газеты и плакаты.

— Откуда вы знаете? — с недоверием покосился на переводчицу Лаптев. — Вы раньше бывали здесь?

— Нет. Я долго готовилась к поездке. И встречалась с теми, кто приезжал отсюда... И вообще я влюблена в Испанию со школьных лет.

«Со школьных!.. — усмехнулся он. — Не так давно это было...»

Стены домов, заборы, даже спинки скамей чуть ли не сплошь были облеплены газетами и плакатами с цветными заголовками, карикатурами, фотографиями. Преобладал красный цвет. И чаще других повторялся лозунг: "¡No pasaran!"

— А эти литеры,— девушка показала на три буквы "¡U.N.R.!",заполнившие щит,— означают: «Объединяйтесь, братья пролетарии!»

На рекламах у входов в кинотеатры изображены черноволосые кудрявые бородачи — истинные испанцы, и в то же время в их облике было что-то знакомое. Бурка, тачанка, матросская бескозырка.

— Это же наши фильмы: «Чапаев» и «Мы из Кронштадта»! — обрадованно объяснила Хозефа.— Мне говорили, их показывают и на фронте: самые популярные сейчас!

На фронте... Трудно поверить. Так солнечно и безмятежно небо над этим старинным городом. Всюду музыка. Хохочут и шалют дети, обнимаются и открыто целуются на улицах парни и девушки. Из всех окон орут на полную мощь приемники и репродукторы. Все они настроены на волну радиостанции Мадрида, и сейчас из осажденного франкистами города передают жгучую хабанеру. Удивительная страна Испания!..

Поздним вечером Андрей снова пришел к Берзину. Ян Карлович был в хорошем настроении.

— Положение на столичном фронте стабилизируется,— показал он рукой на листок — видимо, только что полученное донесение из Мадрида.— Хотел использовать вас здесь.— Он подвел Андрея к карте и показал на кружок, обозначавший испанскую столицу.— Но теперь вам целесообразней действовать на юге.— Его палец прочертил карту и уперся в точку на берегу моря.

Лаптев прочел: «Малага». Красная извилистая линия показывала, что город находится на республиканской территории.

— Базироваться будете здесь, а работать — там.— Берзин показал за красную линию. Желто-коричневое пятно гористой местности пересекала тонкая черная нить. — Это — железная дорога, соединяющая Гибралтар с двумя армиями франкистов — Южной и Северной. По этой дороге перебрасываются итало-германские legionеры, поступают вооружение и снаряжение для мятежников. Вам необходимо парализовать движение на этой дороге. Задача ясна?

— Так точно, товарищ комиссар!

Берзин поморщился:

— Зарубите себе на носу: вы здесь не старший лейте-

нант Лаптев, а камарадо Артуро. Я — не армейский комиссар, а просто Доницетти.

— Понятно, товарищ... камарадо Доницетти!

Ян Карлович усмехнулся:

— Вот так-то лучше. Надо будет передать что-либо, пишите: «Камарадо Доницетти». — И заключил: — В Малаге явитесь к нашему советнику и все уточните с ним в деталях. Счастливо!..

8

Снова дорога на юг, из зеленых долин с глянцевиной листвой лимонных и апельсиновых рощ в каменистые горы, мимо Картахены, в провинцию со звенящим названием Андалузия, в город, который Андрей знал раньше только по марке густого сладкого вина.

Впрочем, в Малаге задержаться не пришлось. Краткие наставления в штабе фронта, беседа с советским советником: сколько нужно человек, где их взять, место дислокации, снаряжение, оснащение, район действий. И вот уже командир отряда особого назначения едет вместе с Хозефой по подразделениям республиканской армии подбирать себе помощников и товарищей.

Самое ответственное дело. Парни должны быть выносливые, закаленные, отважные, обученные воинскому ремеслу, хорошо ориентирующиеся на местности, находчивые, смекалистые. А перво-наперво — надежные. Такие, которые в любых условиях будут действовать по правилу: «Сначала думаю о товарище, потом — о себе». Неписаное, но нерушимое правило разведчиков.

И еще одно неперемное условие поставил Андрей: добровольность.

В подразделениях республиканской армии не было отбоя от добровольцев — смуглых веселых парней и пожилых мужчин — в недавнем прошлом рыбаков и рубщиков сахарного тростника, докеров, виноградарей, металлистов... Нельзя сказать, что эти люди были похожи друг на друга: коренастый, тяжелоплечий крестьянин Рафаэль в аккуратно залатанной куртке, с кожаными наколенниками на брюках, в альпарагетах — лаптях на ногах и сухощавый токарь Феликс Обрагон, даже во время разговора не выпускавший изо рта сигару, а из руки — винтовку; или краснодеревщик из Барселоны толстяк Карлос, мо-

лодой журналист Варрон, мадридский слесарь Адольфо, докер местного порта Хулиан...

Одним из первых пришел в отряд парень, выделявшийся той особой мужественной красотой, какая не вызывает иронической усмешки даже у видавших всякие виды солдат. Смуглое, с курчавой черной бородкой лицо; большие с фиолетовым оттенком глаза; широкие плечи, мускулистые руки, узкие бедра. Ноги его были затянуты в сапоги из мягкой кожи, и переступал он, будто гарцуя, как застоявшийся горячий конь, а на сапогах позванивали шпоры.

— Его зовут Росарио Эрерро, он был пикадором, участвовал в корридах — боях быков, — с детским восхищением глядя на новенького, перевела Хозефа.

Росарио, будто понимая русскую речь, кивал и ласково улыбался, открывая крепкие белые зубы.

— Он знает, что работа будет опасной и тяжелой?

— Он говорит: «Нет проблем!» — перевела ответ пикадора Хозефа.

Уже был сформирован весь отряд, когда предстал перед Лаптевым живописный юноша. Его остроконечная шапочка с кисточкой была надвинута на самое переносье. Вместо звезды или кокарды к ней пришит патрон. Рукав крупно вязанного свитера перетянут черно-красной лентой; черно-красный жетон приколот к груди, на запястье болтается браслет из пистолетных пуль; на широком поясе с одной стороны висит парабеллум с торчащей из кобуры ручкой, с другой — тесак. Парень был круглолиц, поросль едва пробивалась на подбородке, зато роскошные черные локоны ниспадали на плечи. Юнец театральным жестом сдернул с глаз темные очки-светофильтры, которые до этого Андрею не доводилось видеть, и представился.

— Сеньор Лусьяно Гарсия дель Рохос явился в наше распоряжение, и вы можете располагать его телом и душой, — с трудом сдерживаясь, чтобы не прыснуть, воспроизвела его речь Хозефа, от себя добавив: — Миленький мальчик!

Здравый смысл подсказывал, что не место этой птичке колибри в их отряде. Но «сеньор дель Рохос» понравился Андрею. «Пусть останется, — решил он. — Шелуха облетит быстро, а задор пригодится для дела. Надо же когда-то и ему становиться мужчиной.

Всего Андрей подобрал около ста человек. Отряд разместился на окраине Малаги, в просторной вилле бежавшего к франкистам банкира. Прекрасный парк террасами спускался к морю.

— Наша работа должна храниться в глубокой тайне, — сказал Андрей на первом общем сборе. — Для всех ваших знакомых вы — бойцы саперного батальона.

Парни сидели и лежали на лужайке под развесистыми вязами, посасывали сигары и согласно кивали.

— На задания мы пойдем не завтра и не послезавтра. Сначала нам предстоит многому научиться и хорошенько потренироваться. — Андрей подождал, пока Хозефа переведет. — Но времени терять не будем ни часу: начнем сегодня же!

И занятия начались. Андрей передавал бойцам сокращенный курс всех тех наук, которые проходил некогда сам, а в последние годы преподавал курсантам партизанских школ в Белоруссии. Только здесь, на окраине Малаги, весь этот курс предстояло освоить за несколько недель: метко стрелять, карабкаться по отвесным кручам, быстро преодолевать горные реки, точно идти по азимуту, по звездам и солнцу, бегло читать карту, уметь многое другое. И четко, точно и быстро работать с подрывными устройствами. Вот какой была, сжатая до предела, их учебная программа.

— Минер ошибается один раз, — повторял Андрей воинскую аксиому, которая для этих испанских бойцов звучала как откровение.

Тренировались на макетах. Потом, забираясь подальше в горы, учились закладывать настоящие заряды. И наконец, сами стали собирать взрыватели по схемам, переданным Лаптеву Стариновым.

На этом участке фронта осенью тридцать шестого года было затишье — бои не прекращались под Мадридом, и туда мятежники бросали главные силы. А Малага, невеста Средиземноморья, еще не знала об уготованной ей страшной участи... Пока же стабильное положение на фронте облегчало подготовку отряда.

Наконец первое боевое задание.

Лаптев выбрал участок наиболее легкий и наименее опасный. В двенадцати километрах за линией фронта, по склону горы, пролежала железная дорога Альхесирас —

Гренада. Задание: заложить мину на участке, где дорога идет над пропастью, под уклон.

Сначала он наметил по карте и обсудил с бойцами различные варианты подхода к дороге и отхода после выполнения задания. Затем сам выехал на участок, где предполагалось перейти линию фронта, облазил каждый куст, ощупал каждый камень. Долго наблюдал из засады за позициями фалангистов. Вряд ли мятежники ждут вылазки. На этом участке разведывательные и диверсионные группы не действовали. Однако всякое может быть, и осторожность не помешает...

Вернувшись на виллу, Андрей отобрал группу из десяти человек, проверил у каждого оружие, снаряжение, одежду и обувь. Приказал оставить документы. Сам тоже переоделся: заменил фуражку со знаками различия майора республиканской армии на традиционный берет. В карманы куртки и брюк рассовал гранаты.

Когда покидали виллу, Лусьяно дель Рохос вскинул правую руку, сжатую в кулак:

— Но пасаран!

И весь отряд троекратно рывкнул в ответ:

— Но! Но! Но!

— А мы обязательно пройдем! — оставил за собой последнее слово Андрей.

И только когда Хозефа начала переводить, подумал: как же пойдет он с группой, не зная ни слова по-испански? В темноте жестами не объяснишься. «Взять и ее? Ни в коем случае!» Но Хозефа не собиралась оставаться — переодетая, с пистолетом на поясе и рюкзаком за плечами, она вышла к машине. Глаза ее блестели.

Андрей невольно залюбовался девушкой.

Поздним вечером группа сосредоточилась в первой траншее республиканцев. Лаптев выжидал, пока совсем стемнеет.

Ночь стусилась. Безлунная, по-южному звездная. Андрей еще раз рассказал, по какому маршруту они будут продвигаться, какие звуковые сигналы должны подавать идущие впереди.

— Ну, двинули!

Только бы эта первая вылазка прошла успешно! От нее зависит вся последующая работа его отряда.

Растянувшись цепочкой, они пересекли долину. Впереди крался докер Хулиан, за ним — Обрагон. Феликс и

на этот раз не пожелал расстаться с винтовкой, поменять ее на пистолет. И во рту его была неизменная сигара, хотя и неприкуренная. Когда начался подъем, оба ушли вперед, на разведку.

В центре группы шли Андрей с Хозефой и еще трое — минеры. Замыкали группу бойцы арьергарда с ручными пулеметами. Старшим он назначил Рафаэля. Если группа наскочит на засаду, они будут прикрывать отход остальных.

Передовой рубеж франкистов одолели без помех. Справа, со стороны холма, долетали приглушенные голоса. Ветер принес запах лука и жареного мяса.

Ноги осторожно нащупывали опору. Руки проделывали в зарослях кустарника лаз. Темнота уже не казалась такой плотной. Андрей увидел, как над кромкой холмов небо начало зеленовато светиться, будто флуоресцируя, — всходила луна. Он посмотрел на часы. Времени минуло порядочно, а одолели всего три километра. Надо поторапливаться, иначе до рассвета им не успеть.

За плечами у всех были увесистые рюкзаки. В них — взрывчатка, боеприпасы, продукты. «Идешь на три часа — бери запасов на три дня».

Хозефа тоже не пожелала идти без груза — как ни убеждал ее командир. Согласилась лишь, чтобы мешок у нее был меньше и легче, чем у парней.

Сеньор Лусьяно, ссутулившись под рюкзаком, вышагивал рядом с Андреем. Вместо красно-черной шапочки с кисточкой его длиннокудрую голову прикрывала стальная немецкая каска, неведомо где раздобытая. Наверное, в каске дель Рохос сам себе рисовался грозным воином. Но от быстрой ходьбы по бездорожью, да еще с грузом, он приустал. При лунном свете пот голубыми струйками стекал по его лицу.

— Страшновато? — спросил Андрей.

— Команданте оскорбляет меня подобным вопросом, — перевела Хозефа ответ юного анархиста.

— Скажи ему, пусть не врет! — щелкнул пальцами по его каске Лаптев. — Всем страшно, особенно в первый раз. И мне тоже. И вам. — Эти слова относились уже к девушке.

— Нет уж! — резко ответила она.

Темень, вражеский тыл — а ему, Андрею, сейчас было хорошо. Почему? Неужели оттого, что рядом шла эта

девушка?.. Он испытывал тревогу: не женское это дело — война, да и под силу ли ей их работа? И в то же время как-то тепло было на душе.

Луна, описав половину дуги, уже готовилась скатиться к зубчатому горизонту, когда они достигли наконец железной дороги. Накатанные рельсы мерцали вдоль боковины горы. С одной стороны вплотную к насыпи подступала отвесная скала, с другой — в нескольких метрах от полотна зияло ущелье. В черном провале река глухо ворочала камни.

Предположение, что враги их не ждут, подтвердилось: ни впереди, ни сзади по дороге не видно и не слышно патрулей и постов. Диверсанты залегли вдоль насыпи, а Лаптев с тремя минерами подготовил оснастку.

Подползли к рельсам. Андрей поручил закладку мины пикадору. Чернобородый красавец на занятиях и на практике в горах быстрее других усваивал премудрости подрывного дела. Внешность Росарио вполне соответствовала его натуре. Его тонкие крепкие пальцы перебирали капсюли, взрыватели с секретами и прочую снасть так, будто это были струны банджо. Вот и сейчас вроде бы с ленцой, спокойно улыбаясь, пикадор колдовал над миной. При помощи двух подручных вырыл под рельсом минный колодец, заложил взрывчатку, подсоединил капсюль, взвел пружину. Андрей проверил, все ли правильно, одобрительно похлопал Эрерро по спине, показал: «Засыпайте!»

Росарио подвел конец пружины, одним краем упиравшейся в минный взрыватель, под нижний срез рельса и осторожно освободил чеку. Мина — нажимного действия. Теперь достаточно рельсу просесть под тяжестью паровоза — и устройство сработает.

Андрей представил, как огненная сила взрыва вздыбит и опрокинет паровоз, как рухнет он в пропасть, увлекая накатывающиеся с горы вагоны. Они закувыркаются, разбиваясь в щепы о камни.

Но ждать эшелона нельзя. Неизвестно, когда он появится. А скоро уже начнет светать.

Вместе с Росарио и другими минерами он замаскировал следы подкопа, заложил сверху щебенкой, чтобы обходчик и днем ничего не заподозрил. И подал группе команду на отход. Повел назад прежним, уже освоенным маршрутом. Не одолели они и части пути, как донеслось

сопение приближавшегося состава, а через мгновение позади взметнулось над горами багряное пламя, затем раздался такой взрыв, что заложило уши. Эхо стократно размножило его, будто забушевала средь звездного неба гроза. Потом снова раздались взрывы. Андрей определил: от детонации «заговорили» боеприпасы в вагонах.

— Ну, братцы, теперь ноги в руки!..

Когда подошли с тыла к передовой, она встретила их трескотней пулеметов и винтовочными залпами — франкисты наобум палили из окопов в темноту. Отвечали и республиканцы.

Первый экзамен сдан!.. Андрей повел следующую группу. Потом еще одну. Составлял их так, чтобы постепенно каждый из бойцов побывал на задании. Скоро и франкисты почувствовали, что в борьбу с ними вступил новый, умелый и сильный противник. Вдоль железнодорожной магистрали были установлены посты, усилена патрульная служба, курсировали дрезины.

Но если настоящего шахматиста сравнивают с художником, подчеркивая этим, что в основе его игры лежит творчество, то и настоящего разведчика с полным правом можно сравнить с гроссмейстером — «великим мастером». Нет бóльшей опасности для специалиста секретной службы, чем косность. Чтобы не поддаться ей, всегда считай, что враг уж во всяком случае не глупей и не слабей тебя. Так, еще в ЧК, учил своих помощников Дзержинский, так учили Андрея и потом. Теперь этот принцип камарадо Артуро старался внушить своим испанским товарищам. Самое время! После первых удачных операций они не только освободились от страха, но, верные своим темпераментным и экспансивным натурам, перестали бояться самого черта, сделались бесшабашно смелыми, готовы были лезть на рожон. Доводы и авторитет командира на компаньерос мало действовали.

Чтобы сбить франкистов с толку, Андрей проводил диверсии на широком участке: сегодня — на самом юге, через неделю — в двухстах километрах северней; в этот раз подрывают железнодорожное полотно, в другой — мост или склад горючего.

Но после очередной вылазки, уже когда отходили, их настигла погоня. Группой прикрытия командовал Хулиан. Он и его парни залегли с пулеметом и карабинами в расселинах.

— Я — с ними! — рванулся было к ним сеньор Лусьяно.

— Отставить! Приказываю отходить со всеми!

Отряд забирался в горы, а сзади тарабанили дружные очереди и щелкали винтовочные выстрелы. Потом очереди стали реже и тише. Громыхнули ручные гранаты. Еще несколько щелчков — и наступила тишина. Бойцы остановились, понуро опустили головы. Стали о чем-то спорить между собой.

— Они говорят: нельзя было оставлять товарищей, — прошептала Хозефа. — Вы же сами говорили: «Один за всех, и все за одного — думай о товарище, а потом о себе!»

— Объясни: нам надо думать прежде всего о нашем долге перед республикой. Мне больно за Хулиана и других ребят. Но франкистов вдесятеро больше, чем нас. Останься весь отряд, они перебили бы нас всех... В бою не бывает без потерь. И еще скажи: мы отомстим за погибших.

— Они спрашивают: откуда командир знает, что франкистов было много?

— Иначе они не рискнули бы преследовать ночью. По разрывам я определил, что у них минометы. Я слышал моторы. Наверное, у мятежников танкетки. А нас всего десять.

Действительно, через несколько минут сзади, слева и справа слышались шелест камней, осыпавшихся из-под ног, перекликающиеся голоса. На проселке, змеившемся внизу, заурчали моторы.

Но группа перевалила через седловину горы, оторвалась от преследователей и вскоре была уже среди своих.

Хулиан появился на вилле под Малагой через две ночи на третью. Одежда его была изодрана и окровавлена.

— Пабло и Хосе убиты. Пулемет остался там, — угрюмо сказал он. Сам докер был ранен несколько раз — к счастью, легко. Через несколько дней, хоть и перебинтованный, он уже был в строю.

Уничтоженные мосты. Подорванные эшелоны. Искореженные участки железнодорожного полотна. Удары диверсантов ощущались на всем фронте, вплоть до Мадрида: перевозки войск по магистрали то и дело прерывались.

Но Андрей понимал, что его задача — не только проводить диверсии. Надо готовить надежных командиров-испанцев для таких же отрядов. Время от времени он начал посылать в тыл группы подрывников во главе с Обрагоном, Рафаэлем или Хулианом. Для особо ответственных рейдов берег пикадора Росарио.

Наступила зима. Здесь, на юго-западном побережье Средиземного моря, она отличалась от осени лишь нудными дождями и сырыми туманами. Испанцы мерзли, кутались в одеяла манто, которые накидывали на себя как плащ-палатки. Действовать в горах стало трудней. Зато и ночи — длинней и беспросветней.

Но не только погода изменилась в районе Малаги. Не добившись успеха в осеннем наступлении на Мадрид, мятежники и интервенты решили, видимо, попытать счастья на юге. С начала нового, 1937 года разведка республиканцев, в том числе и парни Андрея, сообщали о сосредоточении франкистских войск на самом левом фланге Южного фронта. Оживились действия на передовой. Все чаще возникали перестрелки. На отдельных участках мятежники небольшими силами пытались атаковать позиции республиканцев.

— Здесь, на юге, у нас очень мало боеспособных частей, — поделился с Лаптевым своими опасениями советник. — Несколько тысяч дружинников, формирования народной милиции. В подразделениях мало коммунистов, в основном заправляют анархисты. Дисциплина низка. В штабе фронта есть подозрительные личности. Я сообщал в Валенсию. Но там, видимо, не хотят распылять силы — опасаются за Мадрид.

— Пока гром не грянет... — отозвался Андрей. Понимал: вот-вот под Малагой должно что-то начаться.

Тридцатого января у Испанского побережья, в полу-сотне километров юго-западнее Малаги, бросили якоря германский линкор «Адмирал граф Шпее» и крейсер «Кельн». Сюда же подошли крейсера мятежников «Альмиранте Сервера» и «Балеарес». Разведка сообщила, что генерал Кейпо де Льяно, командующий Южным фронтом мятежников, перебрался со своим штабом на борт германского линкора. Сосредоточение франкистских и итало-германских войск продолжалось.

Третьего февраля над окопами республиканцев повисли германские бомбовозы «юнкерсы» и итальянские

«Савойя-Маркетти». Из-за холмов ударила артиллерия. Мятежники перешли в наступление.

Командование республиканцев бросило против них все имевшиеся силы, в том числе и саперный батальон Артуро. Отряд поступил в распоряжение бригады, удерживавшей Кадисскую дорогу. Мятежникам удалось потеснить бригаду, занять выгодные позиции по вершинам холмов.

— Здесь, внизу, — гиблое место. Надо выбить франкистов из занятых траншей, пока они не закрепились, — предложил Андрей командиру бригады.

Командир согласился. У саперного батальона было с десяток ручных пулеметов, два станковых «гочкиса», гранаты.

Мятежники не ожидали контратаки, начали отходить. Но их поддержали минометы. Ударили с ближней дистанции, из-за камней. Республиканцы залегли. Кое-кто бросился назад. Андрей был в первой цепи. Вскочил. И оторопел, услышав громогласные ругательства на русском языке, — это раньше него встал в полный рост громадный детина в черт-те какой одежде, в галошах, подвязанных веревками. Яростные ругательства на незнакомом языке подействовали. Испанцы поднялись и прорвались на вершину холма, к своим траншеям.

Во время передышки Лаптев познакомился с крепким на язык незнакомцем. Оказалось, что он серб. Божидар Радмилович, матрос торгового флота. Десять раз обошел вокруг света. И вот «списался на берег». «Разве могу не принять участие в такой заварушке?» Он понравился Андрею с первого взгляда. Хотя и предвидел, что хлопот с этим морским бродягой не оберешься, предложил Божидару вступить в отряд. Серб знал и русский, и испанский, а Лаптеву нужен был переводчик, которого можно без душевной борьбы взять на любое задание. Не по себе становилось, когда шел в тыл с Хозефой. А вдруг ее ранят? Или, того страшней, попадет в плен?..

— Ну, матрос в галошах, пойдешь ко мне переводчиком?

— Пойду. Когда найдешь мне штиблеты по размеру, — ответил Радмилович.

Ножищи у югослава были минимум сорок седьмого размера, и ни у запасливого старшины отряда Рафаэля, ни в магазинах всей Малаги подыскать подходящую пару

ботинок не удалось. Но, как всегда бывает в армии, нашелся в саперном батальоне и бывший сапожник, и бывший портной — и через день юнак Божидар уже щеголял в обновках.

Впрочем, красоваться некогда. Противник двинул на Малагу свои главные силы. Наступление началось с суши и с моря. Основной удар враг наносил вдоль Кадисской дороги. На стороне мятежников действовали двадцать тысяч итальянцев, несколько тысяч немцев и марокканцев, поддержанные танками и авиацией. С моря вели обстрел германские и франкистские корабли.

Бригада, в которую входил отряд Андрея, держалась на своем участке до последних сил. На позиции подбросили подкрепление — батальон народной милиции, две противотанковые 45-миллиметровые пушки. Лаптев приказал одну пушку выставить на прямую наводку на шоссе, а другую замаскировать на полторы сотни метров в глубине обороны, в стороне от дороги.

— Не согласен! — неожиданно вмешался в его распоряжения Радмилович. — Фашисты, так их растак, захватят пушку!

— Здесь командую я.

— Не сделаешь по-моему, з богом, драги приятели! — Серб повернулся и пошел прочь.

Андрею было не до него: цепи франкистов приближались. Впереди ползли зеленые, похожие на навозных жуков, итальянские танкетки.

— Фуэго! — подал команду командир орудия.

Недолет.

— Фуэго!

Снова снаряд разорвался впереди цепи.

— Фуэго!

Танкетка клюнула носом, потом завертелась на месте. Из нее заструился белый дым.

— Фуэго!..

Ударили пулеметы. Бойцы стали ввинчивать запалы в гранаты.

В разгар боя возвратился Радмилович.

— Дьявол с ней, с пушкой! Где мои гранаты? — Сгреб гранаты и, не кланяясь пулям, зашагал к окопу.

В ночь на шестое февраля мятежники прорвали фронт в нескольких местах. Бригада, потеряв почти половину

состава, отступила. К вечеру того же дня противник занял высоты под Малагой. По городу начали бить пушки.

— Команданте,— явился к Андрею Хулиан,— разреши мне взорвать мост на Кадисской дороге.

Андрей знал этот мост. Еще два дня назад он находился в глубине обороны республиканцев. При отступлении уничтожить его не успели. Перекинутый над неглубоким оврагом, мост не имел большого значения, уничтожение его лишь ненадолго задержит обозы противника — основные силы франкистов уже подтянуты. Так Андрей и объяснил докеру. Хулиан покачал головой:

— Не понимаешь. Мы — андалузцы. Мой отец и мой дед родились здесь, на море, под Эстепоной. Я родился и вырос в Малаге, в порту...— Андрей еще ни разу не слышал от Хулиана так много слов. Докер не умолкал:— У меня здесь жена и пятеро детей, и еще троих мадридских мальчишек жена взяла.— Он пожевал губами сигару, подождал, пока Хозефа переведет, и, показав на стоявших в стороне бойцов его группы, сказал: — Я и они отсюда не уйдем. Мы все — докеры из этого порта.

Андрей попытался переубедить:

— Взрывать мост нет смысла: противник легко обойдет его и слева, и справа. Даже если взорвете — быстро восстановит.

— Мы решили. — Лицо докера затвердело. — Мы пришли к тебе добровольно. Мы все равно уйдем. Прикажи взорвать мост, команданте.

— С ним спорить бесполезно,— добавила от себя девушка.

Андрей сам это понял. Хорошо, пусть идут. Может быть, хоть какой-то ущерб нанесут врагам, пусть ненадолго, но задержат продвижение мятежников, помогут беженцам подальше уйти от преследователей.

Они склонились над картой.

Лаптев отдал Хулиану свою ракетницу: пусть отсалютует, когда разделается с мостом. В ночь на воскресенье докеры ушли.

Во тьме то в одном месте, то в другом вспыхивала ожесточенная перестрелка. Андрей ждал: вот-вот горное эхо донесет характерный гром взрыва. Ждал до утра. Ни грохота, ни красной ракеты...

В воскресенье утром итальянские танки появились уже в предместье Малаги. Республиканцы отходили по

дороге на Эль-Паоло. Но город еще продолжал сопротивляться. На улицах его, на мраморном бульваре Прадо дома превратились в маленькие крепости: с крыш и балконов звучали револьверные выстрелы, летели гранаты.

Андрей заехал на виллу проверить, не осталось ли там какое имущество отряда. Нет, хозяйственный Рафаэль заранее все упаковал и отправил с обозом. Но в большом зале, отведенном под столовую, командир увидел пикадора Росарио, юного анархиста сеньора Лусьяно, Божидара и еще нескольких бойцов. Они пировали. Стол был полон еды, вино лилось из плетеных бутылей. Когда эти парни объявились здесь? Еще час назад они были на передовой.

— Скорей! Франкисты уже перерезали дорогу!

— Если перерезали — так уже перерезали, — беспечно отозвался серб. — Молим вас, компаньеро, садитесь. Когда еще так поедим?

Хоть смейся, хоть плачь!.. Андрей махнул рукой, сел за стол. Галантный пикадор пододвинул кресло Хозефе. Чудом выскочили они на машинах из окруженной Малаги.

Ночью догнали отряд. Его вел заместитель Андрея — металлист Феликс Обрагон. А на рассвете эскадра мятежников начала обстрел горной дороги. С воздуха — «хейнкели», «юнкерсы», «Савойя-Маркетти», с моря, в упор, — орудия кораблей мятежников. Крики ужаса, стоны и проклятия заглушили разрывы.

Можно было бы всадить подходящие калибры в борта франкистских кораблей. Но германский линкор «Адмирал граф Шпее» и крейсер «Кельн» маневрировали между берегом и вражеской эскадрой. Командиры-республиканцы знали: стоит одному снаряду попасть в «нейтральный» германский корабль — Гитлер тотчас воспользуется предлогом, чтобы открыто обрушить на республику фашистскую мощь.

Машина Андрея попала в зону обстрела. Снаряд, разорвавшийся впереди, угодил в повозку с детьми и женщинами. Шофер и Андрей выскочили из «форда».

— Хозефа, скорей!

Он распахнул заднюю дверцу. Девушка лежала без чувств. Андрей подхватил ее на руки, отнес в кювет. Ранена? Контужена?..

Через несколько минут она пришла в себя. Прижа-

лась к нему — как ребенок, ждущий защиты. Ее знобило.

— Этот ужас! Столько крови!

— Отставить! — Он тряхнул ее за плечи. — Возьми себя в руки! Еще будет очень много крови!

А сам с болью подумал: «Нет, не для нее все это...»

Франкисты, захватив Малагу, наступления дальше не развивали — оно и так обошлось им дорого.

Саперный батальон сосредоточился в Альмерии — приморском курортном городке на полпути между Малагой и Картахеной. Не успел Андрей разместить своих парней, как в расположение отряда приехал советник, распорядился:

— Срочное задание от Старика. Франкисты подбили наш СБ. Самолет новой конструкции. Летчики приземлили машину в сахарном тростнике, где-то вот здесь. — Он показал на карте. — Но почему-то машину они не уничтожили. И о самих — ни слуху ни духу. Самолет не должен попасть в руки противника. И летчиков надо выручить — может, ранены.

Андрей прикинул: бомбардировщик приземлился километрах в десяти от линии фронта, в тылу у франкистов. Возможно, враги еще не обнаружили его, а если и захватили, то не успели вывезти. Надо спешить.

— Подготовить три машины! Со мной — Божидар, Росарио, ты, ты!.. — Он быстро собрал группу. — Рафаэль! Выдать пулеметы «гочкис», гранаты! Гранат побольше, не скупись!

Машины понеслись к передовой. Миновали поток беженцев, последние заставы. Дорога стала пустынной.

Из кустов выскочили люди. Андрей притормозил. Подошел мужчина со знаками различия капитана республиканской армии, с ног до головы в красной пыли, предупредил:

— Дальше наших нет.

Как действовать? Оставить автомобили и добираться пешком?.. Уйдет много времени, а дорога каждая минута. Через полчаса стемнеет.

— Поехали!

На дороге — следы недавней беды: обломки арб, убитые мулы и лошади, воронки. Почему же нет франкистов? Когда до помеченной на карте тростниковой плантации осталось километра три, Лаптев решил, что не

стоит больше испытывать судьбу. Вышел из автомобиля, приказал:

— Разворачивайтесь, выставьте охранение. Ждите нас до рассвета. Если не вернемся — уезжайте.

С собой он взял Обрагона, Божидара и Росарио. Углубились в лощину. Началось болото. Ноги проваливались по щиколотку. Вода чавкала. Но вот болото перешло в посадки тростника. Высохшие необрубленные стебли и листья жестяно шелестели.

Они долго рыскали по посадкам и болотцам, грязные и страшные как водяные, пока не увидели, будто бы прорубленную, широкую просеку.

— Aquí está,— прошептал Росарио. — Avión!

— Авион должен быть где-то здесь,— перевел Божидар.

В конце просеки темнел распластавшийся самолет. В стороне неподалеку слышались негромкие голоса.

Андрей понял: франкисты выставили охрану. Но в болоте — ни стоять, ни сидеть нельзя, вот солдаты и выбрались на место посуше.

Росарио, не дожидаясь команды, первым направился к самолету, потом опустился на четвереньки и пополз. Андрей приказал бойцам приготовиться к бою и прикрывать их, а сам догнал пикадора.

Часовые переговаривались где-то рядом. В кабине самолета мерцал свет.

Андрей положил руку на плечо Росарио, с силой придавил, давая понять, что тот должен остаться. Пикадор понял. С досадой дернул плечом, но приказу подчинился.

Если в кабине свет, значит, часовой и там. Ну что ж, кто кого... На стороне Андрея — внезапность. Он подполз вплотную к бомбардировщику. Из кабины не доносилось ни звука. А самолет целехонек, хоть заводи и лети... Почему же летчики посадили его здесь? Где они сами? Пригляделся. Недалеко от люка — два черных бугорка. Подполз к ним. Два окостенелых тела. Комбинезоны, шлемофоны, парашюты... Понятно... Но в экипаже среднего бомбардировщика должно быть три человека...

Он достал гранату. Зажал в руке. Подкрался к приоткрытой дверце.

В кабине просто включена лампочка. Часового нет. Осторожно забрался в самолет.

Вот он, третий. Навалился грудью на штурвал, головы

не видно, только плечи. Пальцы намертво обхватили рифленые рукояти. Документов конечно же в карманах нет. В планшете — карта с обозначениями по-испански... Все на месте: летчик, штурман, стрелок-радист. Как зовут вас: Петя, Толя, Коля?.. На этой земле — наверное, Педро, Анатолий, Николая... Кто теперь узнает? Да и никто не должен узнать...

Андрей осмотрел панели приборов. Нет, франкисты ничего из оборудования еще не сняли. Решили, видать, заполучить новую советскую боевую машину целиком. Держите карман!..

Он разломал латунные трубки бензопровода. Тонкой струйкой потек под напором бензин. В подтверждение о выполненном задании надо прихватить вещественное доказательство. Часы. Кировские. Со светящимся фосфорным циферблатом. Надо же, ходят! 03.21. Пора.

Лаптев выпрыгнул из кабины, отбежал и метнул в распахнутую дверцу гранату. Раздался глухой взрыв в фюзеляже. И следом — ослепительный фонтан, разметающий в стороны каскад брызг. Огонь затопил черные фигуры штурмана и радиста. Искры осыпали Андрея. Одежда его, пропитавшаяся бензином, вспыхнула. Он упал в болото, покатился по грязи, сбивая пламя. Зашипел, как головешка.

На мгновение стало светло как днем. Часовые переполошились, открыли беспорядочную стрельбу. Андрей бросился в тростник. Его прикрывал огнем Росарио.

Божидар стиснул в медвежьих объятиях со словами:
— Хвала, малишан!

Появился и пикадор с пудовыми комьями грязи на сапогах со шпорами. Сзади трещало. Занялся сухой кустарник вокруг бомбардировщика.

Утром они вернулись в Альмерию. Андрей доложил советнику о выполнении задания.

— Выезжайте в Валенсию к Доницетти. Отряд пусть пока отдохнет.

Хозефа залепила ожоги пластырем — не являться же на глаза начальству с волдырями на физиономии.

9

Снова Валенсия — такая необычная после недавних боев, боли и крови, расцвеченная огнями иллюминации, с флагами, каруселями, громкой музыкой из всех окон.

Черт побери этих испанцев! Откуда у них столько беспечности?

— Рад видеть! — Ян Карлович обнял Андрея. Уловил судорогу боли. — Ранен?

— Немножко поджарился. Ерунда.

Андрей достал из сумки авиационные кировские часы, протянул Берзину. Рассказал об операции, о погибших летчиках.

— Наши, советские?

— Да, — скупно отозвался Старик. Помолчал. Сказал: — Молодец. Иначе уже сегодня наш СБ был бы в конструкторском бюро Юнкерса или Хейнкеля в Германии. А теперь подробно расскажи об отряде, обо всех операциях.

Берзин пододвинул стопку бумаги, вооружился карандашом, приготовился слушать.

Лаптев доложил. Подвел итоги: сколько подорвано эшелонов с техникой и живой силой противника, сколько, по приблизительным подсчетам, выведено из строя франкистов и легионеров, уничтожено танков, орудий, разбито вагонов и паровозов.

Ян Карлович скосил глаза на листок, лежавший на краю стола. Хитровато улыбнулся:

— Без гака! По донесениям самого противника получается даже больше. Кстати, о твоей бурной деятельности была недавно целая дискуссия в центральном правительстве: министр коммуникаций пожаловался, что если вы будете действовать столь интенсивно и дальше, то после победы республика останется без вагонов и паровозов. С трудом удалось убедить министра, что эти вагоны с франкистами летят в пропасти как раз для того, чтобы скорее была достигнута победа. Не уверен, что он понял... Продолжай.

После того как Лаптев закончил, Берзин в свою очередь рассказал о тех изменениях, которые происходят в целом в Испании:

— Уже можно утверждать, что из разрозненных отрядов дружинников и народной милиции вырастает сильная армия республики. Правительство приступило, наконец, к формированию регулярных частей, объявило мобилизацию. Кстати, поражение под Малагой многому научило. Здесь, в Валенсии, прошли массовые демонстрации, народ потребовал: «Настало время единого коман-

дования!» Потребовал введения обязательной воипской повинности. Население восприняло решение о мобилизации как праздник. Посмотри, что делается на мобилизационных пунктах. Энтузиазм — как у нас в России в восемнадцатом...

Андрей попытался представить тот восемнадцатый, когда по предложению Ленина в Советской Республике была введена воинская повинность. Картины не накладывались одна на другую.

Берзин понял, видно, по выражению его лица. Повел рукой на окно:

— Да, все иное. И все же очень много общего. Законы революции и классовой борьбы — те же самые. Нужно вносить лишь коррективы в конкретные исторические условия, расстановку сил, роль политических группировок... При всей пестроте событий нынешнее положение в Испании напоминает мне наш август семнадцатого года, дни корниловского мятежа.

— Но тогда борьбу против заговора генералов возглавили большевики, — возразил Лаптев. — За большевиками пошел весь народ! А здесь?

Берзин угрюмо кивнул:

— Всякие параллели условны... Но исторический опыт дорого стоит. Ничего нельзя забывать! И не следует каждый раз заново изобретать велосипеды! Вернемся в нынешний день Испании. Армия республики сейчас лучше оснащена и лучше вооружена. Конечно, успешнее всего дела идут там, где командирами — коммунисты. Слышал небось о пятом полке Энрике Листера? Весь полк — коммунистический. Показывает пример того, какой должна быть вся армия. Сейчас на базе полка уже создана дивизия. Боевой и политической работой в ней руководит непосредственно ЦК партии.

— Если бы так было везде! — снова не удержался Лаптев. — Сколько их, всяких других партий! Каждая — в свою сторону, как в басне о лебеде, раке и щуке!

— Однако следует учесть и то, что все другие партии объединяет с коммунистами ненависть к фашистам и Франко, — внес коррективы Берзин. — Хотя и согласен: необходимого сплочения сил еще нет. Особенно мутят воду анархисты. Для них компартия — не союзник, а главный соперник и даже — противник. А война против мятежников — лишь подходящий случай, чтобы захватить власть.

— У меня в отряде тоже есть анархист, — вставил Андрей.

Описал экзотическую внешность сеньора Лусьяно Гарсия дель Рохос. Но, не скрывая симпатии к мальчишке, рассказал и о его поведении во время рейдов в тылы франкистов.

— А кто он по роду занятий?

— Студент. Философского факультета.

— Что ж, вполне может статься, что твой красночерный — стоящий парень, просто мысли набекрень. Многие рядовые анархисты воюют по-настоящему. Но все же будь осторожен и с этим сеньором. Франко использует здесь, в тылу, не только своих агентов из «пятой колонны», но и анархистов. Ты даже не представляешь, какая у фашистов разветвленная разведывательная сеть. Каждый раз мы убеждаемся: командованию мятежников становятся известными сугубо секретные оперативные планы и даже намерения командования республики. Будь бдителен и осторожен! — Он провел ладонью по серебряному ежику. — Сделано многое. Народ почувствовал свою силу. Но главные бои еще впереди. И сколько их еще впереди...

Встал, прошелся по кабинету. Задумался у карты, висевшей на стене. На ней была изображена не только Испания — вся Европа.

— Дуче и фюрер посылают сюда свои войска и своих генералов не только для того, чтобы поддержать собрата по фашизму. На одном из захваченных итальянских танков было написано: «Мадрид — Париж — Москва». Пока, надо думать, это самодеятельность самих легионеров. Но дух и цели фашизма они уловили точно. Для Гитлера и Муссолини Испания — большой полигон, а война против республики — репетиция... — Он снова замолчал, глядя на карту. Потом неожиданно спросил: — Соскучился по дому?

— Очень! — вырвалось у Андрея. Тут же он добавил: — Нет, вы не подумайте... И скучать некогда.

— А как с испанским? Выучил?

— Салуд! Альто! Аделанте! Фуэго! Бурро!..

— Успехи налицо... А что такое — «бурро»?

— Осел, — улыбнулся Андрей. — Это у меня один парень всегда так ругается. Рафаэль, крестьянин-батрак.

— Бурро, говоришь? — Ян Карлович тоже посмеялся. — А как переводчица?

— Молодцом! Надежный товарищ! — с неожиданной горячностью воскликнул Андрей.

— Вот как? — с интересом посмотрел на него Берзин.

— Вы не подумайте...

— А почему — не подумать? Дело молодое. И я сам знаю: молодец она и хороший товарищ. Но смотри береги ее!

Он снова взял в руку авиационные часы. Поднес к уху:

— Идут. Ишь ты... — Сверил со своими. — Точно идут.

Лицо его помрачнело. Берзин смотрел отсутствующим взглядом поверх головы Андрея. «Наверное, думает о тех ребятах. О наших летчиках...» Андрей решил, что время его исчерпано. Поднялся:

— Разрешите идти?

— Подожди. С тобой хотел познакомиться Илья Григорьевич. Да вот почему-то запаздывает.

Андрей удивился:

— Я же со Стариновым...

— Не Старинов, а его тезка, — перебил Берзин. — Илья Григорьевич Эренбург. Он здесь корреспондентом «Известий». Хочет побеседовать. Но если попросит взять на задание — запрещаю.

— Слушаюсь!

— Человек он бывалый, обстановку в Испании знает не хуже нас с тобой. Так что не привирай и не приукрашивай.

— Я никогда, товарищ комиссар!..

— Не обижайся. Предупреждаю на всякий случай, чтобы потом краснеть не пришлось. — Ян Карлович собрал листки. — И последнее. Кто в отряде вместо тебя может справиться с обязанностями командира?

— Мой заместитель — рабочий Феликс Обрагон. И на Рафаэля, старшину отряда, тоже могу положиться: коммунист, твердый как камень.

— Вот и добро: половину отряда оставишь под командой одного из них на Южном фронте, а с остальными выедешь в Мадрид. В Мадриде явишься в отель «Флорида». — Он назвал номер комнаты, пароль. — На Центральном фронте поступишь в распоряжение камарадо

Ксанти. Задания будешь получать от него. Надеюсь, поладите.

В дверь постучали — и в кабинет вошел невысокий сутулый человек в мягкой куртке и берете, натянутом на густые вьющиеся волосы.

— Извините за опоздание: конечно же мы попали в очередную аварию. — В голосе его слышалась ирония.

— Да, без этого вы не можете, — отозвался Берзин, жестом приглашая гостя к столу.

— Эренбург. Корреспондент, — протянул тот руку Андрею. — А вы — Артуро, кажется, так? В рамках дозволенного, — он покосился на хозяина кабинета, — я уже кое-что знаю о вас.

— Располагайтесь, Илья Григорьевич, здесь, если вам удобно. Я же, извините, должен ехать. — Берзин собрал бумаги, запер ящики стола и сейф.

Когда он вышел, Эренбург достал из кармана трубку, сказал:

— Слава богу! Теперь можно и покурить: Старик не выносит запаха табака. — Продул мундштук, достал кожаный кисет, желтым пальцем начал набивать мундштук. — Я понимаю, что писать о вашей... работе, скажем так, не время. Но без диверсантов — не обижает вас это слово? — не бывает войны и не существует регулярной армии. Диверсии — такой же род боевой деятельности, как разведка, атака, контратака, я не ошибаюсь? — Он пыхнул дымом. — И все же мне кажется, что люди вашей военной профессии — богатыри из богатырей, отважные из отважных. Разведчик старается действовать без шума, а вы каждый раз вынуждены раскрывать себя, вызывать на себя огонь. Не так ли?

— Ну это чересчур, — не согласился Андрей. — Мы тоже стараемся не лезть на рожон, не подставлять свои головы.

— Со стороны видней, — пробурчал Эренбург. — Не будем спорить. Лучше расскажите: как это делается, а главное — какие люди делают это вместе с вами.

Андрей рассказал о нескольких рейдах в тыл, постарался ярче описать и Рафаэля, и Обрагона, и пикадора Росарио, и слесаря Адольфо, и юного анархиста Лусьяно.

— Есть в отряде и журналист, Педро Варрон. Шустрый паренек.

Но Эренбурга заинтересовал Хулиан, докер из Малаги, не пожелавший оставить свой дом.

— В этом характере — вся Испания. И ее самоотверженность, и ее нежелание подчиняться дисциплине и доводам разума.

Он начал дотошно расспрашивать не столько о самих эпизодах, сколько о людях, о черточках их характеров, привычках, увлечениях. Он как бы заставил самого Андрея по-новому приглядеться к своим парням, определить то общее, что роднило их, и особенности, отличавшие каждого, на какие прежде он, казалось, и не обращал внимания. «Писатель...» — с уважением подумал Андрей, проникаясь расположением к колючему и пронычному корреспонденту «Известий».

Эренбург слушал внимательно. Покуривал, посасывал трубку. Временами прикрывал усталые глаза. Под конец попросил:

— Хотелось бы сходить с вами.. Вы не бойтесь, хоть я и постарше вас, ноги у меня крепкие и мотор не дает перебоев. — Он дотронулся до груди.

— Не могу. С радостью взял бы, но не могу.

— Он запретил? — понимающе улыбнулся Эренбург, кивнув на дверь. — Позвоню в Москву, буду жаловаться: все запрещает.

— Да нет, не он, — растерялся Андрей.

— Не заступайтесь, не заступайтесь. — Писатель сосал погасшую трубку, выбил пепел, снова достал кiset. — Обязательно буду жаловаться. Знаю его почти два десятка лет, все жалуюсь и жалуюсь — и никакого толку! Желаю вам успеха. Надеюсь, еще встретимся, товарищ Артуро. — Поднял правую руку, сжатую в кулак.

— Но пасаран! — ответил традиционным напутствием Андрей.

— Теперь есть и другой лозунг, — сказал Эренбург. — «Пасаремос! — Мы пройдем!» — И добавил: — Народам в их борьбе лозунги нужны не меньше, чем оружие.

В отряде Андрея ждало неприятное известие: Божидар арестован и посажен в тюрьму.

Он поехал в комендатуру. Оказалось, после их отъезда в Валенсию серб разыскал винный погребок, напился,

а потом с пистолетами в обеих руках ворвался в здание мэрии, где расположились эвакуированные малагские власти, стал громовым голосом орать: «Вы, шкуры, республику продаете!» — и стрелять в потолок. Еле-еле удалось его скрутить. Хорошо еще, что обошлось без жертв. Если не считать того, что обидчивые и вспыльчивые андалузцы избили юнака, а теперь еще и требуют предать его трибуналу.

С великим трудом Андрею удалось убедить испанцев, что Божидара неправильно поняли, кроме того, он уже получил по заслугам — о чем свидетельствует его синее от кровоподтеков лицо.

Божидар, пока добивались его освобождения, помалкивал. Но стоило ему оказаться в расположении отряда, разразился таким шквалом проклятий на языках народов всех пяти континентов, что Хозефа сначала открыла рот и в ужасе стала захватывать воздух, как рыба на суше, потом на ее глаза навернулись слезы и, наконец, она захохотала.

Бойцы дружелюбно похлопывали Радмиловича, цокали языками, по достоинству оценивая и его цветистые тирады, и мастерство андалузцев. Едва удержался от улыбки и Андрей. Но, переборов себя, объявил сербу перед строем пять нарядов вне очереди. Продолжая рокотать, уже себе под нос, что «вся эта шайка сволочей, включая и рядом стоящих, — тра-та-та-та! — подлецы и предатели дела республики», Божидар все же поплелся на кухню пилить дрова. И командир воспринял эту покорность бесшабашного югослава как немалую свою победу.

Предстояло, пожалуй, самое трудное за все время его пребывания в Испании... Каждого бойца он выбирал сам. Чуть ли не с каждым побывал за линией фронта — и ни в ком не обманулся. О любом Андрей мог сказать: мой боевой товарищ. Как же разом распрощаться со столькими друзьями?.. Конечно, одних он узнал лучше, других — хуже. Одни были опытней и сноровистей, другие с трудом овладевали навыками солдата-диверсанта. Но каждый — как брат родной... И он не вправе забрать в Мадрид самых крепких. Наоборот... Но оставить в Альмерии Феликса Обрагона, Педро Варрона, сеньора Лусьяно, Росарио и Божидара он не смог — и включил в группу, которую уводил с собой.

Среди тех, с кем он обнялся напоследок, тяжелей всего, пожалуй, было расставаться с новым командиром, неразговорчивым тяжелодумом Рафаэлем — большеруким крестьянином, так и не променявшим на форму регулярной армии свои обшитые кожей на локтях и коленях рубаху и штаны, зашнурованные по колени альпарагеты-ланты.

Отряд выстроился вдоль дороги, на которой уже стояла вереница тупорылых трофейных грузовиков «ланча».

— Желаю успехов вам, дорогие товарищи!

— Но пасаран! — вскинул кулак Лусьяно.

— Но! Но! Но! — тоекратно выкрикнули, словно салютуя, бойцы.

Несколько километров — и остался позади берег моря. Дорога круто повернула в горы, выраставшие гряда за грядой, все выше и выше. Андрей отмечал по карте: Сьерра-Невада, Кордильера Бетико, Сьерра-Морена... На склонах гор дубравы сменялись сосновыми борами, хвойные массивы — кустарником, голыми скалистыми навесами. Яростно бились о камни речки. Туман из мельчайших капель колыхался над великолепными водопадами, свергавшимися с круч. В лучах солнца повисали над пенной водой арки радуг.

Быстро холодало. Камни уже покрыл налет изморози. Выше, на вершинах, лежал снег. Бойцы в кузовах автомобилей кутались в косматые одеяла манто, курили, молчали. Неразговорчивы они были и на коротких привалах, которые делал командир, чтобы развести на дороге костры, разогреть пищу, дать передышку шоферам.

Молчаливый испанец — это все равно что стреноженный скакун. Но Андрей понимал, чем вызвана задумчивость его бойцов. Почти все они — андалузцы, жители Малаги, Альмерии или соседних рабочих городков, приморских селений, рыбацких деревень. Они пришли в его отряд добровольно, чтобы воевать против фашизма. И они считали, что имеют право остаться в Андалузии. Но, уже спаянные чувством боевого братства, чувством долга, они по собственной воле оторвали себя от родной земли, от семей, от моря, чтобы уехать за многие сотни километров — в горы, под Мадрид, который был для них так же далек, как Париж или Монтевидео. Оставить семьи и уехать надолго, может быть навсегда. Впереди еще столько боев, война только разгорается... Почему же они поехали?

Потому что Мадрид — столица их республики. И еще потому, что каждый из них — вчерашний рабочий, виноградарь, рыбак — почувствовал себя солдатом республики. «Я хату покинул, пошел воевать...» Андрей вспомнил светловские строки и подумал: если бы знали испанцы это стихотворение, оно стало бы для них таким же дорогим, как и для него...

Притих, загрустил сеньор Лусьяно. Набрякли веки, затвердели морщины на лице Феликса Обрагона, и к губам его словно бы приросла чадающая сигара. Внимательно, будто запоминая, глядел на убегающую назад дорогу пикадор... Только серб и здесь, в холодных горах, чувствовал себя как в родной стихии. На остановках он первым выскакивал из кузова, разводил на обочине трескучий костер, нанизывал куски сырого мяса на обструганные палочки, пританцовывал у огня и сыпал ругательствами — правда, учитывая присутствие Хозефы, не на русском, а на всех прочих языках планеты.

Хозефа в пути тоже примолкла. Она сидела впереди, около шофера, и Андрей видел, как она покусывает губы. Укачало? Но не останавливать же из-за девчонки колонну через каждый час...

И все же что-то открытое для самого себя в недавнем разговоре с Берзиным томило его душу тревогой и радостью. Просто «молодец, надежный товарищ»? Нет... Как когда-то, давным-давно, он испытывал нежность и робость. Маша-мамонка... Почему вдруг всплыло давнее, так трагически оборвавшееся?.. Позже, когда служил на границе, а затем в Минске, в его жизнь входили женщины. Но ни разу — так, как мамонка-кувшинка. Служба? Голова занята другими заботами? Нет, просто не полюбил по-настоящему. Думал — уже и не полюбит, перегорело. А теперь, значит, полюбил?.. Ишь куда повело! Какое право имеет он, командир? Да еще в такое время! Хороши штучки!.. Но смотрел на Хозефу, видел острое ее плечо, обтянутое форменной зеленой тканью (где-то в ранце то платице в горошек и голубая лента?), — и кругом шла голова. Может, и вправду — судьба? Хозефа? Кто она? Откуда? Какое ее настоящее имя?..

Любит! Это неожиданное для него самого открытие оглушило Андрея. «Что же мне теперь делать?» — растерянно, чувствуя себя мальчишкой, подумал он.

Перевалили через Толедские горы — и дорога пошла на спуск. Открылось широкое каменистое Кастильское плато.

Еще не показался Мадрид, а уже почувствовалось его приближение.

— Альто! Документос! — Все чаще останавливали колонну патрули.

Оживленной стало и на самом шоссе: в сторону столицы пылили караваны арб с продуктами, шли военные грузовики, скакали подразделения кавалерии. В небе проплыло звено ширококрылых самолетов, в которых Андрей с радостью узнал советские ястребки — «яки».

И вот впереди, в обрамлении далеких гор, встал Мадрид. Сначала купами небоскребов, потом — шпилями и башенками дворцов, и, наконец, во всю ширь горизонта — весь, с роскошными авенидами и кривыми улочками, площадями и парками.

Отряд занял казарму, адрес которой дал Берзин. Андрей поспешил с Хозефой в центр. Даже по первому впечатлению Мадрид разительно отличался от блистательной и веселой Валенсии: улицы перегорожены баррикадами — и не из наспех накиданного хлама, как было в Малаге, а из тесно уложенных мешков с песком, из булыжников, вывороченных тут же, из мостовых; улицы прорыты траншеями, соединенными друг с другом ходами сообщения; перед траншеями — проволочные заграждения, пулеметные ячейки. Рыльца пулеметов торчат и из окон. Многие дома изуродованы: то обрушенная взрывом фугаса стена обнажила разноцветные стены, то зияют выжженные глазницы окон, то изрешечен осколками-оспинами мраморный фасад... Уцелевшие стекла в окнах крест-накрест заклеены полосками бумаги.

Народу на улицах много. Но по контрасту с Валенсией — не карнавальная пестрота, а однотонность кожаных курток, пообтершихся «моно» — зеленых комбинезонов солдатской униформы. Женщины — те больше в черном, в платках, повязанных по самые глаза. И очень мало, совсем мало детей. Однако, как и в Валенсии, — плакаты на стенах домов и заборах, флаги с балконов, полотнища, натянутые над улицами.

Хозефа — прибодрившаяся, возбужденная — то и дело останавливалась, радостно восклицала:

— Смотрите! Это ж Лирийский дворец герцога Альбы!

— Смотрите! Да нет, налево! Это всемирно известный музей Прадо!..

По улице, пересекающей их авениду, маршировала колонна молодых женщин в «моно», с винтовками за плечами.

— Как им идет форма, да?.. — Глаза Хозефы горели. — Пасионария на митинге Народного фронта сказала испанским женщинам: «Помните, что лучше быть вдовой героя, чем женой труса! И если нужно взять в руки винтовку, возьмите ее!» И они взяли!

Андрей посмотрел на свою спутницу: «А ты чем отличаешься от них? Только красивей!» Казалось, только теперь он увидел, как ладно сидит на Хозефе военная форма, как заправски носит она кольт в кобуре на широком ремне, туго перехватывающем талию. И как звонок ее голос...

Хозефа переводила воззвания, приклеенные по цоколю углового дома:

— «Укрепления! Укрепления! Укрепления! Победа требует непреодолимых, грозных, надежных укреплений!» А вот на том плакате: «Одна обязанность: дисциплина. Одно право: быть впереди. Одна воля: победить!» Звучит, а?

«Одна обязанность: дисциплина...» Андрей вспомнил разговор с Берзиным. Наконец-то, наконец начинают республиканцы понимать, что наиглавнейшее во время войны — дисциплина...

Они вышли на набережную, миновали старинный, тяжелый, украшенный каменными изваяниями мост и вскоре оказались на площади.

— Пуэрта-дель-Соль — площадь Ворота Солнца, — сказала Хозефа таким тоном, будто бывала здесь уже тысячу раз. — Центр Мадрида и всей Испании. Отсюда ведется отсчет расстояний во все концы страны. А под площадью должен быть тоннель метрополитена.

И наконец, показала на красивое старинное здание: — Это и есть отель «Флорида».

Хозефа осталась ждать Андрея в отеле, а он и встретивший их в номере гостиницы испанец пошли вверх по Гран-Виа.

Дома вдоль главной улицы, как и во всем городе, были помечены одной и той же меткой: окна верхних этажей заклеены полосками бумаги, а в окнах полупод-

валов уложены мешки, меж которыми чернели щели амбразур. Мадрид был готов к уличным боям.

Они обошли воронку, выбитую авиабомбой в тротуаре. «Пятьсот», — определил по диаметру вес бомбы Андрей. Воронка была совсем недавняя, с рваными краями, под асфальтом рыжим мясом алел кирпич, и казалось, что это — истекающая кровью рана. Осколки бомбы вспороли мешки в разбитой витрине, на асфальт желтыми лужицами натекал песок. Рядом с воронкой старуха в черном платке перемешивала на сковородке над жаровней каштаны, и от угольков веяло теплым приторным чадом.

Андрей искоса разглядывал своего спутника. Горбоносый профиль, нечисто выбритая, иссеченная порезами сизая щека, твердо сомкнутые губы, острый, в черно-седой щетине кадык. «Кто — разведчик, контрразведчик?..» Мужчина молчал. Мрачно поблескивал его глаз под нахмуренной бровью. За всю дорогу он не повернул лица к гостю. Но от поблескивания его глаз, от того, что Андрею приходилось убыстрять шаги, чтобы поснеть за ним, и смотреть снизу вверх — мужчина был намного выше ростом, — Лаптев испытывал досаду: «Не дай бог работать с таким черным дьяволом... Не взял бы в отряд».

Они свернули с Гран-Виа и вошли в парк, миновали конную статую. Статуя была обшита досками и тоже обложена мешками с песком. Из тюков торчали лишь шлем с бронзовыми перьями и бронзовый лошадиный хвост.

У высоких ворот они остановились. Мужчина показал часовому в форме штурмгвардейца бумагу. Штурмгвардеец на бумагу и не взглянул, а посмотрел на Андрея, на его волосы и нос и вскинул в приветствии руку:

— Салуд, советико!

Они вошли в здание, похожее на дворец, вступили на мраморную лестницу. По обеим ее сторонам возвышались на постаментах рыцари, и Андрею казалось, что они подозрительно следят за пришельцами из узких прорезей глазниц — и, того и гляди, грохнут алебардой. Высокие двери вели в залы с затянутыми шелком и кожей стенами, с картинами, позолоченной мебелью и инкрустированными полами. Подкованные каблуки звонко стучали по паркету, в пустынных залах гулом отдавалось эхо от их шагов. Суровый сопровождающий остановился у двери с бронзовой ручкой, изображающей разинутую

пасть льва, постучал кулаком в дверь, услышал из-за нее голос и резко распахнул створку.

В комнате были двое. Один стоял у окна, против света, а другой, со знаками различия коронеля — полковника республиканской армии — на воротнике перетянутого португальскими френча, сидел за столом, держа в одной руке маленькую чашечку кофе. Крупный, широкоплечий, с тяжелым, раздвоенным подбородком.

— Коронель Малино, — представил хозяина кабинета испанец.

Лаптев пригляделся и узнал в коронеле помощника инспектора кавалерии Белорусского военного округа полковника Родиона Яковлевича Малиновского, который был здесь, Андрей слышал, военным советником при штабе Центрального фронта и комитета обороны Мадрида.

— Командир отряда капитан... — начал рапортовать Лаптев.

— Салуд, советико! — прервал его Малино и кивнул на мужчину, стоявшего у окна: — Познакомься: команданте Ксанти, советник штаба Центрального фронта по разведке.

Ксанти шагнул навстречу — молодой, смуглолицый, с восточным разрезом горячих глаз под сросшимися на переносице бровями. Подошел и стиснул Андрея в объятиях. Это был давний его товарищ по службе, одно время — его прямой начальник, майор Красной Армии Хаджи Джиорович Газиев.

— Салам алейкум, Пеструха!

— Рад тебя видеть, Хаджи, — с облегчением сказал Андрей. — Снова будем трубить вместе? Порядок!

Малино представил и сурового сопровождающего:

— Виктор Гонсалес. Направлен политическим делегатом в твой отряд. Это как у нас — комиссар.

«Ну что ж...» Андрей протянул Гонсалесу руку. Тот пожал, будто стиснул в слесарных тисках.

— И работать — только так, — сказал Малино. — Камарадо Гонсалес — коммунист.

— И боец — лев! — добавил Ксанти. — Мы давно знакомы. Доверяй ему так, как мы доверяем комиссарам. Отныне Гонсалес — твоя правая рука.

— Не будем терять времени. — Коронель развернул на столе карту. — Ваш отряд отныне включен в четырнадцатый корпус. Это условное наименование штаба по ру-

ководству диверсионными группами в тылу Франко. Главный советник корпуса — Ксанти. Вы будете действовать под его руководством. Здесь, под Мадридом, предстоит не менее горячая работа, чем была у вас на Южном фронте. — Он повел карандашом на северо-восток от Мадрида и уперся острием в кружок у синей жилки реки: — Место вашей дислокации — Гвадалахара, район действий — автострада Мадрид — Сарагосса на участке от Альгоры. Задача...

После того как Андрей ознакомился с новой задачей, поставленной перед отрядом, коронель обрисовал обстановку, сложившуюся ныне, к концу февраля, на мадридском участке Центрального фронта.

После ожесточенных ноябрьских и декабрьских боев франкисты в начале января сделали новую попытку прорваться к столице с севера и северо-запада. Республиканские войска остановили мятежников и сами перешли в контрнаступление. Вместе с испанскими бригадами сражались одиннадцатая интернациональная бригада Клебера, двенадцатая — Лукача и четырнадцатая — генерала Вальтера. Но фашистам удалось закрепиться в районе реки Харамы и вновь продвинуться к Мадриду на участке пересечения реки с шоссе и железной дорогой Мадрид — Валенсия. Итальянская мотопехота, германские танковые и артиллерийские подразделения, португальский легион, марокканские кавалерийские эскадроны — шесть колонн, целый корпус, рвались к Мадриду. Еще никогда прежде Франко и интервенты не сосредоточивали столько войск. И все равно к середине февраля мятежников удалось остановить. Мало того — бригады республики снова рванулись вперед. Они уничтожили едва ли не половину вражеских войск, добились превосходства в танках и полного господства в воздухе.

— Ныне второе контрнаступление наших частей закончилось. На всем фронте войска перешли к обороне, — подытожил Малино. — Но мы понимаем: Франко и его покровители не успокоятся. По нашим сведениям, командование мятежников и интервентов перебрасывает под Мадрид свежие части. В ближайшем будущем следует ожидать новых ударов. По всей вероятности, со стороны Гвадалахары. Узнать точно направление главного удара противника, заранее ослабить его силы — вот ваша задача, Артуро.

Вместе с Ксанти и новым своим помощником Андрей вышел из дворца.

— Рад-радешенек, что тебя перевели сюда, — сказал Ксанти. — Работы по горло, а специалистов нет.

Теперь они втроем вступили на Гран-Виа.

— Если идти по этой улице в эту или в другую сторону — через полтора часа окажешься на передовой, — сказал Ксанти. — Фронт под самыми стенами Мадрида, в Университетском городке, на ипподроме. Он проходит и по стадиону, и по городскому парку Каса-де-Кампо, и по Карбанчелю — ближайшему пригороду со стороны Толедо. Но — хоть верь, хоть не верь — это никого не пугает! Город живет! У нас в Осетии говорят: сталь закаляется в огне, человек — в беде и борьбе. Даже старики взяли в руки винтовки: «Чтоб идти умирать, не считают прожитые годы...» Вот какой народ!

— А ты много раз уже побывал там? — неопределенно махнул рукой Андрей.

— С тобой не сравнить. Поначалу я воевал на фронте. Попал сюда в самый пожар. Радио Рима, Лиссабона, Берлина уже передавало: «Сегодня после обеда на Пуэртадель-Соль состоится парад победоносных войск генерала Николаса Франко...»

— Си. Это был седьмой повембер, день Великий советский Октябрь, — неожиданно вставил Гонсалес, и Андрей впервые услышал голос своего комиссара. Он был под стать облику — жесткий, с металлом. — Каудильо уже сидел на бланко... белый лошадь. Ха!

— Да, сейчас можно и смеяться, — сказал Ксанти. — Но тогда было не до смеха. Если бы не коммунисты, не пятый полк Листера — не уверен, прогуливались бы мы сейчас по Гран Виа. Пятый полк обратился: «Мадридцы! Пусть мужество, упорство и решимость нашего народа станут его ударной силой!» — и призвал создать четыре ударных батальона для обороны столицы. Видел бы ты, как хлынул на призывные пункты народ! Батальоны были созданы за несколько часов. Знаешь, как они названы? «Ленинград», «Мадрид», «Парижская коммуна», «Мы из Кронштадта»!

— Си, — подтвердил Гонсалес.

— Потом они создали новые батальоны: «Красные львы», «Молодежный фронт», «Молодая гвардия», «Чапаев». А потом подошли интербригады Клебера и Лука-

ча — и все вместе мы задали франкистам трепку! — Глаза Ксанти загорелись. Но тут же он насунул брови: — Если бы не эти прохвосты — анархисты...

— Си.

— Тринадцатого ноября, в самые бои, прибыла сюда колонна анархистов Каталонии под командой Буэнавентуры Дурутти. Дурутти сам попросил в колонну советского советника. Малино направил меня. Пришел... Наши махновцы по сравнению с этими — пажеский корпус! Я был первый коммунист, оказавшийся среди них. Не съели лишь потому, что советский. Дурутти так прямо и сказал: «Знаю, что ты коммунист, — ладно, посмотрим. Будешь всегда рядом со мной. Будем обедать вместе и спать в одной комнате. И сражаться будем вместе. Посмотрим».

— Посмотрел?

— Что до Буэнавентуры, то он оказался стоящим парнем — признаюсь, даже полюбил его, чертова сына. Дурутти мог стать настоящим республиканцем. Но его банда... Через несколько дней колонну поставили на один из важнейших участков в Университетском городке. Франкисты пошли в атаку — и эти прохвосты сразу же побежали, открыв фланги коммунистических батальонов. Дурутти бросился им наперерез: «На свои места, трусы!» Кто-то из них выстрелил ему прямо в сердце. Будь они трижды прокляты!

— Если бы только они... — мрачно проговорил Ксанти. — Город кишмя кишит контрреволюционерами, хотя сегуридад — служба безопасности каждый день вылавливает их и ставит к стенке. Многие посольства превращены «пятой колонной» в убежища и склады оружия. По нашим данным, двадцать тысяч контрреволюционеров укрываются в иностранных дипломатических миссиях и ждут своего часа. Вот, например, посольство Чили. Посол Нуньес Моргадо — дуайен дипломатического корпуса в Мадриде. А за стенами посольства — фалангистов как клопов. И не тронь их — республика строго соблюдает право экстерриториальности посольств...

В небе послышался рокот моторов. Еще не видя самолетов, Ксанти определил:

— Наши.

В синеве плыли, барражируя, истребители — «яки».

— Пятого ноября наши самолеты впервые появились

в этом небе, а шестого они сбили девять «юнкерсов»! — снова оживился Ксанти. — Народ приветствовал их, как тореадоров на корриде. Наши «ястребки» испанцы называют курносыми, а всю республиканскую авиацию — славной.

Навстречу шел высокий мужчина в берете и мягкой куртке, с фотокамерой через плечо. На носу его были очки в тонкой металлической оправе. Широкое лицо, усы. Лицо было характерным — открытым и мужественным. Увидев Ксанти, мужчина приветственно взмахнул рукой:

— Hullo! I glad to see you! ¹

— How do you do? ² — ответил Ксанти и обернулся к своим спутникам: — Это американский корреспондент Хемингуэй.

Они перешли с английского на испанский — и Лаптев с завистью определил, что Ксанти объясняется и на нем свободно.

— Янки предлагает заглянуть в кабачок и выпить по рюмочке за нашу встречу, — перевел Ксанти. — Вездесущий парень. Еще прошлой осенью в Валенсии нас познакомил корреспондент «Правды» Кольцов. Ну что, примем предложение? Вроде бы парень он неплохой. И писатель известный.

Тут же, на Гран-Виа, они спустились в полуподвал. Вдоль длинного помещения бара тянулась стойка, а в сводчатом зале теснились столики. Хемингуэя здесь знали. Официант, дружелюбно улыбаясь, принес четыре высоких бокала.

— Старик разрешил мне рассказать американцу кое-что о нашей работе, — продолжил Ксанти, прерывая разговор с писателем и обращаясь к Лаптеву. — Я как раз вернулся из-под Талавера-де-ла-Рейна. Там мы устроили фейерверк на франкистском аэродроме... Хемингуэй говорит, что интересуется нашей работой и даже хочет написать книгу... Спрашивает: ты тоже занимаешься такой работой? Я ответил, что у всех нас одна работа — война против фашистов. — Он посмотрел на часы: — Excuse us, but we have no time ³.

¹ Хелло! Я рад видеть вас! (англ.)

² Здравствуйте! (англ.)

³ Извините нас, но у нас нет времени (англ.).

Все встали.

— Он говорит: «Ничего, мы еще встретимся и найдем время побеседовать». В ближайшие дни он собирается под Гвадалахару — думает, что скоро там будет жарко.

С улицы сквозь толстые стены в полуподвал проник шум.

— Началось. Бомбежка или артобстрел.

Они вышли из бара. За эти несколько минут улица преобразилась: ни души на тротуарах, ни одного автомобиля на проезжей части. Били зенитки. Впереди поднималось красное облако.

Вдоль стен домов они стали пробираться к «Флориде».

В отеле, увидев Хозефу, Ксанти радостно воскликнул:

— Хо, Лена! Я и не знал, что ты здесь! — Он обнял девушку, чмокнул ее в щеку.

Андрей с удивлением и досадой посмотрел на товарища: «Ишь ты!.. Вот ее настоящее имя: Лена!..»

— Как дела, комсомольский бог? — продолжал Ксанти. — Как дома? Как мама? Не обижает тебя этот джигит?

«Откуда он так хорошо знает ее? В Испании они не встречались — это факт».

— Откуда ты ее знаешь? — спросил он, улучив минуту, когда спускались в вестибюль.

— Знаю — и весь сказ! — хитро улыбнулся Ксанти. Окликнул девушку: — Уж очень он тобой интересуется, этот пестроголовый блондин! Будь осторожней с ним!

Хозефа беспечно рассмеялась.

Когда усаживались в машину, Ксанти совсем другим тоном — тоном приказа, сразу поставив все на свои места, сказал:

— В Гвадалахару отправляйся сегодня же. — Но снова прорвалось дружеское: — Рад, что тебя перевели сюда.

Легковушка Андрея, как обычно, пылила в голове колонны. Гонсалес, сидя рядом с шофером, попыхивал нестерпимо вонючей сигарой. Андрей и Лена расположились сзади. Девушка прильнула к дверце, высунула голову в открытое окно. Ветер рвал ее волосы.

Он видел только овал ее щеки, сейчас, против света, будто припудренной легким пушком. За эти месяцы кожа ее посмуглела, стала темней волос, а сами волосы выгорели. «Золотая пшеница».

Машину тряхнуло на выбоине. Лена рассмеялась. Ан-

дрей все смотрел на нее. Вдруг подумал: «А как она относится ко мне? Вдруг я для нее просто... Что «просто»?.. Возьму и скажу! Ни комиссар, ни шофер не поймут. Так и скажу: люблю!..» Девушка будто почувствовала. Обернулась. Она улыбалась, глаза были затуманены — словно она думала о чем-то радостном, но мысли ее были далеко-далеко. «Неужто и вправду — моя судьба? Нет, сейчас говорить ей не время... Нужно думать о предстоящей работе...» Усилием воли он заставил себя переключиться на мысли о новом задании. Снова надо было решать задачи с бесконечным количеством неизвестных. Впрочем, как каждый день, проведенный на этой земле.

Но оттого, что Лена была рядом, он испытывал странное ощущение — будто набрался новых сил и может справиться с любым делом.

11

Саперный батальон разместился на окраине Гвадалахары, в старинной казарме, на стенах которой висели обоюдоострые мечи и рыцарские доспехи. Гигант югослав тут же вооружился мечом, попытался натянуть на голову стальной шлем с забралом и остался доволен: средневековые гидальго были по сравнению с ним мальцы. В сумрачных комнатах со сводами пахло кожей, потом и кислым вином — вековой запах казармы. Парни обжили комнаты, облюбовали койки, занялись будничными делами.

Андрей понимал — нужно срочно выводить отряд на задание. Комиссар был согласен с ним: мужчина чувствует себя мужчиной в хорошей континенде — драке. Но несколько дней ушло, чтобы осмотреться, сориентироваться, наметить объекты диверсий.

Гвадалахара — небольшой городок со средневековыми узкими улочками и старинными домами-крепостями из дикого камня — теснилась в узкой долине меж холмов на левом берегу реки Энарес. Франкисты были на правобережье, в тридцати километрах за Энаресом, если идти на северо-запад. Гвадалахара — как бы замок, запирающий три сходящиеся здесь дороги на Мадрид: из Бургоса, Сарагосы и Теруэля. Главной была та, что вела из Сарагоссы — так называемое Французское шоссе, международная автомагистраль Мадрид — Париж. По этой ма-

гистрали мятежники были ближе всего к Гвадалахаре. Они занимали позиции у Сигуэнсы — городка, маленьким кружком обозначенного на карте. Пожалуй, надо прощупать противника прежде всего в районе шоссе. Хотя можно предположить, что именно этот участок наиболее укреплен фашистами.

Днем с переднего края Андрей провел рекогносцировку, а ночью с небольшой группой направился за линию фронта. Пока лишь с одной целью — разведать местонахождение вражеских позиций. Пошел и комиссар — решил, видимо, утверждать свое положение в отряде не только правами, которые ему предоставлены.

Они миновали нейтральную полосу. Левее, на самом шоссе, остался вражеский пост. Выждали, пока по шоссе пройдет патрульный броневик, и тенями перемахнули дорогу, взяли направление на Сигуэнсу. Поселок должен быть недалеко. Мрак и тишина обступили их. И вдруг в упор ударили винтовочные залпы, зачастил пулемет, взвыли мины. Двое из группы были сразу убиты. Близким разрывом мины Андрея контузило. На мгновение он потерял сознание. Потом почувствовал, как сильные руки подхватили его, понесли. Он начал вырываться.

— Это я, я, Феликс! — склонился над ним Обрагон.

— Приказываю отходить!..

Унося убитых, помогая раненым, они повернули назад. Стрельба так же сразу прекратилась, как и началась. Среди камней сделали короткую остановку. Божидар протянул Андрею флягу:

— Хлебни, другаре!

Он глотнул. Язык обожгло. Спирт. В самый раз...

Уже в казарме Андрей вместе с Гонсалесом проанализировал случившееся. Возможно, они напоролись на какую-то систему сигнализации и этим «засветили» себя. Может, не заметили замаскированный вражеский пост. Во всяком случае здесь — не Малага, противник стал осторожней и осмотрительней. И действовать против него надо иначе, чем на юге.

Похоронили убитых. По андалузскому обычаю воздвигли над могилами каменные надгробия-пирамиды. Гонсалес произнес короткую и яростную речь. Хозефа перевела:

— Вы, славные воины с юга, пали под Мадридом, но

пусть не плачут ваши семьи — вы будете вечно жить в сердце Испании! Вы — настоящие мужчины и братья!

Лаптев поразился: вот каким красноречивым оказался его суровый комиссар!.. А он-то поспешил наречь Гонсалеса «боковатый» — на Рязанщине это означало: «угрюмый», «нелюдимый».

У самого Андрея голова разламывалась от боли. Наверное, получил сотрясение. Но — хоть и боль, и слабость во всем теле — не имеет он права даже малой малостью показать свое состояние: на теле ни одной царапины. Что подумают бойцы, собравшиеся у каменных могил?..

Лаптева подняли на рассвете. Очнувшись от резкого толчка, он не сразу понял, где он и кто стоит над ним в серой комнате.

— Ну и здоров ты храпеть! — прозвучал знакомый голос.

Вспыхнула под потолком лампочка, и Лаптев увидел Ксанти. Ксанти подсел к столу, подождал, пока Андрей встанет и оденется.

— Знаю о твоей «прогулке» в Сигуэнсу... Я же тебя предупреждал: головорезы генерала Мола стали куда осторожней. К тому же здесь, в Северной армии, полно немецких и итальянских советников. А они — этого не отнять — настоящие солдаты... Я приехал к тебе с новым и важным заданием.

Лаптев ополоснул лицо холодной водой, спросил:

— Какое задание?

— По сообщениям моих агентов, вот здесь, в этом районе, в секторе Сеговия — Сигуэнса, в последние дни отмечено сосредоточение крупных сил противника. — Ксанти показал по карте. — Однако авиаразведка этого не подтверждает. К тому же и некоторые ответственные деятели из штаба Центрального фронта и генштаба категорически отвергают такую возможность. — Он зло блеснул глазами. — В отношении этих деятелей у меня есть определенное мнение. Но сейчас другой разговор. Если противник готовится нанести главный удар под Гвадалахарой, то нам нужно срочно перебросить сюда войска из-под Мадрида — здесь у нас только несколько бригад. Но если сосредоточения их войск нет и сообщения агентов ложны, перебросив сюда дивизии, мы ослабим столичный сектор, где и без того каждый боец и каждая винтовка на счету. — Он прихлопнул по карте смуг-

лой ладонью: — Короче, нам нужен хороший «язык». Не какой-нибудь полуживой марокканец, а настоящий, «длинный язык». Лучше всего — штабной офицер. Чтобы избежать недоразумений, «языка» доставишь в штаб лично. Задание понял?

В ту же ночь отряд приступил к его выполнению. Лаптев понимал, насколько оно ответственное и срочное. Он разбил отряд на группы, послал их через линию фронта в разных направлениях. Но ни первая ночь, ни вторая успеха не принесли. Ни на одном из участков его парням не удалось даже пересечь нейтральную полосу — всюду встречал плотный огонь, вспыхивали осветительные ракеты. Уже одно это настораживало, свидетельствовало, что противник неспроста принимает такие меры предосторожности.

На третий день Ксанти снова приехал в отряд.

— «Язык» нужен во что бы то ни стало. — Его глаза, обычно поблескивавшие в прищуре, глядели из-под бровей сердито. — Не верю, что невозможно просочиться в тылы франкистов.

— Мои ребята — не трусы! — вспыхнул Андрей.

— Не в этом дело. Там, где трудно пройти большой группе, трое-четверо всегда проползут. И охоту за «языком» надо вести не в первом эшелоне, а в глубине вражеской территории, где фашисты меньше всего ждут нападения. Если тебе нездоровится или расшалились нервы, я сам пойду в поиск.

— Ну уж нет! Пойду я.

— Тогда слушай внимательно: вот здесь, в районе Агьенсы, мои агенты засекли объект, по всем приметам — штаб. Действуй в этом направлении. Сегодня же ночью. Я дам проводников. Доведут почти до места.

Лаптев взял троих — пикадора, Лусьяно и Радмилевича.

Из окопчика, занимаемого пехотным взводом добровольческого батальона «Ленинград», Андрей наблюдал за безмолвной пустотой, простиравшейся впереди. Изредка в темноте вспыхивали и гасли таинственные огоньки. Молоточком по наковальне постукивал пулемет. Трассирующие пули прошивали мрак...

Лаптев посмотрел на светящиеся стрелки циферблата: «Пора!»

Они выскользнули из окопчика. Вместе с ними — двое проводников, оказавшихся совсем мальчишками — кудрявые пастушата в альпарагетах. «Вот они какие, агенты Ксанти», — подумал Андрей. Пастухи осторожно крались впереди, а разведчики следовали за ними.

Что-то клацнуло. Они замерли. Вспыхнул, прочертил темноту, описал полукруг красный огонек. «Кто-то курит», — догадался Лаптев. Они лежали на холодных камнях несколько минут. Потом мальчишки поднялись и, крадучись, пошли в обход. Сбоку снова застрекотал пулемет. С шипением взвилась в небо и вспыхнула ракета, залив валуны и кусты мертвенным голубым светом. Андрей определил, что первая линия вражеских окопов осталась позади. Но впереди еще можно ожидать вторую линию траншей, секреты, дозоры.

Поздний рассвет застал их в пятнадцати километрах от передовой, в густых зарослях сухого кустарника на склоне горы, у узкой каменистой дороги. Здесь им предстояло ждать следующего вечера. Мальчишки-пастухи объяснили, как пробираться дальше на Агьенсу, и, спустившись на дорогу, зашагали по ней в долину, весело перекликаясь и щелкая бичами, которые, оказалось, были намотаны на их тощие тельца под рубашками. Местные пацаны, что с них возьмешь? «Видать, хорошие агенты», — подумал Лаптев. Назначил очередность смены наблюдателей, разрешил подкрепиться сухим пайком. А тем, кто свободен от поста, — и вздремнуть. Сам решил бодрствовать.

Весь день по дороге и окрест не было почти никакого движения. Высоко в небе в сторону фронта прошли эскадрильи «юнкерсов», сопровождаемые «хейнкелями». Через некоторое время они вернулись. Андрей недосчитал в строю бомбардировщиков двух машин. По дороге прогромыхала колымага. Солдат-франкист, зажав винтовку меж коленями, обеими руками придерживал вожжи. Телега поравнялась с кустарником. Сграбастать старика ничего не стоит — не пикнет. Да какой от него, обозника, толк?

На небольшой высоте пророкотал над горой самолет-разведчик республиканцев. Высматривает. Напрасно. Даже они на земле не чувствуют присутствия крупных сил противника.

Однако это заключение Андрея оказалось опрометчивым. Чуть только стемнело, дорога разом ожила. Зловеще посвечивая узкими щелями подфарников, потянулись крытые брезентом грузовики «фиаты», которые Лаптев повидал еще под Малагой. Процокал кавалерийский эскадрон. По белеющим в темноте одеяниям всадников Андрей угадал бурнусы марокканцев. Проскрежетала по камням колонна итальянских танков «Ансальдо»... И все — на юг, к фронту.

Прямо на дороге вряд ли поживишься. Надо пробираться к Агъенсе. От наезженного тракта вниз, в долину, сбегала узкая каменистая тропа, сокращавшая, вероятно, путь пешеходам к городку. Разведчики начали осторожно продвигаться вдоль нее. По расчетам Лаптева, тропа должна была вывести к намеченному Ксанти пункту.

Прошел час. Уже начал просвечивать внизу, у подножия горы, населенный пункт. Уже слышен был собачий лай. И тут наконец им улыбнулось счастье. На тропе со стороны городка послышался перестук копыт. Судя по звукам, приближалась небольшая группа. Всадники ехали неторопливо, громко переговариваясь.

Божидар притиснулся к Лаптеву:

— Это макаровники.

— Кто-кто?

— Итальяшки, я же тебе говорю! У меня есть идея: я встану часовым на дороге, отвлеку их, а вы нападайте с двух сторон!

Придумывать что-нибудь другое уже некогда — четверо всадников показались из-за поворота тропы. Андрей подтолкнул серба:

— Действуй!

Радмилович вышел навстречу всадникам и застыл каменным изваянием. Когда те приблизились, грозно рявкнул:

— Альто! — Повторил приказ по-итальянски и направил на едущего впереди луч фонарика: — Пароль!

Свет фонарика мешал всаднику разглядеть фигуру на дороге. Сыграло и то, что серб обратился по-итальянски. К тому же ехавшие вряд ли ожидали опасности так далеко от линии фронта. Лаптев в свете фонарика разглядел, что первый всадник — офицер.

— Пароль! — строго повторил Божидар.

Офицер негромко назвал.

— Этот устарел. Назовите новый! — потребовал Божидар.

Всадник начал объяснять, что только полчаса назад получил пароль в штабе дивизии.

— Документы! — не опуская фонарика, потребовал Радмилович и шагнул вплотную к лошади.

Офицер достал из нагрудного кармана бумагу. Склонившись в седле, протянул ее. Божидар размахнулся и нанес ему удар по голове. В то же мгновение Андрей и Лусьяно с одной стороны, а Росарио — с другой бросились из кустов на остальных трех всадников. Нападение вышло таким неожиданным, что только один из них поднял коня на дыбы и выхватил пистолет. Однако выстрелить легионер не успел — пикадор вонзил в его грудь нож.

Через несколько минут оглушенный офицер, упакованный, словно тук инжира, с кляпом во рту, уже лежал поперек седла Андрея.

«Язык» добыт. Кажется, как раз такого хотел Ксанти. Есть и четыре хороших коня, четыре комплекта обмундирования противника, да еще по лишнему пистолету и карабину. Но времени до рассвета остается в обрез, а пропавших всадников могут хватиться в любую минуту. Скорей назад!..

Божидара, переодевшегося в форму офицера, Андрей пустил на коне впереди — на случай встречи с патрулем. Радмилович сможет хоть на какие-то мгновения отвлечь внимание. К тому же теперь им известен пароль.

Удача сопутствовала разведчикам всю обратную дорогу.

В окопах батальона «Ленинград» их ждали. Счастливые, возбужденные, разведчики рассказывали о своем поиске, пока бойцы распеленывали и приводили в чувство пленника. Невесть откуда появился корреспондент.

Нет, деятельность саперов — не для прессы!

— Ни слова газетчику! — приказал Андрей и поспешил увести своих бойцов и пленного из окопов в тыл.

Божидар, сеньор Лусьяно и особенно Росарио, уже начавшие было темпераментно живописать подвиги, подчинились без удовольствия.

Вместе с пленным Андрей прибыл в Мадрид. Судя по документам, один из убитых был офицером, казначеем

полка из дивизии «Черное пламя». В сумке его лежали тугие пачки песет и лир. Двое других тоже особого интереса не представляли. Зато всадник, которого сграбастал Божидар, оказался таким «длинным языком», о каком только и мог мечтать Ксанти. Это был офицер разведки при штабе дивизии капитан Франческо Мария Феррари.

Андрей присутствовал при его допросе. Капитан Феррари упорствовал не очень долго. Понял, что именно для беседы «по душам» и волокли его с кляпом во рту по горным тропам через линию фронта. А уж коль приволокли...

Из его показаний картина предстала такой. К северовостоку от Мадрида, в том районе, который особенно заинтересовал Ксанти, завершается концентрация трех итальянских дивизий: первой — «Так хочет господь» под командованием генерала Росси, второй — «Черное пламя» генерала Коппи и третьей — «Черные перья» генерала Нуволари. На подходе четвертая дивизия «Литторио» генерала Бергонцолли, а также две отдельные бригады. Всего около пятидесяти тысяч солдат, более двухсот орудий, сто танков, три десятка броневых автомобилей, несколько дивизионов огнеметов и эскадрилий самолетов. По существу, для наступления на Мадрид сосредоточивался весь итальянский «Корпус добровольческих войск» — тот самый, который участвовал в захвате Малаги. Командующий корпусом — дивизионный генерал Роатт.

Капитану Феррари оказалось даже известно, что наступление на Мадрид намечено на восьмое марта. Суть замысла: моторизованные части корпуса, обладающие подавляющим огневым превосходством, прорывают оборону республиканцев на узком участке фронта, а затем под прикрытием танков в прорыв входит весь корпус. Стремительно, не снижая темпов, он продвигается вперед — и пятнадцатого марта вступает в Мадрид.

Показания итальянского офицера частично подтверждались обнаруженными в его полевой сумке документами — приказами и распоряжениями командования экспедиционного корпуса и штаба дивизии «Черное пламя».

— Эти сведения дублируют и другие мои источники, — удовлетворенно сказал Ксанти.

— Что скажут теперь те деятели из генштаба и штаба фронта, которые не верили донесениям, полученным раньше?

— «Не верили»? Теми деятелями уже запылись органы безопасности республики. Следы ведут конечно же к «пятой колонне». Обстановка осложнилась, и тебе, Артуру, пока штаб фронта будет принимать ответные меры, надо оседлать со своими джигитами Французское шоссе.

— В зоне франкистов, за Сигуэнсой? — уточнил Андрей.

— Нет. Учитывая реальные возможности, мы не успеем перебросить под Гвадалахару много войск к началу наступления фашистов. А сейчас на том участке лишь несколько неукомплектованных бригад. Думаю, в первый момент итальянцы смогут продвинуться по шоссе.

— Значит, готовить к взрыву мосты, оборудовать минные ловушки и прочее?

Ксанти лишь с улыбкой, дружески потрепал Андрея за вихры:

— Напрасно тебя прозвали Пеструхой — надо было: Хитрухой! — И, как бы между прочим, добавил: — Доложил Старiku. Он доволен — и даже очень.

Но в казарме в Гвадалахаре, когда туда вернулся Лаптев, царило отнюдь не приподнятое настроение.

Командир уловил напряжение сразу, едва переступил порог. Росарио, нарушая порядок, валялся на койке в одежде. Божидар был пьян и сыпал проклятиями. Сеньор же Лусьяно чуть не со слезами на глазах тыкал в лицо Гонсалесу какую-то бумагу, а комиссар, слушая его, сочувственно кивал. Бойцы отряда, судя по выражению их лиц, были на стороне разведчиков в неведомом Андрею инциденте.

— Что случилось? — спросил Андрей серба. Но Радмилович, смерив его взглядом, отвернулся, продолжая поминать бабушек и прабабушек. — Что происходит, политделегат?

— Вот. — Комиссар взял у анархиста лист, расправил его. Это оказался номер газеты «Мундо обреро». Гонсалес ткнул пальцем в две улыбающиеся физиономии на первой странице. — Вот!

— Это же не наши... — начал разглядывать снимки Андрей.

— В том и дело! — не выдержав, подскочил серб и схватил из его рук газету. — Это же те самые прохвосты из батальона... К ним в окопы мы притащили макаронника!

— Ну и что?

— Ах «что»? — задохнулся от возмущения Божидар. — Нам ты запретил разговаривать с корреспондентом! А вот им не запретил! Они наше дело себе и прикарманили. Это они добыли «языков»! И теперь им слава на всю Испанию, а нам — кукиш с маслом!

— Си. Обидели комбатъентес, — согласился комиссар. — Это подрывает дух.

— Э, нет, хлопцы! — Андрей присел на край койки. — Успокойтесь — и давайте разберемся. Разве мы выполняем нашу работу ради славы?

— Они говорят: «Слава нам тоже не помешает!» — вступила в разговор Лена.

— Нет! Разведчик и диверсант перестают быть разведчиком и диверсантом, когда их портреты печатают в газетах. Пусть слава достанется другим. Хотя я не думаю, что эти парни присвоили нашего «языка». Просто, наверное, газетчик напутал... А мы и впредь будем выполнять нашу работу тихо, скрытно, не ожидая аплодисментов. Переведи им. Скажи: я не думал, что они так любят славу. Кто ставит ее выше, чем свой долг перед республикой, тот пусть уходит из нашего отряда. Переводи, Хо-зефа.

Он в упор посмотрел на Божидара, перевел взгляд на сеньора Лусьяно, потом на пикадора... Обвел глазами всех. Бойцы молчали. Все же Андрей не был уверен, что убедил их. Но не жалел, что возник этот разговор. Честолюбие — нужная мужчине и бойцу черта характера. Но когда честолюбие перерождается в тщеславие — становится опасно. Очень опасно! Многие стоящие люди сломались на этом.

Почувствовал, как снова охватывает голову жестокая боль. Она мучила его все чаще, все дни и ночи с той неудачной вылазки под Сигуэнсой. Временами она напоминала о себе лишь ровным гудом в ушах. Иногда этот гуд поднимался с такой силой, что Андрей смотрел на небо — искал самолеты. Он забыл о боли, когда повел бойцов за «языком». Теперь, словно накопив резервы, она яростно бросилась в атаку, слепя глаза. Лучше бы его ранило. По крайней мере, мог бы отлежаться на койке. А эти тиски невидимы. Для своих бойцов — он здоров и должен в любую минуту быть бодрым и быстрым на решения.

В полдень в расположении саперного батальона появился в сопровождении многочисленной свиты сам командующий Центральным фронтом, председатель комитета обороны Мадрида генерал Миаха — очень старый маленький толстяк в фуражке с высокой тульей, перетянутый португезами, с профессорскими очками на мясистом носу. Генерал приказал построить отряд во дворе казармы — и очень длинно, в высоком стиле поблагодарил бойцов за последнюю операцию, оказавшуюся столь важной для обороны столицы. Приказал выйти из строя участникам вылазки — и тут же объявил о присвоении звания офицеров дель Рохасу, Эрерро и Радмиловичу. И, приняв от адъютанта, каждому вручил еще и по пакету с песетами. Физиономия Божидара расплылась в самодовольной ухмылке, анархист смутился и покраснел, а пикадор горделиво вскинул чернокудрую голову. И Андрей понял, что все его нравоучения пошли насмарку. К тому же еще и сам он тут же, перед строем батальона, был произведен из майора — команданте в коронеля, то есть в полковника. Каждый из свиты командующего счел своим долгом поздравить его.

Среди сопровождающих генерала Андрей увидел Эренбурга, а рядом с ним — полного мужчину с непокрытой головой, в кожаной куртке на «молнии», с шарфом толстой вязки, один конец которого был переброшен через плечо. Из-под куртки выглядывала кобура пистолета.

Эренбург подозвал новоиспеченного коронеля и обратился к своему спутнику:

— Познакомьтесь: это и есть тот легендарный красный диверсант, о котором рассказывал вам Малино... А вы, Артуро, любите и жалуйте моего коллегу Михаила Ефимовича Кольцова, корреспондента «Правды».

— Я вас хорошо знаю. Конечно, по статьям.

— Может быть, когда генерал уедет, найдем несколько минут? — спросил Кольцов.

— Был бы рад. Но... — Лаптев замялся.

— Я понимаю, что не обо всем... — начал Михаил Ефимович.

— Не в том дело. — Андрей рассказал о казусе с корреспондентом «Мундо обреро». — Как встретят вас мои ребята?

Эренбург и Кольцов рассмеялись.

— Можете твердо пообещать от нашего имени, что их заслуг мы никому другому не припишем, — заверил Илья Григорьевич.

12

Итальянский экспедиционный корпус перешел в наступление под Гвадалахарой на рассвете восьмого марта 1937 года. Главный удар танковые и моторизованные части нанесли вдоль шоссе Сарагосса — Мадрид — на том участке международной автострады, который обстоятельно «подготовил» отряд Андрея.

Противнику удалось прорвать первые линии республиканской обороны и преодолеть половину пути между Сигуэнсой и Гвадалахарой. Но буквально на каждом шагу интервентов подстерегали сюрпризы: взлетали на воздух или рушились в воду пролеты мостов; ссыпались на дорогу, преграждая ее, камнепады; мины замедленного действия и дистанционного управления разносили на куски танки и броневики второго эшелона.

Тем временем штаб Центрального фронта успел перебросить с мадридского сектора навстречу интервентам армейский корпус в составе трех дивизий, в том числе лучшую дивизию республиканской армии под командованием Энрике Листера — героя первой обороны столицы в ноябре минувшего, 1936 года. В дивизию Листера вошли и две интернациональные бригады: одиннадцатая — генерала Клебера (немецкого антифашиста Манфреда Штерна) и двенадцатая — генерала Лукача (венгерского писателя-коммуниста Мате Залки). Комиссаром этой интербригады был итальянский коммунист Луиджи Лонго, а один из ее батальонов — имени Гарибальди — целиком состоял из антифашистов-итальянцев. Теперь им предстояло вступить в единоборство с чернорубашечниками-легионерами.

Три дня республиканские войска, ожесточенно контратакуя, сдерживали натиск фашистов. На четвертый день, двенадцатого марта, под проливным леденящим дождем, смешанным со снегом, они на всем гвадалахарском направлении перешли в контрнаступление и обратили интервентов в паническое бегство. Неся огромные потери в живой силе, бросая на шоссе и раскисших полях автомобили, орудия и танки, легионеры к двадцать первому марта откатились к линии, откуда начали свое генеральное

наступление на Мадрид. Итальянский экспедиционный корпус потерял половину состава. Однако и республиканские войска, дорогой ценой добыв победу, тоже не имели уже ни сил, ни средств, чтобы развивать успех.

В разгар контрнаступления в отряде Андрея, действовавшем на самом острие, а большей частью в ближайшем тылу итальянцев-легионеров, на путях их отхода, появился Ксанти:

— Задали мы им трепку! Муссолини небось кусает локти!

— Знаешь: в составе итальянского корпуса мы обнаружили и немцев, и марокканцев, — сказал Андрей.

— Точно. По нашим сведениям, вся авиация у них — немецкая. А кроме того — и танковый корпус, и батареи разных калибров — тоже с германским клеймом. Да и техническими службами и системой связи заправляют тоже выкормыши Гитлера из легиона «Кондор». Насколько нам известно, при наступлении на Гвадалахару действовала лишь одна дивизия Франко — «Сория», да и та наполовину не из испанцев, а из марокканцев.

— Каудильо загребает жар чужими руками?

— Кто чьими руками загребает — тут еще надо разобраться... — задумчиво проговорил Ксанти. — Скорее Гитлер и Муссолини используют Франко в своих целях: им нужно не только подавить в Испании республику и Народный фронт — им нужно опробовать в боях своих солдат и технику, отработать тактику агрессии...

— Старик говорил то же самое! — кивнул Андрей.

— Чувствую: не только здесь придется нам встретиться с их техникой и тактикой, — махнул рукой Ксанти. — И чует сердце — не так уж много времени осталось у нас на учебу.

— Не так страшен, оказывается, черт! — улыбнулся Андрей.

— Ишь вознесся! Уже и шапками готов закидать? Ну-ну, не обижайся! Если серьезно: трудно представить, что бы было, если бы ты не изловил этого болтливого капитана Феррари. Не успеешь мы перебросить сюда четвертый корпус, а главное — дивизию Листера и интербригады... В какой уже раз подтверждается истина: хороший разведчик стоит целого выигранного сражения. Хотя опыт опытом, а все же должна сопутствовать и удача.

— Еще бы! — Андрей вспомнил, как в темноте показались из-за поворота тропы силуэты всадников.

— И тебе пока везет, и Мадриду. Такая же удача привалила нам и в начале первого наступления франкистов, в ноябре прошлого года. Слышал, наверное?

— Ты что-то рассказывал: как Франко уже объявил о параде на Пуэрта-дель-Соль...

— Фашисты Наварры уже прислали каудильо и генералу Мола белых коней, на которых они должны были въехать в столицу. Но накануне, шестого ноября, наши бойцы, защищавшие Толедский мост, подорвали танк, экипаж уничтожили, а машину приволокли к штабу. В танке оказался франкистский полковник, а в его планшете — приказ Мола, в котором детально расписывалась вся операция: порядок продвижения, направления главного и фланговых ударов. Можешь представить, как это нам помогло! Не меньше чем показания твоего капитана.

— Неужели, если бы не этот Феррари...

— Думаю, все равно дали бы трепку фашистам. Но крови потеряли бы во много раз больше. Тогда для парада франкисты даже приволокли из Севильи икону святой девы-покровительницы, чтобы нести ее впереди своих войск, — снова рассмеялся Ксанти. — Но, судя по всему, святая дева решила покровительствовать настоящим испанцам, а не тем, кто продался фюреру и дуче! — Он достал из планшетки свою потертую на сгибах карту. — Доброе слово — дверь в душу. Но не подумай, что я притащился сюда только для восхвалений твоих подвигов.

— Черта лысого! От тебя дождешься... — проворчал Андрей.

— Под Гвадалахарой все уже решено. Собирай свой колхоз и двигай на новый участок. — Ксанти развернул карту. — Вот сюда, под Толедо. Я в тех местах сам минувшей осенью работал... Но сейчас нас особенно интересует железная дорога на участке Талавера-де-ла-Рейна — Толедо. По этой дороге в армию Мола фашисты перебрасывают через Португалию подразделения и технику легиона «Кондор». С этими гитлеровскими головорезами ты, сам признался, уже знаком. Надеюсь, укрепишь знакомство.

— Постараюсь.

Перед отъездом под Толедо — уже после того как противоборствующие стороны снова зарылись в окопы и

траншеи — Андрей решил осмотреть военные трофеи на недавнем поле сражения под Бриуэгой.

Жуткое зрелище представляла эта небольшая долина меж невысоких каменистых гор, примыкающая к Французскому шоссе. Под мрачным небом, на искромсанной гусеницами и колесами, набухшей от дождя и снега земле, чернели трупы людей и остовы сожженных машин. Еще чадили итальянские танкетки-огнеметы «Ансальдо»; зарылись в черно-красную жижу тракторы-тягачи «фиаты»; щерили стволы орудия; задирали над кюветами колеса грузовики «ланча»...

Андрей приехал с Хозефой.

В последнее время, по-иному глядя на Лену, стараясь быть как можно чаще рядом с нею, он, к радости своей, отмечал: она возбуждена, воодушевлена, то и дело беспричинно улыбается, глаза сияют. Или не замечал ее состояния прежде, или она тоже... Даже голос девушки стал мягче, глубже.

— Хелло! — окликнули их.

Андрей оглянулся. У развороченного «Ансальдо» стоял высокий мужчина. Рядом с ним куталась в меховую потертую шубку его спутница, молодая женщина. «Где я его видел?..»

— How do you do? ¹ — протянул тот широкую ладонь. И Андрей вспомнил: это американец журналист Хемингуэй, с которым они познакомились на Гран-Виа, а потом посидели в баре «Чикоте». Но сейчас янки был не в мягкой куртке, а в наглухо застегнутом брезентовом макинтоше, хотя и с тем же фотоаппаратом на груди. Но что ввело Андрея в заблуждение — корреспондент за этот месяц успел отрастить бороду а ля викинг. Короткая и густая, с проседью, она старила его лицо.

Хемингуэй начал что-то энергично говорить по-английски. Его спутница попыталась переводить на испанский, однако вскоре беспомощно развела руками. Подоспела Лена. Андрей и не подозревал, что она свободно изъясняется по-английски.

— Американец говорит, что рад встрече с вами — особенно в такой знаменательный день.

— Переведите: я тоже рад. А как ему нравится все это?

¹ Здравствуйте! (англ.)

— Он участвовал в сражении и утверждает, что в военной истории Бриуэга станет в один ряд с решающими битвами.

— Пожалуй,— согласился Андрей.

— Он говорит: «Но если даже история когда-нибудь и запомнит Гвадалахару, то фашисты ее крепко запомнят: это их первое серьезное поражение и первая большая победа республики. Пусть она станет началом общей победы над фашизмом!»

— Будем надеяться... Скажите ему: он симпатичный парень.— Лаптев протянул американцу руку.

— Он говорит, что ему хотелось бы часок-другой побеседовать с вами. Пленные итальянцы, с которыми он встречался, в страхе рассказывали о «красных дьяволах»: на дороге, проверенной саперами, вдруг поднимались огненные смерчи и сами камни начинали стрелять...— Лена тряхнула головой.— Он спрашивает, не наша ли это работа и не мы ли «красные дьяволы»... Ксанти пообещал, что вы поможете ему в работе над книгой о республиканцах-диверсантах.— И сама спросила у Андрея: — Кто он? Откуда он знает Ксанти?

— Это корреспондент и писатель Хемингуэй.

— О! Эрнест Хемингуэй! — Девушка уставилась на американца во все глаза.— Он очень хороший писатель! Я читала много его книг!

— Хорошо. Давай расскажем ему о ком-нибудь из наших... О ком?

— О Росарио! — воскликнула Хозефа и тут же добавила: — О Феликсе Обрагоне или о Варроне, о Лусьяно... О каждом можно рассказать.

«Почему журналистов и писателей так интересуют люди нашей профессии?... Может, и вправду наша работа выявляет все резервы человеческого духа?..»

— Прощу! — словно бы приглашая к столу, показал он на сизую от окалины броню сожженного танка.— Давайте побеседуем...

13

Отряд Лаптева, опять же под видом саперного батальона, влился в бригаду, стоявшую в городке Мора, который находился среди холмов у реки Тахо.

За стенами мрачной казармы уже буйствовала весна:

фруктовые деревья стояли будто в бело-розовой пене, днем под солнцем парила земля и раскалялись камни, а ночами все ниже опускались звезды.

В нескольких километрах от городка, за широкой и стремительной Тахо, лежал Толедо. То была уже вражеская территория. Линия фронта проходила по реке. И за рекой предстояло действовать диверсионным группам Лаптева.

Андрей чувствовал, что его отряд стал большой и дружной семьей. Нечто подобное испытывал он, когда учился в Кремле, а потом воевал с курсантской бригадой на Украине. Конечно, иное время, другие условия. Да и у горячих, темпераментных его бойцов неповторимый национальный характер. Но роднило общее — идея и самоотверженность. Они стали будто бы его братьями — Лусьяно, Обрагон, Гонсалес, Росарио, Божидар.

Офицерская форма особенно шла пикадору. Андрей видел: женщины в городке провожают лейтенанта выразительными взглядами. А однажды в лунном свете, заливавшем двор казармы, Андрей заметил в дальнем краю, на парапете, огораживавшем заброшенный фонтан, парочку. Что за женщина появилась в расположении отряда? Непорядок!..

Он окликнул. Отозвался, подошел Эрерро. Его вапарница как в воздухе растаяла. Может, показалось? Померещились сплетенные руки, почудился шепот? На самого неодолимо действует весна?..

Нет, он — солдат! Он — командир! Он должен думать только о деле! И пусть испанцы посмеиваются. Вон даже Феликс Обрагон, коммунист, сказал как-то вечером: «Пойдем, амиго, и для тебя есть красивая мучача!» Хорошенькие дела!

Но сквозь эти решительные и правильные мысли сквозила тоска. И ночами всплывало — то ли во сне, то ли наяву — лицо Лены, легкий пушок на посмуглевших щеках, спрятавшаяся за ухом родинка — ее обнажил ветер, когда девушка высунула голову в окно машины... Он ворочался на койке. Думал: «Вот когда кончится... Когда я уже не буду ее командиром... Только бы ничего не случилось с ней, не дай бог!..» Теперь он, хотя уже давно не брал Лену на задания в тыл, испытывал постоянную тревогу за нее. Но почему-то в глубине души верил: все будет хорошо. Украдкой поглядывая на девуш-

ку, примечал: расцветает прямо на глазах. Неужто тоже любит? И поэтому так светится счастьем?..

Все чаще ночами небольшими группами переправлялись диверсанты через реку. И где-то за двадцать — тридцать километров от линии фронта, в скалах, грохотали фугасы, срывались в пропасти, разбиваясь в щепы, вагоны с вражескими солдатами и техникой.

Вода в Тахо была ледяной. Бойцы форсировали ее то вброд, то вплавь. Обученные, уже набравшиеся опыта, они успешно выполняли задания. Группы без потерь возвращались в Мору. Так прошло несколько операций. Но вот ушла на диверсию группа — десять бойцов под командой лейтенанта Росарио Эрерро. Через сутки после контрольного срока вернулись лишь трое, без своего командира.

— Наскочили на засаду, — сказал участвовавший в рейде Феликс Обрагон. — Чудом вырвались. Остальные убиты. Фашисты схватили командира...

Переводила Хозефа. При последних словах Обрагона — показалось Андрею — кровь отхлынула от ее лица.

Спустя день над расположением республиканских войск «юнкерс» сбросил на парашюте грубо тесанные ящики. Вначале подумали: мины. Потом осторожно вскрыли. В ящиках оказались изрубленные на куски тела бойцов Лаптева. Что хотели продемонстрировать этой изуверской жестокостью фашисты? Свою лютую ненависть к солдатам республики? Или думали запугать живых?

— Будем бить врагов без пощады! Смерть за смерть! — выразил чувства всех комиссар Гонсалес.

— Победа или смерть! — отзывались бойцы.

Андрей тяжело переживал гибель парней. Но особенно трудно было ему смириться с потерей веселого красавца Росарио. Да простят ему другие солдаты, верные боевые товарищи, но пикадора он за эти месяцы особенно полюбил. Теперь он с болью восстанавливал в памяти его лицо, обрамленное смоляной курчавой бородкой, его улыбку. Сколько у них было общего, начиная с Малаги... Да, не выйти тебе на арену с бандерильями в руках, пикадор... И где та женщина, которая еще долго будет ждать тебя?.. Наверное, много женщин будет тебя ждать...

На следующий день после похорон бойцов Лаптева и Гонсалеса вызвал в Мадрид Ксанти.

— Надо выполнить одно очень трудное задание. — Достал свою неизменную потрепанную карту, ткнул пальцем в квадрат, обведенный толстой линией, на окраине Толедо. — Здесь — самый большой у франкистов патронный завод. Снабжает Молу боеприпасами. Так вот: нужно его взорвать.

— Да, крепкий орешек!.. — Андрей даже присвистнул. — А не проще ли артналетом или авиацией?

— Завод старинный, стены цехов — метра три. Их могла бы взять крепостная артиллерия. Такими калибрами мы не располагаем. Вокруг завода — плотная противовоздушная оборона. Но главное — склады готовой продукции зарыты глубоко в землю, — объяснил Ксанти и заключил: — Задание могут выполнить только диверсанты. Готовься. Организуй разведку объекта. И мы, конечно, поможем.

Возвращаясь в Мору, Лаптев прикидывал: как приступить к заданию? Без сомнения, франкисты бдительно охраняют завод. К тому же такую махину одной миной не подорвешь: потребуются сотни килограммов взрывчатки. Как проникнуть с ними на территорию, да еще уложить в самые уязвимые точки?..

Той же ночью он послал группу бойцов на разведку. Вернувшись, они рассказали: завод опоясан рядами колючей проволоки, вокруг всей территории — смотровые вышки с пулеметчиками. Перед главными воротами, из которых выходят железнодорожные вагоны с готовой продукцией, бронеколпаки с амбразурами. Разведчики зафиксировали время смены нарядов.

На следующий день Андрей и комиссар снова отправились в Мадрид. Ксанти разложил на столе схему-план завода.

— Вернее всего — заложить взрывчатку вот в этой, этой и этой штольнях, а также в складах готовой продукции, — показал на плане Андрей. — Используем неизвлекаемые мины замедленного действия с часовым механизмом, задублированным на электросигнал. Их разрушительная сила огромна. Даю голову на отсечение, противнику они не известны — последнее изобретение Старинаова. Почти все штольни расположены недалеко друг от друга. Если подорвем главный склад, от детонации взлетят на воздух и они. А в этот куст, расположенный в стороне, направляю отдельную группу.

— Убедительно. Но как ты думаешь проникнуть на завод? — посмотрел на него Ксанти. — Среди рабочих есть надежные товарищи. Это они и передали моим агентам план территории. Да вот как проникнуть за ограду?

— По-моему, возможен только один вариант, — убежденно сказал Лаптев. — Во время налета нашей авиации мы прорвемся на территорию, а затем будем действовать по обстановке.

— В смелости твоих джигитов никто не сомневается, но смелость без хитрости — конь без узды. — Ксанти досадливо пробарабанил пальцами по схеме и, повернувшись к Андрею, исподлобья посмотрел на него. — Я не хочу, чтобы стены этого завода стали вашей надгробной плитой. — Он помолчал, пощипал густые брови над переносьем. — Н-да, что же придумать?.. Хитростью, только хитростью нужно раскалывать этот орешек, а не кулаком — и тем более не лбом.

— Рабочие-компаньерос взрывчатку не пронесут?

— Нет. Каждого в проходных обыскивают. Они смогут только встретить на территории и провести к складам.

Гонсалес, все это время хранивший угрюмое молчание, попыхивавший сигарой и лишь разглядывавший чертеж, вдруг вскочил и радостно раскинул руки, будто собираясь обнять Андрея и Ксанти:

— Camaradas. ¡Tengo una idea! Una magnífica idea! ¹

Лаптев еще не видывал своего сурового комиссара таким радостно-возбужденным. А тот, путая и в невероятном порядке мешая испанские и русские слова, стал выкладывать свою «превосходную идею».

Перед тем как Гонсалес пошел защищать республику, он работал на заводе — химическом, а не боеприпасов, но это сходные производства. Был мастером по канализации. На каждом таком предприятии имеется целая система отводных труб. Толедский завод расположен на плато, пересеченном оврагами. Отработанную воду сбрасывают в овраги или даже в Тахо...

— Отлично! — не дал ему договорить Ксанти. — Каким может быть диаметр этих труб?

— Вот! — попилил по шее ребром ладони Гонса-

¹ Друзья, мне пришла мысль... Превосходная идея! (испан.)

лес.— Даже вот! — Он крышей поднял ладонь над головой.

— А как далеко отводятся они за территорию завода? Комиссар объяснил: бывает, и за несколько километров от заводских цехов.

Андрею тоже не нужно было ничего доказывать — он сразу оценил предложение Гонсалеса.

— По этим трубам и проберемся, если только они не доверху заполнены.

— Доверху не бывает обычно! — Жесткое, обросшее колючей черно-седой щетиной лицо комиссара изображало сейчас подобие улыбки.— Не бывает обычно!

От возбуждения он не мог усидеть на месте, снова вскочил, начал бегать по комнате, как барс, рвущийся на волю.

— Ну я же тебе говорил — лев, а? — Ксанти восхищенно перевел глаза с Андрея на комиссара.— Великолечно! Вряд ли франкисты догадались охранять и выходы из труб. Ночью у нас будет связник оттуда. Товарищи с завода, уверен, и план коллекторов раздобудут, и помогут пробраться по ним. Готовьте людей и все необходимое для операции.— И снова весело улыбнулся: — Лев у тебя комиссар, а? Тигр!

Лаптев и Гонсалес вернулись в Мору.

Андрей переступил порог своей комнаты — и вдруг навстречу ему поднялся Росарио!

Это было так неожиданно, что Лаптев стиснул пикадора в объятиях, расцеловал и только потом, усадив, начал расспрашивать и разглядывать. Впрочем, он не все мог понять без переводчика. Хлопал лейтенанта по плечам и повторял:

— Бьен, Росарио! Браво! Бьен!

Эрреро был исхудавший, заросший. Его смоляная борода раснатлалась. Лицо в жестоких, запекшихся ссадинах. Но даже и кровоподтеки казались живописными на этой белозубой физиономии. Одет он был в грязное рванье, а на ногах вместо щегольских мягких сапог с неизменными шпорами — лапти-альпарагеты с веревочной шнуровкой до колен.

Андрей приказал, чтобы позвали комиссара и переводчицу. Лена вошла, увидела Росарио, ахнула и бросилась к нему. Гонсалес сочувственно цокнул языком. А Андрей обмер: «Что такое?..»

Девушка отступила, виновато наклонила голову. Но потом дерзко трянула волосами и посмотрела Андрею прямо в глаза. И он словно бы прочел в ее синем взгляде: «Да! Это правда!»

Он почувствовал, как все похолодело у него внутри. Отвел глаза. Повернулся к пикадору:

— Рассказывай.

А в голове стучало: «Как же так?.. Может быть, она просто обрадовалась, что хоть один из них вернулся живым?»

Лейтенант начал рассказывать. Голос его был хриплый. Он говорил, вскидывая глаза то на Андрея, то на комиссара, то на переводчицу. И когда он смотрел на Лену, Андрею казалось, что воздух комнаты рассекают лучи света. «Так вот оно что... Вот кто был тогда с пикадором во дворе ночью... Это ее руки...» Он вдруг испытал такое чувство злости — и к ней, и к Эрерро, что даже зажмурился и стиснул зубы. «Возьми себя в руки... Ты же командир... Ну, нравятся друг другу... Этакий красавец! И она... Ну обнимались — весна...» Андрей заставил себя подавить неприязнь, уловить нить рассказа лейтенанта.

А Росарио меж тем восстанавливал картину происшедшего: как повел он группу к железной дороге, как нарвались они на засаду; он дал приказ отходить — и в том бою почти все были убиты, а он сам, раненный, схвачен в плен. Его бросили в тюрьму. К счастью, надзиратель оказался знакомым. Вернее, знал пикадора по его корридам. Он и помог Росарио бежать. И вот он здесь... Эрерро смущенно улыбался, словно стыдясь багровых рубцов на лице — следов пыток.

Нет, что бы ни было у него с Леной — это несравнимо с тем, что лейтенант жив и вернулся в отряд. Андрей уже справился с собой. Подавил в душе чувство ревности. Он рад, рад за отважного парня! И может понять Лену — таким парнем стоит гордиться!..

Комиссар угрюмо молчал. Его лицо с каждой минутой становилось все суровей. «Сочувствует?» — посмотрел на него Андрей. Но разбираться в переживаниях Гонсалеса ему было некогда. Он приказал восстановить лейтенанта во всех видах довольствия, обмундировать и два дня не трогать — пусть отдышится, — а сам присту-

пил к приготовлениям. Надо было продумать каждый шаг предстоящей операции.

Теперь уже сам Ксанти приехал в отряд. Привез план коллекторов и обнадеживающее известие: одна из труб сбрасывает отходы в излучину самой Тахо, в двух километрах от заводской территории. Охраны на выходе нет. Однако имеются заградительные сети. Уровень сточной воды невысок, но она насыщена различными кислотами, и в трубе могут скопиться ядовитые испарения. Нужно особенно позаботиться об одежде и обуви, обязательно прихватить противогазы. В назначенное время проводники будут ждать диверсантов у выхода из трубы.

Обсудили весь ход рейда. Решили создать две группы. Одна форсирует реку, завяжет бой, отвлекая внимание на себя. Следом за нею переплывет Тахо вторая группа. По трубе она выйдет на заводскую территорию, а там, разделившись, диверсанты проберутся в склады готовой продукции, в штольни.

— Непременно заложите взрывчатку и в хранилище, расположенное в стороне от основного склада. Предполагаю, что там у франкистов особо ценные материалы,— сказал Хаджи. — Ну, джигиты, желаю успеха! Сами понимаете, как важно нам вывести из строя этот завод.

Запершись в командирской комнате, Андрей и Гонсалес приступили к комплектованию боевых групп. Первая — группа прикрытия. У нее задача самая опасная: открытый бой с превосходящими силами.

— *Pos mi nombre aquí*¹, — ткнул пальцем комиссар в верх листа, на котором Лаптев столбцом вывел фамилии бойцов первой группы.

Андрей оценивающе посмотрел на его мрачное, колющее лицо, на плотно сжатые губы, давящие черную сигару. Гонсалес — не минер. Он не умеет устанавливать взрыватели, и на заводе от него проку будет мало. Но он вправе участвовать в операции — бойцы должны как можно чаще видеть комиссара в деле.

— Хорошо. — И первой вписал фамилию политдеlegates.

Группу, которой предстояло заложить взрывчатку в главном складе, он решил повести сам.

¹ Меня поставь сюда (*исп.*).

— А командиром второй группы на склады в стороне назначим лейтенанта Эрерро.

— Но,— мрачно качнул головой Гонсалес, и тлеющий конец сигары, зажатый в его губах, прочертил огненный минус.— Он не пойдет.

— Почему? Росарио уже оправился от ран.

— Не верю,— снова качнул головой комиссар.

— Не понимаю. Чему не веришь? Кому не веришь?

— Попал в плен, был у фашиста, живой пришел — не верю. Эрерро — *traidor*!¹

— Не смей! — Лаптев вскочил и грохнул кулаком по столу.

Комиссар сидел черный, колючий.

— Был в плену у фашиста, пришел живой — *traidor*,— упрямо повторил он.

— Факты! — потребовал Андрей.— Выкладывай факты! — Он с силой похлопал ладонью по столу.— Ну? Давай факты!

Гонсалес насупился еще больше. Помолчал. И начал говорить, нанизывая русские и испанские слова. Надо было бы позвать переводчика. Нет, лучше Андрею разобратся с комиссаром с глазу на глаз. В конце концов он понял. Рассказ Гонсалеса сводился к следующему. Политделегат заподозрил, что пикадор говорит неправду, еще во время их первого разговора. Очень все складно получалось: схватили, знакомый помог бежать... Другим — не помог. И пытали лейтенанта не так, как пытаются фалангисты солдат республики. Те ящики — вот их почерк. А у пикадора все уже зажило, командир сам сказал. Пусть Артуро не трясет головой. Дело не только в шрамах. Дело в том, что точно такую же историю Гонсалес однажды уже слышал. Только не здесь, а на самом севере, в Астурии, под Овиедо, где он начинал борьбу с фашистами. Тот человек, как оказалось потом, был завербован фалангистами. И за свою доверчивость республиканцы заплатили очень дорого в Овиедо.

— Ну знаешь! Если тот оказался предателем, значит, все, бежавшие из плена,— предатели? Так мы далеко пойдем!

— Альто! Стой! Слушай конец,— настоял Гонсалес и продолжил.

¹ Предатель (*исп.*).

После того разговора он еще раз беседовал с лейтенантом: где Росарио был, когда и с кем встречался, как выбирался назад. Потом комиссар проверил в отделе безопасности. Агентурные работники утверждают, что в тех местах, о которых говорил Эрерро, нет франкистской тюрьмы. Где же его допрашивали? Откуда же он бежал?.. Но у фашистов в лапах он был. Значит?..

— Ничего не значит! «Утверждают»! Те, в штабе обороны Мадрида, тоже «утверждали», что под Гвадалахарой итальянцев нет. А насчет неточностей — вполне мог лейтенант перепутать, где и когда. Его тащили раненого, избитого. Нет! Во всех твоих фактах не хватает главного: что могло заставить Росарио предать нас и республику? За эти месяцы я убедился: испанцы — люди чести.

— Франкистас и «пятая колонна» — тоже испанцы, — ответил комиссар.

— Я говорю о Росарио! Я столько раз видел его в деле.

— Я тоже. Но он не идет. Его надо арестовать.

— Нет!

Гонсалес встал, отошел к двери:

— Подумай хорошо. Очень хорошо подумай. — И вышел из комнаты.

Лаптев минуту сидел в каком-то оцепенении. Неужели комиссар прав? Неужели это может быть? Бесстрашный лейтенант — предатель? Произнеси это слово кто-нибудь другой, Андрей отдал бы клеветника под трибунал. Но Гонсалес вызывал уважение. В мрачной фигуре комиссара Лаптев ощущал железную силу. Не физическую, а силу духа, неколебимую убежденность в своей правоте. Такому, как Гонсалес, веришь. Но сейчас Андрей поверить ему не мог. Он решил сам поговорить с пикадором.

Лейтенант вошел в комнату бодрый, веселый. Чувствовалось: отдохнул, случившееся — позади. И даже на лице его, кроме наклеек пластыря, не осталось следов истязаний. «Фалангисты пытаются не так...» — будто проговорил над ухом комиссар. А Малага? И как уничтожали самолет в сахарном тростнике, и «длинный язык». И все другое, пережитое вместе?.. И Андрей без всякой подготовки спросил:

— Росарио, ты сказал правду о побеге?

Лицо лейтенанта мгновенно передернулось, как от

острой боли. Он отступил на шаг, одной рукой рванул, разорвал ворот рубахи, другой выхватил из ножен на поясе тесак, крикнул:

— И ты! С этим жить нельзя! Убей!

«Черт их побери! Как опера «Кармен»!..» Андрей сжал его руку с ножом.

— Я должен был спросить.

— Я не предатель! Слышишь? Клянусь матерью. Не веришь — убей!

— Успокойся. Забудь о нашем разговоре. Иди.

Эрерро, понурившись, тяжело дыша, будто после изнурительной корриды, начал вкладывать тесак в ножны, и Лаптев увидел, как острие ножа тыкается, не попадая в узкую щель. Потом лейтенант застегнул на груди рубаху, провел ладонью по серому лицу и вышел.

«Дьявол их всех побери!..» Андрей понял, что разговора не получилось. Поверил он или не поверил?.. Другу нужно верить, какими бы убедительными ни казались факты. Вера в человека важнее фактов. И все же... Не должно остаться ни малейших сомнений... Неожиданно для самого себя он решил поговорить с Леной.

Но как приступить к этому разговору?.. Тем более если между нею и пикадором что-то есть?.. Конечно, ничего серьезного: просто романтическое увлечение в романтической обстановке. Голубой флер... А все же...

Нет, он будет говорить не здесь. Лена почему-то очень хотела побывать на берегу Тахо. Он не разрешал — там, на передовой, появляться опасно. Но теперь ему самому нужно еще раз осмотреть место, откуда предстоит отряду переправляться через реку.

Они поехали поздним вечером. Вел машину сам Андрей.

Вдоль кромки берега были прорыты траншеи. Патрули, прежде чем пропустить их к реке, придирчиво проверили документы. В их «тархетах» значилось, что они имеют право перехода через линию фронта в любое время — до полной победы над врагом. И патрули, посветив в лица фонариками, почтительно отсалютовали им. Умогучего вяза они осторожно спустились к самой воде. Тахо, бурля и позванивая меж обломков камней, текла у ног. А на противоположном берегу над крутым обрывом обрисовывался острыми пиками соборов, крепостными стенами и башнями старинный город.

— Вот и исполнилась моя мечта...— с грустью в голосе проговорила девушка, глядя на реку.

— Какая? — удивился Андрей.

— Еще до института — в девятом, нет, в восьмом классе, когда увлеклась Испанией и испанским, самой моей большой мечтой стало — увидеть Толедо. Знаете, одни ребята мечтают — летчиками там или с парашютом прыгать, другие — с челюскинцами по Северному морскому пути... Я тоже, конечно, обо всем этом мечтала. Но больше всего — о Толедо.

— Чего вдруг? Почему не о Мадриде?

— Нет, именно о Толедо. Его называют короной Испании и всего мира. Называли... Когда он был столицей страны. В этом городе каждая улочка — сказка или легенда. Во-он там, видите, левее — башня на скале? Это башня Родриго, последнего короля вестготов. С этой башни Родриго увидел дочь графа Юлиана красавицу Флоринду — она купалась под навесом скалы, эта скала называется Баньо де ла Кава... Флоринда стала возлюбленной короля. Но ее отец, чтобы отомстить за бесчестие дочери, призвал войска мавров из Северной Африки, они разгромили полки Родриго, захватили Толедо и всю Испанию, и испанцам пришлось воевать почти восемьсот лет, чтобы освободить от мавров страну.

— Ничего себе! Цена любви...

— А вон тот мост Алькантара построен еще римлянами. На этом мосту стояли и Сервантес, и Лопе де Вега, и Эль Греко... Если бы я побывала в Толедо, я бы узнала каждую улочку.— Она замолкла, усмехнулась: — Лисица и виноград.

Толедо чуть слышно звенел за рекой огромной пилой с выкрошенными зубьями. Или это звенела вода в Тахо?.. Сейчас ни с той, ни с другой стороны не стреляли. Как-то будет здесь завтра?..

Со свистом взмыла в зенит ракета. Огненное тело ее прочертило яркий след, и вспыхнуло зеленое солнце, затмив луну, озарив мост. Тень его высоких арок упала на Тахо. «Алькантар», — повторил про себя Андрей. И подумал: только бы не получил он задания взорвать этот древний мост.

Продолжая наблюдать за свечением теряющей накал, будто зябко съеживающейся в небе от холода ракеты, он

спросил, сам почувствовав, как неведомые холодные пальцы сдавливают его сердце:

— Хозефа, как ты... Что ты знаешь о Росарио?

— Все,— ответила она.

Она сказала это таким тоном, что ему показалось: ее голос — те самые ледяные пальцы, заморозившие дыхание.

— Все? — с трудом переспросил он, усмехнулся: — Так уж и все!

— Да. Потому что я его жена,— тихо сказала она.

И Андрей понял, что с самого начала разговора, а может быть, и еще раньше, в тот вечер, когда лейтенант рассказывал о побеге, а Лена смотрела на него, он догадался об этом. Но все равно сейчас он с возмущением воскликнул:

— Ты? Ты же — советская! Комсомолка!

Как тогда, в командирской комнате, она тряхнула волосами и посмотрела ему в глаза:

— Ну и что?

«Что? — хотел он закричать. — Да я же люблю тебя, черт возьми!» Но сказал другое:

— Нет, Лена... Ты влюблена в Испанию — и увлеклась Эрерро, потому что...

— Красив, пикадор и все прочее? — В голосе ее прозвучали насмешка и умудренность, будто она была намного старше Андрея и разговаривала с ним как с несмышленышем.— Нет, командир, тут не разложишь по полочкам и не объяснишь... Просто я люблю его, а он любит меня.

— Но он иностранец!

— Ну и что? Республика победит. Я кончу институт. Приеду в Испанию. Буду или преподавать испанчатам русский язык, или вырезать у них аппендиксы — я же учусь в медицинском! — весело, как о простом и окончательно решенном, сказала она.

«Все... — тоскливо подумал он. — Вот тебе и судьба... Эх, не надо мне было брать пикадора в отряд!»

Стоило ли продолжать с нею разговор о лейтенанте? Имел ли Андрей право тревожить ее душу подозрениями комиссара?

Лена столкнула носком камень в воду:

— Мы не хотели скрывать... Мы сами собирались сказать. Спасибо, что ты все так хорошо понял.

Он впервые за все эти месяцы назвал ее Леной, а она впервые сказала ему «ты»...

В казарме Андрей нашел Гонсалеса. Решительно и сухо, пресекая всякие возможные возражения, объявил:

— Лейтенант Эрерро назначен мною командиром второй группы.

— Бьен. Командир — ты, — с отчуждением посмотрел на него политделегат. Глубоко затянулся огрызком сигары. Андрею показалось, что огонь поыхивает у него изо рта. — Но знай: я сообщил в Мадрид, в сегуридад.

И вот наступило время начала операции. Бойцы выстроились во дворе казармы. Лаптев и Гонсалес еще раз проверили каждый рюкзак со взрывчаткой, минами, снаряжением; проверили, как подогнана одежда и обувь, пригнаны ли противогазы. До самого последнего момента Андрей не раскрывал бойцам замысла операции. Теперь, перед выходом, ознакомил с маршрутом и предстоящей работой. По лицам парней понял: почувствовали ответственность и опасность задания, подобрались. Даже примолкли.

Поздним вечером отряд вышел из казармы. Во двориках Моры за каменными оградами цвели сады. Из раскрытых окон доносилось треньканье гитар. На узкой улочке, пропуская колонну, парочки прижимались к шершавым стенам. Нелегко уходить навстречу смерти в такую ночь.

За несколько минут до того, как черные лодки с группой прикрытия сползли острыми носами в реку, в нескольких километрах правее ударила через Тахо республиканская артиллерия, зачастили пулеметы. Там, над излучиной, повисли осветительные ракеты, запульсировал вспышками огня франкистский берег.

Гонсалес и его ребята должны уже достигнуть переднего края. Лаптев выждал несколько минут и приказал:

— Вперед! Аделанте!

И лодки его группы дружно, как на гонках, рванулись вперед. Они пересекли реку бесшумно и стремительно и приблизились к правому берегу, когда бойцы Гонсалеса уже завязали шумный бой, отвлекая противника. Диверсанты незамеченными проскользнули левее, к рукаву реки, куда выходила одна из труб заводского коллектора. Сгибаясь под тяжестью увесистых рюкзаков, парни гуськом побежали в темноту, за командиром.

Сзади, то ослабевая, то разгораясь с новой силой, шла перестрелка. Через несколько минут, в условленный момент, часть группы Гонсалеса должна отступить. Франкисты посчитают, что попытка форсирования Тахо небольшим отрядом отбита, и успокоятся. Но уйдут на левый берег не все — воспользовавшись темнотой, комиссар и большая часть бойцов займут оборону недалеко от того места, где причалили лодки Лаптева. И оставят они свой рубеж последними, когда задание будет выполнено.

Впереди, в гуще прибрежных кустов, мигнул огонек. Он вспыхнул еще дважды.

Позади теперь шелкали лишь одиночные выстрелы. Хрустнули ветки. Послышался приглушенный голос: — ¡Aquí, camaradas! La entrada está por aquí!¹

За кустами темнела жерловина трубы диаметром метра полтора. Навстречу диверсантам подошли еще двое. Серб Божидар переговаривал с ними. Вернулся к командиру, объяснил: товарищи из заводской подпольной коммунистической ячейки. Они проверили трубопровод, сами прошли по нему, сняли заградительные решетки. Товарищи предупреждают: надо быть очень осторожными — воздух отравлен испарениями, жидкость может вызвать ожоги. Труба выведет бойцов прямо на территорию завода. Люки будут открыты.

Андрей посмотрел на часы. Время приближалось к полуночи. Он подозвал пикадора и, стараясь в темноте разглядеть его лицо, сказал:

— Пойдешь первым!

Росарио с воодушевлением тряхнул его за руку. У лейтенанта поверх брезентовой куртки был надет широкий пояс с парабеллумом справа и тесаком слева. Андрей отметил, что рюкзак у него объемистей, чем у многих других, да еще в руке он держал деревянный ящичек со взрывчаткой.

Лаптев приказал надеть противогазы и пристегнуть к поясам голенища высоких рыбацких сапог. Махнул рукой: «Двинули!»

Пикадор повернул к нему голову, обезображенную круглыми окулярами и хоботом противогаза, кивнул и шагнул к трубе.

Первым исчез в отверстии рабочий-проводник. За

¹ Товарищи, сюда! Вход здесь! (исп.)

ним — лейтенант и бойцы его группы. Парни, вступая под свод, пригибались, но тяжелые рюкзаки все равно шаркали по железу. В темноте, да еще в маске, трудно было различить, кто проходил мимо. Андрей лишь догадывался: «Луис... Феликс Обрагон... Варрон...» Вот и студент Лусьяно в острой, надетой поверх противогаза кокетливой своей шапочке с патроном вместо звезды. Андрей шел замыкающим. Жижа была почти по колено. Густая, маслянистая, она струилась навстречу, пружинисто сдерживая каждый шаг. Дно от осадков было вязкое, податливое, скользкое. Огонек фонаря поблескивал далеко впереди. Хотя активированный уголь добросовестно очищал воздух от ядовитых примесей, все же Лаптев ощущал резкий смрадный запах. И боль в голове, уже затухающая, ставшая привычной, снова обострилась. Каждый шаг отдавался в висках, будто раскачивался в мозгу тяжелый раскаленный маятник.

Андрей поднес циферблат к глазам. Светящееся жало секундной стрелки быстро бежало по кругу. Передвинулась к единице часовая стрелка. Он забеспокоился: им еще километра два пробираться по трубе, потом предстоит проникнуть в подземные склады и заложить взрывчатку. А время строго ограничено. Взрыв должен произойти вскоре после окончания ночной смены, когда рабочие покинут цеха. Работа на заводе прекратится до утра — в шесть часов франкисты привезут следующую смену. Однако диверсанты должны заложить взрывчатку еще до окончания этой смены — иначе их появление на заводском дворе привлечет внимание франкистов: в перерыв на территории останется лишь охрана. Но бойцов не поторопишь. Они пробираются чуть ли не на четвереньках, сгибаясь в три погибели под тяжестью рюкзаков. «Раз-два... Раз-два...» «Кляцк-кляцк... Кляцк-кляцк...» Плещется под ногами жижа. Уже скоро должен кончиться этот проклятый путь. Говорят: «Прошел огонь, воду и медные трубы». Что значит — медные трубы? Оркестры? Слава? Или вот так — с чудовищной тяжестью, разламывающей поясницу, с гудом в голове, с нестерпимой жаждой вобрать воздух всей грудью?..

Он ударился лбом об угол ящика, который нес за спиной в рюкзаке идущий впереди боец.

Остановка. Что случилось? Не обгонишь тех, кто впереди, — труба узка. Не спросишь в этой чертовой маске.

Их предали, и впереди — враги? Но тогда бы стреляли. Преграда? Недавно по этому пути пробрались встречавшие их рабочие. Что же случилось?.. Напрасно он первым поставил Росарио... Глупое положение: командир — а в самом хвосте; должен принимать решение, а в чем дело — не знает. Почему остановил бойцов пикадор?..

Через четверть часа движение возобновилось. Как жалко этих потерянных драгоценных минут!

Труба вывела в помещение, подобное пещере. Стены и потолок были в потеках, напоминающих сталактиты, сверкающие в лучах фонариков. Из этого помещения веером расходились трубы меньшего диаметра, чем та, по которой бойцы пришли сюда.

Лаптев, обогнав бойцов, пробрался вперед. Около Росарио стояли проводник и еще двое, державшие какой-то бесформенный большой тюк. В одном из бойцов Андрей узнал Божидача, в другом — Феликса Обрагона. А подойдя вплотную, разглядел: серб в обнимку держит не тюк, а студента Лусьяно.

Обрагон обхватил рукой гофрированную трубку противогаса и сделал движение, как бы сдергивая маску.

Лаптев понял: студент сорвал противогаз и отравился ядовитыми испарениями. Приложил ухо к груди сеньора дель Рохоса. Сердце анархиста учащенно билось. «Слава богу, жив! Ух, негодяй! Не выдержал!..» Он показал бойцам: «Несите!», а сам поспешил вперед.

Еще несколько сот шагов — и проводник остановился у металлической лесенки, поднимавшейся вверх, в колодез люка. Рабочий вскарабкался по перекладинам, постучал в крышку. Чьи-то руки ее подняли — и в колодез хлынул холодный воздух. Наверху, на поверхности земли, Андрей стащил противогаз и распрямился: блаженство! Как легко дышать!

Поднялись остальные, вытащили студента. Лаптев снял с его лица маску, расстегнул куртку, стал бить по щекам, тереть уши. Лусьяно несколько раз судорожно вздохнул, закашлялся. Открыл глаза.

— Скажи этому стервецу, — со злостью проговорил Андрей, обращаясь к Божидачу, — когда вернемся, я спущу с него шкуру! Этот мальчишка чуть не сорвал нам всю операцию! Спроси у них, — он показал на рабочих, — смогут они укрыть его, пока мы будем работать?

Серб быстро переговаривал с рабочими. Они взяли

Лусьяно за руки и за ноги. Но он уже пришел в себя, пытался вырваться.

— Несите! Когда очухается, пусть ждет. Захватим на обратном пути!

У них уже не было в запасе ни минуты.

Люк находился на краю заводского двора, у стены одного из корпусов. Ночная смена еще работала, и корпус гудел разнотонными шумами. Стекла окон мерцали синим светом. Поэтому все вырисовывалось призрачно. Но после темени подземелья Лаптеву показалось во дворе светлым-светло. Торопливо проходили люди. Резали слух громкие голоса.

Двое рабочих, встретившие их у люка, увели за собой, крадучись вдоль стены, группу Эрерро. А другие подкатили к люку четырехколесную тележку. Бойцы группы Лаптева свалили на нее снаряжение, прикрыли сверху куском брезента. Со стороны — рабочие везут какие-то заготовки.

Они обогнули заводской корпус, пересекли двор, поравнялись с приземистым зданием, увенчанным массивной квадратной трубой, — наверно, котельной. Рабочий — тот, что шел впереди, — жестом приказал: «Остановитесь!» — и пошептался с Божидаром.

— Вон там, впереди, — показал серб Андрею, — главный склад готовой продукции. У ворот часовой.

— Снимешь — и встанешь на его место.

— Момент! — отозвался Радмилович: ему это было больше по душе, чем рыть землю в штольне.

В это время заверещал пронзительный сигнал, и разом послышался многоголосый шум, захлопали железные двери.

«Накрыли группу пикадора? — охолодило Андрея. Но тут же сообразил: — Конец смены. Да, ровно три. Как летит время!»

Рабочие шли из корпусов к заводским воротам. Лаптев подождал, пока из котельной и ближнего корпуса выйдет основная масса людей. У ворот еще шумела толпа. Но дольше тянуть нельзя.

— Иди! — хлопнул он по плечу Радмиловича. — А ребятам скажи, чтобы они отвлекли внимание часового.

Божидар пошептался с рабочими. Они выбрались из-под навеса котельной, скрывавшего всю группу, пересекли двор и, остановившись шагах в пятидесяти от метал-

лических ворот, преграждавших спуск в подземелье, начали громко браниться, потом чиркнули спичками.

Часовой потребовал, чтобы они отошли, не нарушали светомаскировку. Рабочие крикнули нечто презрительное в ответ. Франкист клацнул затвором карабина, направился к ним.

Тем временем Божидар, обежав вокруг котельной, оказался за его спиной. Откуда только взялась кошачья сноровка в этом огромном теле? Бесшумными прыжками он преодолел немалое расстояние от котельной и обрушился на часового. Солдат рухнул без звука, только лязгнул приклад карабина о камень. Лаптев и остальные бойцы наблюдали за движениями темных фигур, как за кадрами немого кинофильма.

— Скорей! — Он ухватился за холодную ручку тележки.

Подкатили ее к самым воротам. Божидар уже стоял около них с карабином в руках, расставив ноги. Успел напялить шапку франкиста и опоясаться его ремнем с подсумками поверх брезентовой куртки.

Отключена сигнализация. Отперт замок. Осторожно, придерживая тяжелую створку ворот, бойцы открыли вход в склад. Подхватили рюкзаки с тележки и побежали вниз вслед за командиром.

Теперь — вырыть минные колодцы, установить взрыватели, очень осторожно снять предохранители. Малейшее неверное движение — и боек ударит в капсуль. Подсоединить часовой механизм и дублирующий провод, соединенный с батареей, — эта батарея самопроизвольно замкнет сеть и пошлет импульс взрывателю через минуту после истечения времени, установленного на часах. И наконец, в нескольких метрах на пути возможного подхода саперов противника поставить обычные противопехотные мины...

Андрей работал, отрешенный от всего, что было далеко и близко за каменной кладкой этих стен. Руки превратились в рычаги автомата: движение ни на сантиметр длиннее, ни на сантиметр короче, ни на мгновение быстрее, ни медленнее, усилие ни на йоту больше, ни меньше. Суше и жестче стала кожа ладоней и пальцев. Взбухли от прилившей крови вены. Взмок лоб, горячие струйки потекли по щекам, по ложбинкам морщин. Взмокла спина, рубаха прилипла к лопаткам. Но он ничего этого не

чувствовал. Только вторым каким-то слухом ловил звуки, доносившиеся оттуда, от входа в подземелье: не обнаружили ли наверху исчезновение часового, не наступило ли время смены караулов? Не выдала ли себя неосторожными действиями группа Росарио?.. Но к этому подсознательному чувству постоянной и многоликой тревоги примешивалось, умиряя его и остужая разгоряченный лоб, чувство удовлетворения: что бы там ни случилось дальше, а дело уже сделано, задание выполнено, через час, в 4.45, — минута в минуту — завод взлетит на воздух, и предотвратить это уже не в силах ни бог, ни дьявол... Ни даже он сам, «коронель Артуро».

Последнее: на определенном расстоянии от минных колодцев уложить взрывчатку. Она первой примет удар взрывной волны, сдетонирует, удесятерит силу взрыва и передаст ее дальше, этим бесконечным, тянущимся далеко вглубь бетонных штолен штабелям оцинкованных ящиков с пистолетными, винтовочными и крупнокалиберными патронами.

Все!

Он поднялся и, не стряхивая с рук землю, тяжело вытер лоб. Оглядел помещение, смутно освещенное пыльными лампами в сетках. Его бойцы тоже разогнулись, начали отряхивать одежду.

— Скорее наверх!

Парни подхватили пустые рюкзаки, оружие и поспешили к выходу. У дверей все так же величественно стоял Божидар.

— Весело погуляли? — осклабился он и хохотнул, будто действительно они пировали на вечеринке.

Налегке, без груза и тележки, они вдоль стен строевой подкрались к люку колодца.

Но предстояло еще решить, как быть с Лусьяно. Рабочие и юноша подошли к группе. Андрей увидел: дель Рохос едва держится на ногах, хоть и крепится. Гнев Лаптева поослаб. Вернувшись на тот берег, он строго накажет студента: анархист совершил тяжкий проступок. Но что же делать с ним сейчас? Обратный путь по трубе он не выдержит, даже если бы товарищи смогли нести его, а это исключено — они едва протиснутся сами. Рабочие, еще оставшиеся на заводе, предупреждены. Они уйдут вместе с диверсантами. Что же делать? Все же взять с собой? Он задохнется в подземелье отравленными

газами. Если и выдержит, то все равно затормозит продвижение всего отряда. А теперь каждая минута — против них. Оставить здесь?.. Нет. Он не в силах вынести смертный приговор этому парню...

Лусьяно молча и выжидающе огромными глазами смотрел на него, будто читая его мрачные мысли.

— Они предлагают, — сказал Божидар, — провести этого щенка через заводскую проходную. В проходной каждого обыскивают и проверяют жетон. На жетоне лишь номер. Один из рабочих, которые уйдут в преисподнюю с нами, отдаст ему свой жетон. А эти двое решили идти с ним. — Серб сплюнул. — Решили рисковать собственными головами из-за этого... так его растак!

Что ж, это был единственный выход.

— Ждите нас в излучине реки, у лодок, — сказал Андрей. — Спасибо, камарадос!

Они спустились в колодец. Рабочий, остававшийся все время внизу, у лестницы, сказал, что вторая группа еще не возвращалась. Что ж, им пришлось пробираться дальше.

Они миновали пещеру со сталактитами, втянулись в головную трубу, когда сзади, наверху, слышался истощенный вой сирены, затарахтели выстрелы, разорвалась граната в подземелье — и тугая взрывная волна ударила в спину, бросила в жижу Феликса Обрагона, шедшего последним. Забыли опустить крышку люка? Охранники обнаружили убитых часовых? Или худшее — накрыли группу пикадора?.. Скорей к лодкам!

Обратный путь по трубе они проделали вдвое быстрее. Вот и смутно светлеющий круг впереди. Стрелки показывают: 4.10. У них еще тридцать пять минут.

Но, еще не выбравшись из трубы, Лаптев понял: на берегу что-то происходит. Слышалась стрельба. Отверстие трубы озарялось вспышками. Что? Сообщили с завода на передовую о появлении диверсантов или фалангисты обнаружили оставшуюся в засаде группу комиссара?..

Звуки выстрелов подсказали Андрею, что схватка происходит в стороне от того места, где они укрыли под навесом ветвей свои лодки, — там, где должна была залечь группа Гонсалеса. Она будет сдерживать франкистов, пока все участники диверсии не покинут правый берег и он не подаст условный сигнал.

Вот и лодки.

Андрей приказал своей группе:

— Отплывайте! Остаемся только я и Божидар.

Лодки вспороли носами воду. Течение подхватило и понесло их вниз. Бойцы налегли на весла — и вот уже одна за другой черные их тени растворились в пред-
рассветном тумане.

Совсем недалеко, за бугром, сыпал очередями пулемет, мгновениями замолкая, будто захлебываясь от ярости. Частили винтовочные выстрелы.

«Черт подери, где же Росарио и его группа? Где Лусьяно и рабочие?..»

Он ждал. Пытался растянуть секунды и минуты, как пружины эспандера, все ясней понимая: что бы там ни произошло с группой пикадора и с Лусьяно, ждать дольше бессмысленно. Каждая секунда промедления может стоить жизни бойцам группы Гонсалеса. Но Андрей знал и другое: если отойдут они, никому из бойцов лейтенанта уже не добраться до левого берега... Может быть, он думал еще и о том, что в эти мгновения решается его спор с комиссаром? Может, думал о Лене?.. Нет. Только о парнях, которые ушли вслед за Росарио и должны вернуться. Он действовал по неписаному параграфу незыблемого закона: товарищей не бросают в беде. Почему же нет группы? Ему почудилось, что сама труба, как удав, стиснула его товарищей извивающимися стальными кольцами...

Пулемет замолк. Снова зашелся в кашле — и снова оборвалась очередь. Одинокими и беспомощными показались хлопки винтовочных выстрелов.

Он больше не имеет права ждать...

Однако не успел Андрей подать сигнал к отходу, как послышались треск сучьев, шарканье тяжелых шагов, колыхнулись ветви и на берег выбрались из-за кустов люди. Бойцы поддерживали под руки тяжело раненного, его безжизненные ноги носками сапог гребли траву, сучья, песок. В этом обвисшем Андрей узнал комиссара.

Гонсалес мутным взглядом посмотрел на командира:
— Todo está terminado... No podemos sostenernos más...¹ — Вскинулся, глаза его загорелись: — ¡Ordene! ¡Ordene!²

¹ Все... Больше мы держаться не могли... (исп.)

² Сигнал! Давай сигнал! (исп.)

Лаптев помог бойцам уложить комиссара на дно лодки, сам перевалился через борт, обеими руками обхватил весло и отвел его для гребка. И в эту последнюю секунду на берег выбежали двое, они несли третьего. Это были рабочие и Лусьяно.

— В лодки!

Пока отплывали, Божидар перебрался с рабочими несколькими словами. Перевел Андрею:

— Они уже успели выйти за ворота, когда на заводе началась тревога. Лусьяно был бодрый. Он сказал, что может быть погоня, они не должны идти прямо к лодкам — выдадут всех нас. Они пошли далеко в обход, и сил у него не хватило. Несли его, поэтому опоздали.

Лодки вырвались из-под навеса ив. Только те две лодки, предназначенные для группы Росарио, безмолвными пустыми гробами качнулись на черной воде.

Лаптев греб, а сам до рези в глазах вглядывался в уходящий берег. Потом, одной рукой подняв весло, чтобы не мешать грести другим, дотронулся до колючей щеки Гонсалеса. Комиссар шевельнулся, открыл глаза. Взгляд его был осмыслен. Он разомкнул губы, с сипом спросил — Андрей не разобрал слов.

— Комиссар спрашивает о той группе, — перевел Божидар.

Андрей пожал плечами и снова взялся за весло.

Они миновали излучину и вышли на открытое место. Со стремительным посвистом взмыла ракета, вспыхнула в небе и повисла, казалось, над ними, над их лодкой, озарив мертвенным ярким светом реку и каждую щепку на ее волне. Бойцы невольно припали к бортам. Но их уже заметили. С франкистского берега ударили сначала винтовочные выстрелы, а потом застучал пулемет. Вода вспенилась фонтанчиками. Из лодки ответили выстрелами наугад, на звук. Пулеметная очередь настигла их. Пробарабанила по борту, вылущила щепу. Кто-то вскрикнул. Андрею обожгло лоб и сбilo в воду берет. Он перегнулся, подхватил берет, натянул на голову. На глаза, на лицо потекла густая горячая вода. Провел ладонью. Вода была липкой. Поднес руку к глазам. Пальцы черные. Кровь? Почему же не больно?..

Ракета с шипением врезалась в реку. Стало очень темно. Бойцы налегли на весла. Лаптев слышал глухие стоны.

— Кого?

— Комиссара! — отозвался Божидар. — Снова в грудь.

Опять взлетела ракета. И еще одна, и еще... Но их лодка была уже далеко, а первые достигли своего берега. Оба рубежа полыхали огнем, трассирующие пули со свистом прочерчивали над их головами цветные арки.

Еще в воде их лодку подхватили, втянули на песок.

— Помогите комиссару!

Санитар склонился над Гонсалесом, начал с хрустом разрывать санпакет. Раненый хрипло стонал. В куртке на груди темнела дыра. Из нее медленной струйкой сочилась кровь. На смуглом лице комиссара выделялись побелевшие губы.

Божидар приподнял Гонсалеса, помогая санитару стащить куртку, и осторожно вынул руку из-под его спины. Она была черной от крови.

Быстро светало. Высоко над рекой розовым золотом засветились облака. Стрельба с обоих берегов прекратилась.

Андрей посмотрел на часы. Неужели всего тридцать две минуты, как они вырвались из зловонной трубы? И через три минуты...

Он повернулся к комиссару. Тот пристально смотрел на него. Пошевелил белыми губами, обрамленными жесткой черно-седой щетиной:

— ¿Pero que pasó? ¿Porqué?.. ¿Ud cumplió con su deber? ¿Si o no? ¹

— Сейчас! — Андрей пальцами правой руки охватил часы.

Секундная стрелка с фосфоресцирующим острием начала обегать черный круг циферблата. Каждое ее движение отдавалось в руке, в висках. Она пульсирует? Или в такт ей пульсирует кровь? Четверть круга... Половина... Три четверти...

Вот и минутная стрелка, повинаясь ей, передвинулась на деление.

Тишина... Лаптев почувствовал, как обмякают руки.

И вдруг там, за рекой, за холмами, всплеснулось что-то багровое и черное, полыхнул ослепительный огонь. А еще через мгновение заколебалась земля, застонала

¹ Так что же? Почему?.. Вы сделали свое дело? Сделали? Да или нет? (исп.)

река, ударил в лицо горячий ветер, небо начала заволакивать черная пыль. И только потом троекратным эхом донесся оглушающий грохот.

Комиссар встрепнулся. Его бескровные губы дернулись.

— Что ты говоришь? — наклонился Андрей.

— Он сказал: «Выполнили, бьен, хорошо!» — перевели Андрею.

Губы комиссара передернула судорога. Лаптев отвел глаза в сторону. Когда он повернулся, Гонсалес был уже мертв. На его лице застыла гримаса боли. Рядом с ним на коленях стоял студент. Он плакал навзрыд, как ребенок, кулаками размазывая по щекам грязь, и шептал:

— Это из-за меня... Я виноват! Я!

«Из-за тебя или из-за меня? Или солдатская судьба?»

А там, за рекой, все дыбилося и грохотало, будто разверзлась преисподняя. Взрывы разной силы следовали один за другим. Андрей представил, как рушатся трехметровой толщины стены цехов, огонь красной стружкой сворачивает двутавровые балки перекрытий, жаркий ветер гнет деревья и крошит стекла в окнах. Где-то в том аду — пикадор Росарио и его бойцы... Андрей почувствовал усталость и тупую боль в голове.

Оглянулся. Лусьяно уже не плакал. Он стоял около комиссара, но смотрел на зарево над рекой. Его осунувшееся лицо было взрослым и суровым.

С неба еще сеялся сухой дождь, в воздухе носились черные перья, и по реке плыли и тонули обуглившиеся обломки. А отряд медленным и тяжелым шагом возвращался на свою базу, и бойцы — в грязных и мокрых куртках, в высоких сапогах с отвернутыми голенищами и с опавшими рюкзаками за спинами — походили, наверное, со стороны на рыболовецкую бригаду, возвращающуюся с промысла. Огрубели, поросли щетиной лица, красны от бессонницы и пережитого напряжения глаза, в ссадинах и свежих мозолях пальцы... Но карабины, оттягивающие плечи, пистолеты и ножи у пояса и бинтовые повязки со свежими пятнами крови — у кого на руке, у кого на голове — молчаливо свидетельствовали: не рыболовецкая бригада, а военный отряд возвращается с боевого задания.

Впрочем, здесь привыкли к таким картинам.

У ворот казармы их ждала Лена. Приветствуя, она по-ротфронтовски сжала пальцы и, держа кулак над головой, обводила взглядом строй бойцов, входивших в распахнутые ворота.

Посмотрела на Андрея, на мгновение задержала глаза на его перебинтованной голове. Приподнимаясь на цыпочки, стала высматривать в последних шеренгах.

— А где?.. — И кулак ее начал медленно сползать вдоль тела.

— Он дрался до последнего... — проговорил Андрей.

14

Ксанти вызвал его в Мадрид.

Андрей поднялся по мраморным ступеням мимо строя грозных рыцарей, миновал анфиладу зал, потянул на себя бронзовую львиную пасть. Вспомнил, как совсем недавно впервые отворил эту дверь Виктор Гонсалес... «Не надо, не надо, не надо, друзья... Гренада, Гренада, Гренада моя!»

Команданте сидел за столом и пил крепкий чай.

И в самой комнате все было точно так же, как тогда... Да вот комиссара уже не было.

— А-а, герой! — Хаджи отставил в сторону стакан и, обменявшись рукопожатием, протянул вчетверо сложенную газету. — Последняя почта из Москвы.

Это был номер «Правды». На первой странице красным карандашом отчеркнут заголовок: «Республиканская артиллерия уничтожила патронный завод в Толедо».

Андрей стал читать: «Мадрид. 20 апреля. Сегодня республиканская артиллерия бомбардировала патронный завод в Толедо. Несколько снарядов попало в склад боеприпасов, где произошел взрыв огромной силы и вспыхнул пожар, за которым последовали взрывы в различных цехах завода. В результате бомбардировки и пожара значительная часть завода сгорела. Как полагают, уничтожено большое количество боеприпасов. Толедский завод — самый крупный патронный завод в Испании».

Кровь ударила Андрею в голову. Да, самый крупный — и уничтожен! Но только не артиллерией!.. Он вспомнил смрадную трубу, боль в пояснице, духоту в противогазной маске. Вспомнил белые губы Виктора Гонсалеса. Представил: под руинами погребены пикадор

и его бойцы. «Это несправедливо!..» Наверное, мысли отразились на его лице.

— Главное — дело сделано, — сказал Ксанти. — Не вешай носа. Наступит время, когда все люди узнают, кто помогал Испании в борьбе за свободу, кто воевал на этой земле под именами Павлито, Доницетти, Антонио и о тысячах других советских добровольцев. И кто воевал под именем коронеля Артуро — тоже узнают. И как мы воевали...

— Ты не так понял, Ксанти... Разве я об этом!.. — Андрей остановился. — Все гораздо сложнее.

— Да, я знаю. Но за каждую победу и за каждое поражение плата у солдат одна — кровь. — И без перехода спросил: — Есть сведения о группе лейтенанта Эрерро?

— Нет... Наверное, они не успели выбраться.

Ксанти достал схему, развернул.

— Они должны были заложить взрывчатку здесь? — Он ткнул пальцем в обозначение отдельного куста штолен на краю заводской территории.

Лаптев кивнул. Ксанти разогнулся и, все еще придерживая пятерней лист, не давая ему свернуться трубкой, проговорил:

— Так вот, дорогой: этот склад не уничтожен.

— Не может быть!

— Факты. Фотодокументы. — Он рассыпал по столу отпечатки кадров аэрофотосъемки. — Полюбопытствуй. К слову, комиссар Гонсалес предупреждал тебя о чем-либо?

— Да. Он подозревал, что Росарио — предатель. Я не поверил.

— Почему?

— Черт возьми! Да потому, что я верил пикадору!

— Верил или веришь?

Андрей не отвечал. Наступила тягостная пауза. Лаптев оперся ладонями о спинку стула.

— Хочу верить...

— Так вот, — холодно чеканя слова, проговорил Ксанти. — Служба безопасности проверила сведения Гонсалеса. Установлено: брат лейтенанта Эрерро — видный фалангист, офицер штаба генерала Моля, перед тем служивший в Астурии. Далее. Накануне взрыва завода контрразведкой был задержан франкистский агент. Он

шел на связь с лейтенантом Эрерро по заданию его брата. Теперь что ты скажешь, дорогой?

Снова в комнате повисла гнетущая тишина.

— Вот так-то... Пора научиться различать лису не только по рыжему хвосту. Сколько нас секли — а все бегаем в коротких штанишках. — Он снова взял в руку стакан с остывшим чаем.

— Не укладывается в голове... Только подумать: Росарио!..

Но больней всего была мысль: «Что я скажу Лене? Как я смогу сказать ей?..»

— Откуда ты знаешь Лену, Хаджи?

— Очень важно? — прищурил один глаз товарищ.

— Очень, — не принял его насмешливого тона Андрей.

— Коль так, пожалуйста, — никакого секрета. Лена — подруга моей жены. Обе учатся в медицинском. Лена у них в институте комсомольский секретарь — то ли на курсе, то ли на факультете. Выведала у моей супруги, что я имею какое-то отношение к отъезду волонтеров в Испанию, — ох уж эти болтливые жены! Учти на будущее, злостный холостяк, — ну и пристала с ножом к горлу: «Хочу! Голубая мечта! И язык знаю, и ворошиловский стрелок!» Разве такой красоте откажешь? Не откажешь ведь, правда? — Он снова хитро подмигнул. — Так что, как говорится, дай тебе бог, Пеструха!

«Что-то ты, бог, все перепутал, — устало подумал Андрей. — И как нам, простым смертным, теперь распутывать? Что я скажу и ей, и ребятам?..»

Не ведая того, Ксанти пришел ему на выручку:

— В интересах дела ни один человек в отряде не должен знать об Эрерро и обо всем прочем. — И, не щадя, добавил: — Гибель группы — на твоей совести, коронель. А теперь тебя зачем-то срочно вызывает в Валенсию хозяин. Завтра утром и отправляйся. На обратной дороге жду. — Он отставил пустой стакан.

Андрей вышел из дворца. В парке, разбитая прямым попаданием, валялась скульптура конного рыцаря: отдельно — бронзовая голова всхрапывающей лошади, отдельно — рука с мечом.

На Гран-Виа чадил выжженными глазницами дом с затейливыми лепными украшениями по фасаду. Лепка была иссечена осколками. Меж двух воронок на тротуаре

косматая старуха в черном платке жарила над очагом каштаны, и в воздухе стоял приторный, сладковатый запах.

«Что я скажу Лене? — пытаюсь ступать в такт острым ударам маятника, снова подумал Андрей. — Но почему надо ей что-то говорить?..» И тут только всплыло: «хозяин». Почему Хаджи назвал Берзина хозяином, а не как привычно — Стариком?..

По дороге в отряд решил: всему батальону даст двое суток отдыха, а всем участникам операции — и увольнительную в город на этот же срок. После такого нервного напряжения необходима разрядка. И вино, и девушки. А главное — освобождение от жесткого распорядка. Вместо себя оставит Феликса Обрагона — он такой же колючий и требовательный, каким был Виктор Гонсалес. А сам за эти двое суток обернется...

В Море его ждали с нетерпением. Оказывается, весь его саперный батальон на нынешний вечер пригласила в гости бригада, дислоцирующаяся в городке над Тахо. В местном театре бригада давала концерт художественной самодеятельности. Командир бригады, седоусый кадровый офицер — команданте, пригласил в свою ложу Артуро, Обрагона, Хозефу и еще несколько командиров отряда.

Помещение театра было хоть и маленьким, но настоящим: с фойе, люстрами, с круглым залом — партером и амфитеатром, с расписанным фресками потолком и тяжелым занавесом на сцене. Зал был битком набит. В воздухе пластами колыхался тяжелый запах сигар.

Когда офицеры вошли в ложу, бойцы в партере и амфитеатре вскочили и, повернувшись к ним, остервенело захлопали в ладоши. «Ишь как любят своего деда», — подумал Лаптев. Но седой майор и его командиры повернулись к гостям и тоже зааплодировали.

— Хозефа, в чем дело?

— Это они благодарят вас за патронный завод.

— Откуда они узнали?

— Весь город уже знает. Наверно, Божидар и другие, чтобы не повторилась та гвадалахарская история с корреспондентом, позаботились о «медных трубах»...

Лицо переводчицы даже сквозь загар было бледным, и под глазами лежали синие тени.

«Черт побери! — Андрею было уже не до жгучих ха-

банер и хот, от которых сотрясались стены театра.— Не послушались!.. Придется немедленно переводить отряд на другой участок! Проклятые честолюбцы!.. Хорошенькую взбучку устроит мне Ян Карлович!..»

15

Отъехав с десятков километров от передовой, шофер переключил фары, и теперь их свет желтым инеем осыпал листву деревьев, плясал на глыбах, нависших над дорогой, обрывался, пропадал в пропастях на виражах. Андрей выехал затемно, чтобы успеть как можно скорее вернуться в отряд: «засветка» диверсантов его очень тревожила.

Машина неслась с огромной скоростью. Временами стрелка спидометра в бессилии билась о предельную шкалу. Лаптев уже привык к лихим повадкам испанских шоферов, а своему Педро доверял полностью.

«Зачем вызывает Старик? Что случилось? Новое задание?.. Он мог бы передать его через Ксанти, как делал уже столько раз. Хочет поблагодарить за толедский завод? Берзин не позволил бы гонять машину за сотни верст ради этого... Может, случилось что дома, на Родине?.. — Андрей терялся в догадках. Подумал: — Об Эреро Ян Карлович уже знает. Сказать ему об отношениях пикадора и Хозефы?.. Зачем?.. Если уж Ксанти не сказал, а тот — друг Лены... Нет. Это ее личное дело. Ее беда...»

Он откинулся на спинку сиденья, прижался к дверце, чтобы не стеснять Лену. Закрыв глаза. Но сон не шел: перед глазами вспыхивали огненные зарницы, трассирующими пулями мельтешили пестрые мошки... Он посмотрел на спутницу. Лена сидела, напряженно изогнувшись, уперев локти в колени и подбородок — в стиснутые кулаки. Светящиеся циферблаты панели приборов искорками мерцали в ее глазу — немигающем, огромном, сейчас темном. Призрачный свет обрисовывал ее слегка выпуклый невысокий лоб, профиль с милыми пухлыми губами, круглый подбородок, прижатые к нему кулаки.

Но вот однообразная дорога начала убаюкивать ее. Лена опустила веки. Вздогнула, открыла. Снова смежилась. Напряжение в ее фигуре спало, тело обмякло. Она отклонилась на спинку. И, уже ничего не чувствуя, на

вираже прижалась к Андрею, даже повертела головой, удобнее пристраиваясь на его плече. Он старался не шевелиться, чтобы не спугнуть ее. Ее стриженные легкие волосы забивались в рот, щекотали ноздри. Они пахли томительно горько. Андрей осторожно высвободил руку и обнял Лену, чтобы ей удобней было спать. Она пошевелилась, что-то пробормотала, почмокала губами и прижалась к нему еще тесней. «Может быть, все образуется?.. Выветрится из головы романтический образ идальго-пикадора?.. Может быть, наперекор всему — судьба?..» От этой мысли, оставлявшей надежду, ему стало и тоскливо, и радостно.

Машину резко тряхнуло на выбоине. Лена проснулась. Вскрикнула. Отстранилась. И опять подперла кулаками подбородок. Лицо ее снова стало отчужденным. Андрей увидел у губы резкую скобку-морщину...

Снова — Валенсия. Неизменно бурливая, солнечная и веселая — будто обходили ее все грозы, гремящие над страной. Так же золотятся горки апельсинов на лотках. Ветер с моря колышет ветви старых пальм. Пестрят цветы вдоль тротуаров. Бездельники заняли все столики открытых кафе. Неиссякаема река людей... Не видно забот на челе города, нежданно ставшего резиденцией правительства.

В двенадцать часов машина Лаптева остановилась у ворот виллы Старика.

В приемной, у двери в кабинет главного советника, сидел за столом светловолосый парень в полувоенной форме. Прежде Андрей его не видел.

— Доложите: прибыл товарищ от Ксанти.— Поправился: — Прибыл камарадо Артуро. Камарадо Доницетти меня вызывал.

Адъютант удивленно уставился на него:

— Вы опоздали ровно на две недели: генерал Берзин уже в Москве.— Заглянул в лежащий перед ним листок.— Артуро? Одну минутку.— Скрылся за дверями. Вернулся: — Пожалуйста, пройдите. Камарадо Григорович вас ждет.

Лаптев вошел в кабинет. За столом на месте Берзина сидел сурового вида немолодой мужчина. Смуглый и черноволосый, со столбиком коротко стриженных усов

под массивным носом. Мужчина встал, поднял на Андрея большие черные глаза. Протянул руку:

— Будем знакомы.

«Где я его видел? — на мгновение сосредоточился Лаптев, пожимая жесткую ладонь. — Да на фото в наших газетах! Это же командарм Штерн!..»

— Слышал о вас много похвального, — густым голосом продолжал генерал. — Поздравляю со столь громким заключительным аккордом. — Сделал паузу. — Сожалею, что не буду иметь возможности работать с вами. Получен приказ: вы должны вернуться в Москву.

— А как же Испания! — воскликнул Андрей. — Войне не видно конца!

— Вы неправильно поняли. Мы не оставляем республику. Вы и многие другие советские добровольцы с честью выполнили свой интернациональный долг. Предоставьте возможность сделать это и другим. На место уезжающих уже прибыла замена. Я — в том числе.

— Товарищ генерал! Камарадо Григорович, разрешите? Всем известно: на стороне Франко воюют триста тысяч интервентов... Я не могу оставить своих бойцов!

Командарм насупился, пригнул голову. Теперь он смотрел на Лаптева исподлобья:

— Приказы не подлежат обсуждению. Выполняйте.

— Слушаюсь! Разрешите идти?

— Одну минуту. — Лицо Григоровича смягчилось. — Не беспокойтесь, товарищ: мы постараемся помогать Испанской республике не хуже, чем вы.

Он поднялся из-за стола, подошел к карте, висевшей на стене за задернутой занавеской. Отодвинул занавеску. Карта по линии фронтов была утыкана флажками. «Дома мы также прикалывали флажки...» — вспомнил Андрей, и особым звучанием наполнилось слово: «дома».

— Поедете по железной дороге — через Барселону, через французскую границу, — показал Григорович. — В Гавре сядете на пароход — и в Ленинград. На сборы — два дня. Кому из испанских товарищей можете передать отряд?

— Феликсу Обрагону, — убежденно ответил Лаптев.

— Тогда — все. У моего адъютанта получите проездные документы на себя и вашу переводчицу. Ее тоже отзывают. — Протянул руку. — Привет Москве.

Они ехали обратно — через горные перевалы, сквозь

дубравы и сосняки, по одетым в пух зелени долинам. Всю дорогу и Андрей, и Лена — так же, как и он, врасплох захваченная приказом — были погружены в свои думы.

В его душе боролись два чувства. Неожиданно, как после дождя раскрывшаяся почка, вспыхнувшее чувство тоски по родному дому, — чувство, которое он беспощадно подавлял в себе все эти испанские месяцы. Теперь можно! Вспомнить мягкий шелест белорусских берез, веселый гомон Минска — место его службы до отъезда сюда. Представить, как будет спускаться по Тверской вниз — к Манежу, к Кремлю. Он соберет всех друзей, заставит бутылками стол — так, чтобы подламывались ножки. Он снова станет Андреем Петровичем Лаптевым. А его испанское имя? Забыть? Вычеркнуть из памяти, будто его и не было? И этих месяцев — тоже не было?.. Разве кого-нибудь он сможет забыть?.. Но как же он уедет, оставив их здесь? Приказ? Да, приказ. Только как объяснить им: Феликсу, Божидару, Лусьяно, Варрону? Они — солдаты. И должны понять: приказ. Но ему самому так трудно расстаться с ними. Будь в Валенсии Старик, Андрей убедил бы его. С командармом Штерном — бесполезно. Да и сам Ян Карлович вряд ли хотел уезжать. Отозвали. Приказ...

Чем ближе подъезжали к Мадриду, тем тяжелей становилось на душе у Андрея. А как относится к этому известию Лена? Она сидела впереди, рядом с Педро, высунувшись из машины, спиной к Лаптеву. Он видел только, как ветер рвет ее волосы. Всю дорогу она молчала. «Наверно, ей еще труднее... Но для нее так лучше».

В отряде все шло своим чередом. Если не считать, что Радмилович во время увольнительной снова набедокурил. Однако, хоть и получил увесистую сдачу от не любящих оставаться в долгу испанцев, до комендатуры на сей раз дело не дошло — в Море знали всех толедских героев в лицо. Теперь, с новыми синяками и пластырями, он слонялся по двору казармы, лишенный властью Обрагона увольнения на весь месяц, уповал на снисходительность «настоящего командира, коронеля, а не выскочки лейтенанта» и благодушно клял и всю Обрагонову родню, и Франко, — и самого господа бога вкупе с его святыми.

Андрей не решился в первую минуту сказать Феликсу о приказе из Москвы. Обрагон же не спрашивал о це-

ли его вызова в Валенсию: если надо, коронель сам скажет.

Ночью Андрей собрал свои вещи. Они не заняли и половины маленького фибрового чемодана, купленного в Валенсии еще прошлой осенью: тогда Старик, убедившись, что, кроме носового платка, никакого имущества у него нет, приказал камарадо Артуро экипироваться. Что теперь делать ему с мантио — ворсистым одеялом, столько раз надежно служившим ему и шинелью, и плащом, и собственно одеялом? Вряд ли в иных краях доведется воспользоваться им. Но оставлять жаль. Как истинная шинель, спутница походов, мантио значило для него больше, чем верная и неприхотливая одежда. В чемодан не втиснешь. Как солдатскую шинель, он свернул одеяло в скатку.

Вторые сутки — почти без сна. Но спать не хотелось. Утихла головная боль. Андрей вышел во двор. У ворот казармы прохаживался часовой. В руке его тлел огонек сигареты. Луна была совсем молодая. Но даже ее света хватало, чтобы посеребрить неровные камни двора и чашу фонтана — такого же, как во дворе гвадалахарской казармы, но только действующего, шелестящего затейливой искристой струей. Около фонтана Лаптев увидел силуэт фигурки, которую принял за каменное изваяние. Подивился — как это раньше не примечал. Но фигурка шевельнулась. И он понял, кто это. Не подошел.

Утром во дворе казармы выстроился весь батальон. Феликс Обрагон объявил, что, согласно приказу командования, коронель Артуро переводится на новое место (он не сказал, что уезжает из Испании, — сам не хотел примириться с этим). Андрей крепко обнял и поцеловал каждого из своих бойцов.

Божидар по-медвежьему обласкал, стиснул:

— Хоть ты есмь этот велик... как оно?.. бюрократ, по я тебя полюбил, мио мальчик. Возьми меня с собой.

— Это невозможно.

— Зашто?

— Невозможно, Божидар...

— Я же говорил: бюрократ. Тогда я с утра ухожу из этой компании.

— Не смей говорить глупости! — разозлился Андрей.

— Решено, мио друже, — спокойно сказал Радмилович. — Ухожу в еданесту интербригаду, к Клеберу, в ба-

тальон имени Эдгара Андре. У них тамо немцы и скандинавы, а югославов мало. Пусть будет на едан герой больше! — Он постучал себя по груди. — Но мы с тобой, друже, обвезан... обязательно увидимся!

Лаптев и Феликс снова стали перед шеренгами бойцов.

— Я желаю вам новых успехов и побед в боях за свободу Испании! — сказал Андрей, и Лена перевела его слова.

— А мы говорим вам, советский брат и советская сестра: мы и республика вас не забудем! Друзья узнаются в беде!

Андрей поднял над головой сжатую в кулак правую руку:

— Но пасаран!

— Но! Но! Но! — ответили солдаты.

— Пасаремос! — вскинул он снова кулак.

— Си! — стократно умноженным голосом рявкнул в ответ отряд, и над рядами грозной мускулистой стеной поднялся частокол рук.

И Андрей подумал в тот момент: пусть он не очень-то хорошо выучил за эти месяцы испанский язык, пусть немного ему довелось сделать для республики, но Испания и судьба каждого из этих парней стали частью его судьбы. Наверное, это и есть то чувство, которое определяется словом «интернационализм». И еще подумал: эти месяцы многому его научили. Опыт Испании обязательно пригодится в будущих боях с фашизмом...

Прощай, Испания!..

16

Привокзальная Комсомольская площадь была заполнена народом. Даже остановились трамваи. Где-то в центре площади ухал оркестр. Кто-то выступал с грузовика, затянутого по бортам в кумач. Над толпой покачивались флаги и лозунги.

Андрей читал: «Слава отважным хетагуровкам!», «Советскому Дальнему Востоку — тепло заботливых девичьих рук!», «Москва гордится вами, комсомолки!». И снова: «Да здравствуют последователи Хетагуровой!»

— Кто это такая, Хетагурова?

Парень, оказавшийся рядом, посмотрел на него как

на марсианина. С подозрением оглядел необычное одеяние, берет, мохнатое одеяло через плечо.

— Ладно, разберемся.— Андрей двинулся сквозь толпу.

У входа в метро остановился. Спросил:

— Ты куда теперь, Лена? Может быть, я помогу, понесу твой чемодан?

— Спасибо. Он совсем легкий.— Взяла у него. Подняла на Андрея глаза. Они наполнились слезами.— Спасибо за все... Вот и все.

— Может быть, я позвоню тебе?

— Хорошо.

Она махнула рукой и быстро зашагала к эскалатору. Уже затерялась в толпе, когда он сообразил: она не дала телефон, он не знает ее фамилии.

— Лена! Лена! — Он бросился следом за нею. Но голубая лента, охватившая ее русые волосы, уже мелькала где-то в самом низу лестницы.

С площади под свод станции метро доносилась медь оркестра.

Андрей взбежал на третий этаж. Хотел позвонить, но дверь в квартиру оказалась незапертой. Он пошел по коридору, цепляя тазы, горшки и коляски. Открыл дверь в комнату.

За обеденным столом ополаскивала чайные чашки маленькая седая женщина.

— Здравствуй, мать!

Он отбросил в сторону чемодан, скинул с плеча скатку. Шагнул к ней, обнял.

Мать припала к нему. Затряслась в беззвучном плаче.

— Ну, мать!.. Вот я и вернулся. Кончилась моя командировка!

Она подняла заплаканное лицо:

— Здоровый? Не ранен?

— Что ты, мать! С чего ты взяла? Обычная поездка, только немного подольше...

— Знаю, сынок, какая обычная... Догадалась, когда стали приносить твое жалованье, а потом бесплатную путевку на курорт дали.— Она ладонями отерла глаза.— А сегодня и в газете прочитала...

— Что? Где?

Мать протянула ему «Правду».

Он пробежал глазами по заголовкам: «Обзор военных событий в Испании: атаки мятежников отбиты на всех фронтах»; «Миллионная антивоенная студенческая демонстрация в США»; «Новые японские дивизии в Маньчжурии»... Нет, не то. «Девушки-добровольцы едут на Дальний Восток»; «Весенний авиационный праздник»...

— Вот же, вот! — Мать перевернула страницу.

И он прочел: «О награждении командиров, политработников, инженеров и техников Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР. За образцовое выполнение специальных и труднейших заданий правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и проявленный в этом деле героизм наградить: «Орденом Ленина...»

И в колонке знакомых и незнакомых имен и фамилий он нашел: «Лаптева Андрея Петровича, капитана...»

ТОБЫ ЖИЛА ФРАНЦИЯ..”

1

С часу на час они ждали приказа.

Уже подходили к концу занятия по всем предметам, начались зачеты, испытания, но все равно каждый день шел буднично: в пять утра подъем по трубе (на зимних квартирах — в шесть), полтора часа — на конюшне, потом — или манеж, или классные занятия; перед обедом — опять конюшня, после тихого часа — огневая, тактика в классе, тактика в поле, строевая, конная, урок самоподготовки. И так — до восьми вечера.

В военные дисциплины диссонансом врывались школьные — русский и литература, история, иностранные языки. Немецкий Алексей учил в школе и знал на «отлично». В училище же прислали «француженку». Ирина Владимировна только что окончила институт в Москве, была всего на два-три года старше курсантов, а на вид — не дашь и восемнадцати, и уж никак не походила на парижанку: упругая, крепкая, светло-карие, с зеленцой, глазищи, щеки — как крымские яблоки. Поначалу нарекли ее Марианной, но прижилось — Марьяна. Конечно же половина училища начала за нею ухаживать. Но Марьяна оказалась с характером, свой предмет считала наиглавнейшим, до изнурения заставляла пропотевших, пропитанных запахами конюшен и полей, измочаленных после рубки, джигитовки и ночных учебных тревог курсантов щебетать: «Бонжур!», «Мерси!», «Же ди», «Же ли», «Ж’экри» — и, беспощадно ставя неуды, обливала золотисто-карим презрением нерадивых влюбленных.

Алексей не принадлежал к их сонму — на то были у

него причины. Но французским занимался старательно, увлекся. Даже Марьяна считала, что он «шарман парле франсе» — превосходно говорит по-французски, хотя почему-то с марсельским акцентом. На зависть остальным курсантам, стал на уроках ее любимцем.

Вообще учеба давалась ему легко. Даже самое трудное — преодоление препятствий верхом, с рубкой лозы. Белобрысый, невысокий, был он, пока не сбросит гимнастерку, на вид щуплым. Но на марш-броске, на футбольном поле, в борьбе не уступал никому. И с конем — своим, нравным, диковатым, вороным Объектом, от которого отказался даже помкомвзвода, — Алексей завоевывал призовые места на училищных соревнованиях.

А ведь в школе, даже в канун выпускных экзаменов, не думал он не гадал, что поступит в кавалерийское. Правда, девочки говорили: «Тебе пойдет военная форма!» И Юрка, Колька, Пентти, другие одноклассники: «Чего тебе землю копать?» Но Настя, как и отец: «Документы посылай в Тимирязевку!» Так он и думал, потому что землю любил, каждое лето в каникулы работал в колхозе — и прицепщиком, и на сеялосилке, и даже помощником комбайнера.

Стал бы он агрономом, как мечталось отцу. Переменил решение из-за Насти. Как раз в тот день, когда простились они со школой. Всем классом отправились они на Линдозеро и остались там почевать, а на заре вскарабкались на утес, к одинокой сосне, что росла, казалось, прямо из камня, и загадали: «Соберемся здесь ровно через двадцать лет! Обязательно все!» И каждый подумал: «А какими мы станем через двадцать?..» Все, наверное, так загадывают и так думают.

Прошло всего два года, а уже можно представить будущее каждого: Юрка — в летном, Пентти — в консерватории, Колька — на действительной, Пиило — в судостроительном... А Настя сразу после школы сделалась литсотрудником районной газеты «Колхозник», теперь — второй секретарь райкома комсомола. Вступали в комсомол вместе, в один день и час. У нее номер билета — 4925050, у него — 4925051.

Ох и нелегка была дружба с нею! Сколько помнит себя, столько помнит и ее — жили дом к дому. Одни игры, один класс. Вместе — в лыжные агитпоходы по дальним, затерявшимся среди сосняков и озер лесопунктам

Карелии. Другие девчонки из концертной бригады сзади, в санях, а Настя — впереди, на лыжах. Двадцать пять верст отмахает, к полуночи — концерт, песни. Пентти — на скрипке или баяне, она — на гитаре. Бородатые лесорубы гулко хлопают, дымя в рукава трубками. Упрямая и непримиримая. Всю ночь просидит с тобой на берегу Олонки — всю белую призрачную летнюю ночь, и такие слова будет шептать, и такой будет доверчивой — а завтра из-за одного какого-нибудь неудачного слова станет колючая, отчужденная, недосыгаемая.

Вот и в то утро на Линдозере они из-за чего-то поспорились — сейчас ни ему, ни ей не вспомнить. А днем в деревню приехал командир из военкомата и стал агитировать ребят в кавалерийское. Он и записался. Чтобы не было ходу назад, отдал командиру вчера только полученное — как следует еще не погляделся на него — свидетельство об окончании десятилетки.

Через два месяца он был уже курсантом. Еще два месяца Настя не отвечала на его письма. А потом — будто ничего и не случилось: «Жду! Люблю!..»

Два года пролетели как один день. Пожалуй, сейчас так кажется. А поначалу!..

Училище располагалось в самом городе, над Цной. Но увольнительные давали лишь по воскресеньям, да и то не каждый раз. Зато на их территории была танцплощадка, манившая и девчат, и ребят со всей округи. Приходила и пехтура — курсанты пехотного училища. Хоть тоже краснознаменные, да куда им с их малиновыми петлицами против кавалерийских синих, да еще шпор со звоном!..

На танцплощадку Алексей ходил по обязанности. Танцевать он не любил, Насте был верен. Но Ленька Бирюлин, ездовой из расчета их тачанки, влюбился в одну дивчину, ужасно ее ревновал и в те вечера, когда по службе не мог сам заявиться на танцплощадку, перепоручал Тамару Алексею. А тут случилось, что на Тамару «положил глаз» пехтура — заядлый танцор с малиновыми петлицами, темнобровый красавец. Пришлось объяснять, что к чему. Так, с конфликта, началось их знакомство. Сергей оказался хорошим веселым парнем. Летом и лагеря их училищ рядом. И даже тактические учения, на которые приезжали Семен Михайлович Буденный и Ока Городовиков, разыгрывали вместе: конники прорывали оборону пехоты. Иногда совпадали и их увольни-

тельные. Но все же не друг, а просто знакомый. Друзей у Алексея хватало среди своих, конников.

В последний раз, когда повстречал Сергея в городе, тот сказал, что тоже со дня на день ждут они выпуска.

И вот — построение на плацу. Начальник училища зачитывает приказ маршала Тимошенко. С этого момента они — лейтенанты! И разлетаются в разные края. У него предписание — в кавалерийский полк, дислоцирующийся под Ломжей, у самой советско-польской границы. Новенькая форма, портупея, командирский простроченный ремень, широкий, не чета курсантскому, звонкие шпоры и поскрипывающая кобура, без нагана — его он получит в части.

Приказ он слушал в строю двенадцатого июня, в Ломжу прибыл девятнадцатого, к вечеру нашел полк в летних лагерях в лесу.

Друзья в училище наставляли: главное, как в первый раз доложишь. Вот и его эскадрон. Кубанские казаки. Хоть по новому уставу отменили для них особую форму, командиры на свой страх сохранили бурки — честь и гордость казацкую.

Комэск и четверо взводных расположились в тени, играли в домино.

Алексей отпечатал шаг, отчаянно ударил шпорой о шпору, вытянулся:

— Товарищ капитан! Выпускник Тамбовского Краснознаменного кавалерийского училища имени Первой Конной армии прибыл в ваше...

— Ладно, ладно! Не кричи. Вольно, — передернул черными крыльями бурки комэск. — Сидай. В «козла» гарно рубишься?..

В пятницу и субботу Алексей принимал свой взвод — знакомился с красноармейцами, осматривал тачанки и пулеметы, коней, сбрую, хозяйство.

— Да вы не беспокойтесь, товарищ лейтенант, — уважительно, а все же по-отечески, усмешливо охлаждал его пыл помкомвзвода, кадровый, усы с проседью. — Мы ж казаки, ко́ней холим.

Вечером вызвали в штаб полка.

— Тебе после прохождения наук и отпуск положен? — поинтересовался комполка. — И невеста, наверно, заждалась? Как зовут? — Одобрил: — Гарно имя. Вот тебе приказ: завтра дуй в отпуск, возвращайся с Анаста-

сией, с хозяйшкой, как подобает кадровому кавалеристу. И начнем служить.

Лейтенант... Взвод... В отпуск за Настей... Если может быть человек дважды и трижды счастлив, то так счастлив сегодня он! Уже давно затих лагерь, а ему под пологом палатки все не спалось. От волнений этих последних дней, от запаха летних горячих трав, от радостных мыслей пьяно кружилась голова.

Прислушался. За брезентом лениво переговаривались дневальные. У коновязи заржал и забил копытом жеребец. В распахнутый полог был виден треугольник звездного неба.

— Товарищ лейтенант, тревога!

Голос зычный, но без волнения. Алексей посмотрел на часы: четверть пятого.

Красноармейцы седлали лошадей, запрягали тачанки.

— Шинель и плащ не берите, — посоветовал помкомвзвода. — Выедем, построят — и распустят. У нас так каждое воскресенье.

С запада, из-за леска, оттуда, где в семи километрах пролегал пограничный рубеж, выплыли самолеты.

— Глянь-ка! Кресты!

— Это чтоб попугать!.. — неуверенно начал кто-то.

На бреющем полете черные машины с воем пронеслись над лагерем. Рванули огненные столбы. В грохоте, в дыме погасло солнце.

— Эскадрон, повзводно, по направлению к лесу — галопом марш! — услышал Алексей громовой голос капитана.

Наступило утро 22 июня 1941 года.

2

В отличие от Алексея Сергей с самого раннего детства мечтал стать военным. Сколько синяков получал в жарких уличных сечах! И во всех баталиях он — командиром: то Суворовым, то Чапаевым, то Щорсом. «В атаку! За мной! Вперед!..»

Исполнилась мечта: двенадцатого июня 1941 года в строю таких же подтянутых, надраенных, силящихся побороть улыбки молодцов, в тот же день, что и Алексей на плацу своего кавалерийского училища, слушал Сер-

гей приказ о выпуске и производстве в лейтенанты. «Лейтенант!» Одно лишь слово, а преодолен рубеж, отделяющий всю прежнюю жизнь: не школяр, не курсант — командир! Правда, когда получал комсомольскую путевку в военное училище, мечтал он о крылышках, о небе. Подвел левый глаз: ноль-восемь, а брали в авиацию лишь с абсолютным зрением. Оно и понятно: соколы!.. Предложили в пехотное. Сергей было заартачился, но военком разъяснил: Тамбовское Краснознаменное — это бывшие Московские курсы краскомов, созданные по личному приказанию Владимира Ильича Ленина.

В Ковно, в штаб армии, Сергей приехал в тот самый день, когда в нескольких десятках километров отсюда разыскал своих конников Алексей.

«Назначаетесь командиром минометного взвода в стрелковый полк». На станцию, откуда по перелескам до полка было уже рукой подать, лейтенант добрался к ночи двадцать первого. Не терпелось. Расспросил, как идти, — и по тропке, через болота и луга... Заплутал. А все же, когда начало брезжить утро, увидел за поредевшими стволами берез и осин широкое поле и брезентовые шатры. Услышал трубу. Но горнист играл почему-то не побудку, а тревогу.

И сразу же перекликом по всему лагерю:

— В ружье!.. В ружье!..

Бросился в штабную палатку — к ней тянулись провода полевых телефонов, и у входа стояла зеленая эмка:

— Выпускник Тамбовского Краснознаменного... Командир минометного взвода... В ваше распоряжение...

— Николаев! Отведи во взвод! Лейтенант, бери взвод, марш на склад, получай матчасть, оружие и боеприпасы — и на границу!

Догнал колонну на форсированном марше. На самой границе, за взгорком у реки, выбрал огневую позицию. Грамотно — как на экзамене в классе у ящика с макетом.

— Поднести мины! Вставить взрыватели!

Залег на наблюдательном пункте. За рекой, по опушке леса, — движение, гул моторов. Ага, противник подтягивает живую силу и технику!.. Открывать огонь или не открывать?.. Уже знал: война. Но на их участке еще не было сделано ни одного выстрела.

Проверил новенький, только что полученный на скла-

де наган, прокрутил барабан. Приладил ребристую рукоять в ладони, навел ствол на куст, чувствуя надежную тяжесть револьвера. И тут, как в кино, раздвинулись ветви, и в обрамлении листвы обрисовалась фигура в каске и серой шинели. Немец!

Он нажал спусковой крючок.

Первый выстрел войны на их пограничном участке, уже обозначенном на штабных картах линией фронта.

Тот первый убитый им немец оказался разведчиком. Остальных троих из его группы схватили. Но тот его выстрел-хлопок, не слышный и с двух десятков шагов, как бы послужил сигналом: с противоположного берега, из-за Немана, ударила тяжелая артиллерия, заохали минометы, противник в резиновых надувных лодках начал форсирование.

К ночи полк получил приказ на отход. Сергей собрал свой поредевший взвод — никого из бойцов еще не знал по имени и фамилии, только в лицо. Проверил матчасть. Разбитые минометы пришлось бросить.

Когда втянулись в походную колонну, вражеская артиллерия снова начала ожесточенный обстрел. Они как раз шли через лес. Рвались фугасы. Рушились деревья. Сергей увидел всплеск багрового огня, треск, почувствовал удар по каске. Больше он ничего не видел и не помнил.

Очнулся. Солнце — до рези в глазах. Вытоптанная серая площадка. По дальнему краю — ряды колючей проволоки и вышки. Злобный лай.

Над ним — небритый мужчина. В руках его узкие и грязные лоскуты. Приподнял, положил голову Сергея себе на колено, начал перевязывать, резко, больно отдирая со лба присохшие клочья.

— Где мы?

— В лагере. Немецком. В плену.

Он рванулся.

— Лежите. Вы ранены.

Почти месяц он подышал в этом лагере. Просто — открытое поле, в три ряда огороженное по краю. Пальцами прорывали ямки, жались спиной к спине, чтобы хоть немного согреться в дождь и промозглые ночи. Раз в день за ограждение въезжал грузовик, из кузова сбрасывали сырую брюкву. Яма — братская могила у дальней ограды становилась все шире.

Сергей уже мог вставать на ноги, делать неуверенные шаги. Но от потерянной крови, от голода и, наверное, от контузии нестерпимо болела, кругом шла голова.

— Ты что, очумел? Отцепи кубари, — шепнул кто-то. — Они командиров пускают в расход.

— Катись ты знаешь куда?..

Однажды за воротами лагеря остановились камуфлированные легковушки. Группа офицеров начала обходить поле. Один из них — высокий, голенастый, вышагивавший как цапля — время от времени тыкал стеком:

— Ты! Ты!..

Ткнул, будто приколол к листу, и Сергея. Лейтенант увидел плоские глаза, руку, натянутую в перчатку.

Группа прошла. Охранники, следовавшие за нею, подхватили его и поволокли к воротам, к машине, крытой брезентом.

Эшелон. Вонючая теплушка. Оконце, забранное в колючую проволоку.

На какие-то сутки пути, когда открылась дверь, Сергей увидел снова ряды колючей проволоки, приземистые строения по типу казарм, а за ними — гряды пологих гор.

— Концентрационный лагерь для советских офицеров — «офлаг 13-Д», номер шестьдесят девять!

Отныне у него ни фамилии, ни имени — номер. Распорядок — как в тюрьме.

Вывели на прогулку. Лицо шедшего по кругу навстречу показалось знакомым: щуплый, светлые прямые волосы, брови-стрелки и оттопыренные уши. И он здесь?..

Когда снова поравнялись, спросил:

— ТККУ?¹

Услышал — как отзыв:

— ТКПУ?..² Вот где встретились, такие танцы...

3

— Ты-то как здесь, кавалерист?

— А ты, пехтура?..

Сергей рассказал свою историю.

¹ ТККУ — Тамбовское Краснознаменное кавалерийское училище.

² ТКПУ — Тамбовское Краснознаменное пехотное училище.

Алексей — свою: как развернулись в первый бой в конном строю, пулеметы на тачанках с правого фланга, а немцы двинули против кавалерии танки. Как умирал комиссар и как хотел пить, а у них вода была только в кожухах пулеметов, и они не могли ему дать пить. Как вспыхивали порохом соломенные крыши. Как полз по ржаному полю в разведку. Как со слезами бросали спешенные безлошадные казаки свои бурки. Белосток. Шяуляй. Минск... «Мы окружены. Бери, лейтенант, тридцать человек, держись до последнего. Остальные пойдут на прорыв». В том бою его и ранило. Через десять дней после начала войны. Первый лагерь — в Бяла-Подляске. Тоже огороженный проволокой квадрат. С востока много суток слышали канонаду. Думали, паши возвращаются. Потом от «свеженького» раненого узнали: то бился до последнего гарнизон Бреста.

В лагере ни синие петлицы, ни лейтенантские кубари не снял. Вот они, как и у Сергея, — каплями загустевшей крови на вороте.

Алексей провел в «офлаге» уже неделю. Пригляделся, кое в чем разобрался.

— Особый лагерь. Хитрый. Обращение на «вы», хотя не так посмотришь — бросят в карцер. Кормежка — сам почувствовал — лишь бы ноги не протянул. Но кой-кому — и от пуза. Так что держи ухо востро.

— Кому же это — от пуза?

— Вербуют здесь в предатели. Себе на службу и в национальные формирования: украинцев — отдельно, прибалтийцев — отдельно, кавказцев — отдельно...

Сергей насторожился:

— У тебя вроде отец — карел?

— Теперь все мы должны быть русские. Советские.

— Понятно, ТТКУ... Что думаешь делать?

— Залижу раны, накачаю силенок — и тягу. Далековато, правда: Южная Бавария. Ну да земля круглая.

— Заметано, кавалерия. Научу тебя ползти по-пластунски.

4

«Офлаг 13-Д» — особый концлагерь. В других — изнуряют в каменоломнях, чтобы потом сбросить обескровленный скелет в яму с хлорной известью. Или гноят

заживо. Убивают голодом. Просто убивают. В «офлаге 13-Д» тоже заставляют бить киркой в каменоломне, тоже мучают голодом. Случается, и убивают. Но редко. У эсэсовцев из комендатуры лагеря иная задача. Методично, разными способами — индивидуальный подход к каждому — пробуют, как сломить. Не физически — духовно.

Утром, на поверке, вчерашний советский командир, а теперь переводчик при комендатуре и предатель вместе с гитлеровцами обходит ряды, выплевывает:

— Коммунист!.. Политрук!.. Жид!..

Тех, на кого показал, хватают и волокут к валу на краю лагеря, за казармами. Последние крики. Автоматная очередь... Откуда выведал, сука? Может, выдумал: надо же проявить рвение.

Но добились: каждый военнопленный замкнулся в себе, лишнего слова не проронит. Кто не выдерживал, ремень на шею — и на решетке окна в клозете... В души должен, по замыслу фашистов, вползти страх. Каждый день — лекции. Посещение — по желанию. Те, кто пойдут на лекцию, освобождаются от каменоломни. Запись в церковный хор. Добровольная. Кто записался — в день спевки может не брать в руки кирку. Накануне ноябрьского праздника выдали по полбуханки хлеба на арестанта. А надзиратели по баракам: «Это вам в честь падения Москвы!» У-у, гады! Врете!..

Но кое-кто начал посасывать сигареты. Без сожаления оставлять на столе миску с бурдой. Отводить бегающие глаза...

А на утренней поверке перед строем снова идет иуда-переводчик, наугад тычет пальцем:

— Комиссар! Политрук!..

И через несколько минут истощенные до нечеловеческого вида «дневальные» волокут к яме на краю лагеря тележку с трупами.

— Пора, Алешка. Невмоготу!

— Как выбраться?..

Действительно — как? Всюду колючая проволока и проволока под током, сигнализация, прожекторы, собаки.

Мелькнула надежда, когда узнали, что охранники комплектуют команду на железную дорогу, на разгрузку вагонов с углем. Выбирают молодых и еще крепких арестантов. Двадцатилетние лейтенанты в этом офицерском лагере — едва ли не самые молодые.

— Попробуем? — испытующе посмотрел на товарища Алексей.

Сергей молча кивнул.

Охранников на всю команду — четверо. Эх, если бы и остальные заключенные!.. Кто они? Рискованно обмолвиться и словом.

Начали ссыпать с платформ уголь. Грохот. Пыль столбом.

Друзья улучили момент, когда, казалось, конвоиров не было поблизости, юркнули под вагон — и ходу.

Рывок к свободе. Одни пути, вторые. Криков, стрельбы не слышно. Неужели ушли?.. Резкий удар в спину. Кладанье зубов, угрожающий рык и запах псины. Овчарки натренированы, натасканы на человека. Поверженного не рвут. Пошевелишь рукой — перекусит кость.

В лагере не били. Только охранники по дороге — да и те без усердия. Бросили в одиночные каменные пеналы, узкие, не присесть, по щиколотки залитые ледяной водой. На десять суток.

Когда приволокли в барак, они друг друга сразу и не узнали.

— Ну, ТККУ?

Алексей судорожно свел челюсти, острыми углами выперли желваки.

Через несколько дней записывали по специальностям. Старосты объяснили: мастеровых, слесарей, токарей, столяров-плотников ждет работа по профессии — облегчение режима. Алексей с детства плотничал — перенял от бати, спорого на все руки. Сергей до комсомольской путевки в военное училище осилил три курса железнодорожного техникума, овладел в мастерских и токарным, и фрезерным станками.

— Моя специальность: командир Красной Армии.

— Записывайте: советский офицер!..

Все равно обмазали пальцы мастикой, сделали отпечатки пальцев; фотограф усадил перед своей гармошкой в профиль и фас. Зачем?..

В лагере объявились некие личности в немецких мундирах, с нашивками «р» на рукаве. Еще вчера лежали на одних нарах, кормили вместе вшей!.. А теперь, значит, перечеркнули всю свою прошлую жизнь, записались в «р»-полицаи... Уже расхаживают гоголем, агитируют за Гитлера и за какую-то РОА — русскую освободительную

армию. Десяток на весь «офлаг», а как гадливо становится на душе при взгляде на их гнусные морды...

— Узнал: летчики собираются уходить, — прошептал Сергей.

В лагере была группа летчиков. Их машины подбили, когда они возвращались с бомбежки. Парни держались сплоченно, но со стороны никого в свою спайку не включали. Вот только Сергею удалось заслужить доверие одного из них — старшего лейтенанта Александра, москвича.

Пилоты согласились взять с собой и пехтуру, и кавалериста. Обговорили что и как.

Шагу не удалось сделать за проволоку — кто-то выдал всех накануне побега.

Схватили. Выстроили всех заключенных. А их — посреди плаца — прикрутили к деревянным «козлам». И каждый из арестованных должен был подойти и ударить... А потом снова в пенал-карцер с ледяной водой.

Узнали, кто выдал. Ночью в бараке устроили суд: «Именем нас всех!..» Утром в тачке — в грудe других трупов — вывезли к яме с известью.

— Все равно должны бежать, ТКПУ!..

Наступила зима. Теперь выгоняли на работы не в каменоломни, а на расчистку от снега полигонов и дорог. Пулеметы. Собаки. На плечах — лохмотья, оставшиеся от их гимнастерок, на ногах — деревянные башмаки-колодки. По асфальту, когда отбиваешь дробь, ноги меньше мерзнут, а в поле, в снегу, просто хоть околевай... И в казармах на полу лед. Умерла едва ли не половина всех заключенных.

«Агитаторы» предлагают: «Вступайте в РОА! Армией командует генерал Власов! Будете сыты, одеты, обуты!»

Слушkom по лагерю: «Надо записываться! Пошлют на фронт, а там — перейдем к своим! Уж два таких батальона перешли!..» Пригляделись. Нашептывают те, с сигаретами. «Нет, не подцепите на крючок...»

— Слыхал, Сергей, в лагерь генерала Карбышева привезли. Говорят, в классном вагоне, с почетом.

Стиснуло горло. Карбышев! Сподвижник Фрунзе, начальник кафедры в военной академии, профессор, автор многих учебников, некоторые штудировали и в их училище...

А слухи ползут, ползут:

— Да он же бывший царский подполковник! Отдельно поселили. Обеды по заказу!..

Пока сами не увидели на плацу во время прогулки: иссушенный, в рваной красноармейской шинели, в потертой шапке-ушанке.

Пока сами не слышали:

— Мы — советские люди! Мы должны ни на минуту не прекращать мужественной, хоть и неравной в этих условиях, борьбы! Бороться! И при первой возможности — бежать из плена! Не верьте этим пустобрехам. Знайте — Красная Армия победит!..

Жесткий. Иссушенный, как корень дерева, душевной мукой. Такого не согнуть — только сжечь.

— Держитесь, молодые!..

Спасибо тебе, седой генерал. Слово бывает важнее хлеба.

Миновала зима. Потянуло к лету. В «офлаге» комплектовали рабочую команду на строительство и оборудование стрелковых полигонов. Алексей и Сергей попали в список.

Месяц пробыли под Торунью, потом перевезли в Восточную Пруссию, неподалеку от Вислы. Осмотрелись.

— Отсюда должны уйти.

Те же ряды проволоки. Но рядом — лес, а за ним — река. Начали изучать особенности охраны. Ночью не уйти: прожектора, собаки. Надо днем.

Уборные расположены на краю лагеря, у самой проволоки. Сначала, задерживаясь на минуту-две после всех — снаружи ждут и пересчитывают по головам охранники, — откусили щипцами шляпки гвоздей. Потом ослабили, расшатали доски. Выбрали беспросветно дождливый день, когда земля превратилась в месиво. Перед обедом — на оправку. Стражники укрылись с головой под плащ-накидками, торопят, не заметили, что арестантских голов не дочет.

Тут уж дороги секунды. Раздвинули доски — и в грязь, подползли к проволоке. Приподняли один кол. Он с всхлипом вылез из размокшей земли. Сергей держит, Алексей подползает. Потом держит Алексей. Одолели заграждения — и в лес. Наученные, чтобы сбить собак, побежали по ручью. К ночи добрались до Вислы. И вдруг у воды оказалось: пехтура не умеет плавать!..

— Чтоб тебя!.. Давай на подручных.

Алексей быстро соорудил из ветвей плот, потащил на нем, полупритопленном, Сергея через реку.

Преследования не было. Теперь забота: где добыть пищу? Увидели в подлеске стадо коров, а на лужайке аккуратно составленные бидоны. Из кустов наблюдали, как крестьянки доили скотину, сливали молоко в бидоны. Только бы оставили... Нет. Подъехала колымага, полные бидоны погрузили, пустые сгрузили. Вечером беглецы подкрались к стаду. Алексей сам надоил в бидон. Пили до рези в животах.

Шли только в темноте, а в светлые часы прятались в зарослях, в скирдах. Остерегались хвойных лесов, вычищенных, просматривающихся на сотни метров; больше по душе были лиственные. Потеряли счет времени. Но по надписям-указателям на дорогах, которые довелось пересекать, поняли: уже миновали Германию, идут по Польше. Удивлялись такому везению: отмерили сотни верст, а ни на кого не напоролась.

На польской земле беглецы почувствовали себя свободней. В ненастье даже забирались в схроны, на сеновалы, в крайние, что победней, хаты. Жители хоть и боялись, а укрывали, подкармливали.

Однажды зашли в избу. Открыли им, впустили. потушили лучину, затворили окна, уложили на сене. Сено душистое, благодать. Под дождик умиротворенно заснули.

Под утро забралась на сеновал девчонка:

— Панове, ходьте, ходьте! Вёска горит!..

Глянули — вся деревня охвачена пламенем, шум, крик, команды по-немецки.

Выбрались в лес. Оказалось, гитлеровцы искали кого-то. Жители столпились в поле, а от деревни — одни лишь черные трубы. Кого искали?

Лейтенанты давно уже оделись в крестьянское — в домотканые холщовые рубахи, портки, лапти, на головах — широкополые шляпы — брыли с обвисшими полями. Лица заросли. У Алексея борода светло-русая, у Сергея — цыганская, чернящая. «Гляди, уже седина есть...» Кто даст им по два десятка от роду?..

Теперь, одолев бóльшую часть пути, они жаждали одного — встречи с партизанами.

Как-то ночью в лесу замерцал меж стволов огонек. Подкрались. Мужики. Обросшие. С оружием. Неужто наши?..

— Пойду, была не была, — поднялся Сергей.

Увидели его, схватили, подволокли к костру.

Алексей наблюдал из-за ветвей, не зная, чем помочь другу. Вскоре Сергей вернулся:

— А, самогонщики! «Мы тебя не видели — ты нас не видел!..»

По полям уже убирали хлеба. Стрекотали молотилки. Даже картошку начинают копать... Речка. Заросшая контрольно-следовая полоса.

— Это те места, по которым мы отступали, — узнал Алексей. — Теперь не так далеко и до фронта.

В этом пути Сергей даже научился немного плавать — неширокие реки одолевали с ходу.

Как-то с вечера забрались на хуторе в сарай. Сено свежее, пахучее. Полевки шуршат. Думали пересидеть дождь, а разморило, заснули.

Алексей почувствовал, как кто-то вошел. С усилием открыл глаза. Рядом стояли немцы с бляхами фельд-жандармов.

— Русиш? Партизанен?

Немцы бросились к ним, заломили руки. Так глупо по-пасться! За Белостоком — когда до своих рукой подать.

5

Они понимали: если гитлеровцы дознаются, что перед ними — советские офицеры, бежавшие из «офлага», замучают. Не здесь, так на плацу в Хаммельбурге. Поэтому, когда везли, когда держали ночь до допроса в камере жандармерии, продумали свои «истории», изменили имена и фамилии. «В армии не служили, были угнаны на работы после оккупации наших деревень. Ты — из Белоруссии, я — из-под Пскова, ты — слесарь, я — столяр. Где работали? А черт его знает. Везли в эшелонах. Бежали во время бомбежки, хотели вернуться по домам».

Понимали, что все это зыбко — лопнет при первой же проверке. К счастью, не проверяли. Может быть, выручил их вид, их бороды.

Избили. Заковали в наручники, сунули в теплушку и куда-то повезли. Как оказалось, в поселок под Нюрнбергом, на завод сельскохозяйственных машин.

Тот же концлагерь, только с рассвета дотемна — в цеху.

— Уж отсюда-то мы уйдем, Алеха.

И они снова ушли. Но лишь через несколько месяцев, следующей весной. На этот раз, правда, хорошенько подготовились. По щепоти запасали соль — в прошлом побеге пришлось рыскать по хлевам, добывать соль-лизунец в кормушках скотины; Сергей смастерил самодельный компас — обточил стрелку, в центре просверлил дырку, вставил медный гвоздик, один конец стрелки намагнитил; припрятали ножницы для резки железа — пригодится, чтобы рассечь колючую проволоку; один из рабочих, поляк, принес нюхательный табак — чтобы насыпать по следу, тогда собаки не возьмут его; раздобыли и карту. Теперь уже плутать не будут. Направление — строго на восток, в Шумавские леса, в Чехию.

Бежали в конце апреля. В день рождения Гитлера охрана перепилась. Опять ползли по воде, по водоотводным канавам, потом ночами пробирались по перелескам.

И опять все складывалось на удивление удачно: двести пятьдесят километров по Германии без единого ЧП, хотя, осмелев, забирались ночами и в клуни, и даже на кухни. Увидели каменные пограничные столбы с высеченными на них львами, заросшие крапивой амбразуры дота...

Первая встреча:

— Я есть чех. Я есть ваш друг!

Теперь слово «русские» — такое опасное, произнеси его в Германии, — стало как бы паролем.

— Мы — русские! Мы — советские солдаты, бежали из лагеря!

Принимают как родных. Усаживают на лучшее место за столом. Созывают знакомых: «У нас русские!» Удивительно. Радостно до слез.

Теперь они стрижены, бриты. Одеты во все дареное.

— Держитесь смело! Чехи не тронут. У нас и полицейский скажет: «Я русского не вижу!»

Так пересекли всю страну и снова приблизились к границе Польши. Последний из встреченных чехов напутствовал: «Желаю скорей встретить своих!»

Вступили под зеленые своды пуши. Казалось, леса, перелески простираются до бесконечности — безлюдные, гостеприимные. Переночевали на ветвях, на зорьке даже побрились над лужей, отражавшей и их умиротворенные, округлившиеся физиономии, и спокойно бегущие по

сини облака. Неужели удача так быстро притупляет чувство опасности? Или самой человеческой природе свойственно выключать из повседневности память о недавнем и мерять уже все сегодняшним? Непростительное легкомыслие или необходимость разрядки после месяцев, проведенных в аду?

— Знаешь, у меня такое чувство, что в пуще мы обязательно встретим партизан, — сказал Сергей.

От купы деревьев, в которой они укрывались, лежала приветливая поляна. По опушке они стали обходить ее. Раннее, только поднявшееся солнце било прямо в глаза. Оттуда, от солнца, их окликнули:

— Панове, ходьте до мене!

Сергей прикрыл глаза ладонью от солнца. Силуэт человека. А тот снова:

— Цо панове чекают? Ходьте, не лякайтесь! Швыдче! Он подумал: партизан!..

— Пошли, Алеха!

Уже подходя, увидели: фигура в немецкой накидке, в руке пистолет. Хотели повернуть назад. А из-за кустов, с двух сторон, поднимаются солдаты в касках, со «шмайсерами» в руках.

— Хенде хох!

Повалили. Обыскали. Нашли карту. Стрелку-компас. Обрезали пуговицы на брюках, погнали под наведенными пистолетами. Неподалеку, в перелеске у дороги, — машины, еще солдаты. Наверное, прочесывают лес. Так глупо попались...

Первый допрос:

— Кто? Откуда? Куда шли? Зачем карта, компас? У кого останавливались в дороге? Кто в последний раз давал хлеб? Кто и где?

Это были наторевшие в своем ремесле гестаповцы. Алексея и Сергея посадили по разным камерам. «Только бы не запутался Алеха...» «Что отвечает Серега?..» Не сговариваясь, и один и другой поняли: лучше ничего не говорить. Иначе может всплыть и «офлаг».

В камере с Сергеем лежал умирающий от ран старший лейтенант — танкист, тоже беглый. Он не таился, дни были сочтены. Сергей скупно поведал, как попались.

— Эх, взяли чуть бы северней... Там наши...

На допросах били резиновыми, со вставленным сталь-

ным стержнем шлангами. Выводили к стене — будто на расстрел.

Переводчик:

— Господин офицер говорит, что тебе от пули смерть слишком легкая.

Слухами тюрьма полнится. Уже знали, что отсюда лишь два пути. Один — в Пески. Это на расстрел. Другой — в концентрационный лагерь Майданек.

Ночью в камере зачитали по списку: умирающего танкиста — в Пески. Сергея — в Майданек.

В черном — ни зги не видно — автобусе по кашлю узнал Алексея. Снова вместе.

Задняя дверца распахивается прямо в вагон-пульман.

Привезли. В огромном и пустом помещении приказали раздеться догола. Нагишом, с бирками на шее перенесли в другое помещение. Стрижка наголо. Баня. На выходе — полосатая одежда. Им, беглецам, на робу, на спину, — еще и красный треугольник углом вниз, а в центре буква «R» — русский.

И гуськом, бегом — «шнеллер! шнеллер!» — в просторный двор, разгороженный колючей проволокой на зоны, разграфленный рядами деревянных бараков. На дальнем его краю поднимаются в небо зловещие квадратные трубы.

Они уже знали, что это такое — Майданек.

6

Кварталы бараков. «Поля»-зоны — как микрорайоны, а сам лагерь равен по территории большому городу. Сколько в нем населения: сотни тысяч, миллионы?.. И во всем этом огромном городе только две категории «жителей»: обреченные на смерть и убийцы.

Обречены на смерть даже дети, которым уж ничто нельзя поставить в вину. С шестилетнего возраста эти смертники содержатся отдельно от своих матерей, в особой зоне. Глядеть на них больней всего. Маленькие скелетики с огромными глазами. Но все равно играют в свои, хоть и тихие игры, свертывают из тряпья куклы...

Нет, есть и третья категория «жителей»: огромные, натасканные на людей, умело сдирающие клыками и когтями кожу с плечей до пояса или одним захватом перегрызающие горло собаки — тоже целая зона-псарня на

южной окраине города. Круглые сутки доносится оттуда яростный лай.

Когда ветер дует с запада, весь лагерь окутывается клубами черного и вошючего маслянистого дыма, исторгаемого из труб крематориев.

Дымом душит размеренный, вроде бы беспристрастный, деловитый ритм машины, перемалывающей людей в трупы, в мыло, в костную муку, в удобрения, в кожи для поделок... Чудовищно? Нет, машина... Все регламентировано, вычерчено в графики, педантично подсчитано. Конвейер по переработке сырья. «Поля»-зоны — как карьеры, где добывают это сырье, или поля, где по плану севооборота жнут урожай... Первое «поле» — женщины; второе, третье, четвертое — мужчины; затем «поле» — команды крематория. В эту команду набор добровольный. Лучше и обращение, и корм. Но никаких иллюзий. Три месяца добровольцы топят печи крематориев и впускают в камеры смертоносный газ, волокут на смерть заключенных из других зон или разгружают беззаконные автобусы, доставляющие от железнодорожной ветки, прямо из вагонов, новые партии арестованных. Точно рассчитано: за время, пока автобус едет от вагона до крематория, в кузове, куда введены выхлопные трубы, все будут удушены. Три месяца. Ровно через три месяца, по графику, день в день, очередная команда добровольцев загонит «отработавшую» свой срок партию в камеры печей. Представить себе душевное состояние смертников, будто хронометром отсчитывающих приближение конца? Душевное состояние? Психология? Мысли, чувства, боль, муки? Эти категории вычеркнуты из обихода. Смертники. Убийцы. Собаки. План по переработке сырья.

О том, что это не законы для скота и не поля злаков, свидетельствуют лишь меры охраны. Тоже все педантично, рационально, безукоризненно. Один ряд проволоки. Через пять метров — еще один, с пропущенным по определенной схеме током высокого напряжения. Вспаханная полоса — едва ли не в полкилометра. И снова ряды проволоки под током. Через каждые сто метров — вышки с охраной, с пулеметами. От вышки до вышки просматривается пространство визуально — расстояние всего в два телеграфных столба. Ночью еще светлей, чем днем, — мощные прожекторы. Но все равно между вышками ритмично кружат по кольцу патрули с черными собаками.

Жирная зеленая муха перелетит. И птица, если бы захотела, перелетела, но дым отпугивает птиц. А уже мышь не проскользнет: убьет током или загрызут овчарки. Куда уж тут такому слабому, неповоротливому и крупному существу, как человек?..

— Все равно, Алексей, мы должны бежать.

— Да, ТКПУ.

За все существование Майданека было осуществлено два побега. А может, то были легенды? Первый случай: ушел советский капитан с солдатом. В воскресенье они разносили уголь по бункерам — огневым точкам, оборудованным меж ближними и дальними рядами ограждения. Работали под присмотром эсэсовца. В угловом, у леса, бункере эсэсовец замешкался, капитан придушил его, переоделся в форму, как бы под конвоем повел дальше бойца — и в лес. Другой случай — ушли поляки. Перерезали проволоку у самой вышки, а ток оказался почему-то отключенным. Говорили, что часовой был подкуплен. Его тут же, перед комендатурой, расстреляли. Было ли, не было?...

— Все равно. Лучше пулю, чем скотиной в крематорий.

Но сколько планов ни строили, ни один не был реальным: к проволоке им даже не приблизиться. Может быть, попытаться через бараки тяжелобольных? Риск огромен. Оттуда — самый ближний путь в печь. А все же...

— Первым попробую я, — сказал Алексей.

Пришел к врачу. Задрал рубаху. Все тело в сыпи — следы укусов вшей и блох.

— Животом маюсь.

Врач-серб, тоже заключенный, сунул в рот ложку с чем-то белым, похожим на разведенный мел.

Лейтенант выждал — и к другому врачу:

— Совсем худо... Загибаюсь.

Тот приказал показать язык.

— О, тифус! — И в тифозный барак.

Через день появился и Сергей. А дальше-то что?.. На нарах — настоящие больные. Начали помогать им. И сами заболели. Алексей — легко, Сергей — очень тяжело. В бреду все команды подавал: «Вперед, в атаку!» Принесли в барак умирающего. Он не скрывал — полковник.

— Ребята, дайте мне что-нибудь... Не желаю от рук этих гадов смерть принимать!

Полковник и поведал:

— Генерал-лейтенант Карбышев, Дмитрий Михайлович, здесь. Нет у него сил, недолго протянет. Но великого духа человек!..

Алексей вспомнил: «Вы — советские! Красная Армия победит!..»

— Вставай, Серега, начинай двигаться. Пора браться за дело.

План у них был уже продуман. Нечеловеческой трудности. Но ничего иного осуществить было нельзя. Подкоп. Проволочные заграждения проходили не так уж далеко от стены тифозного барака. В бараке пол деревянный, поднят довольно высоко от земли. В одном месте Алексей поднял настил, примерился. Рыть лаз будут ножами. Один копает, другой на плотике из двух связанных бинтами досок отволакивает и рассыпает под полом. Пустого места достанет. Лишь бы не обнаружили. И лишь бы хватило времени.

Связали плотик. Начали рыть. Больные поощряли. Умирали, но радовались, что хоть эти вырвутся на свободу.

А черед подходил неумолимо: гитлеровцы начали одну за другой «очищать» зоны. Расстреливали десятками тысяч. Непрерывной цепочкой гнали к крематориям. Клубились трубы.

В повадках охранников появилось новое — нервозность. Боятся? Замечают следы? Значит, Красная Армия уже близко?.. Рыли до изнурения, до последнего предела сил.

Не успели. Всех из их «поля», всех ходячих из больших барачных вывели ко рву. Репродукторы ревели марши так, что не слышен был крик человека, стоящего рядом. На соседнем «поле» немые пулеметы скашивали в ров немых мятущихся людей.

Сергей и Алексей обнялись. Стояли и ждали, оглохнув от музыки. Ужасное чувство беспомощности. Повернут в их сторону стволы — первыми попадут под пули.

То ли гитлеровцы выполнили на сей раз норму, то ли перегрелись стволы пулеметов — заключенных снова загнали в бараки.

Среди ночи разбудили.

«Ничего не брать! Бегом! Бегом!..»

Под прожекторами — к воротам. Псы рвут цепи. «Бегом!..»

На платформе — состав с раздвинутыми дверями пульманов. Каждый вагон разгорожен на три сектора. Часть арестантов загоняют в правый, часть — в левый, в среднем размещается охрана.

«Лежать!» «Не шевелиться!» «Не поднимать голов!..»

Несколько суток — лежа, без воды, в испражнениях... Когда наконец отодвинули двери, половина заключенных не поднялась. Остальные поползли, начали вываливаться на насыпь.

«Встать! Идти! Быстрее!..»

Они поплелись, поддерживая, волоча друг друга, устлая дорогу трупами. Дотащились до берега ручья. Пovaliлись в воду. Начали оживать. Охранники ждали, пока отмоются. И снова, мокрых с головы до ног, повели.

Алексей пригляделся к столбу с указателями на обочине дороги:

— Бюссанг... Танн... Урбез... Серега, мы во Франции!

Гнали километров пять, пока не приказали остановиться на голой площадке у подножия скалы.

7

Каменистую площадку окружали горы, близкие, но отгороженные рядами колючей проволоки. В среднем ряду пропущен ток — опыт Майданека. Однако лагеря, как такового, еще нет. Голая земля. Здесь и лунки, чтобы обогреться, не выдолбишь — камень.

Сами и начали сколачивать первые бараки.

Поздним вечером их погнали к черному проему в скале. Со всех сторон — охранники, пулеметы, собаки.

Вступили под каменный свод. Темень. Под ногами хлупает вода. Каменный сырой воздух с удушливым запахом газа. Тусклые лампы в сетках тянутся далеко вперед. Тоннель, что ли?

На рельсах — вагонетки. Сложены ломы, кирки.

Сзади со скрежетом затворились стальные плиты ворот. Арестантов разбили на группы, приказали разобрать инструмент. Мастера повели на участки.

В тоннеле работали ночами. Перед рассветом каторжников выводили на площадку, устраивали перекличку и разгоняли по баракам.

— Отсюда мы обязательно уйдем! — сказал Алексей.

— Надо спешить, пока они не организовали все как в Майданеке. — Сергей готов был действовать.

Только вот как? Подкоп в камне не сделаешь. Бежать в открытую?

Их опередили. На рассвете, только вывели из тоннеля, трое бросились из колонны в заросли. Охранники открыли стрельбу, спустили собак.

— Не догнали!

Весь лагерь пришел в движение: возбужденные лица, даже улыбки.

На третий день арестантов построили на плацу. Вывели оборванных, в страшных струпьях, трех беглецов. Спустили на них овчарок.

Все это не могло утешить Алексея и Сергея: сколько подобного повидали. Да и знали — последний шанс. То ли кто-то пустил слух, то ли один из охранников проговорился: после завершения работ в горе всех заключенных уничтожат.

Мастер их участка был француз. Вот когда пригодилось Алексею знание па уроках Марьяны. Штейгер сразу расположился к русскому, так хорошо знающему его родной язык.

Осторожно — сегодня ночью об одном, завтра о другом — лейтенант выведал, где они находятся и что строят. Оказалось: на востоке Франции, в Эльзасе, недалеко от станции Урбез. Этот тоннель начали пробивать еще в двадцатых годах, чтобы открыть железнодорожное сообщение через горный массив Вогез, но так и не пробили. А теперь, когда усилились налеты союзной авиации на Германию, немцы решили оборудовать в тоннеле завод авиационных моторов.

Понятно. Коль военный объект — нет сомнений, что после окончания работ заключенных уничтожат. Так гитлеровцы всегда делали — для сохранения тайны.

Алексей попросил французского:

— Не можете ли принести соли? Все пресное.

В другой раз:

— Нет ли у вас лишнего коробка спичек?

— Бежать собрался?

— Что вы, мсье! Разве убежишь?

— Не убежишь, — согласился француз. — По всем дорогам, на всех перевалах и тропах — патрули бошей.

— Против партизан? — с надеждой спросил его лейтенант.

— Нет. О франтирерах в здешних краях не слышно.

Спички и соль Алексей зашил в шапки. О карте побоялся заикаться: это уже прямо раскрыть замысел, а кто его знает, чем дышит мастер? Все равно теперь он мог сориентироваться.

Как же бежать?.. Множество планов — самых фантастических — рождалось в голове. Реальным в них было одно: умрут с честью. Пусть так! Жить — это не долбить камень под стволами пулеметов, задыхаясь и проклиная каждый час. Жить — это бороться.

Возможность для побега открылась неожиданно. Удача! А может быть, она по праву пришла к ним? Ночью Сергей долбил базальтовую глыбу. Из-под кирки летели искры. Нащупал выступ, поддел его острием, чтобы отколоть кусок побольше, — и вдруг глыба податливо сдвинулась. От кликнул Алексея. Вдвоем они сдвинули камень и почувствовали, как потянуло свежим воздухом.

— погоди! — встрепенулся Сергей. — Давай-ка задвинем.

Привалился к мокрой стене. перевел дыхание. Сердце бешено заколотилось, но он сдерживал себя, боясь поддаться надежде.

— Знаешь, что это может быть? В железнодорожном училище мы проходили... Это может быть вентиляционный колодец...

— Так это же!..

— погоди... А если только руку просунуть? Скалу не раздолбишь. А если...

— Чего там гадать?

— погоди, Алешка. Давай обмозгуем. Это наш последний шанс.

Начали обдумывать. Рискнуть: отвалить камень и попытаться пройти весь вентиляционный канал? А если охранники заметят? В тоннеле их немного — их позиции у выхода, с пулеметами. Наблюдают за арестантами и в забоях, но больше для того, чтобы подгонять. Лампочка недалеко от глыбы?.. Надо ее разбить. Камень, загораживающий отверстие, чересчур тяжел?.. Надо улучшить момент и заменить его на иной, полегче. Сейчас рядом работают. Придется подождать, когда каменотесы перейдут на другой участок. Как томительно тянулись дни!

Даже растратив все силы в ночную смену, они с трудом заставляли себя заснуть в бараке. А им надо беречь силы...

Бригаду перевели дальше по тоннелю. Накануне удалось разбить лампу, в эту смену ее еще не заменили.

Каторжников ввели в тоннель. Захлопнулись ворота.
— Шнелль! Шнелль!

Алексей поравнялся с тем местом, где был канал. Припал на ногу:

— Ой! Ой!

Стражник остановился:

— Что случилось?

— Подвернул ногу!

— Валяйся тут.

— Я помогу ему, герр вахмистр, — склонился, подставил плечо Сергей.

Эсэсовец махнул рукой: куда, мол, денетесь? — и зашагал за бригадой.

Друзья выждали мгновение — и к камню. В темноте отволокли.

— Я первым, — втиснувшись в лаз, прошептал Сергей. — А ты привали его сзади!

— И я с вами! — как громом.

Узнали голос одного из их бригады — Николая. Откуда взялся? Обсуждать некогда.

— Давай вторым!

Колодец был почти отвесным, узким. Но — на их счастье — диаметром все же шире плечей, и стенки вырублены грубо, можно поставить на выступы ноги, уцепиться руками, упереться локтями. Но как высоко!.. Зато с каждым рывком вверх все чище, холодней воздух. Обдувает разгоряченное лицо, распирает грудь.

Последний рывок — и Сергей по пояс вывалился наружу. Помог вылезти Николаю, затем — Алексею. Здесь, над выходом, густым навесом разросся можжевельник. Сквозь ветви проблескивали звезды.

— Давайте замаскируем отверстие, — предложил Алексей.

Они уложили толстые ветви. Сверху набросали землю и обломки камней.

— Пошли. А где твои пантофели? — обратил внимание на босые ноги Николай Сергей.

(Пантофели — деревянные башмаки, в которых ходили арестанты.)

— Там оставил, чтобы сноровистей было!

— В тоннеле? А, черт! Могут обнаружить!

— Ничего, робяты! Свобода — накось им выкуси!

— Откуда ты взялся?

— Хо!.. Давно я за вами приглядываю, сразу засек: в бега собрались! А тут, вчерась, как лампочку вы порешили, так скумекал — чойсь будет!

Голос у Николая был довольный: вот, мол, какой я!..

— Ну ладно, ноги в руки!

Теперь и им колодки ни к чему. Закопали их в кустах, ноги обмотали тряпками, обвязали веревками — все было припасено. «Обули» и третьего. И — в гору, в гущу леса.

Внизу — лай собак. Голоса. Погоня? Нет, переклик без тревоги. Судя по звездам — полночь. Значит, обычная смена караулов. До утра не хватятся. К рассвету беглецы должны уйти как можно дальше.

Подъем становился все круче. В расщелинах еще лежал снег.

— Будем держаться строго на запад, в глубь Франции, — сказал Алексей.

Карабкались, петляли по ледяным потокам, запутывая следы.

— Нет мочи, робяты, — из последних сил отдувался Николай.

К рассвету, казалось, ушли на сотню километров. Выбрали укромное место, чтобы отлежаться днем.

— Всем разом не спать! Дневалить по очереди! — взял на себя права старшего Сергей. — Укладывайтесь на перины. Чур — не храпеть!

Алексей и Николай заснули. А Сергей, когда стало совсем светло, глянул вниз и обомлел — лагерь прямо под ними, рукой подать! Сейчас услышит приближающийся злобный лай...

Погони не было. Может, в лагере еще не хватились. Или охранники рассчитывают, что беглецам все равно не уйти далеко: на всех дорогах и перевалах патрули...

Значит, идти надо сквозь чащобы, по осыпям, выбирая самый трудный рельеф.

Сориентировавшись днем, теперь ночью они шли более уверенно. От лагеря их отделяло уже не меньше два-

дцати километров, две горные гряды. Внизу, на склонах и в долине, — черепичные крыши, лоскуты полей, выше — луга. Дома в зелени садов, а в огородах, кажется, уже высаживают картофель, хотя с такого расстояния можно только гадать.

Третьей ночью голод заставил их спуститься ниже, в долину. Накопали клубней, снова засыпали гряды. Теперь провизии должно хватить надолго. И снова — к снегам.

На рассвете разожгли костер, в золе испекли картошку. Сергей приказал экономить соль, отсыпал малую щепоть. И на еду не налегать — каждая вылазка на ферму чревата опасностью. Алексею все это не падо было объяснять, а Николай начал канючить:

— Два года не жрал досыта! Вон их сколько, ферм!

Он сделался беспечен: то и дело приходилось предупредить, чтобы говорил тише, продвигался осторожней.

При определении маршрута на следующую ночь они оказались перед выбором: если продолжать идти на запад, то нужно перебраться через бурную горную речку, которая просматривалась со склона. Внизу она была перехвачена мостом; стоит пройти по нему — и забирайся на следующую гору. Если же идти в обход, к истокам, — и до свету не управишься. В темноте одолевать реку вброд рискованно: было видно, как вода ворочает камни, пенится в каньоне. Сергей считал, что нужно двигаться по гребню. Николай воспротивился:

— Охота была! Ты погляди, мы и так ободрались! Ты на ноги погляди!

Действительно, никаких тряпок на обувь уже не хватало, острыми камнями иссечены ступни. И все же...

— Ну и трясуны! Я первым пойду!

В темноте спустились на тропу, с тропы — на проселок, ведущий к мосту. Было тихо. Ни огонька.

Николай первым ступил на мост. Зашагал. Алексей и Сергей за ним, в отдалении. Уже и спуск.

— Хальт! Хальт!

Вспыхнул фонарь. И тут же — выстрел.

Алексей с Сергеем отпрянули назад. Бежали, карабкались, ползли, пока хватало сил. А снизу, множась эхом, доносились нечеловеческие крики. Можно было представить, как били, убивали Николая.

— Давай посидим, простимся с Колькой...

Не знали, где бросили мешок с картошкой. Теперь на фермы не сунешься..

Держались вершин. Но на них еще плотно лежал снег. Холодно. Да и не пройдешь босиком, без ледорубов... Голод все же заставлял спускаться в долины. Но уже не к жилью, а на перезимовавшие поля. Подбирали мерзлые и гнилые овощи. А все равно шли, шли. И чем дальше за перевалами и реками оставался Урбез, тем больше крепла уверенность: уж на этот-то раз вырвались!

Алексей почувствовал: бьет озноб. То обливает тело жаром — и все плывет перед глазами, то леденеют руки и ноги. Идет, все равно идет, а в коленях — будто вата, подгибаются. Днем, в кустах, придя в себя от забытья, почувствовал: Сергей зажимает ему рот.

— Кричал? Заболел я, Серега... Плохи наши дела...

Друг взвалил его на плечи. Понес. А сам от голода и бессилия едва передвигает ноги, вот-вот рухнет.

Увидел на краю леса сарай. Перед рассветом втащил в него Алексея, обложил соломой.

Что же дальше?.. Прислушивался к хриплым стонам товарища, ощупывал свои распухшие, обросшие кровавыми струпьями ноги. Бежать из тоннеля, уйти от погони — и на тебе!.. Пусть это и смертельно опасно, но придется искать встреч с жителями... Алешка говорил: «Это Франция! Французы должны быть славными ребятами!..»

От леса, на опушке которого стоял сарай, сбегала в ложину пашня. Когда стало светать, Сергей увидел в ложине сад, за голыми деревьями — постройки фермы.

По тропке от фермы девушка гнала к лесу коров. Пританцовывала в тяжелых деревянных сабо, озорно щелкала бичом. Около нее кружила громадная собака-волкодав.

Сергей растормошил друга:

— Рискнем, Алешка. Кликну девчонку. — Приоткрыл дверь сарая, свистнул.

Девушка остановилась. Волкодав напряжился, зарычал.

— Не бойся. Подойди. Нам нужна помощь, — сказал по-французски Алексей.

Она подтянула за поводок собаку и нерешительно приблизилась к сараю. Увидела их — и отпрянула. Истощенные, заросшие, в полосатых изодранных куртках, они были страшны.

— Не бойся.

— Кто вы?

— Из лагеря... Русские.

— Русские? — Ее глаза в изумлении округлились. — Смирно, Бержер!

— Помоги. Еду... — Челюсти Андрея свела судорога. — Мы давно не ели. И я болен.

Девушка уже без страха смотрела на незнакомцев.

— Настоящие русские? Я принесу, не уходите!

И помчалась вниз по тропинке, наперегонки с собакой, — черные косицы, деревянные сабо, пестрое платье.

Скоро она вернулась. Принесла в корзинке сыр, колбасу, яйца, хлеб, бутылъ вина.

— Когда стемнеет, спускайтесь к ферме — отец встретит.

Ночью они подкрались к ферме. Бержер учуял, залаял.

— Ну, Алеха... Пан или пропал!.. Без помощи все равно нам хана...

Скрипнула дверь. Выбежала девчонка. Протянула, как бы нащупывая, руки. Повела в дом. Навстречу им поднялись крестьянин и женщина.

— Папа, мама! Вот они, настоящие русские!

Алексей сделал шаг в комнату, в обжитое тепло, и повис на руках друга: потерял сознание.

Хозяева помогли оттащить его на чердак, на сено. Крестьянин раздел его, стащил рубища, обмыл, общупал. Что-то бормотал. Сергей конечно же не понял ни слова.

С каждым часом Алексею становилось все хуже. Девушка принесла миску с кусками льда, лоскуты, начала делать примочки. Больной метался, бредил.

Из оконца Сергей увидал с чердака, как крестьянин запряг дрожки, отворил ворота. Куда он?..

Уже затемно вернулся. С фермером — еще четверо. Один — с чемоданчиком. И по виду — доктор. Хоть и молод, а важен. Осмотрел Алексея. Что-то сказал. Сергей разобрал только одно слово: «Пневмония».

Незнакомцы уехали. Когда друг очнулся, Сергей наклонился над ним, зашептал:

— Приезжали какие-то... Один — вроде бы доктор — сказал: пневмония. Значит, воспаление легких.

Фермер поднялся на чердак, принес ампулы и шприц. Неумело сделал укол.

— Дайте я сам, — забрал у него инструмент и склянки Сергей. Товарищ снова был в забытии.

Через несколько дней температура у Алексея спала. Девчонка — ее звали Сюзанна — все свободные часы проводила на сеновале. Делала компрессы, кормила. Даже приноровилась управляться со шприцем — колола, вся дрожа от страха и сострадания. Теперь лейтенант мог подолгу разговаривать с нею. Она беспечно напевала, шаловливая, ребячливая, порывистая. А то вдруг начинала разыгрывать из себя строгую сестру милосердия. Временами ее лицо становилось взрослым.

— Вы такие были страшные тогда, в сарае... Как живые мертвецы... А теперь ты такой светлый. И глаза у тебя синие!..

Сказала — и убежала. Весь день не появлялась. Еду и вино принес крестьянин Пьер.

В другой раз дурачилась, все норовила поймать в сене мышонка, потом затихла, подседа и вдруг спросила:

— У тебя есть девушка в России, Алекс?

— Есть. Настя...

Выговорил имя — и перехватило дыхание.

Сюзанна молча посидела-посидела и ушла. А он наконец-то позволил вернуться мыслями к тому, что уже давно было под запретом, — к памяти о давнем. Как удивительно ясно встало все перед глазами. «Настя... Где ты сейчас, что с тобой?.. Помнишь ли, вспоминаешь?..» Заныло сердце. Тоской?.. Не ведал — предчувствием.

Сергей обжился на ферме. Помогал по хозяйству — пилил с хозяином дрова в сарае. Починил будильник. Фермер подивился. Приволок старые настенные часы. Отремонтировал и их. В пристроенной к сараю столярной мастерской искал инструменты и наткнулся под стрехой на сверток. Развернул: смазанные пистолеты, сумка с патронами. «Эге!..»

Оттащил на сеновал. Когда остались одни, показал:

— Теперь голыми руками нас не возьмешь!

Наконец-то за все эти годы — оружие! Тяжесть боевого металла словно бы вливала в руку силу и твердость. Что бы теперь ни было, они могут стрелять! В ненавистных, в бешеных собак!.. Что бы ни случилось, дорого теперь заплатят за их жизни! Сколько в сумке патронов? Только бы не ослабли глаза, а уж рука не дрогнет! Пулю — на каждого!..

— Этот тебе, этот — мне.

Он зарядил обоймы.

— Хорошо, — подержал в ладони пистолет Алексей. — Хорошо, что в этом доме оружие. Старик, значит, с кем-то связан. Поговорю с ним. Нам все одно пора отсюда уходить.

Да, не следовало злоупотреблять гостеприимством Пьера — случись облава, гитлеровцы жестоко расправились бы с ним и его семьей.

Выбрав минуту, Алексей сказал:

— К партизанам нам нужно, отец. К макизерам, понимаешь?

Пьер молча покачал головой и ушел. Спрашивать ни о чем не стал.

Но спустя несколько дней около фермы остановилась легковая машина. На сеновал поднялся мужчина с твердым угрюмым лицом. Выступающий подбородок, хрящеватый орлиный нос, маленькие и колкие светлые глаза под темными бровями... Пристально вгляделся в лица русских. Начал подробно, будто вел допрос, расспрашивать. Отвечать или не отвечать?..

Алексей стал отвечать. Сергей отошел в угол, занял удобную позицию. Рука в кармане. Мужчина коротко глянул, жестко усмехнулся. Приказал фермеру принести из автомобиля узел. Бросил на солому:

— Переодевайтесь.

В узле были крестьянские сюртуки, брюки, обувь. Пока переодевались, суровый незнакомец не спускал с них взгляда.

— Пошли.

В машине сидели еще трое. Молодые. Настороженные. Руки тоже в карманах. Пьер крепко обнял своих постояльцев. Хозяйка перекрестила. Сюзанна заплакала.

Машина помчалась по тропе, выехала на дорогу. Проехали через одно селение, другое, проскочили городок, на улицах которого увидели немецких солдат. Миновали мост, начали подниматься на вершину горы.

Куда их везут? Сергей приподнялся, глянул в переднее стекло — и оцепенел: внизу концлагерь и стальные ворота тоннеля!..

— Ловушка!

Суровый мужчина обернулся:

— Спокойней.

Молчаливые попутчики стискивали их плечами, не давая возможности высвободить руки.

«Опять! Нет! Они не знают, что мы вооружены! Живыми больше не дадимся!»

Не доезжая трех-четырех километров до концлагеря, машина свернула на узкую дорогу, уходящую в гору.

Остановились на вершине, среди камней. Проводник в сопровождении своих парней повел их в лес. В зарослях кустарника спрыгнул куда-то в темноту. За сеткой ветвей оказался лаз в пещеру.

Отбиваться здесь?.. В их душах уже затеплилась надежда. Спрыгнули следом. В пещере Алексея и Сергея обступили люди.

— Это ваши новые друзья, — сказал мужчина. — А я — командир отряда «Сражающаяся Франция» капитан Проспьер.

8

В отряде капитана Проспьера их было поначалу всего десятеро: Рене, отец двух уже взрослых дочерей; Антуан, не знающий устали крепыш; книжник Жан, восемнадцатилетний Тото, еще двое французов — все из окрестных селений, и у каждого — свой повод уйти в маки — партизаны, — бежавший с работ поляк Стась, совсем еще мальчишка, и хмурый, молчаливый испанец Феликс. На вид ему можно было дать и тридцать, и все пятьдесят. И они двое — Сергей и Алексей. Капитана в счет не брали. Он возглавлял несколько отрядов в районе Вогез и наведывался в пещеру лишь изредка, раз в неделю. Карабкаться в гору чаще не было повода — в те дни весны 1944 года партизаны еще не предпринимали вооруженных вылазок против оккупантов. Но с фермы на ферму шел по округе слух об отряде, и тянулись из долин в леса на склонах новые добровольцы.

Однажды Алексей был в дозоре. Видит, пробирается парень, плечистый, беловолосый.

— Стой! Руки вверх!

А он обрадованно, тоже по-русски:

— Свой я!

Задохнулся от радости. Рассказал потом — родом из Ленинграда, моряк. Тоже был в плену и бежал. Так и стали звать: Петр из Ленинграда.

Но произошел и другой, заставивший насторожиться случай. Пришел по цепочке, по явке еще один русский. Глянули лейтенанты, обомлели. Тот самый, из «офлага 13-Д» — переводчик-предатель, обходивший ряды военнопленных и выплевывавший: «Коммунист! Комиссар!..» В лагере он именовался Константином.

Константин не узнал лейтенантов — в «офлаге» на эту мелкоту внимания не обращал, рыскал все больше среди старшего комсостава, да и обрели они за недели, проведенные на ферме и в отряде, человеческий вид: на головах — береты, рубахи апаш, на поясах — подсумки с патронами, гранаты; на лацканах курток — трехцветные лоскуты франтиреров.

Откуда появился, кем заслан?.. С нетерпением и тревогой ждали они прихода Проспьера. Выложили ему все. Под благовидным предлогом он увел Ивана (так назвал себя теперь предатель) с собой.

Снова вернувшись в отряд, капитан рассказал: все правильно, друзья не ошиблись — когда предателя прижали, выложил как на духу: прислуживал немцам в «офлаге», получил за это повышение, был переведен во власовскую часть, с нею прибыл во Францию. А теперь, чувствуя приближение расплаты, бежал и под видом бывшего военнопленного связался с ячейкой Сопротивления в Нанси — оттуда и направили его в отряд «Сражающаяся Франция». Не признался, имел ли задание от гестапо. Но наверное, имел.

— У нас говорят: собаке — собачья смерть, — заключил Проспьер.

— У нас тоже так говорят.

Скоро отряд разросся. В пещере партизаны уже не могли разместиться. Один из местных жителей предложил занять заброшенный каменный дом на склоне скалистой, поросшей соснами горы. Когда-то в этом доме был отель. Хозяин разорился; строение, расположенное в труднодоступном месте, никому не оказалось нужным.

Партизаны осмотрели дом. Французам он понравился — можно жить по-человечески. Сергею же пришлось не по душе: никакой маскировки... Но спорить не стал: как-никак, он и Алексей здесь гости. Однако предложил при-

вести в порядок оружие. Было оно с бору по сосенке — и пистолеты, и винтовки времен первой мировой войны, охотничьи ружья, автомат, даже пулемет «точкис», но ржавый-прержавый, да и патроны к нему от сырости окислились.

Сергей отчистил патроны, пулемет разобрал до винтика.

— Они говорят: «Погиб пулемет, ни за что не соберешь!» — перевел Алексей. — Гляди, поддержи честь мундира!

Сергей собрал.

— Попробуем, как стреляет!

Оборудовали под огневую точку подоконник в подвале, у слухового окна. В полутора сотнях метров укрепили мишени.

— Я буду одиночными, а ты корректируй, — лег за «точкис» Алексей — бывший первый номер тачанки.

Начал одиночными. Увлёкся, дал короткие очереди. Потом почистил, смазал. Только поднялся из подвала в комнату, стук в входную дверь — заявляются двое полицейских с кокардами.

Алексей к ним:

— Бонжур, мсье!

— Передайте Проспьеру: боши пронюхали, что вы здесь. Будут прочесывать. И стрельба ваша слышна. Оревуар!

Когда полицейские ушли, Сергей озадаченно спросил:

— Как же не заметили их? Кто стоял на посту?

Оказалось, часовым был поляк Стась.

— Так дело не пойдёт! Партизаны мы или туристы? Передавят нас как клопов!

Они поняли: без старшего в группе, без строгой дисциплины дело не пойдёт. Кто же будет командиром? Единодушно решили: Сергей. А переводчиком и заместителем будет Алексей.

— Скажи: немедленно уходим в лес! — распорядился Сергей. — Для связи с капитаном оставим одного человека. Вот его, испанца.

Забрались высоко. Соорудили шалаши, настелили хвои. Сергей установил строгий график дежурств, ночами проверял посты. Заставил партизан тренироваться — ползать по-пластунски, бросать болванки-гранаты в цель, преодолевать препятствия. Разогнал сплин, растряс жи-

рок. Уже не терпелось «пощупать» гитлеровцев. Но Пропьер все не разрешал. Порядок же в отряде одобрил. И назначение Сергея на пост командира — тоже.

Среди макизеров больше всех заинтересовал друзей испанец Феликс. Судя по скупому оброненным им словам, он воевал на стороне республиканской армии. Значит, был единственный, кроме них, обстрелянный в бою. Но дело даже не в этом. Как ни странно, но Испания, хоть и находилась географически дальше от Советской страны, чем Франция, казалась им близкой — осталась память о тридцать шестом — тридцать восьмом годах, о Мадриде, Гвадалахаре и Теруэле, заботами и болью за которых жил тогда весь советский народ. Сергей и Алексей, в ту пору еще школьники, остро переживали трагедию республики, рвались душой в волонтеры. Да кто бы их послал тогда за Пиренеи?.. Почему не удалось республиканской армии одержать победу? Почему в решающий момент правительство Испании отказалось от помощи интернациональных бригад? Как случилось, что «пятой колонне» удалось поднять восстание в Мадриде?.. Тогда они не могли разобраться во всем этом, теперь же имели возможность получить ответы из первых рук.

Угрюмому испанцу было дорого, что русские жадно интересуются судьбой его народа. Нарушая привычную молчаливость, он рассказывал Алексею, а тот переводил другу.

У правительства Народного фронта была возможность одержать победу, если бы не предательская роль социалистов и анархистов. Лидеры этих партий заботились не столько о борьбе с фалангистами-мятежниками, сколько о том, чтобы вытеснить коммунистов. Военный министр Прието, один из лидеров социалистов, начал снимать коммунистов с постов командиров и комиссаров в армии, изгонять из органов военной разведки и контрразведки. А потом бросил армию в бесперспективное сражение под Теруэлем — без координации действий, без резервов. В результате мятежникам удалось прорваться к морю, расцезь территорию республики на две части. Это привело к тяжким последствиям. Из-за морской блокады стала невозможной помощь со стороны Советского Союза. А французское правительство задержало на сухопутной границе советское оружие — сотни самолетов, танков, орудий, тысячи пулеметов и винтовок. Народ требовал: «Сопротив-

ление до победы!» Но правительство республики под давлением Франции и Англии согласилось на вывод из Испании интербригадистов-волонтеров. А на стороне Франко остались германский и итальянский легионы. Дни республики были сочтены.

— Мы еще держались на Эбро. Четыре месяца... Крепко потрепали франкистов и итальянцев. Но сил нет. Оружия нет. Французская граница закрыта. А Гитлер и Муссолини посылали каудильо все, что хотели. Потом пала Барселона. Республиканское правительство перебралось во Францию. А в штабах — агенты «пятой колонны», всюду измена. Если бы действовать решительно, расправляться с врагами беспощадно — еще можно было бы спасти республику: народ был с нами. Мы разработали план. Но правительство — словно с закрытыми глазами, со связанными руками. В феврале тридцать девятого Франция и Англия признали режим Франко и разорвали отношения с республикой. А потом — «пятая колонна»... Подняла восстание в Картахене, через два дня — в Мадриде. Открыла дорогу Франко.

Смутное, в жесткой щетине лицо Феликса было высечено угловато, будто резцом. Сколько ему лет — тридцать или все полсотни?

— Почти три года борьбы... Миллион погибших в боях испанцев, миллион брошенных франкистами в лагеря... Мне удалось перебраться через границу, был в лагере интернированных недалеко отсюда... Когда Франко победил, он поблагодарил Гитлера: «Вот человек, который сумел полюбить и понять Испанию». Теперь Гитлер показал французам, как он любит и понимает Францию.

Как и их, русских, Феликса угнетало бездействие. Ни днем ни ночью он не выпускал из руки винтовку — ухаживную, заряженную на полную обойму.

Когда же?..

Капитан Проспьер все не давал задания.

— У нас еще мало оружия.

Собирали по фермам у кого что. Сергей ремонтировал старые берданки, проржавевшие пистолеты. Организовал мастерскую гранат-самоделок. Алексей учил необстрелянных макизеров обращению с оружием. Помогал ему в этом Феликс. Жаждали схватки, хотя и понимали — уж очень примитивно снаряжены, чтобы вступать в открытый бой с гитлеровцами.

— Настоящее оружие добудем у врага, — сказал Алексей.

Он и повел группу в первую вылазку — к шоссе, по которому курсировали немецкие мотопатрули.

Залегли по обеим сторонам дороги. Слышат: стрекочут, приближаются мотоциклисты. Пропустили их вперед и ударили залпом из берданок. Всех наповал. Мотоциклы подожгли, а оружие — вороненные автоматы, гранаты с длинными ручками, парабеллумы — забрали в лес. Вся операция — десяток минут.

Первая операция маки в Вогезах.

Теперь уже каждому захотелось сменить берданку и кремневый пистолет на пистолет-пулемет. А главное — враг перестал быть так страшен. И еще главней: пробил, значит, час расплаты за все злодеяния гитлеровцев!..

Вылазки начались. Взорвали мост. Пустили под откос дрезину. Расправились с предателем-коллорабационистом...

После каждой операции слухи о партизанах росли. В отряд приходили все новые люди. Их собралось уже около двухсот. Распределили их по взводам. Одним командовал Сергей, другим — Алексей, третьим — испанец, остальными — местные, служившие в армии. Капитан Проспьер обосновался в этом отряде, а в другие свои группы лишь наведывался.

В одну из ночей у землянок отряда собрались на совет руководители отрядов макизеров департаментов Вогезы и Верхнего Рейна.

Впервые Алексей услышал, что почти в каждом отряде есть советские. Предложил:

— Объедините нас в один отряд!

— Нет. Русские нужны в каждом отряде. Они у нас — для особо важных заданий.

На этом же совещании Алексей предложил и другое:

— Давайте освободим лагерь у тоннеля. Каторжники станут хорошими партизанами.

Посыпались возражения:

— Там сильный гарнизон.

— Где укрыть тысячу людей?

— Чем кормить?

— Если не освободим, их убьют. Всех до единого! Как же тут рассуждать: где укрыть, чем кормить? Распреде-

лите по разным отрядам, каждый поделится последней коркой!

Убедил.

— Хорошо. Будем готовиться.

А на рассвете дозорные доложили, что по дорогам к лесу движутся колонны фашистов, идут танкетки. Кто-то донес?..

Отряд занял оборону. Гитлеровцы открыли огонь из минометов. Под прикрытием танкеток пошли в атаку.

Бой продолжался весь день. Макизеры несли потери, но в лес прорваться фашистам не удалось. К ночи они закрепились вдоль опушки. Ясно было, что с утра начнут атаку. А у партизан — последние патроны и гранаты.

Проспьер вызвал Алексея:

— Будем отходить. Возьми, Алекс, русских и иди вперед — нет ли засад.

Два дня эсэсовцы преследовали отряд, пока он не ушел в «Сибирь» — так называли макизеры малонаселенный лесистый район у городка Маниль.

Летом сорок четвертого года англо-американские войска вместе с французскими дивизиями развернули боевые действия на территории Франции и уже приближались к Вогезам.

Капитан Проспьер решил пробиваться к линии фронта.

Послал связных. Они должны были договориться с командованием наступающих частей о времени и месте прорыва.

Получив подтверждение, партизаны пошли на прорыв в точно установленном районе и в назначенный час. Но в этот час американцы только начали артподготовку. Как раз по тому месту, где шли макизеры. Снаряды рвали землю.

— Только вперед! — приказал своим Алексей.

Сергей и врач — тот самый, который приезжал на ферму Пьера и назначил уколы Алексею, — шли вместе. Рядом разорвался снаряд. Врач был убит наповал, а Сергей — ранен в ногу.

Алексей бросился к нему. Выволок из-под обстрела. Увидел на поляне дом. Втащил друга. Старик лесник согласился укрыть макизера. Алексей оставил товарищу вещмешок с продуктами, пистолет и патроны.

— Пробьемся к наступающим — и я вернусь за тобой.

Алексей пробился со своей группой, вышел прямо на цепь смуглых солдат, одетых в мундиры французской армии. Это было алжирское подразделение — в составе вооруженных сил Франции сражались и алжирские части.

Макизеров доставили в штаб дивизии. Генерал показал на карту:

— Что вам известно о противнике?

Лейтенант рассказал, пометил огневые точки гитлеровцев, их позиции. Попросил:

— Разрешите с вашими солдатами атаковать дом лесника — вот здесь. Я оставил там друга.

Со взводом алжирских стрелков вновь ушел на передний край.

Вот и искореженный орудиями лес. Сейчас будет поляна, дом.

На месте дома курилась воронка. А вокруг — битый камень и черные головешки...

Макизеры-французы влились в регулярные войсковые части. А русских собрали и отправили в Дижон. Вместе с ними поехал и Феликс.

Дижон — старинный город Восточной Франции — был освобожден от оккупантов партизанскими отрядами. На какое-то время он превратился в сборный пункт советских граждан, воевавших в отрядах Сопротивления в департаментах Вогеzy, Бельфор, Марна, Верхняя Сона, Верхний Рейн.

На вокзале в Дижоне к вагону подошел офицер-француз и по-русски сказал:

— Я из батальона «Аверон». Мы выступаем на фронт. Кто из вас хочет воевать в наших рядах?

— В каком направлении будете наступать?

— На Вогеzy.

Алексей прыгнул на землю. К нему присоединились Петр из Ленинграда, еще несколько советских и Феликс. У каждого был свой счет, не сполна оплаченный гитлеровцами.

Батальон «Аверон» входил в состав «Франс-тирер-партизан» — «Французских вольных стрелков», которые были наиболее активными группами Сопротивления. «Аве-

роном» командовал майор Марк, сорокалетний мужчина, кадровый офицер, участник боев в Испании.

Разместились на отдых. А через два дня приказ: выступать.

Перед выступлением на передовую советские бойцы перед строем приняли присягу:

— Выполняя свой долг перед Советской Родиной, я обязуюсь честно и верно служить интересам французского народа, на чьей земле я защищаю свою Родину. Всеми силами я буду поддерживать моих братьев французов в борьбе против нашего общего врага — немецких оккупантов!..

Через день батальон уже вступил в бой.

Французское командование бросало «Аверон» на самые трудные участки. С октября сорок четвертого по март сорок пятого года он непрерывно был в боях.

Майор Марк назначил Алексея командиром взвода разведки, состоявшего в большинстве из русских. Комбат с доверием и теплом относился к советским. Еще в Испании он воевал вместе с русскими, с тех пор запомнил несколько слов. Отдавая приказ, спрашивал: «Хорошо?», а когда разведчики возвращались с задания, с картавинкой снова старательно выговаривал: «Хорошо!»

И Феликс как-то сказал, что в Испании тоже воевал с советскими:

— Были у нас в отряде двое: командир Артуро и его переводчица Хозефа. И приезжал еще один, из Мадрида, — Ксанти.

— Ну, это вряд ли советские, — усомнился Алексей. — Совсем не русские имена.

— Русские, — настойчиво подтвердил испанец. — Знаю точно.

Новички прились, как говорится, ко двору. Скоро они стали своими в батальоне. Все было поровну — и еда, и табак, и опасности. Но частенько на коротких привалах русские собирались отдельно, вокруг баяниста Мишки, тоже в недавнем военнопленного, бежавшего из лагеря и перед «Авероном» повоевавшего в партизанском отряде. Михаил невзвесть откуда раздобыл новенький, инкрустированный перламутром аккордеон. Был он невероятно тяжел, да еще в специальном чемодане с бронзовыми замками. Все по очереди таскали этот чемодан. Но зато теперь над французскими асфальтовыми и щебенча-

тыми дорогами, над виноградниками и садами плыли «Ямщик» или «Утес» — будто лежали вокруг российские снега и леса и чернела проталинами Волга... Это был только их мир, их, ни с кем не делимая тоска по Родине...

В феврале сорок пятого аккордеон замолк. Михаил не вернулся с задания: погиб около города Кольмар, у высоты Шульхт.

Солдаты прошли Вогезы. По дороге Алексей расспрашивал жителей: не видели, не слышали чего-нибудь о русском парне — невысокий такой, кареглазый, густые темные брови, если снова бороду отрастил — черная лопата...

Нет, не удалось напасть на след друга. А лагерь, из которого они прошлой весной совершили побег, увидел. Попросил у майора Марка увольнительную на день, отправился в Урбез.

Шел по дороге, серпантинном спускавшейся с горы, а сердце билось аж в горле, ноги подкашивались. Как давно это было и как недавно: арестантские полосатые куртки, злые псы, каменное жерло вентиляционной трубы...

Площадка концлагеря... Изменилась: ни проволоки, ни сторожевых вышек, ни бараков. На месте строений — черные подпалины на щебенке. С краю — несколько братских могил. Тоннель в стороне зияет черным провалом. Стальные двери сорваны, лязгают под ветром.

Алексей сел на камень у того места, где был их барак.

«Вот оно как, Серега... Я пришел, живой и здоровый... А ты-то где?.. Ты-то жив?..»

Гудел ветер. Хлопала стальная дверь.

Уже в сумерках оставил он площадку, зашагал назад по дороге. Вот и окраина Урбеза. Маленькое кафе. Сел за столик.

Хозяин принес бутылку вина.

— Знаете вы что-нибудь о лагере у тоннеля?

— Как же! Здесь живу. А что интересует мсье?

— Я из того лагеря..

— Не может быть! — изумился хозяин. — Все там погибли: и пленные, и боши!

И рассказал: когда приближался фронт, гитлеровцы

решили вывезти пленных. Построили их на станции у эшелона. А тут налетела американская авиация. Бомбы смели всех начисто — ни вагонов, ни одного живого человека.

— А я раньше бежал, с другом...

— В апреле? — недоверчиво оглядел его корчмарь. — Это когда трое?

— Да. — Алексей вспомнил Николая.

— Раненого — одного из тех трех — привезли в лагерь и еще на живого собак спустили. А тех двоих, говорят, пристрелили в лесу. Неужели — живы? А где напарник?

Алексей вернулся в батальон.

И снова — бои, атаки, засады, вылазки в разведку... Петр из Ленинграда прямо из вражеской траншеи приволок гитлеровского обер-лейтенанта и был награжден военным крестом. Погибло еще несколько советских. Ранено испанца. Пули и осколки щадили Алексея.

После освобождения Кольмара батальон отвели на отдых на берег Рейна. На противоположном берегу лежала Германия...

В 151-й полк, в который входил «Аверон», приехал на инспекторскую проверку главнокомандующий французской армией генерал Делаттр де Тассињи.

Батальон выстроился поротно. Генерал в сопровождении офицеров обходил строй. Остановился около Петра. Привлек, наверное, его внимание светловолосый гигант с орденом на груди.

— За что награжден?

Петр французского языка не знал

— Кол проглотил?

— Это русский, — сказал майор Марк.

— Как — русский? И еще удостоен креста? — побагровел генерал. — Чтобы ни одного русского в моей армии!

— Он — отличный солдат.

— Я не люблю повторять, майор: ни одного русского!

Когда главнокомандующий уехал, майор Марк собрал у себя всех советских:

— Понимаю: обидно. Но может быть, останетесь? Не хочу отпускать вас, парни.

Они колебались.

А к вечеру в батальон приехал советский офицер с лейтенантскими звездочками на погонах. Подошел к домику, в котором были расквартированы русские:

— Эй, земляки!

Алексей вышел на крыльцо — и остоленел:

— Серега!

Бросились друг к другу.

10

— Договорился с твоим майором: отпускает на сутки. Давай съездим в одно место...

У Сергея — трофейный «опель-адмирал», за рулем — советский боец в новенькой, с погонами, форме.

По дороге Сергей рассказал, что произошло с ним после того, как расстались они во время боя в доме лесника в Вогезах.

Когда макизеры ушли к линии фронта, внизу, в долине, начался жестокий бой. Все клокотало в огне и дыму, неслись танки с сиренами. По лесу била артиллерия. Старик лесник куда-то сбежал.

А Сергей лежит. Нога распухла, перетянута английским зеленым бинтом. Рядом с подушкой — табак, зажигалка. Под подушкой — парабеллум и патроны. Но с такой ногой не поковыляешь под снарядами.

Кровать была у окна. Глянул он — немцы перебегают к дому! Решил: теперь-то конец. Натянул одеяло на голову.

Они уже в доме. Увидят, что раненный, да еще бинт английский... Приготовил пистолет. А сам делает вид, что спит. Услышал:

— Гля, Федька, тут мусью под одеялом храпит!

— Ну и хрен с ним!

Власовцы!.. Похватали что-то в комнате — и ходу. Обстрел утих, появился хозяин, принес сыр, вино. И снова в дом — гости. На этот раз уж немцы. Лесник им — и бутыл, и хлеб, то-се, а на Сергея: «Это мой брат, больной!»

Пронесло. Но больше испытывать судьбу не стали — тем более что возобновился обстрел. Только добрались они до овражка, как сзади грохнул взрыв.

В лесу и подобрали Сергея передовые французские патрульные. Потом — госпиталь, операция. Вынули осколки, зашили рану. В Безансон, где он лечился, прибыл советский офицер из Парижа, из военной миссии. Вместе выехали во французскую столицу.

В миссии Сергей попросил: «Товарищ генерал, отправьте меня с первым же пароходом на Родину». А начальник миссии: «Будешь работать здесь. Наша задача: собрать всех советских граждан, воевавших в Сопротивлении и освобожденных из гитлеровских концлагерей во Франции. Не такая это простая задача — придется за многих кое с кем подраться. Вместе с ними и вернешься домой». Сергей уже знал, почему «подраться»: когда он лежал в госпитале, так и этак склоняли его темные людишки то остаться во Франции, то вступить в иностранный легион, золотые горы сулили, молочные реки и кисельные берега. Посылал он их всех подальше...

Теперь Сергея восстановили в офицерском звании, выдали форму, эти вот погоны и удостоверение, что он — начальник одного из сборных пунктов советских граждан. Пункт этот в Веляр-сэ-Руш, в десяти километрах от Дижона.

Дижон!.. Оказывается, это совсем рядом...

На пункте собралось около семисот человек — и бывшие военнопленные, и гражданские, угнанные гитлеровцами из оккупированных районов. Пришлось разъезжать по городам и весям, искать, собирать. И «драться» — наехали вербовщики-американцы. Эти уже сманивали за моря-океаны, в Южную Америку, в Африку. Беседовал. Старался, чтобы зазвучали в душах самые сокровенные струны... Сергей верил: найдет друга. Нашел!..

Они остановились у фермы Пьера. Выбежала девушка. Вышли хозяин дома, хозяйка. Сюзанна за этот год выросла. Из смешливого подростка превратилась в очаровательную «жон фий». Когда фермер увидел двух статных офицеров — одного во французском мундире, другого — в советском, то не смог сдержать слез радости и гордости...

— Спасибо, отец! Спасибо, мать! Спасибо, Сюзанна! Никогда в жизни не забудем!..

Сфотографировались на память. Оставили свои адреса. Обнялись, расцеловались.

В батальоне Алексей сдал оружие, все хозяйство своего взвода. Простился с боевыми товарищами французами. Простился с Феликсом.

— Счастливый, — сказал испанец.

— Да. А ты теперь куда? Может, с нами? У нас в стране много ваших. Мы любим вас.

— Знаю. Нет, не поеду. На моей родине — Франко. А я — солдат республиканской армии.

Протянул жесткую руку.

Все русские переехали на сборный пункт. Первого мая Алексей, Сергей и другие советские парни поднялись на борт парохода. Французы тепло провожали их. На площади был устроен митинг. Через весь город шли с красными флагами, пели «Марсельезу», «Интернационал», песни макизеров. Хотели устроить митинг и в порту. Но здесь хозяйничали американцы. Комендант порта полковник армии США отрезал:

— Запрещаю.

В пути радист ловил сообщения, которые в ту же секунду распространялись по всем палубам и кубрикам: гарнизон Берлина капитулировал; обнаружен сожженный труп Гитлера; восстала Прага, ей на помощь идут советские войска...

На рассвете девятого мая судно подошло к Одессе. В этот ранний час порт и город встречали их немолчными гудками. И их пароход заревел оглушительно и торжественно.

Эпилог

Ныне Алексей живет в Карелии — там же, откуда уезжал в военное училище. Учительствует. После уроков и в воскресные дни водит детвору в лыжные походы по заснеженным лесам и скованным льдом озерам. Своего сына он назвал в честь друга — Сергеем.

Вернувшись в родные края, Алексей узнал о гибели Насти. В те дни, когда он шел в контратаки под Белостоком и Минском, его невеста, секретарь комсомольского райкома, организовывала истребительные отряды, выводила парней и девчат на строительство оборонительных сооружений. А потом, на оккупированной врагом земле, стала разведчицей. Фашисты казнили Настю 17 февраля 1943 года...

Сергей поселился на Брянщине, работает мастером-строителем. Обнаружилась у него страсть — выращивать деревья, выводить новые сорта плодов и ягод. В его саду — в не очень-то южном краю — плодоносит крымский мускатный виноград; на одной яблоне обвисают по осени плоды пяти сортов.

По сей день, вот уже десятилетия, идут к друзьям письма из Франции:

«...Мы часто вспоминаем о боях у Бюссанга и о вас, Алекс и Серж, наших товарищах. Мы вспоминаем Сен-Амарен и Урбез. Я часто бываю в расположении лагеря, где были наши землянки и шалаши... Моя жена и сестренка посылают вам самый большой привет. Привет всем друзьям, которые боролись за Францию и за Россию!..»

«Дважды за тридцать лет русские и французские солдаты воевали против общего врага, который нападал на наши страны.

Желаю тебе всего наилучшего. Слава нашим странам! Передай привет Сержу. Ваш товарищ по Сопротивлению...»

«Моя маленькая семья посылает вам новогодний привет и лучшие пожелания. Мы хотим, чтобы во всем мире был мир. Мир — вот чего хотят народы.

Обнимаю, с сердечным приветом...»

И очень много других писем.

Друзья побывали во Франции, встретились с бывшими макизерами. А в один из дней в Советском комитете ветеранов войны состоялась торжественная церемония: легендарный партизанский генерал Сабуров прикрепил на их грудь рядом с орденами Отечественной войны и Красной Звезды почетные французские награды — Эльзасские кресты.

В дипломах, приложенных к этим наградам, было сказано, что удостоены Алексей и Сергей военных крестов «в знак признания героических актов и заслуг в период их пребывания в маки Верхних Вогез, организованном французским движением Сопротивления в годы гитлеровской оккупации, — за помощь в борьбе против захватчиков, чтобы жил Эльзас и жила Франция...».

ЕЛЁНАЯ РАКЕТА

1

Пыхтение движка Лаптев слышал сквозь сон. И этот неритмичный звук, похожий на храп жестокого курильщика, как бы приводил в движение, настраивал и его легкие — Лаптев дышал то глубоко, то мелко, учащенно или с такими паузами, будто нырял в омут. Прерывистый звук работающей электростанции даже во сне вызывал у него смешанное чувство успокоения и тревоги. Стучит движок — значит, Васька при нем. Хорошо. Да не замерз бы — к ночи после снегопада прихватило. Стучит движок — значит, Лена в операционной. И сейчас там, на столе, распростертый на белых простынях, Володька Павлов... Надо пойти узнать, как там у Лены, и на Ваську глянуть... Но сон тяжело наваливался, будто насыпали на Андрея целый курган рыхлой земли, и не было сил оторвать от подушки голову и даже шевельнуть пальцем.

Но вот сверху, с крыши, шум движка покрыл другой, более мощный звук; он padвинулся слитным рокотом, задребезжали стекла в окне, и, все еще не просыпаясь, Лаптев понял, что это пролетел «кукурузник» из штаба. Через минуту он сядет на утопанную площадку в поле за деревней.

Охнула дверь в сенях. Тяжело затопали ноги — кто-то сбивал снег. Гроыхнул басовитый веселый голос. Его прервал укоризненный свист Бабия:

— Си мосно соловику поспаты хось троски?

Затем дверь в комнату распахнулась, в натопленной духоте пахло свежим разрезанным огурцом. Андрей скинул ноги с кровати и секунду сидел не открывая

глаз, не в силах, казалось, размежить сплавленные веки. А Бабий уже шептал над ухом — и воздух со свистом вырывался из его щербатого рта:

— До вас, батько, стоб их бис с-залякал!..

Андрей Петрович открыл глаза. Перед ним стоял, подпирая головой притолоку, парень в брезентовой куртке на цигейке, в кожаном шлеме, со сдвинутыми на темя очками, с планшетом на боку и в мохнатых, собачьего меха, унтах. Парень приложил ладонь к шлему:

— Товарищ майор! — Достал из планшета, протянул пакет: — От полковника Газиева!

Бабий выкрутил фитиль еле мерцавшей «молнии», поднес лампу. Лаптев прочел записку.

— Хорошо. — Взглянул на часы. — Через пятнадцать минут?

— Еще будет темно, — кивнул летчик.

Ординарец уже примащивал на спиртовке кружку с водой для бритья, укладывал в вещмешок краюху, банку свиной тушенки, соль, спички и смену теплых портянок; ворчал, шаркал из комнаты в сени, из сеней в комнату. Свое дело Бабий знал и к должности ординарца относился с уважением.

Луна в высоком своде белесого неба светила необычайно ярко — так, как светит только тихой морозной ночью после снегопада, отражаясь голубым сиянием в каждом кристалле, отчего казалось, что это сияние излучают и сугробы, и пушистые воротники оград, и песцовые папахи крыш. Лаптев стриженным затылком ощутил бодрящий холодок, с наслаждением вдохнул вкусный воздух, минуту постоял на крыльце и шагнул в снег, наметенный вровень с верхней ступенькой.

У соседнего дома, под навесом, тарахтела трофейная передвижная электростанция. Около нее притопывала кургузая фигура в тулупе и шапке с торчащими в стороны огромными пушистыми ушами.

«А-а, маешься!» — без сожаления подумал Лаптев. Тулуп обернулся на скрип снега, взметнул рукавом, как машет чучело на ветру, и пропищал из-под лисьей шапки озорным голосом:

— Здравь желаю, отец!

— Подвяжи уши — отморозишь, — строго бросил Андрей Петрович, проходя мимо, а сам подумал: пусть помается.

Огромная овчина и треух покрывали тщедушное тело Васьки, одиннадцатилетнего приемного сына Лаптева. Андрей Петрович подобрал мальчишку на пепелище выжженной фашистами деревни в начале войны. И с той поры не отпускал от себя, хотя разумней было отправить его в глубокий тыл, в детский дом. Но и Васька прильнул душой к своему фронтовому отцу, и Лаптев привязался к нему, как к родному, и боялся, что затеряется след мальчика в неоглядных тыловых далях или сам пацан отвыкнет и забудет его. Конечно, в боевых условиях пытался он оградить мальчишку от опасностей. Ох, как это бывало трудно! И не только потому, что опасностей на фронте — как ветров в поле: в хлипкой и костлявой оболочке пульсировала неутомонная и бездумно отважная душа. Чуть ослабишь внимание — и ввяжется Василий в какую-нибудь историю. Вот и в последний раз, когда Лаптев сам уходил в тыл гитлеровцев с группой, сын увязался с разведчиками, выполнявшими другое задание, — обманул новоиспеченного командира: послан, мол, «по личному распоряжению майора», а командир побоялся перепроверить. Все окончилось благополучно, если не считать того, что Васька, пока разведчики выслеживали «языка», каким-то чудом пробрался к немцам в блиндаж и уволок обтянутый рыжей коровьей шкурой ранец, кинжал со свастикой, знаком «СА» на рукоятке и готической надписью на лезвии: «Alles für Deutschland» (Все для Германии), да еще и ремень с алюминиевой бляхой, на которой было отштамповано: «Gott mit uns» (С нами бог). С помощью ножа и бога гитлеровцы пытаются добыть это «все» на нашей земле. Но, как говорится, и бог не помогает. Однако это, так сказать, оценка событий в стратегическом масштабе. Что же касается бессмысленной выходки Васьки, то она могла стоить ему головы и сорвать все задание разведгруппы. По возвращении досталось и новоиспеченному командиру, и, конечно, самому мальчишке. Сутки он отсидел на гауптвахте, а потом был определен на электростанцию. Запускать ее у парнишки силенок не хватало: четырехтактный двигатель заводился рукоятью. Но во время работы Васька должен был неотлучно находиться при станции, подливать горючее в бак и следить, чтобы стрелка на приборе не перешла за красную отметку. Станция подавала ток в лазарет. Пост ответственный, тут уж не

улизпешь и ни в какую авантюру не ввяжешься. Лаптев же, определяя сына к трофейной пыхалке, питал еще и тайную надежду, что приобщает мальчугана к технике: кончится война, пойдет он учиться — авось потянет его к инженерным наукам. Андрей Петрович если и завидовал кому, так только инженерам.

Летчик шагал впереди, мягко проваливаясь унтами в сыпучий снег. Лаптев старался попасть след в след, чтобы не засыпать сапоги. Они у него были с широкими голенищами, и по солдатской привычке, а точнее, по навыку разведчика и диверсанта он хранил за голенищами много всякой полезной всячины: и ложку, и нож, и зажигалку, и запасной компас.

Когда поравнялись с лазаретом, он окликнул летчика: «Подождите!», а сам поднялся на крыльцо, открыл дверь, раздвинул полог из двух байковых одеял.

Лена как раз вышла из операционной и, стоя в сенях, развязывала на шее маску, высоко подняв локти. При свете лампочки — то накаляющейся добела, то словно бы зажмуривающейся — Лаптев увидел над маской ее строгие глаза, заметил на фартуке, надетом поверх халата, пятна крови.

— Как Павлов? — показал он на плотно прикрытую дверь в операционную.

— Тяжело. Первый в моей практике случай.

Он посмотрел на устрашающий фартук:

— Улетаю. Хаджи вызывает.

Она сдернула маску и устало улыбнулась:

— Передай привет. Если можно будет, спроси о дочке.

Выпятив губу, она попыталась сдуть выбившуюся из-под косынки, прилипшую к щеке прядь, досадливым движением отвела ее за ухо.

— Конечно. — Он побоялся подойти ближе к ее стерильной белизне, лишь протянул руку, дотронулся пальцем до влажной щеки. — Буэнас ночес, амига!

— Буэп виайе, куэридо! — улыбнулась она. Он увидел морщинки, скобками охватившие ее губы, и с горечью подумал: «Как я люблю тебя!»

Скуластая медсестра, выглядывавшая из-за спины Лены, прыснула. Ее, девчонку, смешили эти незнакомые гортанные слова, которыми каждый раз перебрасывались, как дети мячом, серьезные люди — докторица и

майор. Откуда было знать смешливой девчонке, что для докторицы и майора это не просто слова, а как бы пароль...

Лаптев молча махнул рукой и вышел из лазарета. Летчик терпеливо ждал его у крыльца. «Когда же она спит? И днем с ранеными, и ночью. Вон похудела как... — с чувством вины думал он, вышагивая за унтами. — Отправить бы ее на Большую землю. Да разве отправишь? И здесь — на кого? И самому как без нее?.. Буэнас ночес, амига! — Спокойной ночи, друг! Буэн виайе, куэридо! — Счастливого пути, дорогой!..»

Через несколько минут У-2 уже рокотал над темными лесами, контуры которых были размыты зыбким лунным светом. Летел низко, едва не срезая шасси сухие макушки берез, колебля их ветром от винта. На этом «этаже» небесного здания самолет был практически неуязвим для «мессершмиттов» и «хейнкелей». Легче было сбить его с земли. Но на всей заснеженной этой земле, над которой пролетала трасса, хозяевами были они, хотя дальше, в радиусе тридцати сорока километров по кругу, их блокировали фашисты. Это был Свободный советский район в глубине оккупированной врагом территории. На картах в наших штабах и в штабах гитлеровских он был закрашен красным цветом: для нас — как знамя, полыхающее над поверженной землей, для немцев — как рана в боку. Советский район существовал. И как нестерпимо ли было это для врага, он ничего не в силах был поделать: карательные отряды, полки, целые дивизии вязли на подступах к нему в трясине непроходимых болот, расстреливались огнем невидимых партизан. «Рамы» коршунами парили в поднебесье, но не могли навести бомбардировщики на ориентиры. Беспилотные же фугасы лес веленую имело смысл разве что для поддержания собственного духа. А здесь, во вражеском кольце, действовали все районные власти — от райисполкома до райфо и ветлечебницы, или занятия в школах, в райкоме комсомола в перерывы меж атаками и контратаками секретари вручали парнишкам и девчонкам членские билеты... Советский район жил под защитой партизанских соединений, регулярно поддерживавших связь с Большой землей. Особенно трудно было в первые месяцы, в первый год войны. Но потом и фашистское командование вынуждено было смириться с этой незаживляемой раной, а те-

перь уже не было у гитлеровцев и таких сил, и такого превосходства в воздухе, как прежде, — и в глубине района учреждения и подразделения могли уже размещаться не в блиндажах и землянках, а по уцелевшим деревням. В одной из таких деревень как раз и расположилось ныне подразделение, которым командовал майор Лаптев — оперативная группа особого назначения Генерального штаба Красной Армии. Используя район как базу, группа выполняла задания Верховного Командования.

Удобно откинувшись на вибрирующем сиденье, сквозь убаюкивающую дремоту Андрей Петрович думал: «Зачем вызывает Хаджи? Перебазировка? А как же быть с Леной? Очередное задание? Хаджи не стал бы гонять У-2 — связь по радио бесперебойна и шифр надежен... Значит, что-то особо важное?..» Однако не в его привычках было мучиться бесцельными догадками. К тому же всегда оказывалось не первое, не второе, не третье, а совсем непредвиденное. Уж лучше, пока есть часок-другой, наверстать то, чего он был лишен последние двое суток. И Лаптев, словно бы отдав сам себе приказ, провалился в глубокий сон.

Когда У-2 подошел к внешнему обводу района, летчик круто повел машину вверх, потом выключил мотор, и «кукурузник» темной свистящей птицей начал парить к земле.

2

— По вашему распоряжению, товарищ полковник... Газиев шагнул из-за стола навстречу:

— Выбрался, подпаленный медведь, из берлоги?

Его черные блестящие глаза смотрели весело. По этому взгляду Андрей Петрович понял, что вызов сулит что-то особенно интересное. Настраиваясь на товарищеский разговор, он уже собрался передать привет. Но Хаджи спросил первый:

— Как Лена?

— Работает целыми сутками, — в какой уже раз подивился его проницательности Лаптев. — Не знаю, в чем и душа держится.

Он вспомнил красные пятна на фартуке и прилипшую к щеке прядь.

— Передай: дочка здорова, веселая. Жена обещала по-

вые ее фотографии прислать.— Газиев помолчал.— А работы скоро прибавится. Хватит воздушные мосты строить! Накладно. Пойдем на соединение.

— Коридор? — воодушевился Андрей Петрович.

— Нет, теперь уж по всему фронту. — Полковник сжал пальцы в небольшой сухой кулак. — Теперь мы — вот!

Смуглый кулак его был жилистым, с остро выступившими, побелевшими костяшками.

— Ну что ж, подложим им под зад огоньку! — кивнул Лаптев.

— И пожарче! — рассмеялся Хаджи Джиорович. — Так, чтобы паленой псиной запахло. Но об этом мы поговорим в свое время. А сейчас вот какое дело... Садись и слушай.

Андрей Петрович опустился в кожаное кресло. Полковник продолжал говорить стоя, неторопливо прохаживаясь по ковру:

— Надеюсь, тебе известно, что против нас вместе с немецкими войсками действует испанская, так называемая добровольческая «Голубая дивизия». Ее оперативный номер — 250.

— Еще бы не знать! Помню по тридцать седьмому...

— Начальство не перебивают, — то ли шутя, то ли серьезно заметил Газиев. — Так вот: эту дивизию мы потрепали как следует, и сейчас гитлеровское командование отвело ее с передовой...

Хаджи направился к стене, где за шторкой висела знакомая Андрею Петровичу оперативная карта.

По старой памяти Лаптев эти годы следил за всем, что происходило в Испании или было связано с нею — трагедия республики стала его болью. И он знал: в день начала войны против СССР, 22 июня 1941 года, министр иностранных дел франкистского правительства Серржио Суньер заявил гитлеровскому послу в Мадриде: «Испанское правительство выражает величайшее удовлетворение в связи с началом борьбы против большевистской России и в равной степени сочувствует Германии, вступающей в новую и трудную войну». Тогда же он предложил послать на восточный фронт фалангистов. Спустя месяц началось формирование «Голубой дивизии». Вскоре стал известен ее численный состав: более шестисот офицеров, без малого двадцать тысяч солдат и унтер-офицеров — не дивизия, а целый корпус. Уже в середине октября сорок

первого года дивизия вступила в бой на тихвинском направлении. На этом участке держала оборону наша 52-я армия. Она дала превосходный урок фалангистам — к середине января сорок второго года состав «голубых» сократился больше чем втрое. Гитлер раздраженно изрек: «Немецким солдатам испанцы представляются бандой бездельников. Они рассматривают винтовку как инструмент, не подлежащий чистке ни при каких обстоятельствах. Часовые у них существуют только в принципе. Они не выходят на посты, а если и появляются там, то только чтобы поспать. Когда русские начинают наступление, местным жителям приходится будить их».

Нет, Лаптев знал других испанцев! Других добровольцев — волонтеров республики! Те — парни его саперного батальона, бойцы рабочих и крестьянских дивизий и бригад — воевали отважно и умело, и винтовки в их руках всегда были готовы к бою!.. Он вспоминал Феликса Обрагона, не расстававшегося со своим карабином и на койке в казарме; вспоминал малагского докера Хулиана, Рафаэля, журналиста Варрона и всех других своих компаньерос и амигос...

— Так вот, — прервал его мысли Газиев, — после нашей трепки гитлеровское командование отвело «голубых» с передовой. Франко же направил для пополнения дивизии пятнадцать маршевых батальонов, по полторы тысячи солдат в каждом. Прежний командир дивизии смещен, новым назначен бригадный генерал Эмилио Эстебан Инфантес. Ныне дивизия пополнена. Но, по нашим сведениям, в ней началось брожение: кое-кто из «голубых» требует возвращения на родину.

Лаптев начал понимать, какое задание его ждет.

— Если дивизия вернется в Испанию, — продолжал Хаджи, — это получит резонанс во всей Европе, еще больше поднимет дух Сопротивления.

— Как говорится: с богом! — вставил Андрей Петрович, дождавшись паузы. — Ясно. Но только я уже порядком подзабыл испанский.

— Уметь говорить — хорошо, уметь слушать — лучше, а? — с явным неудовольствием оборвал его Газиев. Отодвинул шторку, скрывавшую карту, и ткнул указкой в зеленое поле рядом с красным кругом, обозначавшим Свободный советский район. — «Голубая дивизия» передислоцирована вот сюда.

— К нам под бок! — присвистнул Лаптев. — А я не знаю! Накручу хвоста своим разведчикам!

— Не усердствуй. Твои ребята еще не могли нащупать — дивизия переброшена только вчера. И вчера же к нам перешел офицер-испанец. Он сообщил, что их хотят использовать в большой карательной операции против Свободного района. — Хаджи прищурился. — В берлогу заберешься, да живым из нее не выберешься, а? Уж ребра-то медведь обломает?

«Это как пить дать!» — улыбнулся Андрей Петрович, но промолчал.

— «Голубым» такая перспектива не очень-то улыбается, — продолжил полковник. — Кое-кто из них решил в момент операции перейти на нашу сторону, сдать. Перебежчик утверждает, что готов перейти весь его батальон — причем тот, который будет наступать в авангарде. —

Газиев задернул карту и вернулся к столу, испытующе посмотрел на Лаптева. — Как ты сам догадываешься, офицер перебежал к нам не только для того, чтобы обрадовать нас такой вестью. От имени своих единомышленников он просит гарантий: в момент, когда начнется карательная операция, «голубые» не должны встретить жесткого сопротивления. Иными словами, они хотят без боя, без жертв войти на территорию района, а потом уже сложить оружие.

— А вдруг это ловушка? — вскочил с кресла Лаптев. — Поверить франкисту! Партизаны пропустят их батальон через болото — надежный защитный рубеж, а «голубые» ударят потом во фланг и в тыл! Откуда мы будем знать: батальон идет, или вся дивизия, или в придачу к ней еще и немецкий корпус? А для партизан дивизия или даже полк — это не кружок на карте фронта.

В том то и дело... задумчиво проговорил Газиев. — Надо хорошенько все обмозговать... Но прежде чем мы примем решение, поговори сам с этим офицером.

Андрей Петрович уловил странную интонацию в голосе Хаджи Джиоровича и увидел, что полковник смотрит на него с усмешкой. Однако он не успел подумать о причине этой странности. Газиев нажал кнопку и приказал появившемуся в дверях офицеру:

— Введите испанца.

И тотчас в комнату вошел высокий мужчина в форме обер-лейтенанта вермахта, но со знаком «Голубой дивизи-

зии» на рукаве френча. Лаптев поднял на вошедшего глаза, увидел смуглое, обрамленное курчавой черной бородкой лицо, рассеченную шрамом правую бровь — и едва не вскрикнул от изумления. И тот, обер-лейтенант, вздрогнул, вскинул брови — и будто отразилось в его глазах вспыхнувшее перед ним пламя.

— Росарио?

— Артуро!

Они сделали движение навстречу друг другу — и остановились.

— Я так и предполагал, — сказал Газиев. — Надеюсь, обойдетесь без меня и без переводчика? — Он направился к двери. — Побеседуйте, как говорится, по душам. А потом подобьем бабки. — И вышел из кабинета, плотно притворив дверь.

Они еще какое-то время молча стояли друг против друга, и пальцы их немели от оборванного желания обменяться рукопожатием. Потом Лаптев сказал:

— Сядем?

Испанец молча подошел к покрытому зеленым сукном столу, приставленному торцом к рабочему столу полковника. Они сели. Зеленое, без единой соринки, сукно как бы границей легло меж ними.

Андрей Петрович сунул руку в карман. Достал початую пачку «Беломора» и зажигалку, сделанную из отстрелянного патрона там, в партизанской мастерской. Щелчком выбил папиросу, протянул пачку испанцу. Тот покачал головой. Лаптев вспомнил, что и тогда он не курил: пикадор. Крутанул шершавое колесико, притянул глубоким вдохом огонек.

Сейчас он спросит. Он затаится покрепче, чтобы отпустила спазма, стиснувшая сердце, и перестал бешено качаться маятник, бьющий в виски, и задаст один-единственный вопрос. Ему незачем долго беседовать по душам с обер-лейтенантом. Он задаст только один вопрос, который мучает его все эти годы. Сейчас и спросит... Какой паршивый табак! Эх, не захватил махорки! У них в районе самосад — вырви глаз, как рашпиль. О чем это он, причем тут самосад?..

Пауза затягивалась, становилась все мучительней, будто невидимый пресс опускался на них. Но они молчали. Лаптев смотрел на Росарио. Почему он в форме пехотного офицера вермахта, а не в голубом френче с на-

кладными карманами, с ремнями и портупеями и не в красном берете фалангиста? О принадлежности обер-лейтенанта к «Голубой дивизии» свидетельствовал только на рукавный знак выше локтя: обрамленный черной каймой щит, рассеченный желтой полосой по красному фону, с черным крестом и пятью перекрещенными стрелами остриями вверх и с надписью по обводу щита: «Испания». Ничего голубого. Ни пятна... Что ж, в любом случае теперь все станет наконец на свои места... И в любом случае он наконец-то скажет Лене правду. Какой бы она ни оказалась. Хватит! Баста! Это уже сверх его сил — столько лет хранить от нее злую тайну!..

Но дело было не только в Лене. И не в нем самом, Лаптеве. И не в Росарио. И даже не в тех парнях, которые ушли тогда с ним в дальнюю заводскую штольню... От того, что ответит сейчас этот офицер в мундире врага, зависело более важное, может быть, самое важное в жизни.

Ну вот, сейчас... Затянется папирсой и спросит.

Нет, не надо торопиться... Прежде чем задать вопрос, он должен многое восстановить в памяти, чтобы замкнулась связь прошлого с настоящим, — прошлого, казавшегося нереальным в этом заметенном снегами прифронтовом городке, в комнате, где стекла обмерзли ледяными листьями и жаром веяло от щедро натопленной печи. Но реальностью была война — война с фашистами, как бы продолжение той войны под Малагой, Гвадалахарой и Мадридом; реальностью был смуглый чужеземец в мундире обер-лейтенанта, со смоляной курчавой бородой, с бровью, рассеченной давним шрамом, придававшим красивому лицу испанца мужественное выражение. И этого чужеземца звали Росарио Эрреро. Может быть, и тогда Андрея обманула его внешность?.. Но тогда у него было меньше опыта. А теперь все должно стать на свои места.

Нет, еще минуту... Чтобы восстановить цепь событий. Они были связаны с Леной...

3

После возвращения из Испании в Москву он долго, до самой войны, не виделся с Леной. Сначала не мог найти ее в огромном городе, а потом хотя и узнал через Хаджи ее адрес и телефон, но решил не идти и не звонить. За-

чем? В доме у Газиева услышал, что у Лены родилась дочь, она назвала ее Хозефой. Все понятно... Сама продолжает учебу в мединституте, и вроде бы у нее какие-то неприятности по комсомольской линии.

Андрей был зачислен слушателем в академию. Потом работал—готовил разведчиков. Началась война. Офицером Разведуправления Генерального штаба РККА прибыл на фронт. Руководил диверсионными группами в Белоруссии. В новой боевой обстановке встретился с многими из тех, кого обучал партизанской борьбе еще в начале тридцатых годов. Пригодились, хотя и пустовавшие, заброшенные, лесные их базы. Эх, если бы сохранили их в неприкосновенности с той поры!.. Потом он воевал под Москвой. «Для выполнения особых заданий на театре военных действий Военный совет фронта нуждается в сильных, физически развитых, храбрых и преданных Родине людях. Прошу оказать содействие представителю фронта майору Лаптеву А. П. по подбору необходимого контингента людей. По существу вопроса тов. Лаптеву дано указание информировать Вас лично...» С такими предписаниями он приходил в райкомы партии и райкомы комсомола, в военные комиссариаты и советы Осоавиахима. «Существо вопроса» заключалось в том, что ему было поручено командованием создавать группы для работы во вражеском тылу. Готовил людей, давал им явки, пароли, задания. Провожал, пробирался через линию фронта инспектировать, встречал... В первые месяцы войны группы марш-агентов пересекали передовую и возвращались. С сорок второго года пешим группам переправляться через линию фронта сделалось во много крат труднее. Начали высаживать на парашютах в глубокие и ближние тылы противника. Много раз пробирался Лаптев через передний край. «Предъявитель сего майор Лаптев Андрей Петрович является начальником оперативной группы, действующей в тылу врага по заданию Военного совета фронта... Всем начальникам партизанских отрядов оказывать полное содействие в его работе всеми средствами. Удостоверение действительно до полной победы над врагом. Подписью и приложением печати удостоверяется...» Текст напоминал его давнюю, испанскую «тархету». Да, очень многое пригодились из испанского опыта. Газиев как в воду глядел...

История с Росарио — тоже опыт. И испытание для него и для Лены.

О том, что Лена окончила медицинский институт и работает хирургом в госпитале, находящемся в ведении их управления, Андрей услышал тоже от Хаджи. Когда Лаптева направили в Свободный район, он, узнав, что в госпитале партизанского соединения не хватает врачей, попросил товарища: «Нельзя ли откомандировать Лену? Если, конечно, она сама захочет». Наверное, Газиев уловил что-то такое в голосе Андрея, от чего не усмехнулся, не подмигнул, а серьезно сказал: «Спрошу Лену». — «Только предупреди, что я нахожусь в этом районе. Я не хочу, чтобы...» — «Ты все еще плохо знаешь ее», — оборвал Хаджи.

Трудным и долгим был их путь друг к другу. Андрей чувствовал: Лена рада его видеть, она готова делить с ним свои мысли, она придет к нему не только в радости, но и в печали. И все же незримой, последней стеной стояло между ними нечто. Андрей понимал: это память об испанце, который остался для нее павшим в бою героем. Только время и молчаливая верность могли разрушить эту стену. Все чаще ему казалось, что стены уже нет, она истончилась, как стаявший от тепла лед.

И вдруг — снова этот испанец! Он ничего не знает. Он свалился неведь откуда — словно бы и не было этих лет. Только седые кольца в иссиня-черной бороде Росарио, седые волоски в бровях и стрелы морщин на лице молчаливо свидетельствовали: годы наложили свою печать. Да, много воды утекло в Тахо и во всех реках земли с тех пор, много событий произошло в мире. И надо было многое восстановить в памяти, чтобы замкнулась связь прошлого с настоящим. Она замкнулась. И прошлое вошло в сегодняшнее не воспоминаниями, а реальностью, в плоти своей и крови. И наступила пора спросить. Лаптев понял: что бы ни довелось ему услышать на этот раз от сидящего напротив испанца в мундире вермахта — наконец-то узел будет разрублен.

Лаптев смял папиросу в пепельнице, отодвинул ее в сторону:

— Ну что ж, Росарио, вот мы и встретились. Не ожидал?

— Не ожидал. Но хотел встретить.

— Зачем? Форма лейтенанта республики тебе была больше к лицу. Но почему сейчас немецкая, а не голубой френч и красный берет фаланги?

— «Голубая дивизия» — рядовая часть вермахта, даже названия сейчас не осталось. Только вот это. — Эрерро показал на эмблему. — Когда встречаются немецкие войска, испанцам командуют: «Принять в сторону!», чтобы пропустить их первыми.

— Стало обидно?

Эрерро пожал плечами.

— Не потому ли ты и решил?.. Зачем ты хотел встретиться со мной? Чтобы я подтвердил, кто ты есть?

— Нет. Чтобы рассказать.

— О чем? — Андрей на мгновение стиснул зубы. — Ты помнишь наш последний разговор?

— Да.

— Ты поклялся своей матерью. Я поверил.

— Да. Я поклялся.

— А потом я узнал, что брат у тебя — фалангист и к тебе на связь шел его агент. А потом ни ты и ни один из бойцов не вернулись. И штольни оказались не взорванными. Когда все это произошло, я вспомнил, что ты во время нашего разговора в Море так и не ответил на мой вопрос: правду ли ты рассказал после побега? Ты только воскликнул: «Я не предатель! С этим жить пельзя!» Так? Так ты сказал?

— Да.

— А выходит: можно?

— Не понимаю.

— Ты жив.

— Нет! — будто пружиной подбросило Росарио, и искаженное лицо его стало точно таким же, как тогда в командирской комнате в казарме Моря. Лаптеву показалось, что испанец сейчас бросится на него. Рука непроизвольно скользнула к кобуре.

— Нет! — Росарио отступил на шаг. — Я не предатель и не был им, и ты можешь стрелять меня сколько хочешь! Ты ничего не знаешь! Ничего!

— А брат-франкист? А его агент? А погибшая группа? И выдуманная тобой история с побегом?

— Все так. И все совсем не так...

Будто лопнула в нем пружина — он сник, как бы стал меньше ростом и уже в плечах. Подошел к столу, сел, устало откинувшись на спинку стула. И снова между ними пролегло настороженное зеленое поле.

— Если хочешь — слушай. Да, у меня был брат офи-

цером у Франко. Сейчас он генерал. И когда меня схватили под Талаверой, это он помог мне бежать.

— Стоп! Ты не сказал об этом ни мне, ни Гонсалесу.

— А ты и комиссар — вы после этого стали бы мне доверять?

— Нет конечно. Но ты должен был сказать.

— Я сказал тебе и ему самое главное: я — не предатель. Да, брат помог мне. Потому что боялся — я помешаю его карьере. Он не мог поверить, что я отдал сердце республике. Он думал, что для меня это — как коррида, лишь бы больше славы. Он не мог поверить, он — франкист... Но почему не хочешь поверить ты?

— погоди. А почему же ты не выполнил последнее задание?

— Я уже рассказывал твоему полковнику: мы не сумели пробраться в склад, не знали, что у них задублирована сигнальная система. Часовых сняли, отключили сирены. Но вторая сигнальная система сработала, и началась тревога. Охранники блокировали нас в бетонной трубе. Тут начали рваться ваши заряды. Труба спасла меня, хотя я тоже был тяжело ранен. Не знаю, как выжил. Долго сидел в тюрьме. Снова помог брат. А еще больше, когда пала республика, помогли документы сегуридада: донесение Гонсалеса и показания агента, который шел ко мне от брата. Меня выпустили и все мне простили. — Росарио перевел дыхание. — Но я не простил ничего. Когда Гитлер напал на Советский Союз и Франко начал формировать «Голубую дивизию», я захотел вступить в нее, чтобы перейти к вам. Тогда меня не взяли. Взяли только нынешней весной, когда потребовалось пополнение после разгрома под Ленинградом. Я вступил в дивизию ради этого часа. Хочешь — верь, хочешь — не верь. Но я здесь — и это тоже факт...

4

Лаптев лежал на горбине холма. Мягко и неслышно сеялся редкий снег. Сверху, над окопчиком, нависали черные лапы сосен.

Внизу, перед холмом, белесо мерцало болото. Вчера в штабе у Газиева Андрей Петрович сам наметил участок, показал, где проходит единственный брод через трясину, и сейчас местами темневшую проталинами.

Дальний лес сливался на горизонте с небом. Оттуда, из леса, должен двинуться авангард «Голубой дивизии». Вчера Эрерро был переброшен через линию фронта. Добрался он до своих? Приняты ли условия сдачи? Если приняты...

Лаптев посмотрел на циферблат. Через четыре минуты над лесом взлетит зеленая ракета. Он ответит тремя красными.

Они подойдут без выстрела. И только тогда он получит ответ на вопрос, который мучает его все эти годы. Когда-то давно Хаджи сказал: «За победу и за поражение плата у солдат одна — кровь». Сейчас в этом поединке Андрей отстаивает право на доверие, на веру в человека — веру, основанную на внутреннем убеждении, которое не должны колебать ни сцепления фактов, ни холодные доводы осторожного ума.

Они подойдут без выстрела. И если слова Росарио — великая ложь, на которую Андрей снова попался, если самого Андрея обманула эта его убежденность, платой за поражение будет смерть — от Лаптева и его бойцов, редкой цепью залегших по гребню холма, останется мокрое место. Основные силы партизан сосредоточены на флангах. Здесь же их — горстка, а тех — целая дивизия...

Андрей Петрович вынул из-за борта тулупа ракетницу. Взвел спусковой крючок, сунул в ствол толстый, в большой палец, патрон с прессованным картонным корпусом и пыжом вместо пули. Два таких патрона положил рядом с собой на землю, отгребя снег. И снова взглянул на часы. Секундная стрелка начала обегать последний круг. Лаптев посмотрел через белесое поле — туда, на дальний лес. И ему вдруг представилось, что впереди не болото, а стремительная испанская река Тахо и не снег это вовсе лежит на деревьях, а клубится белая пена цветущих фруктовых садов. И ему еще предстоит принимать все самые важные решения в жизни.

А там, у горизонта, из темной, размытой снегопадом скобы леса взмыла искра, прочерчивая небесный свод. Она замедлила свой взлет. На острие ее вспыхнуло зеленое лучистое солнце — и начало медленно падать к земле.

Андрей поднялся, зачем-то стряхнул с тулупа снег и, иглы хвои и потянул в небо, будто целясь в одному ему видимую мишень, тупой ствол пистолета-ракетницы.

УЛИЦА ЦАРЯ САМУИЛА, 35°

1

Над вечерней Софией бушевала первая апрельская гроза. Дождь вымывал из подворотен ключья газет и мусор, прочищал горла водосточных труб, пулеметными очередями грохотал по жести карнизов. Взъерошенные голуби жалась под торсами кариатид и атлантов на фасадах особняков. Автомобили сердито разбрызгивали лужи. А в небе, разбуженном от зимней спячки, все вспыхивало и клокотало: молнии, громы, заряды дождя.

Но вот гроза ушла, волоча за собой поредевшие тучи. Высыпали звезды. От асфальта, от лопнувших почек платанов и лип, от перепаханной земли цветников заструились запахи. Насыщенные озоном, они наполнили воздух тем ароматом, каким благоухает весна. Улицы стали оживать. Заторопились по домам запоздавшие прохожие. Влюбленные переместились из черных ниш подъездов под деревья, роняющие с ветвей капли. Возобновили обход патрули. И ярче — малиновыми, желтыми, розовыми квадратами — засветились окна. Их отсветы скользили по плоскостям проезжающих автомобилей...

По улице Царя Самуила медленно двигался автобус. Над его крышей бесшумным пропеллером вращались лопасти антенны. В кузове оператор следил за стрелками на панели приборов. Оператор включил микрофон:

— Докладывает БУК. Станция 3104 продолжает работу.

По переулку, перпендикулярно выходящему на улицу Царя Самуила, полз другой такой же черный автобус с вращающейся антенной на крыше. И в нем оператор пе-

ленгаторной установки, пригнувшись к микрофону, шептал:

— Докладывает ГРАБ. Станция 3104 — в эфире!..

У здания военного министерства мерно вышагивали часовые. Министерские чины уже покинули свои кабинеты. Только на третьем этаже из двух угловых окон пробивались сквозь шторы лезвия света. За теми окнами — кабинет начальника отдела военной контрразведки. В кабинете в этот поздний час были трое: начальник отдела полковник Иван Недев, командующий первой армией генерал Кочо Стоянов и доктор Отто Делиус, личный представитель адмирала Канариса, начальника абвера — военной разведки гитлеровской Германии. Все трое разительно отличались друг от друга: приземистый, мрачный, заросший черными волосами, с торчащими пучками бровей полковник Недев, лощеный, затянутый в безукоризненный военный мундир, моложавый красавец генерал Стоянов и невзрачный, седеющий и лысеющий доктор Делиус.

Полковник Недев отнял от уха трубку телефона:

— Посты докладывают: станция снова работает.

— Отлично! — Генерал привычным движением поправил вьющиеся пряди на затылке. — Сейчас проверим: рация работает от сети или на автономном питании. Отключите западный район города.

Разом гаснет свет во всех домах по улице Царя Самуила и окрест. Автобусы-пеленгаторы продолжают ползти вдоль тротуаров навстречу один другому.

— БУК докладывает: станция 3104 работу прекратила!

Снова вспыхнули малиново-желто-розовые квадраты окон. Осмелевшие было влюбленные юркнули назад, в тень деревьев и подъездов.

— БУК докладывает: станция снова в эфире!

Пеленгаторы цепко держат источник радиосигналов, не выпускают из своих щупальцев. Операторы наносят на карту-схему пометки. Вот линии скрестились. Точка пересечения — угловой дом.

— Докладываю: рация работает из дома номер 35 по улице Царя Самуила. Дом шестиэтажный.

Полковник Недев подходит к карте города, занимающей всю стену. Ведет пальцем по сплетениям улиц.

— Вот! Вот он где! — Он мрачно посапывает. — Накопец-то. Сейчас я его возьму.

— Подожди, — останавливает генерал. — Надо установить и квартиру. Прикажи проверить поэтажно.

Дверца автобуса открывается, на мгновение высветив приборы в кузове. Трое солдат, одетых в гражданские плащи, скрываются в подъезде. На первом этаже — магазин. Панель с приборами электроосвещения находится тут же, на лестничной площадке. Один из солдат вывертывает пробку. Свет на этаже гаснет.

— Рация работает!

Выше. Выключен свет на втором этаже.

— Работает!..

На третьем.

— Работает!..

За дверью квартиры сердитый голос:

— Какого черта они там, на электростанции, балуют!

Четвертый этаж. Поворот пробки. Из окна лестничной клетки, выходящей на улицу, видно, как шофер мигнул фарами.

Солдат шепчет:

— Прервана! Значит, здесь!

Они включают пробку. Смотрят на табличку, привинченную к двери: «Семейство Белины и Емила Поповых» И скорей вниз, к автобусу.

Недев выслушивает рапорт. Поднимает глаза на Стоянова.

— Высылайте оперативную группу, — кивает генерал.

Доктор Делиус вынимает изо рта мундштук с сигаретой:

— Стоит ли так торопиться, господа?

Недев и Стоянов с недоумением смотрят на абверовца.

— Тайная вражеская радиостанция засечена, — сдерживая раздражение, начинает объяснять генерал. — Установлена квартира, из которой ведутся передачи.

— Знаем имя хозяина квартиры. Емил Попов, — добавляет Недев.

— И только.— Отто Делиус стряхивает пепел и продувает мундштук.

— Через полчаса мы узнаем все остальное. В этом кабинете.

— Не убежден. Что известно о станции? — Голос у немца как у профессора, принимающего экзамен.— На кого она работает: на Россию или на Англию?

— Позывные станции перехвачены пунктами прослушивания по линии Плевел—Руса—Измаил—Одесса. Следовательно, станция работает на Россию,— отвечает генерал. Он уже не скрывает раздражения.— Мы, уважаемый доктор, не гимназисты!

— Станция выходит в эфир не реже одного сеанса в два дня,— вставляет полковник.

— Что еще известно?

— Пока все. Пока.

— Как видите, маловато. Практически — ничего.— Немец аккуратно вправляет в мундштук очередную сигарету.— Сам ли Попов или кто-то другой передает из его квартиры? Кто еще входит в резидентуру красных? Из каких источников получают они информацию? Кто их руководитель? Кто их осведомители? Где ключ к их шифру?

— Ну знаете ли! — разводит руками генерал.— Это все мы выьем на допросе.

Доктор Делиус прикуривает от зажигалки. Легкое пламя освещает его белый лоб, светлые глаза и единственное украшение, которое он позволил себе на вечернем костюме: Рыцарский крест с дубовыми листьями, пришпиленный к темному галстуку у самого воротника.

— Опыт показывает: даже в моем кабинете красные молчат,— назидательно говорит он.— Они скорее откусят себе язык, чем откроют рот. Все, что только можно, следует выявить при помощи агентуры. Советую, господа, не торопиться. Установите наблюдение за домом. За каждым, с кем встречается семейство Поповых. Проверьте досье на подозреваемых. Перехватите побольше радиogramм...

— Затянем волынку,— прерывает его полковник,— а утечка секретной информации будет продолжаться!

— Опыт показывает: против красных нужно работать наверняка,— не обращая внимания на тон Недева, продолжает доктор.

— Вы правы,— неожиданно соглашается генерал.— К тому же я не убежден, что их информация так уж важ-

на. При помощи наших германских друзей из абвера и гестапо мы уже давно очистили Софию от тузов иностранных разведок.

Кочо Стоянов склоняет поблескивающую бриолином голову в полупоклоне — он ценит проницательный ум немца, и не в его интересах ссориться с представителем абвера.

2

Кафедральный собор Александра Невского заполнен прихожанами. Те, кому не нашлось места в его богато украшенных иконами стенах, толпятся на паперти.

Под сводами собора звучат песнопения: вершится литургия. Епископ Стефан облачен в расшитую золотом, украшенную драгоценностями ризу. Он священнодействует в алтаре над церковным вином и просфорами, что-то бормоча себе под нос или вдруг возглашая тягучим голосом отдельные фразы из Иоанна Златоуста. Слаженный хор чистых голосов подхватывает и вторит священнику. Под куполами отдастся эхо. У алтаря — места для дворцовой знати. Справа — специально для генералитета. Офицерский корпус — в парадных мундирах, при орденах и прочих регалиях. На богослужении присутствует весь свет — мистры, сановники и даже сам царь Борис. Еще молодой, преждевременно лысеющий, с нездоровым лицом, он прикрыл веки, беззвучно шевелит губами... Само благочестие.

Генерал Кочо Стоянов, переступая с ноги на ногу, поглядывает на царя и шепчет стоящему рядом генералу Никифору Никифорову:

— Приболел, что ли, государь? Или первичает перед поездкой?

— Куда? — тихо спрашивает Никифоров.

— Я слышал — в Берлин собрался, на поклон к богу земному.

Столь вольные речи может позволить себе только Кочо Стоянов — любимчик царя Бориса и ревностный почитатель фюрера, убежденный фашист. Бравада лишь придает шик этому баловню судьбы, уже так высоко поднявшемуся по лестнице карьеры. В дворцовых кругах всем известно: генерал Стоянов, кроме того что командует армией, расположенной в Софии, является негласным шефом службы безопасности в стране. Поэтому каждый не прочь добиться расположения блистательного Кочо. Ка-

кой контраст со стоящим подле него генералом Никифоровым — невысоким, пожилым, угрюмым начальником судебного отдела военного министерства.

Церковный обряд продолжается. Из алтаря выходит духовенство, предводительствуемое епископом. Все прикладываются к евангелию в руке отца Стефана, к тяжелому его золотому кресту. Хор снова оглашает собор песнопением. Стоянов косит глаза на миловидных прихожанок в задних рядах, потом недовольно показывает на епископа:

— Пора бы святейшему и закругляться!

Никифоров знает: Кочо не верит ни в бога, ни в черта. А закругляться действительно пора — через час должно начаться заседание высшего военного совета.

— Что-нибудь важное? — спрашивает он.

— Еще бы! Вчера ночью Михов вернулся с восточного фронта!

Епископ поднимается на амвон. В экстазе воздевает руки к куполу храма. С купола, расцвеченный витражами, постно смотрит на мирян лик Иисуса Христа. Генералы привычно крестятся и склоняют головы. Да, пора бы и кончиться обедне: всех их гораздо больше, чем отпущение грехов, интересуется, что расскажет о своей поездке по оккупированной земле России военный министр Никола Михов.

Высший военный совет заседает в просторном и строгом зале. Его стены облицованы темным деревом, а одна из дверей непосредственно ведет в кабинет министра. В центре зала — длинный полированный стол. Вокруг него — кожаные кресла. В зале нет ни одного телефона. Никакие события за этими стенами не должны отвлекать членов совета от решения судеб болгарского царства. У каждого из присутствующих свое, строго по иерархии, место. Впрочем, те, для кого открыты двери в этот зал, — все в генеральских погонах: начальник генерального штаба, командующие армиями и начальники отделов министерства. Даже руководителю контрразведки полковнику Недеву вход сюда закрыт. Зал высшего военного совета — святая святых, тайная тайных державы. Никола Михов входит быстро, энергично. Вместе с ним — германский посланник в Болгарии Бекерле.

— Господа,— начинает Михов, когда все рассаживаются. — Как вам известно, мне была предоставлена счастливая возможность посетить главную штаб-квартиру фюрера на Восточном театре военных действий. Я имел беседы с самим фюрером, с его выдающимися фельдмаршалами и генералами и многое увидел собственными глазами...

Члены военного совета слушают Михова с особым вниманием: теперь, через два с половиной месяца после сталинградского краха, всех прежде всего интересует одно: оправится ли немецкая армия от удара? Но министр, поглядывая на германского посланника, бодро рассказывает о железной дисциплине в армии фюрера, о стойкости солдат рейха. Пересказывает жалобы фельдмаршалов Гитлера на суровость зимы, бездорожье и обширность российских просторов. Все это уже слышали прошлой зимой, после разгрома под Москвой... Ага, вот и новое: немцы отмечают, что у русских появилась страшная артиллерия, командиры действуют инициативно, несмотря на морозы и бездорожье, совершают стремительные маневры... Ну если уже сами немцы начали признавать такое!..

— Однако не должно быть места для уныния и паники,— продолжает Михов.— Фюрер лично уверил меня, что не позднее середины нынешнего лета в войне на Востоке наступит решительный перелом. В ставке разрабатывается небывалая по своим масштабам стратегическая операция. Собранные в кулак танковые соединения Гота на центральном участке фронта сокрушат противника. К тому времени в руках солдат фюрера будет новое оружие...

Члены военного совета приободрились: Михов говорит так убежденно. Германский посланник одобрительно кивает. Может быть, и стоит, пока не поздно, включиться в войну, иначе пирог окажется поделенным.

— Все, что я сообщил, сугубо конфиденциально,— заключает Михов.

По давней привычке генерал Никифор Никифоров после работы прогуливается по аллее Городского сада, окружающего дворец. Вековые дубы и платаны. Голубые ели. Чистота и тишина. Превосходное место для того, что-

бы выветрить из головы заботы дня или обдумать планы на будущее. Но сегодня генерал проходит по аллее торопливым шагом. На углу через дорогу — сладкарница, маленькое кафе с благоуханным турецким кофе. Как обычно, по дороге домой Никифоров заглядывает и сюда. И сейчас он не изменяет этому правилу.

В сладкарнице всегда несколько посетителей. Хозяин, вислоусый турок в красной феске, радушно кланяется генералу и ставит на огонь кованный из меди тигель, начинает колдовать над ним. За столиком — давний знакомый Никифорова, столичный адвокат Александр Пеев. Генерал подсаживается к нему и, попивая раскаленный, густой кофе, начинает перебрасываться малозначительными словами.

Адвокат отставляет свою чашку, берет шляпу:
— Доброго вам здоровья, генерал!..

Поздним вечером на улице Царя Самуила, в квартире на четвертом этаже дома № 35, склонился над передатчиком мужчина. Его лицо изможденно. Лихорадочно блестят глаза. На скулах — темные пятна румянца. Мужчина привычно отстукивает ключом: точка-тире-точка... Натужно кашляет. Отирает испарину с холодного лба. И снова: точка-тире-точка...

«Донесение Журина. Военный министр Михов сообщил членам совета, что во время посещения им главной штаб-квартиры Гитлера на восточном фронте фюрер лично рассказал ему о подготовке небывалой по своим масштабам стратегической наступательной операции, которая начнется в середине лета. Танковые соединения Гота...»

Через несколько минут это донесение будет передано начальнику Разведуправления Красной Армии. Оно будет учтено при составлении планов Генеральным штабом Советских Вооруженных Сил — как это было уже не раз с радиограммами, поступавшими из Софии. Но это донесение — одно из самых ценных. В нем говорится о гитлеровской стратегической операции «Цитадель», которую вермахт попытается осуществить в начале июля 1943 года в районе Курской дуги.

Шифровка из столицы Болгарии — одна из первых вестей о надвигающейся опасности.

Улица Царя Самуила — в сиянии молодой зелени. По тротуарам мамыши и старушки няни катят коляски с сонными младенцами. От вечера к вечеру пополняется племя влюбленных под шпалерами лип и в укромных расщелинах меж домами. И кто обратит внимание еще на одну юную мамашу, няню или влюбленную пару, появившуюся у дома № 35?.. Днем и ночью «няни» и «мамыши», «влюбленные пары» и «отдыхающие старички», смежая друг друга, не выпускали из наблюдения подъезд дома. Более квалифицированные агенты следовали всюду, куда бы ни шли Емил Попов и его жена Белина, а затем — и по пятам тех людей, с кем Поповы встречались. В слежку помимо аппарата военной контрразведки полковника Недева включилась группа министра внутренних дел Габровского, начальника отделения «А» — отделения борьбы с коммунизмом — Николы Гешева... Однако генерал Стоянов не спешил докладывать о подпольной радиостанции ни военному министру, ни тем более царю Борису. Он сделает это с блеском после того, как мышеловка захлопнется.

Ищейки спешили по следу... Улицу Царя Самуила стала обходить санбригада по борьбе с грызунами и тараканами. Конечно же не миновала она и дома № 35. На четвертом этаже, как сказали из-за дверей квартиры семейства Поповых, ни мышей, ни насекомых не водилось. Зато этажом ниже, в квартире торговца среднего достатка, работа для дезинфекторов нашлась. Они посыпали порошками плинтуса и щели, а тем временем тщательно уточняли расположение комнат, совпадающее, вероятно, с планировкой квартиры Поповых. Коридор. Первая комната обращена окнами к глухой стене соседнего дома. Здесь антенну не натянешь. Вторая комната. Кухня. Чулан...

Схему квартиры изучали в отделе. Скорее всего, передатчик установлен во второй комнате. А прячут его в чулане.

Тюремный надзиратель капрал Гошо открыл дверь одной из камер в корпусе уголовников:

— Эй, Крючок, к коменданту!

Юркий серый человечек засеменил по тюремному коридору.

— Надо бесшумно открыть одну дверь,— сказал комендант Крючку, известному специалисту по ограблению квартир.— Посмотри замок, подбери отмычку.

Крючок зашмыгал носом.

— Знаю, знаю. За это неделю будешь получать двойной паек.

И вот в один из дней Крючок в сопровождении двух «приятелей» в штатском поднимается по лестнице дома № 35, ненадолго задерживается у замочной скважины квартиры на четвертом этаже.

— Примитив: английский замок фирмы «Дональд и К°».

Тем временем в министерстве внутренних дел составляют тщательное досье на Попова.

Попов Емил Николов, 1910 года рождения. Из Велико Тырнова. Отец — учитель, был сподвижником Дмитрия Благоева, основателя и вождя Болгарской коммунистической партии, переводчика произведений Маркса. И сам Емил, когда еще учился в технической гимназии в Софии, вступил в Коммунистический союз молодежи. Задерживался за распространение антифашистских листовок. Участвовал в тайных собраниях. Образование — среднетехническое. Техник по монтажу и ремонту радиоаппаратуры. Но в настоящее время нигде не работает — болен туберкулезом.

Емил почти не выходит из дому. Зато его жена Белина и живущая в одной с ними квартире сестра Мария, по мужу Владкова, — с утра до вечера в городе. С кем они встречаются?

Муж Марии — Иван Владков — писарь штаба военного округа. Через него проходят многие важные секретные документы.

Белина дважды виделась с Тодором Василевым, рабочим на железной дороге. Чем может быть интересен Василев? Перевозки военных грузов?..

А вот донесение еще одного агента, представляющее особый интерес: «Белина под видом прачки регулярно посещает дом адвоката Александра Пеева. Однако, как установлено, белье она не стирает. Кроме того, за минувшую неделю она несколько раз встречалась в уединенных местах с женой адвоката Елисаветой Пеевой».

Генерал Кочо Стоянов перечитывает листки досье на Александра Пеева. Он взволнован. Он испытывает возбуждение — как гончая, взявшая наконец след крупного зверя.

Александр Костадинов Пеев — сын мэра Пловдива, одного из крупных богачей. Окончил военное училище. Еще во время Балканской войны 1912 года за храбрость, проявленную при взятии Айваз-Баба — укрепленного форта Константинополя, — награжден орденом. После первой мировой войны ушел в отставку. Учился в Брюсселе. Получил степень доктора юридических наук. Значит, человек смелый, культурный, с обширными связями. Но при чем тут подпольная рация?..

Следующий листок — из «Разузнавательного дела» охранного отделения: еще весной 1917 года Пеев стал одним из основателей социал-демократической организации в Карловской околии. Его юридическая контора превратилась в клуб партии. В 1919 году избран депутатом парламента от Карлово. Некоторое время издавал в Пловдиве левую газету «Правда». После 1923 года от партийной работы отошел... Испугался или глубоко законспирировался? В последующие годы помимо частной юридической практики занимался археологией, театральной критикой. Даже пытался организовать сельскохозяйственный кооператив. Возможно, расстался с революционными иллюзиями молодости. Сын мэра, бравый офицер, известный адвокат, стал теперь подпольщиком?.. Неужели действительно существует связь между Пеевым и радистом, чьи сигналы уносятся в эфир из дома на улице Царя Самуила?..

Генерал Кочо Стоянов знаком с адвокатом. Александр Пеев — олицетворение интеллигентности и добропорядочности: мягкие внимательные глаза, седые виски, мягкий зачес волос. И голос мягкий... Такой может обвести вокруг пальца кого угодно, но только не генерала Стоянова. Чем значительнее противник, тем более интересным обещает быть единоборство. А если Александр Пеев действительно подпольщик и разведчик, то можно представить себе, какие у него обширные связи! Впрочем, на самом верху, во дворце и среди генералитета, знакомств у него вроде бы нет. Так что получаемые им сведения, надо надеяться, не представляют особой ценности: железнодорожный рабочий, писарь в штабе ок-

руга, какие-нибудь докторишки-инженеришки... Кажется, его двоюродный брат Янко Пеев год назад уехал послом в Японию, а до этого был посланником в Албании, Румынии, Египте. Что ж, любопытно. Но самое главное и прежде всего: есть ли действительно связь между Пеевым и Поповым? Как это установить?..

Доктор Отто Делиус тоже внимательно просмотрел досье, легким движением поправил очки:

— У вашего друга увлекательная биография... А что сообщают станции прослушивания?

— Рация выходит в эфир регулярно, через день, в двадцать два тридцать. Позывные ВМП,— ответил Стоянов.— За сеанс передает двести—двести пятьдесят пятизначных групп.

— А как часто жена Попова встречается с женой Пеева или бывает у них в доме?

Генерал Стоянов вопросительно взглянул на полковника Недева.

Начальник отдела достал агентурный бланк.

— Регулярно, через день.— Нахмурил клочковатые брови: — Черт побери, в те же самые дни, когда выходит в эфир рация!

— Отсюда можно предположить, пока только предположить, что донесения составляет Александр Пеев, а жена Попова — связная,— продолжил доктор Делиус.

— Возьмем эту Белину, выпотрошим — и узнаем!— Полковник уже готов был к действию.— Схватим на улице. При ней должна оказаться радиограмма. Не на память же она заучивает текст!

— А если ничего не окажется? Только спугнем остальных.

— Можем устроить автомобильную катастрофу. Общем в морге.

— А если радиограмма окажется зашифрованной? Так оно, видимо, и есть, если Пеев — серьезный разведчик.— Делиус закурил, глубоко затянулся.— Нет, господа, наберемся терпения и выясним еще кое-что...

— Хорошо. А пока установим агентурное наблюдение за Пеевым и за всеми, с кем он вступает в контакты,— добавил Стоянов.

Так в сферу внимания контрразведки попало еще несколько десятков человек. В том числе даже те, с кем адвокат просто раскланивался на улице или случайно

оказывался за одним столиком в кафе. В список попал даже генерал Никифор Никифоров, выпивший чашку турецкого кофе в сладкарнице на углу против Городского сада. Но заподозрить в чем-то самого начальника судебного отдела военного министерства не было никаких оснований, и Кочо Стоянов самолично вычеркнул Никифорова из агентурного списка.

Александр Пеев принимал посетителей на квартире, в своем кабинете. Кабинет достаточно полно характеризовал хозяина: старая, красного дерева мебель; шкафы и стеллажи, заставленные книгами: преимущественно тяжелые тома со сводом законов, книги по философии и истории, много поэтических сборников. На полках — черепки древних амфор, старинное оружие, безделушки, поделки народных умельцев. Стол завален бумагами. Лишь в центре освобождено место для чистых, еще не тронутых пером листков.

Принимая клиента, адвокат усаживал его в кресло к журнальному столику, а сам располагался напротив. Сосредоточенное внимание, обстановка кабинета располагали к доверительной беседе.

Но на этот раз клиент оказался каким-то взвинченным. Хозяин небольшого магазина колониальных товаров с городской окраины, обиженный завышенными налогами. Намерен обжаловать их через суд. Однако вместо того чтобы внятно отвечать на вопросы, он ерзал, бегал глазами по сторонам, словно бы оценивая каждую вещь на столе и полках, стыдливо уводил взгляд в сторону. Наверное, сутяга, и палог справедлив, просто хочет урвать побольше. Симпатии он не внушал, профессионального интереса не вызывал. Пеев постарался поскорее отвязаться от него, переадресовав другому адвокату. Дверь за посетителем захлопнулась.

4

Поздний вечер 16 апреля 1943 года. Отшумел легкий дождь. У здания военного министерства — часовые в набрякших шинелях.

Окна кабинета полковника Недева освещены. В кабинете, словно бы и не выходили из него, — те же трое.

Начальник отдела насупленно смотрит на Стоянова. Генерал поворачивается к доктору Делиусу. Лицо немца бесстрастно. Глаза расплываются за толстыми стеклами. Лицо матовое, под умелым налетом пудры. В пальцах — неизменный мундштук. Доктор затягивается сигаретой и кивает.

— Действуй! — приказывает Стоянов Недеву.

Полковник снимает трубку внутреннего телефона.

В казарме батальона службы безопасности взывает сигнал тревоги. Раздвигаются окованные ворота. Набирая скорость, крытые машины вылетают на вечернюю улицу.

По тротуару улицы Царя Самуила спешат запоздалые прохожие. Машины останавливаются за квартал от дома № 35. Подхватывая полы шинелей, придерживая автоматы, из кузова высыпают солдаты. Прохожие шаркаются в подворотни: «Снова облава!..»

За углом дома, в глухой темноте, — автобус-целенгатор. Оператор настроился на волну тайной радиостанции. Торопливо записывает: точка-тире-точка. Он едва поспевает: радист той станции — ас эфира.

Солдаты окружили дом: мышь не выскользнет. Большая группа, предводительствуемая офицером, поднимается по лестнице. Офицер шепотом передает по цепочке:

— Ни в коем случае не стрелять! Брать живым!

У двери на четвертом этаже вперед выходит узкоплечий человек — вор Крючок. Шмыгая носом, он ловко вставляет отмычку в замочную скважину. Придерживает ручку, бесшумно открывает дверь.

Радист поглощен работой. Ключ торопливо стучит. Будто передался ему лихорадочный озноб, сотрясающий мужчину. Его болезненное лицо с алым румянцем на скулах и темными кругами под глазами сосредоточенно. Мозг во власти пятизначных цифр, которыми испещрен лежащий под лампой листок. Рядом с ключом — пистолет. Под наушники в разноголосицу эфира просачивается приглушенный шум извне. Не поворачивая головы, радист спрашивает:

— Что ты там, Белина?

Дверь распахивается. Мужчина поворачивается. Хватает пистолет.

В дверях — Белина и сын. За ними — солдаты.

— Руки! — командует из-за женщины офицер. — Движение — и мы всадим в них!

Он вталкивает впереди себя в комнату женщину и мальчика.

Радист бросает пистолет. Поднимает руки. В наушниках, все еще прижатых скобкой к голове, писк и треск, сигналы далекой станции Центра...

В эти же минуты крытые автомашины останавливаются на улице Адольфа Гитлера у дома № 38. Здесь живет Александр Пеев. Несколько десятков солдат перекрывают все входы и выходы. В дом входит начальник отделения «А» Гешев.

— Чем обязан? — поднимается из-за стола адвокат.

От Гешева не ускользает движение руки Пеева — тот хочет втиснуть в стопу рукописей на столе какую-то книгу.

— Вы арестованы. Вот ордер.

— В чем дело? Одну минуту... — Пеев начинает собирать бумаги.

— Ничего не трогать! Отойти от стола! — Гешев поворачивается к сопровождающим его: — Приступить к обыску!

Гешев подходит к письменному столу. Берет в руки книгу — ту самую, которую хотел спрятать адвокат. Это повесть Алеко Константинова «Бай Ганю».

Пеев зябко передергивает плечами. Это движение тоже не ускользает от внимания начальника отделения «А».

5

Арестованного вводят в кабинет следователя. Голая, казарменного вида, комната. Грязные, в потеках, стены. Зарешеченное окно. Еще одна дверь. В нескольких метрах от стола — привинченный к полу табурет. Обстановка знакомая: как адвокат, Пеев не раз бывал на свиданиях с подзащитными в таких вот кабинетах. Только вот вторая дверь... Это непривычно. Куда она ведет?..

За столом — следователь в военной форме, в чине

штабс-капитана. У окна — еще двое. С одним Пеев, кажется, знаком: сам генерал Кочо Стоянов. Второй, полковник, мрачная личность — тяжелый взгляд из-под густых бровей, длинные, как у гориллы, руки...

— Прошу садиться, — приглашает генерал Стоянов.

Адвокат внимательно смотрит на него. Голос молодого генерала ровен, манеры сдержанны. Конечно, рисуется, позер, но, пожалуй, не садист и не наркоман. Правда, других Пеев здесь не знает. Но испитое, с оловянными глазами лицо следователя-капитана, спутанные брови и обезьяньи руки полковника... Стоянова же он видел в обществе. И теперь, несмотря на абсурдность этого чувства, испытывает к нему симпатию.

Он садится. Все молчат. Следователь поворачивает рефлексор лампы — и на Пеева падает яркий пучок света. Адвокат моргает. Полоса света отделяет его от остальных в комнате. Они как бы растушевываются в полумраке. Только голос Стоянова от темного окна:

— Кажется, я имею честь быть с вами знакомым, господин Пеев. Это поможет нам понять друг друга. Итак...

Арестованный молчит. Свет бьет прямо в глаза, выжимая слезы. Он опускает веки.

— Итак, прошу вас, ничего не утаивая, рассказать о своей деятельности.

Молчание.

— В данной ситуации молчать неразумно. — В голосе Стоянова лишь легкая насмешка. — О том, чем вы занимались до сегодняшнего дня, мы знаем. В частности, в этом нам неоценимо помогла обнаруженная на вашем столе книжка «Бай Ганю». Она служила кодом, не так ли? С ее помощью мы прочли и радиограмму, которую вы не успели расшифровать. — Генерал наблюдает, какое впечатление произвели его слова. Пеев побледнел. На виске напряженной запульсировала жилка. Значит, верно. — Итак, вы — руководитель тайной резидентуры. Вы работали на советскую военную разведку. Прошу не тратить времени на экскурсы в историю — к этому мы еще вернемся. Прежде всего нас интересуют состав группы, источники информации, шифр, цели, поставленные перед вами Москвой.

— Пожалуйста, отверните в сторону лампу.

— Извините. — Стоянов жестом приказывает капита-

ну опустить рефлектор. Фигуры присутствующих снова объемно проступают на фоне зарешеченного окна и грязных стен.

— Цель передо мною стояла одна, — медленно выговаривает Александр Пеев. — Надеюсь, господа, вам известны строки:

По всей Болгарии сейчас
Одно лишь слово есть у нас,
И стои один, и клич: Россия!..

— Хватит дурака валять! — рявкает полковник.

— Не надо горячиться, — сдерживает его Стоянов. — Если не ошибаюсь, это из Ивана Вазова... Продолжайте.

— К этим словам трудно что-нибудь добавить. Сердце болгарина, история нашей родины в прошлом и — я убежден — в будущем кровно слиты с Россией. Поэтому я сделал все, что мог, чтобы отвратить непоправимое.

— Что именно?

— Втянуть Болгарию в войну с Россией. И сделал все, чтобы помочь России победить фашистскую Германию.

— Дальше!

— Все. Я сказал все, что считал нужным. Больше не скажу ни слова.

— Вы уверены в этом?

Наступила пауза. Стоянов подошел вплотную к Пееву. Посмотрел на него в упор. Заложил руки за спину.

— Что ж, господин адвокат... — Он помедлил. — Прошу вас пройти туда. — Он кивнул на дверь в боковой стене, рядом со столом.

Пеев встал. Сейчас свет падал на лицо молодого генерала. И адвокат увидел, как помутнели глаза Стоянова и затрепетали ноздри. И он понял, что ошибся, когда испытал симпатию к этому человеку.

Полковник Недев открыл дверь и вошел первым. Александр Пеев — за ним. Кочо Стоянов на мгновение задержался. Стряхнул невидимые пылинки с обшлагов мундира, вздрагивающими пальцами поправил волосы на затылке.

— А вы пока займитесь радистом, — приказал он штабс-капитану и переступил порог.

Из темноты пахнуло запахом крови, смрадом и жаром раскаленного железа.

Радиста Емила Попова привести на допрос не смогли. Брошенный сразу после ареста в камеру, он разломал кружку для воды и перерезал себе на обеих руках вены. Попова отнесли в тюремный лазарет. Врач заверил, что арестант выживет. Но он потерял много крови и теперь был в глубоком беспамятстве.

Схваченные одновременно с Поповым и Пеевым их жены, железнодорожный рабочий Тодор Василев, писарь штаба военного округа Иван Владков и еще несколько человек, несмотря на допросы под пытками, отрицали свою причастность к подпольной организации.

Однако такая организация существовала. Об этом свидетельствовали те несколько радиogramм, которые удалось записать службе перехвата, а затем и расшифровать с помощью кодовой книги — повести «Бай Ганю». Ключом к расшифровке послужил листок, обнаруженный в момент ареста на столе Александра Пеева.

Генерал Стоянов внимательно, слово за словом вчитывался в тексты радиogramм. В той, что была найдена в кабинете адвоката — она поступила из Москвы, — говорилось: «Донесение о планах германского командования чрезвычайно ценное. Объявляю благодарность Журину. Желаю дальнейших успехов. Сокол». Уже этот текст настораживал. Планы германского командования? Благодарность Москвы?.. Стоянов понимал, что заслужить благодарность советского Центра не так-то просто. Но следующие радиogramмы ввергли генерала в смятение. Их было всего около десяти, перехваченных с первых чисел апреля по шестнадцатое включительно. Однако в них содержалось огромное количество самой разнообразной и сугубо секретной информации: о продвижении воинских эшелонов через Софийский железнодорожный узел; о дислокации германских войск на Черноморском побережье и выходе в море военных кораблей с баз Бургаса и Варны; о переброске германских дивизий из Греции на восточный фронт; об отношениях Германии с Турцией...

Особенно озадачили Стоянова три радиogramмы. Одна — донесение из самой Германии: «В Магдебурге, в зоне Среднегерманского канала, расположены крупные склады продовольствия и горючего». Эта шифровка была

передана накануне ареста Попова. Другая: «Донесение Журина. Военный министр Михов сообщил членам военного совета, что во время посещения им главной штаб-квартиры Гитлера на восточном фронте фюрер лично рассказал о подготовке небывалой по своим масштабам стратегической наступательной операции, которая начнется в середине лета. Танковые соединения Гота нанесут удар на центральном участке фронта. К тому времени войска будут оснащены новым оружием. Детали плана уточняются». Донесение было передано в Москву в самом начале апреля. И третья радиограмма: «Журин сообщил, что царь Борис в сопровождении начальника генерального штаба Лукаша посетил ставку Гитлера. Подробности следуют». Радиограмма датирована пятнадцатым апреля, накануне ареста, — и именно в этот день царь и генерал Лукаш вернулись из Германии!.. Значит... Значит, подпольная организация располагает огромными связями, охватывающими не только военный аппарат, но даже и самые приближенные к царю круги. И это — донесения за неполные две недели. А что содержалось в предыдущих радиограммах? Как давно действует в Софии разведгруппа? И самое главное: откуда она получает информацию?.. О железнодорожных перевозках — пусть от рабочего Василева. О передвижении войск — от писаря Владкова. Но остальную? Из самого рейха? Из дворца? И прежде всего — кто такой Журин, сообщавший факты, представляющие особую военную тайну?

К сожалению, доктор Делиус прав: арестованные молчат. Радист в лазарете. И с адвокатом они тогда переусердствовали — он тоже не скоро придет в себя... Кочо вспомнил, что произошло в той камерке за дверью комнаты следователя, даже уловил запах крови. Глаза его снова помутнели.

— Доктор Делиус! — войдя в кабинет, доложил адъютант.

— Проси. — Стоянов провел ладонью по лицу, сгоняя оцепенение.

Абверовец, как всегда, был отутюжен и вычищен. Сейчас, поутру, — в светло-сером костюме с неизменным белым накрахмаленным платком, выглядывающим из нагрудного кармана.

— Какие новости? — спросил он, располагаясь в кресле и доставая мундштук.

— Группа обезврежена. Рация прекратила работу.

— Та-ак... — многозначительно протянул Делиус. — А кто такой Журин? — Из-за стекол его глаза смотрели на генерала холодно.

«Он все знает! — с раздражением подумал Стоянов. — Он тоже ведет расследование, не доверяя нам. И получает все из первых рук. Кто работает на него? Недев? Или этот прохвост-следователь?..» Возмущаться бессмысленно. Стоянову известно, что и за ним самим гестапо и абвер установили слежку.

— Кто такой Журин, мы пока не знаем, — ответил генерал.

— Не знаете? С-союзнички, нечего сказать! — с издевкой проговорил немец. — А вы знаете, что этот мифический Журин передал противнику?

Стоянов никогда прежде не слышал, чтобы абверовец говорил таким тоном. В нем звучали злоба и презрение. «Как он смеет!..» Но генерал охладил свой гнев: доктор Делиус — представитель начальника гитлеровской военной разведки. Ссориться с ним неблагоприятно. Особенно сейчас.

Делиус резко поднялся, подошел к Стоянову. Под слоем пудры его кожа была в сети мелких дряблых морщин и походила на туалетную бумагу.

— Болтуны! И ваш министр, и ваши члены военного совета! — гневно продолжал он. — Выдать противнику операцию, подготовка которой требует всех усилий рейха! — Он остановился. Потом другим, озабоченным тоном сказал: — У нас за такой просчет начальник контрразведки получил бы пулю в затылок... Что скажут в Берлине?

Он снова помедлил. Потом приблизил свое лицо к лицу Стоянова и тихо проговорил:

— Об этой радиограмме Журина я докладывать адмиралу Канарису не буду. И вам рекомендую из дела ее изъять и помалкивать.

«Ага, трусил! — догадался Стоянов. — Своя шкура дороже. Ну что ж... Меня это устраивает. И ты теперь у меня в руках».

— Согласен, — ответил он.

— Сейчас главное — Журин, — снова взялся за мундштук Делиус и великодушно поделил ответственность: — Мы оба недооценили значение этой разведгруппы.

Рано утром восемнадцатого апреля члены высшего военного совета были подняты с постелей телефонными звонками своих адъютантов, как по тревоге:

— Министр вызывает на экстренное совещание!

Утро было солнечное, непривычно жаркое для апреля. Зелень уже разлилась по городу вовсю. В синем небе сверкали купола собора Александра Невского. На улицах люди были охвачены спешкой: детвора торопилась в школы, домохозяйки — в магазины. По тротуарам, расталкивая прохожих, неслись мальчишки-газетчики. Они пронзительно кричали:

— Налет на заводы «Шкода» в Чехословакии!.. Монгомери готовит атаку на Роммеля!.. Секретные переговоры с англичанами в Анкаре!..

Генералы собирались в зале, ожидая министра. Обсуждались группки.

— Чем вызвано столь экстренное совещание? — строил предположения седоголовый генерал Марков, командующий второй армией. — Видимо, оно связано с ростом дезертирства.

— Возможно, дело в экспедиционном корпусе в Греции, — гадал командующий третьей армией генерал Стойчев. — Вчера я был у министра, когда он читал отчет штаба корпуса. Он весьма озабочен: греческие партизаны активизируются...

— Да нет же, господа! Царь возвратился из Берлина. Я слышал: Гитлер настаивает, чтобы мы послали дивизии на восточный фронт.

Министр вошел, как всегда, стремительно. Одновременно с ним из дверей кабинета появились генерал Стоянов и доктор Делиус.

Все члены совета поспешили к своим креслам. И каждый успел заметить, что Михов мрачен: не избежать разноса.

— Господа! — поторопил министр, не дожидаясь, когда перестанут скрипеть кресла. — Генерал Стоянов должен сообщить вам нечто чрезвычайное. Прошу!

Кочо встал, неторопливо оглядел присутствующих: «Кто из них?» — и без предисловий начал:

— В Софии с помощью немецкой военной разведки раскрыта советская радиофицированная резидентура. Ее

руководитель — известный в столице адвокат Александр Пеев.

По залу прошел шум: многие знали адвоката или по крайней мере слышали о нем.

— Перехвачены радиogramмы. Они свидетельствуют, что резидентура располагала широкой сетью информаторов. Возможно, Пеев как бывший офицер использовал свои знакомства и в военных кругах...

Стойанов зачитал некоторые радиogramмы, однако ни словом не упомянул о донесении, раскрывающем замысел немецкого наступления. Докладывая, он продолжал разглядывать членов совета. «Кто? Этот белый, как круг сыра, генерал Марков? Нет. Генерал Доскалов? Начальник генерального штаба Лукаш? Начальник судебного отдела Никифоров?.. Невероятно. Хотя все может быть... Чувствуют, что у германских братьев дела не очень-то блестящи, особенно после Сталинграда, и хотят заручиться искуплением грехов на будущее. Опасная игра, господа!» Он закончил доклад, помедлил и, стараясь держать все лица под своим взглядом, сказал:

— Наиболее ценные сведения поставлял Пееву некто по кличке Журин.

Ни одно лицо за столом совета не дрогнуло, никто не заерзал в кресле. «Нет, не может быть, чтобы кто-то из этих генералов...»

— У нас есть все возможности, чтобы обнаружить эту личность в самое ближайшее время.

Стойанов сел. Министр повторил, что он чрезвычайно обеспокоен этим известием и в то же время глубоко благодарен немецким друзьям за сотрудничество. Он поклонился в сторону доктора Делиуса.

— Прошу каждого члена высшего совета проверить в своем управлении, штабе и отделе все возможные каналы утечки военной информации, — сказал Михов. — Враги трона и государства должны быть обезврежены!

На этом заседание закончилось.

7

Генерал Никифор Никифоров узнал об аресте адвоката Александра Пеева в тот же вечер, шестнадцатого апреля.

Познакомились они сорок лет назад, в стенах юнкерского училища.

В роду Никифоровых незыблемыми были две традиции — приверженность военному делу и любовь к России. Дед Никифора получил образование в Киеве. Дяди — в артиллерийской академии в Петербурге. Старший, Константин, после освобождения страны русской армией от османского ига стал первым военным министром Болгарии.

Никифоровы были не одиноки в своих глубоких симпатиях к России. Большинство болгар питало такие же чувства. В них находили выражение и братские узы славянства, и благодарность за освобождение родины от многовекового чужеземного рабства. Поэтому все события, происходившие в Петербурге или Москве, тотчас находили отклик в Софии. Так произошло в 1905 году, когда Российской империю сотрясла первая революция. В среде болгарской интеллигенции, и особенно у молодежи, вспыхнул интерес к марксизму, к идеям социал-демократии. Даже в стенах царского военного училища образовался тайный социалистический кружок. В него вошли одиннадцать юнкеров, в их числе Никифор Никифоров, будущий начальник генерального штаба Лукаш и даже будущий военный министр Михов. Руководителем кружка стал Александр Пеев, образованный, начитанный юноша, страстно увлеченный революционными идеями.

Собираясь в укромных уголках после занятий по строевой подготовке или тактике, передавали по кругу нелегальные брошюры. Впервые узнали имена Маркса, Энгельса, Плеханова, а затем и Ленина... При осмотре личных вещей то у одного участника кружка, то у другого надзиратели обнаруживали запрещенные книги. Виновников сажали в карцер. Это будоражило их воображение, вызывало сладостное чувство подвижничества. Но постепенно «социалистический» пыл у большинства юнкеров пропал. Энергию молодости они переключили на служебное рвение, приверженность монархии и стремление к блестящей карьере.

Это же отчасти можно было сказать и о Никифорове. С революционными идеями преобразования общества он расстался, однако и не разделял верноподданнических чувств других своих однокашников, без раздумий принявших новый курс в политике царского двора. На болгарский престол сел отпрыск австро-венгерской дина-

стии Фердинанд — немец по национальности. Он всячески обострял отношения с Россией и крепил дружбу с Германией. Никифор Никифоров, как и многие другие, этого принять не мог.

В Софии состоялось торжественное открытие Народного театра. Присутствовал Фердинанд. Толпа молодежи освистала царя. Среди студентов был и Никифор. Ему грозил военный суд. Спас высокопоставленный дядя: ограничились двадцатью сутками гауптвахты и двойкой по поведению в табеле.

В один год и Никифоров, и Пеев получили первый офицерский чин подпоручика, недолго прослужили взводными командирами и опять же почти одновременно были уволены из армии: женились без разрешения начальства, а их жены не имели приданого. Последнее условие было обязательно для супругов офицеров болгарского царя. Жена Пеева, Елисавета, была студенткой факультета филологии Софийского университета, жена Никифора, Елена, — народной учительницей, обе из малообеспеченных семей. В царском указе об отчислении молодых офицеров в запас так и говорилось: «За то, что вступили в брак с неподходящими девушками, без одобрения».

Это происшествие сблизило молодые семьи. Общность интересов проявилась и в том, что оба, Никифор и Александр, поступили на юридический факультет. Никифоров начал к тому же работать репортером в газете «Камбана» («Колокол») — левом издании антимонархического направления. А Пеев много времени отдавал социалистическим кружкам, изучению марксистской литературы.

Но вот в 1912 году началась Балканская война, и офицеров призывали из запаса. Оба оказались на одном участке фронта. Оба были награждены крестами за храбрость и повышены в чинах. За Балканской последовала первая мировая война. И снова — бои, чины, награды. Волей своих правителей, вопреки чувствам народа, Болгария в первой мировой войне выступила на стороне Германии против России. Война окончилась для страны поражением и позором.

После войны, оставив службу, Никифоров и Пеев завершили юридическое образование. Александр стал адвокатом и профессионалом-революционером. Никифоров же вернулся в армию и начал быстро продвигаться по служебной лестнице: военный прокурор в Софии, председа-

тель военного суда в Русе, председатель высшего военнокассационного суда... Он оказался талантливым юристом, энергичным и исполнительным. За два года до начала второй мировой войны был произведен в звание генерала и назначен начальником судебного отдела военного министерства, членом высшего военного совета. Восхождение его было неуклонным. Он забыл о юношеском вольнодумстве. Только глубоко в душе, под панцирем расшитого золотом, украшенного орденами мундира, все еще жило в нем чувство привязанности к России. И жила тревога за судьбу Болгарии, все больше подпадавшей под влияние гитлеровской Германии. Он понимал: его родина превращается в фашистское государство.

С семейством Пеевых Никифоровы дружбу поддерживали. Правда, она стала менее пылкой, скорее традиционной: нечастые визиты, малосодержательные разговоры за столом. Почему бы генералу и не поддерживать отношения с известным столичным адвокатом? Второй же стороной его жизни, если она и существовала, Никифоров предпочитал не интересоваться.

Но вот наступил 1941 год. В январе премьер Болгарии Филов нанес визит Гитлеру в Зальцбурге. При встрече фюрер потребовал, чтобы Болгария как можно скорее присоединилась к пакту держав оси — Германии, Италии и Японии. Ни для кого в военных и политических кругах не было секретом, что это нужно Гитлеру для завоевания Балкан. Филов согласился. Однако, опасаясь гнева болгарского народа, поставил условие: правительство царя Бориса подпишет пакт, если на болгарской границе будут скопцентрированы германские войска. Гитлеру именно это и было нужно. Фашистские дивизии начали срочно перебрасываться к рубежам Болгарии. В конце февраля Филов отправился на новую встречу с Гитлером в Вену и первого марта подписал протокол о присоединении Болгарии к пакту держав оси. На следующий же день немецко-фашистские войска вступили на землю Болгарии. Одновременно в стране начались повальные аресты коммунистов, разгон прогрессивных организаций. Началось строительство концлагерей по гитлеровскому образцу.

Третьего марта 1941 года Никифоровы нанесли визит Пеевым. Женщины увлеклись в гостинной обсуждением

весенних мод, а их мужья уединились в кабинете. Закурили. Молчали. О безделицах говорить не хотелось. А о главном, о том, что тревожило... Давненько они не открывали друг другу душу.

Первым прервал молчание Александр. Он подошел к полке, снял томик в сафьяновом переплете, перелистал.

— Слушай:

Россия! Свято нам оно,
То имя, милое, родное.
Оно, во мраке огневое,
Для нас надеждою полно...

— Наша юность... — после паузы задумчиво проговорил Никифор. — Юнкерское училище — и ты, наш трибун... А теперь у нас уже виски белые...

— Зато не только романтические мечтания, но и возможность помочь родине, — прервал его Александр. — Мы давно не говорили с тобой откровенно. Скажи: как ты относишься к тому, что войска Гитлера в Софии? Ты хочешь, чтобы Болгария вместе с Германией начала войну против России? Ответь честно, Никифор. Или ничего не говори.

Генерал задумался. Потом сказал:

— Я отвечу, Сашо... Присоединение Болгарии к фашистской оси — преступление против нашего народа, против всего славянства. Война же против России приведет Болгарию к третьей национальной катастрофе — более страшной, чем две пережитые.

— Я был уверен, что ты ответишь именно так, — кивнул Пеев. — И я уверен, что ты понимаешь: именно планами нападения на Советский Союз продиктована политика Гитлера на Балканах. Фюрер готовит себе выгодный плацдарм.

— Пожалуй, так.

— А теперь самое главное. — Александр пристально посмотрел на друга. — Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы расстроить планы Гитлера и царя Бориса.

— Мы? Ты и я? Разве это в наших силах, Сашо?

— По крайней мере, мы можем держать Советский Союз в курсе всех военно-политических событий, которые происходят в Болгарии, сообщать о происках фашистской Германии. Это, Никифор, в наших с тобой силах!..

Генерал Никифоров без колебаний согласился помогать Пееву. Словно бы разом вырвалось на поверхность то, что долго и насильственно сдерживал в самом себе: ведь он видел и признавал, что в Болгарии попирается национальная гордость, что царь и профашистское правительство душат свободу. Он лучше многих понимал: страна неотвратимо приближается к краху... Да, от решения, которое он принял, зависят его положение в обществе, карьера, благополучие семьи, сама его жизнь. Но что значит все это по сравнению с судьбой Родины? Он — солдат. Не царя, а своего отечества...

Знание обстановки, участие в заседаниях высшего военного совета, обширные связи среди генералитета и во дворце помогали ему быстро находить ответы на вопросы, которые интересовали Пеева. Как развивается болгаро-немецкое военное сотрудничество? Где дислоцированы германские войска в Болгарии и на всем Балканском полуострове? В каких направлениях они передвигаются? В чем суть переговоров правительства с Берлином? Каковы планы царя в связи с присоединением Болгарии к пакту агрессивных держав?

Пеев и Никифоров встречались, как и прежде, не часто: за столиком сладкарницы на углу у Городского сада или во время прогулок по Софии. Иногда адвокат являлся в служебный кабинет генерала в судебном отделе: мол, пришел по делам своих подопечных. В наиболее срочных случаях они использовали для передачи сведений связных — своих жен и жену радиста Попова.

Вскоре Пеев сказал Никифорову, что Центр утвердил его членом группы. Отныне его псевдоним — Журин.

Тринадцатого июня 1941 года генерал Никифоров явился на доклад к министру. В приемной его остановил адъютант:

— Вам придется подождать. У министра германский посланник.

Наконец дверь кабинета распахнулась. Михов проводил Бекерле до машины. Вернулся, пригласил Никифорова. Его доклад слушал рассеянно. Лицо его было озабоченным. Прервал на полуслове:

— Все это малозначительно. Приближаются куда более важные события.

— Какие события? — стараясь не проявлять чрезмерного интереса, спросил Никифоров.

— Только что Бекерле сообщил мне решение фюрера: Германия начнет войну против России в конце этого месяца. — Министр встал из-за стола, нервно заходил по кабинету. — Все приготовления завершены. Нападение произойдет по всей линии сухопутной границы, а также с воздуха и с морей. — Он перевел дыхание и бодро добавил: — Фюрер убежден, что это будет блицкриг. Война завершится полной победой за три недели. — Замолчал. И вдруг спохватился: — Вы понимаете, что это сугубо секретная информация. Но я так взволнован, что не мог не поделиться с вами!

Никифоров не стал продолжать доклад. Собрав бумаги в папку, он поспешил к выходу.

В тот же вечер станция на улице Царя Самуила вышла в эфир по запасному, аварийному каналу связи. На этом канале операторы в Центре дежурили круглосуточно.

«Журин сообщает: по сведениям, полученным непосредственно от военного министра, Германия в конце месяца совершит нападение на Советский Союз. Все приготовления завершены. Нападение произойдет...»

8

28 апреля 1943 года, поздно вечером, уже после того как генерал Никифоров вернулся со службы, он был снова срочно вызван в министерство.

В голосе дежурного офицера, хотя и звучал он с обычной почтительностью, Никифорову почудилось что-то недоброе. Предчувствие? Возможно. Но не только... Он понял, что кольцо сомкнулось, уже тогда, когда услышал в зале заседаний высшего военного совета произнесенное Стояновым имя: «Журин». До того момента псевдоним Никифорова был известен в Софии только двоим — ему самому и Пееву. Отныне он стал известен и врагам. Генерал не заблуждался относительно возможностей германского абвера и гестапо, болгарской военной контрразведки.

От дома Никифорова до военного министерства было недалеко. Обычно генерал проделывал этот путь пешком. На этот раз он вызвал свою машину. Приказал шоферу сделать большой круг по городу и не гнать. Черный «мер-

седес» неторопливо плыл по вечерним улицам Софии. Они были неярко освещены, заполнены народом. В толпе много военных. Много немцев. То и дело попадаются на костылях: раненые из госпиталей, занявших большинство школьных зданий. За окнами ресторанов, за столиками — тоже военные. Немцы...

Никифоров любил свой город. Пусть его София не в пример другим европейским городам не претендует на призовое место «второго Парижа», пусть она кажется чужеземцам провинциальной — ему она дорога, для него она прекрасна. Башни минаретов в гаснущем небе, мерцающие купола собора Александра Невского, ленты розариев вдоль тротуаров... Розы на улицах Софии цветут с ранней весны и до первых заморозков. Их веселая пестрота и сладковатый аромат — примета города. Такая же, как громоздящаяся над Софией гора Витоша... Генерал приказал шоферу повернуть к университету, проехать мимо парка. Справа выступил памятник — бронзовый всадник. Да, как Витоша, как розы — примета Софии, запечатленная в памятниках, в названиях улиц, в самом сердце города, — благодарная любовь к русским «братушкам», принесшим болгарам освобождение...

В зеркальце, прикрепленном над лобовым стеклом кабины, Никифоров увидел отражение машины. С притупленными фарами она следовала за его «мерседесом». Машина двигалась в некотором отдалении, тоже не быстро, но неотступно. «Следят? Может быть... — с фатальным спокойствием подумал он. — У всякого дела есть свое начало, есть и конец. Грех сетовать на судьбу. Сам сделал выбор. Да и успел не так уж и мало за эти полных два года...»

Он стал припоминать, что именно успел, как бы подводя итог.

Генерал перенесся мыслями к событиям двухлетней давности. Он восстанавливал их в хронологической последовательности.

Сразу же после нападения Германии на Советский Союз Центр поставил перед разведгруппой в Софии задачу: выяснить, намерено ли болгарское правительство вступить в войну на стороне фашистской Германии. Как получить ответ на этот вопрос? Газеты были заполнены

барабанным боем, восторженной трескотней во славу немецких «братьев» и их побед на Востоке. Что это: психологическая подготовка населения накануне решения? Военный министр побывал в ставке Гитлера. Вернувшись, с восторгом рассказал об успехах доблестных армий фюрера, о том, что завершение похода ожидается в ближайшие недели. Что это: настроения в генштабе и царском дворе? Возможно.

Но затем темпы наступления немцев на восточном фронте замедлились. В газетах поубавилось ликования. Начал угасать боевой пыл и в генеральских кругах. Однако Никифорову стало известно, что германский посланник настойчиво потребовал, чтобы Болгария послала войска в Россию. Итак, нужен ответ: вступит Болгария в войну или нет? Генерал внимательно слушал, что говорят на заседаниях высшего военного совета. Наводил разговор на эту тему, беседуя с начальником генерального штаба, с военным министром. Он пытался не только вывести, но и определенным образом повлиять на это решение. Намекал членам совета, сообщал в докладах Михову, что, по многочисленным сведениям, стекающимся в судебный отдел, в армии чрезвычайно широко распространены антигерманские настроения, большинство солдат и офицеров — против войны с Россией. И если будет принято опрометчивое решение, не избежать массового дезертирства, перехода частей на сторону русских, даже бунта в армии. Никифоров не преувеличивал. Действительно, болгарские коммунисты пользовались большим влиянием в армии, и лозунг партии «Ни одного солдата на восточный фронт!» получил в полках и дивизиях самое решительное одобрение.

Но все же царь Борис мог, не посчитавшись ни с чем, ввергнуть страну в войну. Никифоров наведаясь к давнему своему знакомому, советнику царя Любомиру Лулчеву. Это была мрачная личность — мистик, астролог, хиромант. Лулчев напоминал Никифорову Распутина.

Он имел на царя Бориса такое же влияние, как в свое время Распутин — на русского царя Николая II. Борис прислушивался к его словам больше, чем к советам министров и генералов. Как бы между прочим Никифоров постарался внушить Лулчеву свои опасения за состояние в армии, если царь сделает необдуманный шаг... И так далее и тому подобное.

Вскоре Никифоров узнал, что Борис решил подождать со вступлением в войну, по крайней мере до того момента, когда немцы захватят Москву. Что решающим образом повлияло на царя: советы хироманта или реальная оценка обстановки? Как бы там ни было, но на заседании высшего военного совета была подтверждена «воля» монарха: в настоящий момент Болгария к войне с Россией не готова.

В тот же день Емил Попов передал об этом решении в Центр.

Новое задание: выяснить, не собирается ли Германия, используя свои войска в Болгарии, совершить нападение на Турцию, чтобы затем нанести удар во фланг Красной Армии — по Закавказью.

Как получить ответ? Никифоров решил, что прежде всего нужно узнать, не сосредотачиваются ли немецкие дивизии на болгаро-турецкой границе. Во время очередного доклада министру он сказал, что уже давно пора проинспектировать военные гарнизоны Пловдива, Сливена, Деда-Агача, Харманли. На турецкой границе не очень спокойно, а в тех гарнизонах члены высшего совета давно не бывали.

— Вот и поезжай сам, — ответил Михов.

Больше недели «мерседес» Никифорова колесил вдоль границы. Ни на одном из участков генерал не обнаружил ни малейших признаков концентрации германских частей. И группа Пеева смогла с полной уверенностью сообщить в Центр, что Германия, по крайней мере осенью сорок первого года, на Турцию не нападет. Москва снова горячо поблагодарила болгарских патриотов за особенно ценное сообщение.

Из Центра поступали новые и новые запросы. Но Никифор Никифоров был так хорошо информирован о взаимоотношениях Германии и Болгарии, что на любой вопрос мог дать быстрый и точный ответ. Если же в чем-то сомневался, выезжал на место, чтобы удостовериться собственными глазами. Так было, когда Центр заинтересовался сосредоточением германских войск на Черноморском побережье. Никифоров несколько раз посетил Бургас и Варну, ставшие немецкими военно-морскими базами. Объехал все побережье. Даже совершил прогулку на катере в компании гитлеровских офицеров. Возвратился в Софию лишь после того, как с закрытыми глазами мог

восстановить схему расположения всех стратегических пунктов и дислокацию фашистских частей.

В октябре сорок первого началось гитлеровское генеральное наступление на Москву. Казалось, грохот яростного сражения докатывается до Софии. Все — и друзья Советской страны, и ее враги — волновались за исход этой битвы. Понимали: от этого зависит судьба каждого. Болгарский генералитет, дворцовые круги были охвачены ознобом: не просчитались ли, не вступив в войну, не окажется ли пирог поделенным без них? Или, наоборот, слава богу, что не ввязались в единоборство гигантов?.. С первых же дней, хотя в официальных сообщениях с восточного фронта об этом не говорилось, для информированных кругов стало ясно, что темпы фашистского наступления на Москву замедляются. Затем в берлинских газетах и пронемецкой печати в Софии появились сетования на «обширность российских пространств», «ужасающие дороги», «злобный фанатизм» этих «нецивилизованных» красных, дерущихся до последнего патрона, до последней капли крови. С середины октября гитлеровское командование начало перебрасывать через Болгарию на восточный фронт свои войска, ранее находившиеся в Греции. Это тоже было характерным симптомом. Никифоров внимательно следил за передислокацией немецких частей. Центр своевременно получал исчерпывающую информацию. Однажды после очередного радиосеанса Пеев сказал товарищу:

— В Москве очень высоко оценивают твою работу, Никифор. Просят узнать: не согласишься ли ты стать моим заместителем?

— Вряд ли это целесообразно, Сашо, — подумав, ответил Никифоров. — Я и без того делаю все, что могу.

— Но тогда ты сможешь делать больше. Сможешь распределять общие усилия наших товарищей. Твой опыт военного и политика очень пригодится. Для нашего общего дела.

— Разве не только мы двое работаем? — удивился генерал.

— Вояки-одиночки? — усмехнулся Александр. — Нет. Будешь моим заместителем — узнаешь.

Никифоров несколько дней обдумывал предложение. Колебался. В конце концов согласился. И, только став заместителем командира разведгруппы, он смог предста-

вить себе все масштабы тайной деятельности этой организации. Он познакомился с радистом Емилом Поповым, о существовании которого раньше лишь догадывался. Узнал о роли, которую играл в группе двоюродный брат Александра Янко Пеев, видный ученый и дипломат, бывший послом Болгарии в Албании, Румынии, затем в Египте, собиравший ценнейшую военно-политическую информацию о происках стран оси на Среднем и Ближнем Востоке. Янко Пеев поддерживал личные связи с министром иностранных дел Поповым, с самим премьер-министром Филовым. Из бесед с ними он многое узнавал о военных планах не только царского правительства Болгарии, но и правительств Италии, Германии.

Теперь Никифоров хорошо знал, как много ценного сообщает скромный писарь штаба округа Иван Владков, сын бедного крестьянина. Сведения Владкова дополнял железнодорожный рабочий Тодор Василев. Из Германии регулярно поступали письма от Александра Георгиева. Этот банковский чиновник был направлен министерством финансов в рейх на стажировку. Находясь в самом логове фашистов, он добывал информацию о мобилизации населения в вермахт, о формировании новых частей и передвижении их на Восток, о расположении военных заводов, баз и складов. Кроме того, в группу Пеева входили Борис Белински, ассистент физико-математического факультета Софийского университета, радиотехники братья Джаковы, Иван и Борис, и другие патриоты. Все они объединились в общей борьбе против фашизма, за освобождение своей родины. И объединило их одно — убеждение, что иного пути нет. Они были готовы пожертвовать жизнью в этой борьбе. Как-то Александр сказал Никифорову, что группа за два года передала в Центр почти четыреста радиограмм.

На службе к генералу поступали все «дела», которые заводились в военных судах на патриотов-антифашистов, на коммунистов. Царь Борис приказал, чтобы были внесены изменения в статью 681-ю военно-судебного закона. Отныне все смертные приговоры должны были приводиться в исполнение немедленно, подсудимые лишались права обжаловать их. Царские чиновники поняли этот приказ как сигнал к усилению репрессий против антифашистов. Смертные приговоры следовали один за другим. Никифоров был в смятении. Выполняя задания развед-

группы, он делал все возможное, чтобы приблизить час краха фашизма. На службе же, как начальник судебного отдела военного министерства, он должен был следить за выполнением фашистских законов со всей неукоснительностью. Что же делать?

Никифоров явился на доклад к министру.

— Господин генерал, вот многочисленные факты, прошу внимательно ознакомиться.— Он старался, чтобы его голос звучал как можно официальнее и суше.— На основании этих фактов я считаю, что массовое исполнение смертных приговоров создаст брожение среди населения и в армии.

Михов перелистал документы. В справках, докладных и прочих бумагах говорилось о распространении в народе антинемецких настроений.

— Обо всем этом я и без тебя знаю.— Министр поднял на Никифорова холодные глаза.— Что же ты предлагаешь?

— Необходимо контролировать деятельность военных судов и все смертные приговоры посылать предварительно на проверку и утверждение в наше министерство.

— Пожалуй,— согласился Михов.— Они там на местах не знают общей картины и могут наломать дров. Контролировать суды будешь ты. Пусть председатели судов заранее докладывают мне лично, сколько смертных приговоров они намерены вынести по каждому процессу. Я сам буду определять их число.

Никифоров не рассчитывал на мягкосердечие Михова, этого жестокого и рьяного царского сатрапа, убежденного фашиста. Но он надеялся на другое: среди каждодневных забот и дел, захлестывавших министерство, Михову некогда будет заниматься еще и судами. Так оно и получилось. Михов вскоре перепоручил это ему. Теперь все доклады председателей военных судов поступали непосредственно в кабинет Никифорова. Он задерживал их как можно дольше, а потом на свой страх и риск сообщал в суды, что министр требует сократить число осужденных на смерть.

В Варне была раскрыта группа патриотов, боровшихся против фашизма. Военный суд округа приговорил всех к казни. Никифоров выехал в Варну. В беседе с глазу на глаз он заявил председателю суда, что министр не утверждает ни одного приговора. Жизнь всех патриотов была

сохранена. В Софии арестовали членов Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии. Председатель суда полковник Младенов доложил, что он намерен вынести смертные приговоры четырнадцати коммунистам. Без министра тут решить ничего было нельзя: Михов сам заинтересовался процессом над членами Центрального Комитета.

— Младенов чересчур усердствует,— сказал Никифоров министру.— Такая массовая казнь лишь усилит ярость в народе.

— Хорошо. Сокращу список наполовину.

Семь членов ЦК спасены. Но остальные... Надо выиграть время, оттянуть исполнение приговора. Никифоров спрятал «дела» в сейф. На настойчивые звонки Младенова отвечал, что министр еще не принял окончательного решения. На что он рассчитывал?..

Об этой его деятельности не знали ни в Центре, ни даже Александр Пеев. Конечно, Никифоров рисковал. Но он не мог иначе...

И вот теперь его срочно вызвали в министерство. Зачем? Потребовать отчета, почему до сих пор не вынесены приговоры? Пришли новые «дела»? Или?..

«Мерседес» остановился у подъезда министерства. Шофер распахнул дверцу. Солдат у входа взял «на караул». Адъютант в вестибюле подхватил плащ.

В коридорах в этот поздний час было пусто и тихо. Только охрана и дежурные офицеры.

Никифоров неторопливо, чувствуя одышку, поднялся на второй этаж. Вот и кабинет Михова. Он открыл дверь. В кабинете — министр, генерал Стоянов и полковник Недев.

— Заждались,— мрачно проговорил Михов, поднимаясь из-за стола и сверля генерала холодными глазами.

А Кочо Стоянов артистическим жестом вскинул руку.

— Разрешите представить, господа! — Он показал на Никифорова.— Товарищ Журин!..

Радист Емил Попов поправлялся медленно, тяжело. У койки в тюремном лазарете круглосуточно дежурили

надзиратели. Едва он оказался в силах встать на ноги, его повели на допрос.

— Никого, кроме Пеева, не знаю... О чем говорилось в радиogramмах, не знаю... Шифра не знаю... Я только передавал. Согласился за деньги, потому что был безработным, семья умирала с голоду...

Штабс-капитан, следователь по делу группы, не очень настаивал на выяснении истины: то ли он опасался, что этот еле живой, сжигаемый туберкулезом и израненный арестант не выдержит пыток, то ли ответы Попова потеряли для него ценность — к тому времени шифр был разгадан, радиogramмы расшифрованы и большинство разведчиков арестованы. Он хотел использовать радиста для других целей.

Емил привезли на тихую улицу, недалеко от центра города. Серое многоэтажное здание. Охрана у подъезда и ворот. Этаж. Еще этаж... Подниматься по лестнице Попову было тяжело. Останавливался, судорожно переводил дыхание.

В комнате под самой крышей — рации, панели приборов. Он понял: станция перехвата.

— Приготовься. Через полчаса будешь передавать в эфир.

Перед ним положили лист с пятизначными группами цифр. Назвали позывные, какими он должен был послать сигнал. Это был сигнал его станции. Емил превосходно знал свой шифр. Пробежав глазами по столбцам цифр на листке, прочитал фальшивое донесение. Ясно. Его хотят использовать в радиоигре и с его помощью вывести у Центра какие-то важные сведения о других подпольщиках в Софии, а заодно и ввести в заблуждение советское командование, сообщив ему ложные данные о планах фашистов.

Попов, замедляя движение руки, будто собрав все силы, опробовал станцию. Когда подошло назначенное время — обычное его время по расписанию, — начал с паузами отстукивать ключом:

— ВМП... ВМП...

Радиостанция Центра отозвалась немедленно. Наверное, все эти дни операторы дежурили, прослушивали волну, беспокоились, почему молчит София.

Рядом с Емилом сидит военный радист-контрразведчик.

Он тоже в наушниках. Внимательно слушает, не спускает глаз с ключа. Мгновенно готов прервать передачу.

— ВМП... ВМП...

Попов начинает отстукивать цифры. Ключ работает неровно, с персбоями: ослабла рука, темно в глазах. Может быть, там обратят внимание на изменившийся почерк корреспондента?..

А тем временем на память, из цифр кода, Емил составляет свой текст. Повторяет его про себя, по какому-то третьему каналу памяти. Ключ срывается. Начинает стремительно стучать, будто радииста сотрясла лихорадка. Контрразведчик не может поспеть за этим залпом. Он рванулся к Попову. Но тот как бы уже пришел в себя и снова передает группы цифр, выведенные на листке.

Кажется, контрразведчик ничего не понял. Но там-то, в Москве, должны понять: «Сообщает «Пар». Радиостанция обнаружена. Пеев и я арестованы. Передач больше не будет». И снова: «Сообщает «Пар», «Пар»...»

Передачи были и потом, по прежней программе — через день, в 22.30. Враги хорошо изучили режим работы их станции. Тогда, в первое мгновение, увидев, куда его привели, Емил решил: «Сообщу о провале — и все, пусть хоть живьем жгут!..» Но подумал: «Теперь в Центре знают цену моим донесениям. Уж там-то сообразят, что отвечать на них».

Не только поэтому он изменил решение. Еще готовясь к первому сеансу, он выглянул в окно. Оно выходило прямо на крышу соседнего дома. Крыша вся — в чердачных окнах. А за ней впритык еще и еще крыши... В Попове затеплилась надежда.

Вечера душные, от раскаленного железа крыши струится жар. Поэтому окно радиорубки распахнуто. Кроме Емила в комнате — два-три человека. Во время следующих радиосеансов Попов ненадолго подходил к окну — покурить, подышать. В камере старался меньше двигаться, накапливал силы, с трудом возвращающиеся к нему. Миску с похлебкой вычищал до блеска, выменял у надзирателя за пиджак буханку хлеба.

Очередной сеанс — как раз первого мая. Ну что ж...

Попов привычно подошел к окну, не торопясь достал сигарету. За окном — вечерняя темень, светящаяся дым-

ка от фонарей и окон. Внизу, в ущелье меж домами, редкие шаги. Прохожих уже мало. Наверно, часовые. Скосил глаза в комнату. Один из военных операторов вышел в коридор. Другой склонился над аппаратом. Только представленный к Попову контрразведчик не отводит от него взгляда.

— Христо, что тут, погляди! — зовет контрразведчика оператор, занятый настройкой рации.

Тот направляется к нему. Отвернулся. Склонился над станцией.

И в то же мгновение Попов прыгнул в окно. Дробный грохот шагов по железу крыши. Куда? В слуховое окно? Найдут. Дальше!..

Сзади крики. Вспышка и треск выстрела. Еще. Еще... Крики, свистки и топот внизу, по улице. Но Емилу уже не страшно. Перед ним ступени примкнувших одна к другой крыш. Он бежит, крадется, балансирует по карнизам. Откуда только взялась сила и ловкость! С одной крыши на другую. Ниже, ниже... Ветви дерева упираются в стену. Прыжок. По стволу он соскальзывает во двор. Петляет между домами. Голоса, топот погони — все смолкло. Значит, свободен!..

К полуночи, соблюдая все правила конспирации, Емил добрался до маленького домика на окраине Софии, на склоне горы Витоша. Там была явочная квартира подпольщика Маркова.

Тридцатого июля жандармы выследили эту квартиру, напали на дом Маркова. Отстреливаясь, подпольщики отошли на склон Витоши. Марков и еще несколько патриотов погибли в перестрелке. Емил снова был схвачен.

ЭПИЛОГ

Следствие по делу Александра Пеева и его группы длилось сто три дня. Затем прошло еще четыре месяца, пока состоялся суд.

За это время в высших кругах Болгарии произошли значительные изменения. Они были связаны с событиями на восточном фронте. В июле 1943 года гитлеровцы потерпели сокрушительное поражение в Курской битве. Фюрер стал с новой настойчивостью требовать от своих сателлитов, чтобы они активно включились в войну. В се-

редине августа царь Борис был опять вызван в Берлин. Гитлер без обиняков приказал ему: две болгарские дивизии должны быть переданы в распоряжение командования вермахта. Борис, уже понявший, что чаша весов склонилась явно не в пользу фюрера, медлил с ответом. Из Берлина царя проводили холодно. А через несколько дней по возвращении в Софию он вдруг скончался. Придворные и генералы угадывали прямую связь между поведением царя в Берлине и его таинственной скоропостижной смертью. Вместо Бориса, в связи с несовершеннолетием его сына Симеона II, был назначен регентский совет. По указанию Гитлера в его состав вошли премьер Филов, военный министр Михов и брат умершего царя. Но и они, явные фашисты и германофилы, не решились послать болгарских солдат на восточный фронт. Их устрашал гнев народа.

Однако смена правителей никак не отразилась на положении масс. В стране все так же свирепствовали тайная полиция и жандармерия. Без передышки заседали военно-полевые суды.

Председательствующий с металлом в голосе зачитывал:

— «Приговор № 1—326. Именем его величества царя Симеона Второго суд приговаривает: подсудимого Александра Костадинова Пеева в соответствии со статьей 112-й уголовного кодекса и статьей 3-й закона о защите государства — к смертной казни через расстрел».

Он вперил взгляд в изможденного седого мужчину на скамье подсудимых. Веки мужчины были прикрыты. На щеках — шрамы, следы давних истязаний. Одежда висела на его худых плечах.

Председательствующий перевел взгляд на человека, сидящего рядом. Болезненно горящие глаза. Сквозь землистую бледность и кровоподтеки проступал жаркий румянец на скулах.

— «Подсудимого Емила Николова Понова в соответствии со статьей 112-й уголовного кодекса и статьей... — Он стал зачитывать скороговоркой, чтобы скорей покончить со всем этим делом: — ...к смертной казни через расстрел. Подсудимого Ивана Илиева Владкова... к смертной казни через расстрел...»

О чем думали в эти минуты боевые товарищи?..

После окончания следствия Александр Пеев смог написать: «Эти сто дней были непрерывным кошмаром. Удивляюсь, как все это я выдержал». А в своем предсмертном письме: «... Я спокоен, не чувствую никаких угрызений совести по поводу того, что я совершил и за что осужден на смерть. Считаю, что я исполнил свой долг, причем одинаково и по отношению к болгарскому народу, и к нашим освободителям — русским... Я начал служить Советскому Союзу сознательно, беря на себя весь риск, так как убежден в правоте дела, за которое он борется. В схватке Германии и Советского Союза каждый болгарин, каждый славянин должен встать на сторону России...»

Может быть, в те мгновения, когда зачитывался приговор, его наполняло это чувство гордого сознания, что он сделал все для блага своего народа. Может быть, обводя взглядом своих друзей, он гордился их мужеством и сожалел, что они вынуждены разделить с ним его участь... А может, он радовался тому, что в этом холодном зале суда нет его ближайшего соратника, Никифора Никифорова, нет еще нескольких членов его разведгруппы и что эти люди сохраняют в своей памяти и расскажут народу освобожденной Болгарии и победившей Советской России об их скромном вкладе в общую борьбу народов против фашизма...

Никифор Никифоров был отстранен от должности и взят под арест прямо там, в кабинете военного министра. Однако на первом же допросе он почувствовал, что у Стоянова и Недева нет против него никаких улик, за исключением радиogramм: уж его-то, юриста, прокурора и бывшего председателя военных судов, не так-то просто было провести. Во время же встреч с Александром Пеевым они, предполагая возможность провала, разработали соответствующие версии — и теперь Никифоров твердо придерживался одной из них.

— Я ничего не понимаю, господа! О ком вы говорите, о каком товарище Журине?

Ему зачитали текст радиogramмы.

— Да, да, припоминаю... Кажется, я беседовал на эту тему с Сашей. Как вам должно быть известно, господа,

мы с Сашей Пеевым друзья детства. Правда, в последнее время встречались все реже — заботы, дела... Но конечно, когда виделись, обсуждали политическую обстановку в стране. А кто сейчас не говорит об этом? Возможно, Пееву удалось выведать у меня какие-то сведения. Что ж, как генерал и государственный чиновник, я виноват.

— Вы не находите, что выглядит довольно странным знакомство царского генерала с отъявленным революционером?

— Но, насколько мне известно, с Пеевым знакомы и начальник генерального штаба, и министр, да и вы, Кочо.

Конечно, теперь все зависело от того, как будет вести себя на следствии Александр Пеев. Никифоров с болью представлял: если с ним, высокопоставленным генералом, следователи даже и теперь держат себя почтительно, да и находится он всего лишь под домашним арестом, то против Пеева они применяют все изощренные пытки, которыми славятся застенки болгарской охраны. Выдержит ли он?..

Пеев выдержал. Никаких улик против Никифорова не прибавилось.

Но и Кочо Стоянова не так-то просто было обмануть. Он словно бы нюхом чувствовал: здесь явно неладно... Тогда Никифоров решил прибегнуть еще к одному средству. Нарушив домашний арест, он заявился к советнику царя—болгарскому Распутину Любомиру Лулчеву: так, мол, и так. Тот выслушал, ответил: «Все, что зависит от меня, сделаю». (Царь Борис тогда был еще жив.)

На следующий день Никифорова вновь вызвали в отделение контрразведки, где проводилось дознание по его делу. В дверях кабинета встретил генерала сам Стоянов. Он был угрюм:

— Мне кажется, что вы действительно говорите правду. Царь такого же мнения. Извините за беспокойство. Вы свободны.

Никифоров понял: заступничество Лулчева возымело силу.

Возможно, сыграло роль и другое: всего год назад в Софии был казнен известнейший генерал, болгарский патриот Владимир Заимов — антифашист, активный борец против гитлеризма. И теперь при дворе понимали, что новый скандал, в котором окажутся замешанными высшие

военные крути, еще больше подорвет престиж Болгарии в глазах союзников по оси. Дело с Никифоровым решили замять. Царь отстранил его от всех должностей, уволил в отставку и высочайше указал: «Окончательно расследовать это дело после войны, когда станут известны все обстоятельства...»

На рассвете 22 ноября 1943 года осужденных на смерть привезли на стрельбище в Лозенец.

Утро было холодное. Хлестал дождь. Ветер гнал тяжелые тучи.

Привели в тоннель. В нем находился офицерский тир. Александр Пеев, Емил Попов и их товарищи выстроились плечом к плечу у черной, выщербленной пулями стены. Сцепили руки. Перед ними равнял винтовки строй солдат.

Александр Пеев запел:

Кто в грозной битве пал за свободу,
Не умирает...

Это была песня на слова Христо Ботева, великого болгарского поэта-революционера, погибшего в бою против турок.

Товарищи Пеева подхватили:

...по нем рыдают
Земля и небо, зверь и природа,
И люди песни о нем слагают!..

Гулкий залп оборвал песню.

Бывая в Софии, я всегда приходил на площадь Райко, в дом Никифора Никифорова. Старый генерал разливал по бокалам густое красное вино. И мы молча поднимали бокалы в память о его боевых товарищах.

БЕЛИСК У Билы Глины

1

В ту субботу праздновали ее семнадцатилетие. Подруги и друзья собрались чуть ли не со всей Балаклавы. Пели и плясали, пока на гитаре у Степана не лопнули струны. Потом побежали к морю. Вода была ласковая. Нине казалось, что разомлевшее от дневного зноя море дремлет. Будили его — брызгались, ныряли в податливую таинственную глубину. Вернулись домой, когда уже наливалась заря. Гости разбрелись. Только подружки, Валя и Шура, остались помочь убратся и перемыть посуду.

— А Степка-то все около тебя, около тебя увивается! — начала подтрунивать Валя.

— А мне мать сказала: еще раз увидит с этим шалопутным Венькой — ноги повыдергивает! — рассмеялась Шурка. И призналась: — Целует он!.. Да что вы можете понять, нецелованные!

Подруги прыснули.

— Жалко такие ноги, — с легкой завистью оглядела красавицу Шурку Нина. — Тетя Нюра словами не бросается: повыдергивает!..

Они снова расхохотались. Просто настроение было такое.

Издаലെка, из-за Херсонесского мыса, со стороны Севастополя, пророкотали глухие, как раскаты грома, удары. Над морем и Золотой балкой в рассветной дымке не было ни единого облачка. Что за диковинный гром средь ясного неба?

В окно торопливо постучали. Бабушка вышла. Вернулась, привалилась спиной к стене. Лицо ее стало как беленная известью стена кухни.

— Война, внученьки...

В три часа того утра немецкие самолеты обрушили бомбы на Севастополь. Фашистская Германия начала войну.

Война... Что же теперь должен делать каждый?

На столе перед партторгом колхоза — лист бумаги.

— Кто пойдет в ополчение?

Нина, Валя и Шурка протиснулись к столу.

— Малы еще, девчата. А на курсы медсестер могу записать.

...Они старательно учились накладывать шины и бинтовать. Рыли противотанковые рвы в Золотой балке, меж виноградников; помогали строить укрепления на склонах горы Сахарная Головка и на Безымянной высоте. Вбивали лопаты в сухую каменистую землю, а сами с замирающим сердцем испуганно спрашивали друг друга: неужели фашисты придут сюда, к их морю, к их садам, их дому?..

Война чувствовалась уже во всем, но шла еще где-то далеко и существенно никак не изменила их жизнь. А им хотелось быть в самом центре событий. Прибегали в военкомат. В прокуренных, набитых мужчинами комнатах от них отмахивались:

— Малы. Учитесь. Когда надо будет, призовем!..

Ноябрьским днем по пути из Севастополя зашел в Балаклаву тральщик. На его борту — женщины, дети и тяжелораненые красноармейцы.

Нина и ее подружки в этот день снова с утра толклись в военкомате: фронт был рядом — фашисты уже осадили Севастополь.

— Вот что, девчонки, на передовую все равно не пошлю, — сказал комиссар, — а раненым на тральщике нужна помощь. Шагом марш за вещами!

Нина подумала: комиссар посылает их на боевое задание или хочет увести подальше от беды?.. Он был знакомый, из местных, бывший партизан гражданской войны.

Они отплыли далеко в море, когда вахтенный прокричал:

— Вижу со стороны берега в небе три точки!

И снова:

— Еще три!.. Вижу девять самолетов!

Эскадрилья «мессершмиттов» начала расстреливать

маленький корабль с нарисованными на палубе и крыше надстройки красными крестами. Пулеметные очереди и бомбы. Самолеты делали заход за заходом. Первое попадание. Второе. Начался пожар. Тральщик дал крен. Обезумевшие от ужаса женщины и дети выбегали на палубу, прыгали за борт. Нина, Шура, Валя, другие помогали раненым. Как помочь в этом аду? Рев моторов, треск очередей, крики отчаяния. И вдруг — разрыв.

Нина прыгнула в воду. За ней — Шура. Прямо на винт, вздыбившийся из моря, вращающийся на холостых оборотах. Шурка!..

Уже только мачта виднелась над волнами. «Мессершмитты» продолжали расстреливать тонущих. Нина и Валя держались за чудом попавший под руки спасательный круг. Их несло в открытое море, а над головой ревели моторы. Наконец самолеты ушли. На поверхности моря почти никого не осталось.

Ноябрьское море — холодное, с крутой волной. Девушек покидали последние силы, когда появились катера. Это выслали помощь из Ялты. Один приблизился. Шлепнулся около Нины канат. Она вцепилась. Потащили. Не удержала, разжала пальцы и с головой ушла под воду. Так — несколько раз. Валя была уже на борту, а она никак не могла, оставили силы. Тогда на катере связали петлю, бросили на ее руку, затянули — и потащили. От дикой боли она потеряла сознание.

Когда пришла в себя, увидела: все на ней чужое, флотское — тельняшка, брюки, черная шинель. И на Вале тоже.

Высадили их уже на кавказском берегу, в Туапсе. Сунула руку в карман, а там ни документов, ни денег — ничего нет. И у подруги нет. Пошли в военкомат. Там записали их рассказ:

— Проверим. Приходите через несколько дней.

А куда идти? Где спать, что есть? Уже холода. Осень хоть и южная, а ненастная. Девушкам посоветовали: обратитесь в земельный отдел. Как раз в сорок первом, в январе, Нина окончила финансовую школу в Севастополе и успела четыре месяца проработать счетоводом в родном «Коминтерне». Вот и теперь из земадела дали направление счетоводом в колхоз. Рассталась с Валей — подруге подыскивали другую работу.

Через месяц Нине пришла повестка из военкомата: «Явиться».

Она помчалась на попутных в Туапсе.

— Пришло подтверждение. Да, все верно. Если желаешь, направим в воинскую часть.

— Желаю!

— Тогда собирайся.

Что собирать? Как высадили с катера, так и ходила в тельняшке, клешах, черпой шинели и сапогах на пять портянок.

В той части оказалось много женщин. Но занимались они совсем не боевыми делами: чинили и стирали солдатское обмундирование, кашеварили, стригли, брили... Разве этого она добивалась?..

Вызвали ее в штаб:

— Пригляделись: девушка ты сноровистая и с характером. Хочешь стать разведчицей?

С этого дня началась ее настоящая военная жизнь.

2

Первое задание. Нина уже научилась различать калибры орудий, типы танков, определять по характерным приметам расположение штабов и запоминать эмблемы воинских частей.

Фашисты оккупировали Кубань, захватили Краснодар. Именно в Краснодар и предстояло ей идти. Вдвоем. Старшей назначили Клаву. Девушка была взрослей на два года, полные девятнадцать. Нине она понравилась: держится как заправский солдат, коротко стрижена, в комбинезоне. Уже побывала в боях, да еще в морской пехоте — той самой, легендарной, бойцов которой фашисты называли черными дьяволами. Но теперь, когда предстояло идти вместе, Нина испугалась: у спутницы такой боевой вид, что каждый немец догадается.

Командир объяснил задание:

— По пути следования и в Краснодаре устанавливать дислокацию частей и штабов противника. Ты, Клавдия, останешься в городе. Нина вернется с добытыми сведениями назад.

Девушки переоделись в платица и кофточки, уложили в корзинки мешочки с мукой, пшеном, вязанки лу-

ка, кое-какие обноски. Легенда — ходят по станицам и хуторам, меняют вещи на продукты.

— Идите по дорогам открыто, — сказал командир. — Немцы открывают огонь по каждому, кто прячется в лесу.

Ребята из полковой разведки провели их перед рассветом за передовую и нейтральную полосы.

И вот уже бредут они по большакам мимо станиц, утопающих в зелени садов. Их настигают и обгоняют тяжелые чужие машины с бортовыми знаками, которые нужно запоминать, с вражескими солдатами в кузове, которым нужно улыбаться, сдерживая дрожь страха и ненависти...

Добрались до Краснодара без приключений. У Клавы в городе жила родственница. Увидев девушек, испугалась:

— Знать вас не знаю! Уходите с глаз!

— Эх ты! — смерила ее взглядом Клава. — Переночуем и уйдем. Но только пикни кому!

Отыскали заброшенный сарай. Город разделили на участки. Записывали собранные сведения на узкие полоски бумаги. Когда разведданных набралось достаточно, Клава решила:

— Пора тебе возвращаться. Буду ждать каждую среду в десять утра вон у той будки фотографа.

Нина заплела ленточки с записями в косы. Обнялись.

Вернулась она в часть тоже без приключений. Если не считать, что чуть не подстрелили свои же, когда ползла через нейтральную полосу.

Командир похвалил, дал несколько суток отдыха. А потом снова послал на связь с Клавой. Теперь Нина была снаряжена надежней, имела даже справку беженки, «выданную» оккупантами. Когда переправлялась через Кубань, жандармы еще в лодке проверили каждый узелок, каждую вещь, откупорили бутылку с подсолнечным маслом. Искали, наверное, не зажигательную смесь, а самогон.

В условленный день и час девушки встретились у будки фотографа. За время, пока Клава оставалась в Краснодаре одна, она раздобыла так много сведений, что пришлось ленточки с записями вшивать в борта пиджака, под подкладку.

И снова расставание. Вроде бы и не так долго знакомы, а подружились, будто вместе всю жизнь...

Неожиданно Клава предложила:

— Давай сфотографируемся. Мало ли что...

У того фотографа, около будки которого было место их встреч, снялись. Старик тут же дал им еще мокрые карточки. Клава — круглолицая, нос вздернут, улыбается до ушей. А у Нины выражение почему-то грустное, темные брови на узком лице сошлись на переносье.

— Не очень ты тут, Клавка, шастай.

— Мне-то что! Это тебе ползти через передовую. Гляди в оба. Ну-ну, не хлюпай!

Нина пошла. На самой уже передовой, у оврага, затопленного вешней водой, наткнулась на немцев. Едва успела прыгнуть в кусты. Погрузилась в воду. По горло. Вспомнила: «В пиджаке ленточки!» Если бумага размокнет, карандаш расползется, вся их с Клавой работа пойдет насмарку!

Стояла несколько часов, подняв над головой полу пиджака. Немцы мылись, стирали белье, развалясь, голяком лежали по склону. Один — с дури или со страху — начал вслепую строчить из автомата по кустам. Пули цвиркали над самой ее головой, а одна даже вспорола пиджак. Коченея, Нина с ужасом вспомнила тральщик на рейде Балаклавы и пикирующие «мессершмитты».

Наконец солдаты убрались. Только поднялась на склон оврага, начала отжимать одежду — позади цокот копыт. Снова прыгнула в воду. Прислушалась. Вражеский разъезд.

Ночью добрела до первой линии наших траншей. Но и тут:

— Ложись!

Распласталась на земле. Попросила:

— Позовите... Позовите кого-нибудь...

Когда подошли к ней, не могла подняться, оставили силы. В штабе долго выпарывала ленточки. Бумага промокла и порвалась, но разобрать можно было все записи.

После трех дней отдыха ее снова вызвали в блиндаж командира. В блиндаже кроме своего капитана несколько незнакомых офицеров. Начали задавать вопросы, странные для фронтовой обстановки:

— Музыку любишь? А ну-ка, спой что-нибудь.

— На каком-нибудь инструменте играешь?

Нина вспомнила гитару с оборванными струнами и гром со стороны Севастополя. Вспомнила рояль в колхозном клубе — в первый раз подвела к нему бабушка...

Один из офицеров оттарабанил прерывистую дробь по крышке стола:

— Послушай, как я стучу, и повтори. А теперь — вот это... Молодцом, молодцом!

Она забеспокоилась: не в ансамбль ли песни и пляски хотят отправить ее с фронта?

— Больше не придется ходить тебе в Краснодар: поедешь учиться на радистку.

— А как же Клава? — вырвалось у нее.

— Не беспокойся. Пошлем к ней другого связника.

Выехали группой, парни и девушки из разных частей. Путь был долгий, кружной — через Баку, Ташкент, потом повернули на запад. Лежа в теплушке на нарах, Нина с тоской думала: сколько раз успела бы сходить в Краснодар... Как там Клава — одна, среди фашистов?.. Так больше они и не встретились. Только фотография и осталась. И надпись на обороте ее рукой: «На вечную дружбу!» Ничего себе, конспираторы... Совсем еще глупые девчонки.

Так она решила много позже. А тогда, доставая фотографию, смотрела на улыбающуюся, с ямочками на круглых щеках подругу, и слезы набегали на глаза.

Ехали они чуть не месяц. И только когда приказали выгружаться, узнали, что приехали в Москву. Была осень сорок второго года.

3

В Москве, на привокзальной Комсомольской площади, Нину и ее попутчиков ждала машина.

Столица. Тесно прижатые друг к другу дома, не видно крыш. Много народу. Трамваи. Троллейбусы!.. Вереницы очередей у магазинов. За оградой школы — раненые в бязевых синих халатах, на костылях. Их газик обгоняют зеленые легковушки. Генерал. Адмирал. Еще генерал!.. Столько высокого начальства разом Нина еще никогда не видывала.

Потом потянулись пригороды. Сразу знакомо и приветливо обступили избы с резными наличниками, ябло-

нями и вишнями, скворечниками на опаленных багрянцем липах и березах.

Машина остановилась у высокой ограды, из-за которой едва выглядывала покатая крыша с затейливым флюгером на коньке.

— Наша дача,— то ли серьезно, то ли шутливо сказал сопровождавший их скуластый лейтенант с бравыми усами.— Первым делом — баня. Вторым — обед.

После бани выдали новое обмундирование. Летное, с голубыми петлицами и эмблемами-крылышками. Нина удивилась: «Чего это нас в летчиков нарядили? Для маскировки?»

В той школе вместе с советскими курсантами учились и чехи, и поляки. Даже немцы. В группе радистов Нина была младше всех, ей едва минуло восемнадцать.

Занимались они буквально круглыми сутками. И день ото дня набирали скорость на ключе, в передаче и приеме радиogramм. Учебный день начинался и заканчивался сводкой Совинформбюро. В словах тех сводок, в голосах дикторов курсанты чувствовали жестокое напряжение войны, которое передавалось и им, заставляло выкладываться из последних сил — как бегуна на дальней дистанции.

Изучение радиации, отстройка в разных режимах и условиях, прием и передача донесений на дальние расстояния, исправление поломок... Пять часов на сон. И снова: радиодело, боевая и физическая подготовка, ориентировка на местности, фотография, топография... Нина старалась. Завела особую тетрадку, разграфила странички, написала: «Боевой счет» и вписывала столбиком пятерки и четверки, будто снайпер — пораженные цели. Была самой младшей, а училась едва ли не лучше всех.

И вот однажды:

— Севастопольская! К начальнику школы!

Принял сам подполковник.

— Понимаешь, какое дело. Придется тебе прервать учебу.

«Отчисляют? — обмерла она.— За что?..»

— Нужны нам люди для выполнения задания. Хорошие радисты. Хочешь?

— Для того и учусь!

— Вот и дело. Чего не успела осилить в школе, осойшь на практике.

И объяснил: ей предстоит быть радисткой в разведгруппе, которая должна действовать в лесах Белоруссии, недалеко от Минска, под крышей партизанского соединения. Группу высадят с самолета в тыл противника, в районе партизанской базы. Предстоит десантироваться — прыгать с парашютом.

«Так вот почему летная форма!»

— А нельзя пешком? — вырвалось у нее.

— Далековато, — усмехнулся подполковник. — Это тебе не от Туапсе до Краснодара. С сегодняшнего дня больше не будешь ходить на занятия. Поселим в отдельной квартире. И имя отныне у тебя другое. Юнона. Не возражаешь?

Ей понравилось: то ли звезда, то ли планета — из давнего, школьного. Заглянула в энциклопедию. Оказывается, по древнеримской мифологии — богиня неба, покровительница брака, охранительница матерей во время родов. Это она-то!..

Вскоре познакомилась с остальными членами разведгруппы. К заданию готовились вместе. Переодевшись в пальто и куртки, ездили в Москву, в Центральный парк культуры и отдыха, забирались на парашютную вышку. Москва-река закована в лед. На пустынных аллеях толстый накат снега. Свирепо дует ветер, раскачивая вышку. Желаящие прыгать толпились у лестницы, дожидаясь своей очереди. Все — в гражданской одежде, молодые, сосредоточенные. Такие же «отдыхающие», видать, как она. Нина подошла к краю площадки, глянула вниз и обмерла. А как же — с самолета?..

Потом возили их на аэродром, учили укладывать парашюты. Вкусным и душистым показался ей запах отработанного бензина — горячее дыхание самолетов.

Выдали полное снаряжение. Юноне — радиостанцию «Север», батареи запасного питания, автомат ППШ и диски к нему, пистолет ТТ, гранаты, продукты на неделю, комплект одежды, аптечку. А на ней самой еще и ватник, полушубок, валенки. Парашюты — основной и запасной. Колобок.

В самолет внесли.

— Зато хорошо приземляться, — обнадежил инструктор. — А то ты такая легкая, что ветер унесет за сто верст.

В полночь Ли-2 поднялся с подмосковного аэродрома.

Линия фронта, обозначенная пульсирующей огненной рекой, показалась с высоты даже красивой. Юнона прижалась лицом к холодному стеклу. Увидела лопающиеся в черном небе вспышки, но звуков не слышала — и только потом догадалась, что это их обстреляли зенитки. Летели долго. Все вокруг тонуло в темени. Где-то в стороне, внизу, за клубилось зарево огромного пожара. И снова — мрак. Только ветер сдувает искры из выхлопных труб двигателей.

Еще на земле предупредили: партизаны на месте приземления должны разжечь костры. Выложат их созвездием Малой Медведицы.

— Костры! Наши костры!

В темноте, будто опрокинулось небо, сверкали, образуя семизвездный ковш, партизанские огни.

Инструктор приказал приготовиться к десантированию. Еще раз проверил, как подогнано снаряжение. Пристегнул к тросу карабины вытяжных парашютных фал. Открыл люк:

— Пошел!

Первым прыгнул командир. За ним — Юнона. Плотный морозный воздух ударил в лицо. Она камнем стала падать к земле. Но тут же почувствовала рывок и хлопок над головой. Беспомощно-стремительное движение прекратилось. Легкая, как птица, она парила в воздухе. Ощущение было таким чудесным, что захотелось петь. Увидела: Малая Медведица уплывает в сторону. Вспомнила, как учили: чтобы далеко не унесло, надо увеличить скорость падения, натянув с одной стороны стропы, — «пригасить» купол парашюта. Начала тянуть, стропы выскальзывали. Вот так же не могла она удержать брошенный с борта катера мокрый канат. Вспомнила Шурку, ее разрубленное винтом тело. Зажмурилась от ужаса.

Удар. Треск. Глянула — сидит на самой вершине сосны. От поляны слышны голоса. Можно окликнуть. Но не хочется, чтобы вот такую, беспомощную, снимали ее, как игрушку с новогодней елки.

В разведшколе учили: надо обрезать стропы. Куда же запропастился нож?

Голоса затихли. В тишине стынувшего на морозе леса ей стало жутко. Перед отлетом командир наставлял: действовать после приземления осторожно — недалеко от места десантирования находятся гитлеровцы. Почуди-

лось: вон они, караулят за деревьями! Только спрыгнет — набросятся...

Послышался хруст приближающихся шагов. Стариковский застуженный голос снизу:

— Дочка, а дочка! Ну-тко слазь!

Она разглядела: под деревом остановился бородач в меховой шапке.

— Шукаем по всему бору, а ты — вона где! — Старик добродушно посмеялся.

— Нечем обрезать стропы, — отозвалась она.

Дед сбросил полушубок, начал карабкаться по сосне, протянул нож. Она освободилась от парашюта, спрыгнула. Провалилась в снег по грудь.

— Ан ят-т гляжу: чтой-то сосенка белая? С других деревьев ветер пообдул снежок, а ента стоит как невеста. А оно и взаправду... — снова пошамкал, оглаживая бородачку, дед. — Не сломалась, не ушиблась?

— Спасибо, дедушка, все в порядке.

Вдвоем они стащили с ветвей полотнище. Старик вывел Нину на тропу. А там уже ожидали все остальные разведчики группы и партизаны. Потом, в землянке, хозяева леса отогревали десантников чаем с душистым брусничным листом, жадно расспрашивали:

— Как Москва? Что говорят на Большой земле? Скоро ли Красная Армия перейдет в наступление?

Будто держал с ними совет сам Верховный Главнокомандующий... Но не хотелось разочаровывать:

— По всему видать — скоро! Такая силища собирается!..

Спустя час Нипа уже вышла на связь. Сообщила о благополучном приземлении, о том, что группа приступает к выполнению задания, и после третьей пятизначной группы впервые отстучала свое новое имя: Юнона.

4

Радистке отвели отдельную землянку. В ней всегда было тепло и сумрачно, а снаружи днем и ночью вышагивали часовые: радиостанция во вражеском тылу — самый важный объект. Единственный нерв, связывающий с Большой землей, с командованием, со всей страной.

Входить в землянку имел право только командир группы. Юнона получала от него тексты радиোগрамм и

передавала их в Центр. Принимала задания штаба, записывала сводки Советского информбюро.

И так — много месяцев. Ни шагу за расположение партизанского лагеря. Эх, совсем иначе представляла она свою жизнь во вражеском тылу. Зачем ей ППШ, пистолет, гранаты? «Северок», конечно, нужен в лесу, но ей-то самой какая радость неделями сидеть в сырой землянке и узнавать о том, что происходит извне, только из листков скупых донесений? Оставалась бы она в Туапсе, как прежде, пробиралась бы на связь к Клавушке...

Начало надвигаться тревожное: наступление советских войск почему-то задерживалось, зато гитлеровское командование решило начать операцию по уничтожению партизанских баз в белорусских лесах. Эсэсовские и егерские карательные дивизии оттесняли партизан в топи. Фугасы ломали деревья, вспарывали болота. Егеря были натренированы для боев в лесах, фашистское начальство, видимо, не считалось с потерями.

Партизаны вынуждены были оставлять свои базы одну за другой. Поначалу Юнона узнавала об этом из донесений, которые передавала в Центр. Потом и сама простилась со своей землянкой. Начался многосуточный, многотрудный путь — через трясины, под бомбами. Вот когдагодились ей и автомат, и гранаты, и боевая подготовка, полученная в подмосковной школе, — отходили с боями, прорываясь через вражеские заслоны.

С каждым километром идти становилось все тяжелей. Повозки и лошади проваливались в топи. Сколько людей погибло тогда... Во время боев посреди болот в условленное время связи Юнона устанавливала на пнях или кочках свой безотказный «Северок», забрасывала на дерево или поднимала на шесте антенну.

Еда кончилась. Собирали прошлогоднюю клюкву, жевали мох. Но уже слышали — с востока надвигается гул.

На каком-то хуторе, затерявшемся среди белорусских озер, их поредевшая разведгруппа встретилась с полковой разведкой наших наступающих войск.

Юнона вернулась в Москву. Узнала: за мужество, проявленное при выполнении боевого задания, награжде-

на орденом Красной Звезды и медалью «Партизан Великой Отечественной войны». А еще бóльшая радость — освобождены ее Севастополь, ее Балаклава!..

Приказом по разведшколе — десять суток отдыха.

Набралась смелости, заявила к начальнику.

— Товарищ подполковник, разрешите съездить домой? Маму повидать, бабушку, сестренку!

— Обернуться за отпуск успеешь?

— Хоть бы одним глазком взглянуть! Увижу своих — и сразу назад!

— Хорошо, собирайся.

Друзья принесли кто мыло, кто сало, кто иголки и нитки. Ей невмоготу было ждать: никакой весточки из дому нет. Как они там, родные, после неметчины? Живы, здоровы?..

Побежала в штаб за проездными документами.

— Еще не подписаны. У него, — дежурный показал на дверь кабинета, — совещание. Потерпи.

Из-за двери кабинета доносились приглушенные голоса. Офицеры входили, выходили. О ней, наверное, командир забыл. Она встала так, чтобы подполковник увидел ее, когда открывается дверь.

Увидел, но снова повернулся к собеседникам. А до отправления эшелона на Севастополь — считанные минуты. Успеет, если дадут машину на вокзал.

Она влетела в кабинет:

— Товарищ подполковник! Я опаздываю! Поезд уже!.. — с ужасом посмотрела на стенные часы.

Подполковник спокойно поглядел на нее и кивнул находившимся в комнате офицерам:

— Ее тоже включим. — И показал на стул: — Садись и слушай. Ехать тебе в другую сторону.

— В какую еще другую? Мне — в Севастополь!

— Нет, товарищ сержант, во Львов. Обстановка изменилась. Нам надо срочно направить группы опытных радистов в распоряжение Разведуправления штаба Первого Украинского фронта.

Она не сдержалась. Слезы брызнули прямо на разложенные по столу бумаги и карты.

— Что уж тут горевать? Война. — Подполковник провел ладонью по ее щеке: — Вот останемся живы, тогда и поедем по домам. И в гости будем ездить друг к другу. Позовешь меня к себе в Балаклаву?..

Во Львове, в Разведуправлении фронта, Юнону принял полковник. Еще не старый. Но голова уже в седых подпалинах на висках и на темени. Назвал себя: «Павлов». Сказал:

— Мы готовим группу для работы в Польше. Задержка была только за радистом.

Новые товарищи. Новое задание. Группе предстоит освещать концентрацию войск противника в районе севернее Кракова, по западному берегу Вислы. Если окажется возможным, Юнона должна проникнуть в столицу польского генерал-губернаторства, легализоваться — то есть остаться на жительство в городе, даже устроиться на работу. Документы разведчики добудут на месте, при помощи поляков — подпольщиков и партизан.

В одну из августовских ночей 1944 года самолет взял курс на запад.

Вот уже и сигнальные костры на земле. Вроде бы привычно. Но каждый прыжок с парашютом — победа над страхом. Помня, как приземлилась в первый раз, Юнона, чтобы снова не отнесло в сторону, чересчур резко «погасила» купол. Скорость падения возросла, ветер раскачал ее на стропах. В момент приземления она с размаху ударилась плечом о ствол дерева.

Группа собралась быстро. Как положено, закопали парашюты. Проверили оружие. Почему же их не встречают? Самим идти на костры?.. Случалось, что гитлеровцы ночью поднимали высоко в небо свои «рамы» — самолеты-разведчики, обнаруживали сигнальные партизанские огни, забрасывали их бомбами, а в другом месте, устроив засаду, зажигали точно такие же. Несколько групп попало в ловушки.

Начало светать. На лесной дороге слышался стук колес. Из-за кустов разведчики увидели: на повозках вооруженные, как попало одетые люди. Была не была! Один из десантников вышел к дороге.

Оказалось, польский партизанский отряд. Но совсем не тот, который их ждал.

В этом отряде было несколько русских парней, бывших военнослужащих, бежавших из фашистского плена: Михаил, Степан, Федор... Через неделю уже вместе с ними — парни попросили, чтобы разведчики включили их в

свою группу, — они оставили польский отряд и направились к месту выполнения задания.

Сразу после приземления Юнона не почувствовала боли от удара о дерево. Но теперь плечо болело — и все сильнее. Опухла рука. С трудом уже могла пошевелить пальцами. Будто назло — правая. Как теперь работать на ключе?..

На окраине одной из весок — завислинских деревушек — разведчики остановили мальчугана. Расспросили: есть ли поблизости боши, кто в веске хороший человек, кто плохой. Хлопчик оказался смышленным. Показал на дом старика, бывшего железнодорожника: «Стары ненавиди немцев!»

В том доме их приняли радушно. Особенно обрадовались паненке. Разглядывали с восхищением и сочувствием: «Така млода, а юж воюе!..»

Старуха начала лечить домашними снадобьями. От них плечо и рука разболелись еще сильнее.

Тогда один из разведчиков, он был по национальности поляк, да к тому же знал немецкий язык, попросил у хозяина форму железнодорожника, подводу и вместе с Федором и Степаном отправился в ближний городок. На окраине, в придорожных зарослях у пруда, он оставил подводу и приказал сопровождающим быть наготове, а сам отправился в селение.

Только вошел в городок, как навстречу двое немцев, патруль фельджандармерии:

— Стой!

А разведчик:

— Где найти врача? Вернулся из рейса, а жена лежит со сломанной ногой.

— Пошел прочь! — сказал один.

— Подожди. Хоть он и поляк, а нам служит, видишь — железнодорожник. Таких тут немного. Надо помочь.

— Охота тебе возиться!

— Давай отведем в госпиталь, он рядом.

В госпитале фельджандарм вызвал дежурную сестру. Та привела врача. Поляк повторил просьбу.

— Дом далеко?

— Вторая улица, за углом.

Врач ушел, вернулся без халата, в офицерской форме. С саквояжем.

Жандармов уже не было. И разведчик повел немца к пруду. Врач начал нервничать:

— Вы сказали, что недалеко.

— Там улица перекопана, господин капитан, мы идем в обход.

А когда завернули за угол, вынул пистолет:

— Тихо! Вперед!

Парни помогли врачу забраться на подводу, сели по обе стороны. Подхлестнули лошадей. В лесу развязали пленнику глаза.

Юнона лежала в горнице. Открылась дверь — на пороге гитлеровский офицер. Ее как обожгло:

— Предали!

Сунула левую руку под подушку — там, как обычно, граната. Поляк прыгнул к ней:

— Стой! Это доктор!

Немец осмотрел ее. Да, деревенские снадобья тут бы не скоро помогли: тяжелый ушиб плеча, повреждены связки.

Врач провел в хате старика железподорожника целую неделю. Потребовались медикаменты, и старуха хозяйка поехала добывать их в окрестные селения. Юнона десять раз на дню пробовала, шевелятся ли пальцы. Когда опухоль начала спадать и она почувствовала, что снова сможет сесть за свой «Северок», поляк разведчик сказал немцу:

— Гее нах хаузе!

Посадил в телегу, завязал глаза. Довез по лесу до развилки, которая вела в городок:

— Помалкивай, где был!

Группа тем же часом снялась и двинулась дальше, по своему маршруту. По пути, на привалах, Юнона выходила на связь.

Добрались до станции Тунель, обосновались в лесах над Нидой и Нидицей. Командир отправился в Краков, чтобы сориентироваться на месте, узнать, сможет ли радистка устроиться в городе.

Уехал — и как в воду канул. Позже разведчикам стало известно: командир попал в гестапо. А тут еще местные жители передали, что фашисты повсюду расклеили листовки — за поимку русской радистки обещают награду в двадцать пять тысяч злотых и корову. Юноне стало ясно: легализоваться в Кракове она не сможет. Запроси-

ла штаб. Центр уточнил задание: оставаться в районе станции Тунель, сообщать о воинских перевозках по железнодорожной магистрали Варшава — Краков и вести разведку оборонительных сооружений в междуречье Ниды и Нидицы.

Что ни сутки меняли места, чаще укрывались не на хуторах, а в лесу. Минула осень, приближалась зима. При выполнении заданий погибли двое разведчиков их группы. Потом — еще двое. И вот из всех парашютистов, высадившихся с Ли-2 в августе, осталась одна Юнона. И с нею — несколько парней, присоединившихся к группе в первые дни после приземления.

Один из этих парней — Федор. Чаще его звали Соловьем. Она тоже называла его так.

К каждому новому товарищу во вражеском тылу внимательно присматриваешься, особенно когда неизвестно, кто он и откуда пришел. Охотно рассказывает о себе, а как проверишь? Всякое может быть. Да и бывало...

Но Соловью она поверила сразу. Таким открытым и добрым было его лицо, прямой, не убегающий взгляд... Сутки без пищи, промокли до последней нитки, промерзли до костей, а у него все шутки да прибаутки... Не могла до конца объяснить себе, просто почувствовала: верит.

Бывало, сердилась, обрывала в сердцах:

— Да заткнись ты, весело — дальше некуда!

— Эх, дивчинка... Пусто в брюхе, в сапогах хлюпает — это беда разве? Беда — когда подневольной и бессловесной скотиной тебя делают.

Наверное, вот за это — за жадную тягу к жизни — она и выделила его среди других. А еще за то, что любил он петь, а голос у него действительно был как у соловья. Любой инструмент, какой попадался, — аккордеон ли, гитара или флейта, даже рожок пастуха — оживал в его руках. Он не знал нотной грамоты, никогда не учился музыке, мелодии подбирал на слух. Но слух у него был редкостный.

Как-то увидела: Соловей присел на пенек с листом на коленях, что-то сочиняет. Письмо? Кому отсюда посылать?.. Вести записи — не в правилах разведчиков. Только скупые строчки донесений, которые следует уничтожать сразу же после передачи в эфир. Она насторожилась. Подкралась к Соловью, глянула из-за плеча. На

тетрадном листке — ее собственный портрет. Только на рисунке она куда красивей, чем на самом деле: и рот в улыбке, и вместо зипуна — летнее нарядное платье.

— Эх, Соловей, не по болотам бы тебе мыкаться, а в консерватории или на художника учиться!

— Может быть, если бы не война,— отозвался он, и она впервые уловила в его голосе грусть. Но тут же тряхнул кудрявым казацким чубом: — Если бы да кабы, да выросли во рту грибы, так был бы не рот, а целый огород — вот бы поужинали!

Она подумала: а сама где бы была, что бы делала сейчас, не будь войны? Вспомнила Балаклаву, тропку через виноградники Золотой балки — ближнюю, напрямик, дорогу в Севастополь...

Война. Вражеский тыл. И каждую минуту может оборваться жизнь и ее, и Федьки. А он смотрит на нее синими веселыми глазами, и на открытом его лице написано все, о чем он сейчас думает. Если бы не этот враждебный лес, если бы не осталась она одна за командира среди этих парней — подошла бы, запустила пальцы в густейшие его кудри: «Не смей так смотреть! Я ведь тоже не каменная!..»

Но ветер тревожно гудит в кронах. И где-то там, в деревне за лесом,— немцы. А она — командир.

— Кончай бездельничать! Смени на посту Степана!

6

Из Центра поступило распоряжение: встретиться с разведгруппой, которая действует в том же районе. Командир группы даст последующие указания. Сообщили координаты и пароль для встречи.

Искала трудно: «Опоздала на час!», «Только что был!..» Поняла: осторожничает, боится провокации. Наконец на заброшенном хуторе встретились. Узкое лицо, холодные напряженные глаза. Лет под сорок. После перепроверки — пароль, отзыв, кто, откуда — назвался: «Виктор Сергеевич».

Снова Юнона возобновила передачу в Центр донесений о противнике. Но однажды фашистские каратели оцепили весь район. Жители деревеньки Швентице Мале укрыли советских разведчиков по схрамам и погребам в своих дворах.

Юнона и Соловей прятались в бункере, вырытом в огороде. Слышали, как в деревню вошли гитлеровцы. Если найдут хоть одного из разведчиков, от Швентице останется пепелище.

Утром слышали стрельбу. Пули цокали, впивались в ствол ольхи прямо над лазом в бункер. Обнаружены? Федор ввинтил запалы в гранаты, поставил пистолет на боевой взвод. Обнял Юнону. Прошептал:

— Жалко, конечно, что так вот... Эх!.. — Подобрался к щели. Спрыгнул: — Фу-у!.. Это гады щит рядом поставили, тренируются, как в тире. Может, пронесет.

Пронесло. Немцы никого в деревеньке не нашли, отправились дальше прочесывать леса.

Там, в подземелье, они встретили новый, сорок пятый год. Юнона включила «Северок», настроила приемник на волну Москвы. Били кремлевские куранты. Далекий, прерываемый шорохами и разноголосицей эфира долетал голос Большой земли.

А через несколько дней хозяин бункера отбросил доски с укрытия и закричал, заголосил:

— Пшиятеле! Коло муйна пшешли ваши чоуги! Я сам видялем на них гвязды!

Соловей перевел: за мельницей прошли советские танки, крестьянин видел на их башнях звезды!..

В тот же день Юнона приняла радиogramму: всей группе прибыть в город Ченстохов.

Старинный Ченстохов только что был освобожден советскими войсками. На одной из окраинных улочек рабочей слободы на склоне Ясной Горы разведчики нашли хозяйство Павлова.

— Отдохнете — и начнем подготовку к новому заданию, — выслушав отчет командира, сказал полковник. — Предстоит большая работа.

На дни отдыха они разместились по частным квартирам. Одетые во все гражданское, они походили, наверное, на мирных людей, неведомыми превратностями войны занесенных в этот тихий город над Вартой.

Не подстерегают их больше опасности на каждом шагу. И Юнона — не командир, не радистка при исполнении служебных обязанностей. И рядом — не боец ее группы, а просто друг, Федька, Соловей, все так же не спус-

кающий с нее открытого и радостного взгляда. Им — по двадцать. И весь мир принадлежит только им. Там, во вражеском тылу, они по жестоким законам войны не имели права на любовь. А теперь?.. Разве сдержишь чувства, подобные ветру в кронах тех деревьев, что шумят над ними?.. Кто посмеет осудить их за любовь, когда идет война против ненависти?..

Эти звездные ночи, этот душистый ветер, предвещающий раннюю необыкновенную весну...

В разведотделе началась подготовка. Пока еще не было известно, где, в каких краях предстоит им выполнять новое задание. Изучали обстановку и в Германии, и в Австрии, и в Чехословакии.

Наконец Павлов назвал: Чехословакия, район города Млада Болеслав, расположенного на ближних северо-восточных подступах к Праге. Места эти называют Чешским Раем.

— Сам не видел, но по рассказам и книгам знаю: Чешский Рай — чудо природы. — Полковник очерчивал на карте треугольник. — Сто двадцать квадратных километров причудливых скал, которые поднялись у реки Йизеры среди долины, называющейся Золотым поясом земли чешской... Скалы отвесные, местами неприступные, с обрывами на полторы сотни метров. С доисторических времен в скальных пещерах было прибежище людей. И сейчас, как нам известно, в Чешском Раю укрываются сотни советских военнопленных, бежавших из лагерей.

Другой офицер уточнял ориентиры:

— Чешские коммунисты будут встречать вашу группу в районе горы Мужски, одной из главных вершин в самом центре Чешского Рая, вот здесь. С их помощью войдете в тесный контакт с местным населением. Привлечете к работе и бывших военнопленных.

Готовили больше месяца. Уже наступил март. Брызнула трава.

С каждым днем, с приближением часа вылета на задание Юнона испытывала все большее волнение. Уже знала, что у нее будет ребенок. Сказать или утаить? А вдруг отчислят ее из разведки? Все что угодно, только не это!..

Прислушивалась к нему, неведомому, такому маленькому, но уже властно распоряжавшемуся ею. То бросит в жар, то в холод, то — как назло, во время тренировки за

рацией — все вдруг поплывет перед глазами... Не решилась признаться и Федьке: а если проговорится?..

Последний сбор. Напутственные слова полковника. Суровое лицо его стало добрым, отцовским. Сколько таких, двадцатилетних и сорокалетних, довелось ему отправлять за линию фронта. И сколько из них не вернулось...

— Будьте дружны. Будьте мужественны. Счастливого вам пути и возвращения с победой!

Павлов задерживает свой взгляд на радистке. Очень бледна. Отводит глаза. Смущается? Или боится? Не может того быть: умело и отважно выполняла предыдущие задания.

Если бы знал полковник истинную причину этой бледности, тут же скомандовал бы: «Выйти из строя!»

7

Штурман ошибся всего на четыре минуты. На земле эти минуты обернулись в двадцать километров, в четыре дня пути. Какого пути!..

Все же добрались они до Чешского Рая, а потом, сосредоточившись на маленькие группы, спустились со скал в долину — высматривать, собирать сведения, передавать.

Юнона что ни ночь проводила на новом месте: укрывалась в школе деревни Лыголице, в селе Стражиште, в Бжезине, у мастера-каменотеса Ветизслава. В доме каменотеса — чаще всего. Сопровождал ее Соловей. Ее верный телохранитель.

Дом каменотеса и его мастерская располагались у самого шоссе. По другую сторону усадьбы проходила линия железной дороги. Великолепный наблюдательный пункт. Гитлеровцы — в десятке метров. Их машины сновали по шоссе, частенько останавливались у ворот, солдаты заходили попить, а то и отдохнуть во дворе и в доме.

Юноне и Соловью хозяин отвел маленькую комнату на втором этаже. Когда нужно было натягивать антенну, сам забирался на плоскую крышу.

В мастерской рабочие обсуждали последние события на фронте.

— Где сейчас русские?

Мастер едва сдерживал желание показать на потолок: «Здесь они, над головой!»

Жена Ветизслава заприметила:

— Ой-ой, что-то наша гостья все к моченым яблочкам тянется, к кислетькому! И тяжелеть стала...

А Федя все ничего не замечал. Тогда она сама, решившись, сказала. Предупредила:

— Если кому-нибудь в группе сболтнешь, умру!

Он готов был кричать всем и каждому: «Люди! Я скоро буду отцом! Сын у меня скоро родится!» Но помнил клятву, только шептал, уткнувшись в ее плечо. Поднимал голову с сияющими глазами:

— Как он там, Виталька?

Почему-то уже решил, что непременно будет сын — и даже имя придумал. Виталий... Она не возражала. Прислушивалась к тому таинственному, что происходило в ней. Говорила:

— Толкнулся... Ножкой, паверное..

— Уже скоро! — ликовал Соловей. — Наш Виталька родится, когда наступит мир. Мы поедем к нам в Донбасс, в нашу Владимировку. У нас там такие степи! И вишни! Скоро они уже зацветут. Ты видела, как цветут вишни? Белые облака — прямо по земле!

Уж она-то знала, какие бывают по весне сады. Но молчала, только улыбалась.

— У меня такая хорошая мама, как она обрадуется тебе и внучонку!

Свою мать, Екатерину Филипповну, Федя вспоминал часто. Юнона поверила: свекровь должна быть доброй, коль у нее такой сын. «Свекровь...»

— Мой батя на фронте, мы с ним вместе ушли в сорок третьем, когда Красная Армия освободила Донбасс. И Колька, старшой братень, тоже ушел. Остались меньшие, Володька и сестренка Лида. Вот сколько у тебя теперь родни! А уж по второму кругу, по третьему — считай, вся деревня! И все они будут любить тебя!

Хорошо. Они поедут в его Донбасс. А потом она увезет Соловья в Балаклаву. Разве есть на всем белом свете место лучше ее Золотой балки?..

Будущая мирная и бесконечно счастливая жизнь казалась ей реальной и уже совсем близкой.

Фронт стремительно приближался. Гитлеровцы отступали, отходили на запад. Разведчики работали в полную нагрузку. Юнона и второй радист едва успевали пе-

редавать сведения. Центр благодарил за важность разведанных, за оперативность.

Командир собрал всю группу на базовом пункте, в деревне Засадка, в доме участника движения Сопротивления коммуниста Йозефа Янечка. Оба «Северка» приняли сообщение: в три часа ночи 9 мая Германия подписала акт о полной и безоговорочной капитуляции.

Знали, что это неминуемо, ждали, а все равно были потрясены. Значит, мир? Это утро — утро мира!..

Но знали и другое: гитлеровский генерал-фельдмаршал Шернер собрал бронированный кулак, несколько танковых и эсэсовских дивизий и бросил их на восставшую Прагу. Чешская столица взывала: «Красная Армия, нам нужна помощь! На нас со всех сторон наступают немцы!..»

К Праге устремились танковые армии Рыбалко и Лелюшенко, операцию по спасению города взял под свое руководство командующий 1-м Украинским фронтом маршал Конев. С ходу форсировав Огрку и Влтаву, советские танки преградили группировке Шернера путь на Прагу. Разведчики одними из первых узнали, что утром 9 мая гвардейские танковые армии их фронта вступили в спасенную чешскую столицу.

Утро начиналось солнечное, зеленое, ослепительное. Вот какой он, завоеванный ими первый день мира!

— Поздравляю вас, мои дорогие товарищи! Мы тоже можем гордиться: наша группа действовала на чешской земле пятьдесят шесть дней, и мы тоже что-то сделали для победы! — Виктор Сергеевич оглядывал своих разведчиков. — Поздравляю вас!

Гордые, счастливые лица. Да, они горды сознанием выполненного долга. Трудного воинского долга.

Командир посмотрел на Юнону. Перевел взгляд на Федора. Эти — самые счастливые из счастливых. Он уже давно обо всем догадался и теперь лишь подтверждал правоту своей догадки. И хорошо. Ибо это — жизнь.

А она снова прижимала ладонью наушник рации. В Праге, во всех городах окрест немцы уже знают о том, что подписан акт о капитуляции, что армии Шернера в кольце. Гитлеровские подразделения, части, соединения выбрасывают белые флаги, разоружаются, сдаются.

В Засадку начали приезжать связники и от партизанских отрядов из долины Йизеры:

— Мы обезоружили пятьсот фрицев!

— У нас — тысяча!

— Немецкий гарнизон Бакова поднял белый флаг!..

Виктор Сергеевич и руководители чешских групп отдавали распоряжения, определяли места сбора военнопленных. Радисты передавали сведения в штаб.

В дом примчался еще один связной:

— Большая группа немцев движется на машинах в обход Мнихово Градиште в сторону Судет!

Виктор Сергеевич посмотрел по карте. Колонна направлялась в сторону германской границы. Может быть, солдаты еще не знают о мире?

Теперь, когда все было кончено, фашизм повергнут, казалось чудовищно нелепым, что куда-то, может быть с какой-то злой целью, все еще движутся солдаты. Хватит крови, хватит смертей!..

Все же командир разведгруппы приказал одному из чешских партизанских отрядов выйти на перехват колонны, а сам решил догнать ее по шоссе.

За руль автомобиля-амфибии, взятого накануне у капитулировавших гитлеровцев, сел чех партизан Микеш.

— И я с вами! И я! И я!.. — впрыгнули в машину несколько человек, и среди них — Соловей.

Каждому хотелось принять участие в этом пусть маленьком, но добром акте мира.

8

Амфибия настигла хвост колонны на узком шоссе недалеко от деревни Била Глина. Немецкие солдаты сидели в кузовах автомашин.

Солнце резко отражалось от стали касок. Солдаты сидели плечом к плечу, ряд против ряда, зажав оружие меж коленями. Стальная, ритмично покачивающаяся чешуйчатая змея.

Виктор Сергеевич почувствовал тревогу. Но поворачивать амфибию назад было уже поздно. И с минуты на минуту наперерез колонне выйдет партизанский отряд. Зачем же еще один бой, если уже наступил мир? Ведь и эти, в стальных касках, люди, и каждый из них хочет жить.

Сказал шоферу, чтобы тот начал слева обгонять колонну, а сам поднялся в открытой кабине:

— Солдаты! Война окончена! Уже мир! — начал он выкрикивать по-немецки. — Солдаты! Уже мир! Бросайте оружие!

И тут на его глазах начало совершаться то невероятное, ради чего он и мчался сюда: солдаты — в хвостовой машине, во второй, в третьей стали вскакивать со скамей, сдергивать с голов каски, бросать прямо на асфальт винтовки и пистолеты-пулеметы, радостно кричать. Открылись лица, распалась чешуйчатая змея. Все! Война окончена, они остались живы!

Виктор Сергеевич обгонял машину за машиной. Гул возбужденных голосов нарастал. Со звоном рушились на дорогу каски и стволы.

— Мир! Сегодня уже мир! — старался перекрыть этот шум командир. — Хватит! Бросайте оружие!

Амфибия приближалась к голове колонны.

И тут навстречу ей развернулся танк. Лязгнул люк.

— Бросайте оружие! Не стреляйте! Уже мир!

Ствол пулемета дрогнул, выплеснул бесцветно-огненную очередь. Пули резанули по машине. Ударили в грудь Соловья.

Упали раненые Виктор Сергеевич, разведчики, двое чехов. Один спрыгнул в кювет и метнул оттуда гранату под гусеницы танка.

Со стороны леса бежали партизаны. Гитлеровцы бросали оружие и поднимали руки.

9

Юнона только кончила передачу, спустилась с чердака и сразу увидела: во двор движется толпа. На повозке — перебинтованный командир. Сзади кого-то скорбно несут на носилках. Глянула и обмерла. Поняла.

Первой мыслью: все, незачем больше жить!

Виктор Сергеевич оторвал ее руки от лица, притянул к себе:

— Ты должна сберечь себя и вашего сына!

Спустя месяц, поздней ночью, она приехала в Севастополь. Не было мочи ждать утра. Закинув за спину полупустой вещмешок, пошла с вокзала домой по знакомой с детства тропке.

Под утро была уже в Балаклаве. На месте ее дома горбились поросшие бурьяном развалины.

Соседка узнала. Сказала:

— Не бомбой. Это позиции немецкие здесь были, батарея противотанковая. А твои живы. Во-он в том блиндаже!

Мать бросилась к ней:

— Ниночка! Доченька!.. — Потом: — Откуда ты пришла?

— С поезда — и через Золотую балку.

— Батюшки мои! Балка же вся заминированная, шагу не разрешают туда ступить! Счастливая ты у меня!.. Счастливая...

Третьего ноября в подземном их доме — бывшем вражеском блиндаже — родился ее и Соловья сын Виталий.

Э П И Л О Г

В семидесяти километрах от Праги, недалеко от автостреды, на дороге у деревни Била Глина, справа у обочины, толпятся вокруг серого обелиска посеребренные утренним инеем туи.

На плите обелиска высечено: «Здесь пал 9.5.1945 года смертью храбрых русский парашютист Федор Иванович Соловьев из Чадова у Владимировца».

Да, как раз на этом месте девятого мая сорок пятого года пулеметная очередь оборвала жизнь советского парашютиста, двадцатилетнего парня, который только на каменной плите впервые был назван по имени и отчеству. До той минуты друзья и любимая звали его Федькой, а еще чаще — Соловьем.

Двадцать лет спустя после Победы Нина Ивановна и ее сын Виталий впервые после войны приехали в Чехословакию. Они пришли в дом каменотеса Ветизслава. До сей поры в комнатке на втором этаже все неприкасаемо — как осталось после ухода Юноны и Соловья. Старый каменотес не впускает в комнату никого, разве что покажет ее с порога. Одно только добавилось в ней: увеличенные местным фотографом снимки их той поры, вставленные в одну общую позолоченную раму.

Мать и сын остались в той комнате на ночь. Память, память...

В разросшейся рощице на склоне холма Нина Ивановна долго искала дерево и — чудо! — нашла: на недосягаемо высоко поднявшейся вершине сосны, меж ветвей, она увидела белый изолятор. У этого дерева она в марте сорок пятого отстучала первую радиogramму с чешской земли: «Группа полным составе. Юнона приземлилась благополучно. Выполнению задания приступаем...»

Как прожила ты все последующие вдовьи годы, Нина?..

Как?.. Начала восстанавливать свой дом под Балаклавой — на том самом месте, где в месяцы битвы за Севастополь стояла батарея. Таскала пудовые камни для стен, а Виталий лежал в пеленках на земле. А что иначе можно было делать, если во всем Севастополе осталось семь целых домов, а в их селе — ни одного?.. Зато день рождения годовалого сына отпраздновала под крышей. Кем только не довелось работать: бетонщицей, обжигальщицей у печей на заводе стройматериалов... Работала и училась. И вот уже много лет — инженером в рыбном порту. Судьба женщины. Судьба поколения.

Сейчас Виталию Федоровичу столько лет, сколько минуло уже со Дня Победы. Он продолжает службу на сверхсрочной — мичманом Военно-Морского Флота. У него семья, дети. И он намного старше своего отца.

Такова судьба павших. Они останутся молодыми вечно. Во все грядущие времена они будут ровесниками юношей и девушек будущих поколений. Двадцатилетние, павшие героями в Великую Отечественную войну, бессмертны.

А живые будут бережно хранить о них память.

И каждый год — девятого мая, в День Победы, будут собираться жители всех окрестных селений на дороге, что ведет из Мнихово Градиште на Билу Глину. Мраморный обелиск укроют цветы. А по асфальту, на котором в этот час замирает движение, церемониальным маршем, печатая шаг, будут идти, отдавая воинские почести памяти советского солдата, двадцатилетние воины чехословацкой армии.

Каждый год — в день 9 Мая...

ОСТЫ СМЕНЯЮТСЯ НА РАССВЕТЕ...

1

Самолеты отстали на последней тысяче миль, когда судно вышло из зоны Бермуд, а Лаптев уже устал торчать на ходовом мостике, записывая типы «летающих крепостей» и их номера и вместе со своими координатами передавая их в Москву.

Честно говоря, в первые мгновения — когда увидел вынырнувшую из-за горизонта мошку, которая, стремительно увеличиваясь в размерах, приняла очертания пикирующего бомбардировщика, с ревом пронесшегося над мачтами и развернувшегося на второй заход, — ему стало не по себе. Но тут же вспомнил: американцы делают облеты едва ли не каждого советского судна, идущего через Атлантику этим курсом. А потом и привык — и к слепящему блеску фюзеляжей, и к яростному реву моторов над головой.

Но эти облеты вернули к давнему — словно бы через десятилетия перекинулся мостик в прошлое, к тем дням и ночам, когда вот так же стоял он в рубке рядом с капитаном, ведущим свою «посудину» с танками и снарядами в Картахену.

Нет, этот мостик он перебросил раньше, еще в Ленинграде. Удивительно совпало: его «Хосе Ибаррури» после ремонта готовился к очередному рейсу, когда получил Андрей Петрович письмо: «Приезжай. Обязательно постарайся приехать. Эта поездка станет для тебя праздником. Я сама будто вернулась в молодость...»

Опустил на стол конверт с маркой, на которой был изображен крокодил, — и нахлынуло. Поначалу не сказал

даже Василию. Заказал в ателье-люкс новый костюм, купил модный галстук. Сын увидел его перед зеркалом, округлил глаза:

— Свататься надумал, отец? Седина в висок — бес в ребро? Позови на смотрины!

Он потрепал Василия за чуприну. А сам подумал: «Неужто бес?..»

Всего год, как вышел он в отставку. Возраст. Да к тому еще — старые раны. Словом, списали. Но приспособиться к пенсионному существованию не смог. Маялся от безделия, от неожиданной своей ненужности. Совсем было затосковал. К счастью, нашлось для него дело по душе.

Отмечали день рождения Никитки, внука. Пришел один из давних друзей. Заявился при параде, с золотыми шевронами на рукаве.

— Ты где теперь работаешь, Владимир?

— В Министерстве морского флота.

— Да вроде бы ты у меня в отряде был сухопутным минером?

— Был... — вздохнул Павлов. — А теперь, видишь, по кадровой части.

Лаптева и осенило:

— Постой-постой! Определи на какую-нибудь «посудину»! Хоть поваром!

— А что! — загорелся Павлов. — Почему поваром?.. Первым помощником капитана пойдешь? Это вроде комиссара. Нам отставные генералы на такую роль подходят! Заезжай на Кузнецкий, Андрей, обмозгуем.

Стал Лаптев первым помощником капитана на сухогрузе «Хосе Ибаррури». Первый помощник — это действительно как комиссар. В его ведении вся политическая и воспитательная работа в экипаже, его забота — бодрое настроение команды. Да разве не этим самым, только в иных, куда более сложных условиях доводилось Андрею Петровичу заниматься всю жизнь?..

Экипаж сухогруза был небольшим и, на удивление, юным. В возрасте оказался лишь боцман Храпченко. За глаза его называли Нахрапченко, однако тоном, противоположным смыслу, — с добром. Одессит Храпченко «ходил» по морям с двадцать девятого года, знал все порты мира и клялся, что в тех портах знают и его. Храпченко напомнил Лаптеву морского волка серба Божидача Радми-

ловича, отважного диверсанта его испанского саперного батальона.

Андрей Петрович побывал с «Хосе Ибаррури» уже и в Касабланке, и в Конакри, и в Ливерпуле. Теперь же, после ремонта, сухогруз готовился к рейсу на Кубу. Предстояло первое путешествие Лаптева морем через Атлантику.

Пароход должен был доставить на остров Свободы группу советских специалистов — механизаторов, воотехников, агрономов, а также тракторы, автомобили, электродвигатели.

С нетерпением ждал Лаптев этого рейса. А тут и письмо: «Приезжай...» Неужто не обошла его судьба?..

В день отхода, когда добирался от гостиницы в порт, перед капотом такси плясала поземка: сквозь снежные заряды едва проглядывали клювы нахохлившихся крапов; от пирса, взламывая припай, выводил их на чистую воду Балтики ледакол. А миновав Ла-Манш и Бискайский залив, они вступили на путь Колумба, и Лаптев испытал чувство первооткрывателя, пусть и открывал эту морскую дорогу лишь для себя...

К полудню семнадцатых суток линия на штурманской карте уткнулась в Большой Антильский архипелаг.

Солнце сленило глава. Катил валы океан. Но вот поднялись над водой желтые острова. Пальмы. Зеленая вода на отмелях. Мягкие изгибы береговой полосы, обозначенные тесьмой прибоя.

Чистый огненный диск начал опускаться в воду. И тут его рассекли узкие и темные полосы.

— Гавана, — сказал капитан.

Солнце ушло за щетину небоскребов, столпившихся по холмам. И над домами, невидимые раньше, засверкали огненные письмена.

Андрей Петрович поднес к глазам бинокль.

«Cuba territorio libre de America», «¡Patria o muerte!», «¡Venceremos!» — «Куба — свободная территория Америки», «Родина или смерть!», «Мы победим!».

Вот и прибыл на праздник!..

У него учащенно забилося сердце. Через час он сойдет на берег и отправится в незнакомый город искать дом по адресу, обозначенному на конверте с маркой-кро-

кодил. Смешно... На листке — крупным круглым почерком: «Приезжай...»

Христофора Колумба и большинство иных путешественников манила в дальние края жажда наживы или жажда приключений и открытий. Какая жажда влечет его? Что он собирается вдруг открыть для себя? Или просто хочет еще раз, на закате жизни, увидеть женщину — ту единственную, которую по-настоящему, без оговорок, любил? Да и чего уж там играть в прятки с самим собой — любит ее все эти годы, четверть века... Кто сказал: «Надежда — посох любви, отправляйся, вооружившись им»?..

Навстречу, из горловины бухты, помаргивая сигнальными огнями, уже подходил к сухогрузу лоцманский катер.

Буэнас ночес, Куба!

Здравствуй, Лена?..

2

Она бежала по Малекону. Волны бились о камень набережной; зеленые космы повисали над парапетом, норовили накрыть с головой. Воздух был наполнен грохотом и солон. Над заливом шарили лучи прожекторов.

Навстречу из темноты выплыло белое пятно. Девушка в белом платье шла, прижимаясь к солдату. Одна рука парня покоилась на ее плече, другая — на ложе пистолета-пулемета. Прибой осыпал их брызгами, как дождем, но они не обращали на это внимания.

Цокая подковами тяжелых ботинок, прошел патруль.

Скорей! Только бы застать! Ее ботинки стучали по камню. Она поскользнулась на покрытой водорослями плите, упала, проехала по зеленой склизи. Поднялась. Брюки промокли, и саднило бедро. Синяк уж наверняка... Захромала. Снова побежала.

Вдоль набережной по влажному асфальту мчались автомобили. Они настигали и с шелестом уносились, мигая красными стоп-огнями. Набережная широким полукольцом охватывала залив. Сейчас, ночью, это было полукольцо живого, мчащегося, рычащего огня — белого и красного.

Ей надо было перебежать автомобильную магистраль. Она остановилась. Когда-то, нет, еще совсем недавно го-

род со стороны залива, даже далеко из океана, казался полыхающим костром, рассыпающим в ночном небе разноцветные искры. Это было великолепно!.. А сейчас — только лучи фар. Да вспыхивают и гаснут над домами, выходящими на набережную, письма. Над зданием, еще не сбросившим крылатое колесо рекламы «Форда», загоралось красным огнем: «Родина или смерть!» Гас этот лозунг, и на его месте белым вспыхивало: «Мы победим!» Дальше, вдоль залива, светились слова: «Куба — первая свободная территория Америки», «Куба — территория Америки, свободная от неграмотности»... Она сощурила глаза. Буквы расплылись и превратились в снопы искр. Но все равно это не было тем вызывавшим восторг костром, который она столько раз видела прежде, когда подплывала ночью к городу.

Она подождала — и бросилась наперерез потоку машин. Заскрежетали тормоза, слышались ругательства. Она, не оборачиваясь, помахала рукой.

Теперь — прямо по набережной вверх. Улочка обступила густой зеленью, неярко мерцающими сквозь листву окнами. Океан приглушенно грохотал внизу. А здесь воздух был недвижим, не солон, а сладковат, постоял на сложном букете, как дорогие духи.

Вот и нужный дом. Давно не стрижены шпалеры лавра. Разрослись, потеряли строгую квадратную форму. Суставчатые кактусы предостерегающе подняли пальцы. Дом стоит на бетонных сваях. Внизу — гараж. Белые асимметричные плиты ступеней ведут к двери.

Она остановилась, прижала руки к гулко бьющемуся сердцу. Потом позвонила. Тишина... Она подождала, позвонила снова.

Дверь распахнулась рывком. Будто кто-то стоял за ней — ждал. В просвете появилось бледное лицо. «Застала!..»

— А, это ты, Бланка! Входи. Я так и думала, что ты придешь.

Следом за женщиной Бланка прошла через прихожую и несколько комнат в гардеробную. С удивлением огляделась:

— Поле битвы!

В гардеробной были распахнуты дверцы всех шкафов, выдвинуты ящики, по креслам, по столам разбросаны вещи.

— Ты так стучишь ботинками... Я решила: пришли. Впрочем, теперь все стучат ботинками. Чтобы заглушить страх.

Бланка смотрела на женщину, двигавшуюся среди нагромождения вещей, перебиравшую их, небрежно, даже как-то брезгливо, бросавшую их в чемоданы. Мерильда. Давняя-давняя ее подруга — с тех лет, как помнила себя. Сколько связано с ней!.. Все, что связывает с прошлым... Нет, и с будущим...

— Значит, уезжаешь?

— Наконец-то вырвала паспорт. Садись. Можешь сбросить это тряпье на пол.

Бланка присела на край стола. Бедро ныло. Брючина была еще влажной. Девушка закурила.

— Все-таки уезжаешь...

— С меня хватит. Хочешь баккарди? Кофе на кухне. А когда ты?

Бланка прислушалась. Даже сюда доносился через распахнутые окна шум океана. Защемило сердце: «Почему, почему я тоже должна вот так?..» Она глубоко затянулась. Выпустила дым:

— Наверное, никогда.

Мерильда с насмешкой посмотрела на нее:

— Конечно, гамаки под соснами, палатки в горах! Каждый день показывают по телевизору.

Она вспомнила: тропа уходит вверх. Трудно дышать. Камни сыплются из-под ботинок. Камни нужно поймать, чтобы они не поранили кого-то, идущего сзади. Она ловит камни из-под ног Хозефы. Ее камни ловит кто-то за ней.

— И как это выглядит со стороны?

— До зевоты скучно. Неужели ты тоже все это делала: вдалбливала в гуахиرو¹ азбуку, стирала, лазала на пик Туркино?

— Да. — Бланка, прихрамывая, прошла по комнате, остановилась у зеркальной створки шкафа, оглядела себя: высокие солдатские ботинки, широкие зеленые штаны с накладными карманами. Солдатский брезентовый пояс. Голубая блузка. Рыжие, коротко стриженные волосы. Чем не настоящий бригадист, рабочая девчонка из Реглы? Только глаза выдают... Нет в них неистовости и решимо-

¹ Крестьянин (исп.).

сти. И уж очень много грусти... Она попыталась улыбнуться глазами. Получилась гримаса: глаза все равно смотрели устало и грустно.

— Да, — отозвалась она. — И даже строила уборные в крестьянских домах.

— Восхитительно! — всплеснула руками Мерильда. — А разве у гуахино их раньше не было? Как же они обходились без туалет ля фамм?

Она тоже подошла к зеркалу, приложила к талии костюм джерси, тем же тоном спросила:

— Как ты думаешь, взять?

Бланка резко обернулась:

— Не паясничай, Мери! У них часто не было и миски маланги. У детишек вот такие животы, набитые глистами.

— И тебя это растрогало до слез? Нет, не возьму — там уже не модно.

— Представь себе, да!

— Конечно, ведь у тебя тонкая поэтическая душа. А это платье?

Мерильда сбросила халат и оказалась совсем нагой. Начала примерять платье. «Как хороша! — с привычной завистью разглядывая ее, подумала Бланка. — Чудо как хороша!» Мерильда была длинноногая, высокогрудая, пышноволосая. В сутулости ее спины, в шее, горбинке носа, в каждом небрежном повороте головы и движении тела чувствовалась порода!.. И даже ранняя полнота лишь прибавила упругости ее плечам, груди и бедрам, придавала движениям истому. Великолепна!.. Бланка по сравнению с пей простушка, хотя на улице редко кто из мужчин не проводит ее взглядом, да и род ее не менее знатен, чем род Мерильды... Одного поля... Поля, поросшего теперь бурьяном... Все рушится. Рвутся связи, и Мерильда, хотя пока она еще рядом, отдаляется от нее, словно бы она смотрит в перевернутую подзорную трубу...

— Я ухлопала на него уйму денег, — продолжала Мерильда, застегивая платье. — Поэтесса стирает солдатские кальсоны — как тут не родиться вдохновению?

— Ты права.

— Уверена, ты сотворишь великолепную поэму. Каждая строка будет благоухать.

— Ты стала очень злой.

— О, что ты! Я ангел доброты. — Мерильда начала

стягивать платье через голову. — Не лезет, старею... Да и оно тоже там уже не модно... Какие-то два-три года — и весь гардероб на половые тряпки.. А какие женщины в горах? Какие у них купальные костюмы в новом сезоне?

— Неужели ты так ненавидишь?

— Бог с тобой! Я сама всю жизнь готова стирать подштанники этим гуахиро! — Она замолчала, подошла вплотную к Бланке, понизила голос: — Но мне ты можешь не запудривать мозги: ты ведь сама карабкалась в горы по заданию «Белой розы», так? Разве можешь ты быть не с ними?

— А ты?

— Я? — Она деланно рассмеялась. — Я не так глупа, как все вы. Ах, вот мой любимый! — Она увидела массивный браслет, застегнула его на запястье. — Память. Мы купили его на аэродроме Орли в Париже во время свадебного путешествия с Луисом... — Она снова понизила голос. — Но мне нет нужды до твоей конспирации. Все равно кончится тем, что всех вас поставят к стенке, как моего Луиса, а тебя перед тем еще изнасилуют в тюрьме. Меня такая перспектива почему-то не устраивает.

— Врешь: они не насилуют.

— Прежде, в «Ла Кабанья», насильовали, я знаю. Луис рассказывал. Думаю, и он не был святошей... Какая разница?

Бланка прислушалась к тембру ее голоса. Сколько в нем оттенков и глубины. Голос бывает умнее человека, которому принадлежит. И не соответствует словам, которые он наполняет.

— И ты тоже считаешь, что обязательно: или — или?..

С улицы донеслись крики. Мальчишеский дискант нараспев провозглашал:

— Вечерний выпуск! «Нотисиас де Ой», «Революсьон», «Эль Мундо»!.. Новые подробности нападения банды гусапос на дом крестьянина Вальдивиа! «Красные батальоны» идут на сафру! Мэрилин Монро отравилась!..

Голос приближался. Мерильда набросила халат, высунулась в окно:

— Хуанито! Хуанито! Дай газету.

— С удовольствием, сеньора!

В окне появилась наголо остриженная круглая голова. Смуглая кожа. Оттопыренные уши. Круглые и веселые черные глаза.

— Але-гоп! — Мальчишка перемахнул через подоконник и замер.

— Мери, запахнись, — с досадой сказала Бланка.

— Пусть полюбуется. Он ведь уже почти мужчина, — с ленивой издевкой отозвалась она, но все же послушалась. Развернула газету: — А где же — про Мэрилин?

— Разве нет? — притворно удивился Хуанито. — Значит, уже было... Или завтра будет.

«Обманул, негодник!» — догадалась Бланка и строго спросила:

— Зачем же ты тогда кричишь на весь город?

Мальчишка растянул в улыбке рот до ушей, обнажил великолепные зубы:

— Реклама, сеньорита. Кто на что клюнет. Гоните пятьдесят сентаво за доставку на дом!

— Лови! — Мерильда бросила ему монетку.

Он ловко поймал, заложил за щеку и одобрительно цокнул языком. Уходить он не спешил — с интересом оглядывал заваленную вещами комнату.

— Хочешь кофе? — спросила у мальчугана Бланка.

— Факт. Не откажусь и от глотка баккарди.

— Ишь ты... Для рома мал еще.

— Вы так полагаете, сеньорита? — ухмыльнулся он.

Без стеснения прошелся по комнате. Равнодушно поворошил дорогие вещи. «Как у себя дома», — подумала Бланка. Мерильда уже не обращала на мальчишку внимания. Откинулась на кушетке, разглядывала газеты.

— А когда-то через всю первую страницу: «Вчера на балу во дворце президента блистала Мерильда де ла...» — и фотография на пол-листа. Теперь же — производительность и успехи. И о смерти Мэрилин Монро напечатает мелким шрифтом на последней странице... Смешно. Какие новости, кроме всенародных успехов, Хуанито?

Мальчуган соорудил рожицу:

— Завтра вы драпанете в Штаты.

— Молодец. Ты все знаешь. А что будет со мной послезавтра?

— Послезавтра?.. Вы... — Он сделал грустную мину. — Не хочу огорчать вас, сеньора.

— Противный мальчишка! — Она встала. — Окно открыто! — Бросила газеты на пол.

— Если не возражаете. — Он поднял газеты, разгладил, присоединил к остальной пачке. — Бизнес. — Покло-

нился: — Вы очень любезны, сеньориты. Прием прошел в дружеской и сердечной обстановке.

Он был забавен. Мальчишка-бродяжка большого города. В нем все перемешалось: улица, обрывки кинофильмов, впечатления от образа жизни множества людей. Что может получиться из такой мешанины? Бланка остановила его:

— Подожди, Хуанито, выпей еще чашку. Может, ты голоден? Перекуси. Вот сандвичи.

— Если вы так настаиваете, сеньорита.

Он начал уплетать за обе щеки. Он был голоден, но, наверное, только сейчас, когда предложили еду, почувствовал это. Легкость в животе — привычное состояние его желудка. Бланка вспомнила его ровесников в горных селениях. Не такие разбитные, не так легки на язык. Но очень похожи...

— Тебе сколько лет?

— Семь, помноженное на четыре и разделенное на два.

— А кто твои родители?

— В данный исторический момент... — Мальчуган погрузнел. — Но они были, сеньорита. Мой отец сражался в Сьерра-Маэстре и пал смертью храбрых. А маму я не знаю... Она трагическая жертва рухнувшего ненавистного режима.

— Бедный мальчик. — Бланка провела ладонью по его наголо стриженной голове. Волосы уже отросли коротким ежиком. Блестящие, густые, они переливались, как черный плющ, но были жесткими, колючими. — Где же ты живешь?

— Законопатили в шикарный детский дом, но мне там не понравилось. Сейчас я живу на прекрасных проспектах нашей столицы. Днем мотаюсь по городу, а ночью дрыхну в вестибюлях редакций. Во всех редакциях я — свой человек!

Мерильда захлопнула крышку доверху набитого чемодана:

— А чем живешь? Пятью минутами страха?

— Не оскорбляйте честного труженика, сеньора! — встал он в позу. — Я — общественно полезный гражданин республики. И даже перевыполняю норму!

— А о чем ты мечтаешь? — спросила Бланка. — Кем хочешь стать, когда вырастешь?

— Вы — журналистка? — оглядел ее Хуанито. — Я сразу засек. И вы, факт, берете интервью? Тогда — деньги на бочку. Я не привык сорить словами.

— Сеньорита Бланка — поэтесса, — сказала Мерильда. — Она напишет о тебе стихи.

— И это подходит, — благосклонно согласился он. — Только чтобы там было и обо мне, и о Кубе, и о революции.

— Ах вот как? Тогда помоги-ка мне застегнуть чемодан.

Он сел на крышку, попрыгал на ней, утрамбовывая вещи, застегнул замки, натянул ремни. Попытался поднять:

— Ого! Держу пари, он набит золотом

— Ошибаешься, бриллиантами.

— Как жаль, что я честный гражданин республики: не успели бы и моргнуть...

«Гражданин республики...» — подумала Бланка. Повторила:

— Ты так и не ответил: кем же ты хочешь быть?

— Уже совсем скоро меня возьмут в славную революционную армию: дядя Феликс сказал, что мне еще осталось подрасти вот на столько. — Он раздвинул большой и указательный пальцы. — Я уже приготовился: сбацал кольт — вот такой, калибр девять миллиметров!

— Как-как?

— Ну, сбондил, — небрежно пояснил Хуанито. — Реквизировал у революционно ненадежного элемента. Вот только патронов к нему нет.

Мерильда покачала головой и принялась за второй чемодан:

— О, этот гражданин еще станет у них генералом! А читать ты хоть умеешь?

Мальчик изобразил на физиономии многозначительность:

— Будьте спокойненьки, сеньора! «Куба — территория Америки, свободная от неграмотности». Я выучился читать по заголовкам газет. А уж складываю — хоть до миллиона. А в настоящий ответственный момент долблю таблицу умножения. — Он на мгновение сосредоточился. — Сто пятьдесят три на тридцать семь — пять тысяч шестьсот шестьдесят один. Ну как? Классно?

Мерильда недоверчиво посмотрела на него:

— Можешь представить: он уже долбит таблицу умножения!

— А семь тысяч двести сорок пять на тысячу сто двадцать восемь...

— Ну, ты — электронно-счетная машина... — остановила Бланка. Пододвинула ему еще бутерброды: — Можешь подчищать до крошки, гражданин республики.

— Вы начинаете мне нравиться, сеньорита, — поклонился мальчуган и снова набил рот.

Она сняла с полки альбом фотографий. Начала листать. Замерла. Почувствовала, как холодеют кончики пальцев. Ради этого она и пришла сюда, если быть честной перед самой собой.

— Отдай мне это фото.

— Батисты? — заглянула в альбом Мерильда. — Этот выскочка только под конец научился целовать дамам руки.

— Зато он всегда умел пытаться детей! — Бланка вырвала фотографию Батисты и швырнула в камин. Плотная бумага вспыхнула.

— Я не сентиментальна, — сказала Мерильда.

— Кровавый диктатор — ваш родственник? — изумился мальчик.

— Не беспокойся, — усмехнулась женщина. — Мулатов в нашем роду не было. — Снова посмотрела в альбом: — Чье же фото ты хочешь, Бланка?

— Это... — Девушка вынула снимок.

Хуанито тоже посмотрел. Скривился:

— Красавчик. Чистюля.

— Можешь забирать, — разрешила Мерильда. — И вместе с ним — всю мою родословную. Мне ни к чему. Пожалуй, эти туфли я все же возьму.

— Не в моем вкусе, — продолжал разглядывать и комментировать снимок Хуанито. — Факт, контрик. А вы его любите, сеньорита?

— Проваливай! — разозлилась Бланка.

Он не обиделся. Вытер ладонью рот, снисходительно улыбнулся.

— Странные произведения природы эти женщины! — Подошел к открытому окну, поклонился: — Премного благодарен! Если нужна могучая физическая сила, можете рассчитывать на меня! И чемоданы будут целы. Доброй ночи!

Выпрыгнул в окно. Через минуту его пронзительный дискант уже доносился из темноты.

Бланка подошла к окну. Ветер колыхал тяжелые шторы, как волны. Шумел океан. Сквозь листву, дробясь, сочились огни. Скользнул луч прожектора. Далеко внизу, справа, где глухо урчал океан, вспыхивал и гас сигнальный огонь маяка Эль-Морро. Вечный огонь... Сколько кораблей шли на него? Каравеллы, фрегаты, крейсера, белые дизель-электроходы и яхты... Когда-то Эль-Морро, крепость-форт, боялись флибустьеры, рыскавшие у Антильских островов. Сейчас грозный бастион превратился в кроткий светильник. Но все так же вспыхивает его огонь. Огонь добра или зла? Все относительно. Солнечный свет — добро или зло? Революция — добро или зло? Смотря для кого...

Девушка прислушалась. Высокий голос Хуанито затишал где-то на дальней улице.

— Милый мальчишка... — задумчиво сказала она. — Я смотрю на таких, как он, и мне начинает казаться, что новый переворот для них — благо... Раньше бы они никогда не постигли таблицу умножения.

— Ты уверена, что ему это очень пужно? — отозвалась Мерильда.

— Да. Ведь он станет генералом.

— А тебе нужно, чтобы он умел умножать и стал генералом?

— Не знаю... — Бланка замолчала. Потом с болью проговорила: — Но я хочу понять: зачем все это? Ради чего они все ломают и пытаются строить заново?

— Наивное дитя! — рассмеялась Мерильда. — Они уже разъезжают в наших «кадиллаках» и купаются на наших пляжах. Обычная история.

— А вдруг на этот раз все по-другому?..

Мерильда удивленно посмотрела на подругу:

— Познавай суть. Анализируй. Пей пирамидон... — И вдруг взорвалась: — А с меня хватит! Революция, контрреволюция! Фиделисты! Империалисты! Зверинец! Кутерьма! — Она отбросила кофту, которую держала в руках, быстро заходила по комнате — резко, но увертливо, как тигрица. — Мне не по вкусу ни то ни другое! При Батисте я была первой дамой. Но Луис спал со мной по две ночи в месяц, в остальное время он наслаждался в «Ла Кабанья» — пытал повстанцев и насиловал их невест.

Его совершенно не интересовало, что же должна делать я. Потом этот милый Батиста дал деру. Все переменялось. Я стала последней. — Она остановилась. Потом продолжила с тем же напором: — Луис где-то скрывался, но, как и тогда, приползал два раза в месяц, на рассвете. Он скребся под дверью, как собака, провонявший и заросший. — Она брезгливо передернула плечами. — Ему хотелось только сменить белье и нажраться. И так — целых два года! Невыносимо! Я сама была готова задушить его или выдать. Потом его все-таки схватили. Там, в спальне, в постели. Я не жалела. Он был бесполезен...

Халат сполз и обнажил ее плечи. Покатые, полные, мраморно-розовые. «Дурак дураком был этот Луис», — подумала Бланка. Он приходился ей каким-то очень дальним родственником по отцовской линии. Но видела она его редко и почти не помнила в лицо. Что-то белобрысое, редковолосое, долговязое. Фиделисты расстреляли Луиса за контрреволюционную деятельность. Сейчас она тоже вспомнила его без сожаления. Подумала: «Дурак дураком...»

— Я не понимаю, но я хочу понять! Хочу! Дело не в «кадиллаках» и не в пляжах... Перевороты были в нашей бедной стране не один раз. Но теперь все совсем по-другому... Нет ни одного человека на Кубе, кого бы не коснулась революция. От этого мальчишки — до меня...

Бланка отвернулась к окну. Мерильда не слушала ее. Насторожилась: по улице к дому приближались шаги нескольких человек. Их ботинки ступали тяжело и гулко.

— С тех пор как схватили Луиса, такие шаги под окном бросают меня в дрожь.

Шаги смолкли. В дверях раздался резкий звонок. Мерильда побледнела. Запахнула халат. Усмехнулась:

— Вот видишь... И за мной.

— Подожди, — остановила ее Бланка. — Я открою.

Вышла из комнаты. Отворила парадную дверь. В прихожую вошли трое мужчин. Двое — вооруженные, в форме революционной армии, третий же — старичок в старомодном сюртуке и в шляпе. Переступив порог, он тут же виновато стащил шляпу с плешивой головы.

— Хозяйка? — спросил один из военных.

— Нет. Но что...

— Хозяйка — я, — вышла навстречу Мерильда.

— Сеньора Мерильда Перес?

— Де ла Перес.

Она уже взяла себя в руки. Вскинула голову, смотрела на вошедших высокомерно и презрительно.

Военный — тот, что спросил, пожилой, бородатый, — протянул ей бумагу с гербом:

— Именем революции...

— Как торжественно! — перебила она. — Мне с собой можно что-нибудь взять? — Голос ее предательски дрогнул. — Или уже ничего не...

— Именем революции, — продолжил бородач, — с завтрашнего дня, после вашего отъезда, эта вилла переходит в собственность республики. Здесь будет размещена школа политпросвещения. Вам надлежит оставить все в полной целостности и сохранности, а также передать нам ключи от дома и автомобилей.

— Только-то и всего? — Мерильда облегченно вздохнула, но тут же снова вскинула голову: — А сколько шума!

Старичок в сюртуке суетливо смял шляпу и с робостью сказал:

— Виноват, госпожа де ла Перес, я от министерства образования, нам нужно осмотреть будущие учебные классы. Извините, мы послезавтра вынуждены уже будем начать занятия: педагогический процесс...

Она близоруко сощурила глаза:

— О, господин учитель, мы с вами знакомы! «Педагогический процесс»?.. С удовольствием! — И нарочито громко бросила Бланке: — Присмотри, чтобы тут что-нибудь не улетучилось.

Третий, скуластый и совсем юный негр-солдат подмигнул:

— Не беспокойся, тетя. У нас не улетучится. Я уполномоченный управления по конфискации имущества слизняков.

Когда Мерильда и двое мужчин вышли, он по-приятельски огрел Бланку по спине:

— А ты что тут делаешь, компаньера? Твоя бывшая хозяйка?

— Нет. Я пришла проститься...

— Ты перед ней не дрейфь! Ее песенка спета. Пусть уматывает, а мы тут такую школу отгрохаем! — Он огляделся. — Прилично жила бабеха! Барахла — как на яр-

марке. Если хочешь, возьми что нравится, я зажмурю глаза.

Он скомкал огромными черными руками кружевное белье, брошенное на стол, потом расправил, начал удивленно разглядывать:

— Скажи ты! Совсем-совсем прозрачное!

— Как не стыдно!

— А что я? Это ей такое не стыдно было носить-то? — Он приложил к себе и, вихля бедрами, прошелся по комнате. Захохотал.

«Не надо связываться, — остановила себя девушка. — Какой смысл?..»

Мерильда, учитель и пожилой военный возвратились в гардеробную.

— Ну как, вас устраивает? — Мерильда говорила любезно. Но Бланка почувствовала, что голос ее натянут как струна. — Может быть, вас шокируют росписи в гостиной или зеркала в туалетах?

— С эстетической точки зрения, госпожа де ла Перес, с учетом изменения педагогического процесса... — начал учитель.

Но солдат-негр перебил:

— Плевать. Картинки замажем, зеркала перетащим в класс танцев.

— Тогда все в порядке. Я несказанно благодарна, что вам в этом доме понравилось.

— Ключи, сеньора, — напомнил пожилой военный.

— Ах да, как это культурно!

Она принесла ключи. Перебрала их. Потрясла. Они глухо звякнули. Небрежно швырнула на стол. Солдат-негр сгреб их, сунул в карман, хлопнул по нему ладонью. Они опять звякнули.

— Порядок.

Старичок приподнял мятую шляпу:

— Счастливого вам пути, госпожа де ла Перес!

— Благодарю, господин учитель. Я этого никогда не забуду. Ни вам, ни вашим... товарищам.

— Что вы! Позвольте вам!.. — смутился, засуетился старик, но побоялся продолжить и выскользнул вслед за солдатами.

Дверь хлопнула.

— Вот так... — Мерильда без сил опустилась в кресло, закрыла лицо руками. — Ни дома, ни машины, ни даже

ключей... — Она подняла лицо. В глазах ее были слезы. Усмехнулась: — А послезавтра в моем доме они откроют школу политпросвещения для певичек из «Тропиканы». И в спальне, где пылал страстями Хорхе, — помнишь моего шофера, черного, с такими лапами? — в этой спальне будет класс коммунистической морали. Ха-ха-ха! Нездурно?

— Страшно.

— Не бойся. — Глаза ее уже просохли. Она встала, выдвинула ящики секретера, начала перебирать бумаги. — Письма от Луиса — еще до свадьбы. Неоплаченные счета. Письма от любовников... — Скомкала их. — Думаю, им это не подойдет в качестве учебных пособий.

Бросила бумаги в огонь. Бумаги вспыхнули. Отсветы огня заметались по стенам и потолку, по ее лицу. Она не отрываясь смотрела на огонь, на превращавшуюся в пепел бумагу. Потом подняла голову. Глаза ее были красны и жестоки.

— Пусть горит! Пусть сгорит дотла!

— Как ты можешь вот так все сжечь? — Бланка отстранилась.

— Все сожгу! Все! Как бы я хотела, чтобы сгорел весь этот дом, этот город, вся эта проклятая страна! — В голосе ее было исступление.

— Замолчи! — схватила ее за плечи и оттянула от камина Бланка. — Замолчи! Что бы ни было, мы же с тобой кубинки!

Мерильда сбросила ее руки.

— Кубинки!.. — Она зачерпнула из камина горсть пепла. — Нет, сейчас я сеньора Никто. Я сгорела. Я пепел.

Она дунула на ладонь — и черные хлопья разлетелись по комнате.

— Но завтра, даст бог, я поднимусь из пепла и стану мисс Американка. Птица, возрожденная из пепла! Тебе должен понравиться этот оригинальный поэтический образ.

— Прошу тебя, не паясничай, — остановила ее Бланка. Она подошла к окну. Глубоко вдохнула ночной воздух. Покачала головой: — Нет... Я не могу так легко относиться к жизни. Я не могу сегодня все сжечь, чтобы завтра стать другой. — Она резко обернулась: — Я должна верить! Мне нужна вера! Я должна найти свое место!

— Не морочь мне голову! — резко оборвала ее Мерильда. — Какое тебе дело до всей этой свистопляски? Выбирайся-ка и ты в Штаты. Так будет лучше.

— Не имею права.

— Понимаю. Нет приказа твоего Центра?

Бланка грустно усмехнулась:

— Да. Нет приказа моего Центра...

— Смотри, как бы он ни пришел слишком поздно. Уж будь уверена: когда запахнет жареным, они удерут первыми.

Подошла к подруге, мягко обняла ее. На Бланку пахнуло духами и теплом, и впервые за весь вечер она почувствовала Мерильду такой, какой знала всю жизнь. «Боже мой! Закрыть бы глаза и представить, что ничего не случилось... Ни с Кубой, ни со мной, ни с Конрадом...»

— Ты так ничего и не рассказала о себе, — мягко проговорила Мерильда. — Где ты сейчас живешь? Как? С кем?

«Как меняется ее голос...» — снова подумала Бланка. Прижалась к ней. Начала рассказывать: она снимает комнатку у самого залива, на авениде Уна. Когда конфисковали их дом, по ошибке конфисковали и все ее вещи. Она как раз была тогда в Сьерре. Вернулась — ни дома, ничего...

— Бедняжка! Хочешь, возьми что-нибудь из моего барахла. Бери все, пригодится. Мне уже... — Мерильда вздохнула.

— Нет, ничего не нужно. Все необходимое у меня уже есть.

— У солдата все имущество в ранце?

— Вот именно...

Мерильда, не опуская рук, равнодушно и даже как-то неприязненно оглядела комнату:

— Ну что ж, пусть остается управлению по конфискации...

Бланка уткнулась носом в ее плечо:

— Мне очень жаль, что ты уезжаешь. У нас была с тобой странная дружба. Ты всегда была такая красивая, такая элегантная! Я во всем хотела походить на тебя и... и даже завидовала до слез!

Мерильда вздрогнула:

— Ты говоришь как на моей панихиде.

— Нет. Просто рвется последняя ниточка с прошлым. А я — как форточка в пустой квартире... — Бланка почувствовала, что она сейчас заплачет. Замолкла. Осилила комок в горле: — Когда твой самолет?

— На рассвете.

— Тебе помочь?

— Не надо. Кажется, все. Больше не разрешат. Придется положиться на Конрада.

Она отошла от окна, плеснула в бокал баккарди, залпом, не разбавляя, выпила.

Бланка взяла из груды платьев одно, голубое с кружевами, приложила к талии. Вспомнила: на ней тогда было такое же — голубое с кружевами. Ей исполнилось шестнадцать. Ее первый бал. И он танцевал с ней... Помнит ли он тот бал? Помнит ли он все, что было у них потом?.. Они уже хотели обручиться. И вдруг все оборвалось. Где он? Что он?.. Неужели он все забыл? Не может быть! Но тогда почему же за все это время — ни слова, ни строки, никакого известия? Боже, она так давно ничего не знает о нем!..

— Что ты знаешь о Конраде? — спросила она.

— За него не беспокойся. Он стал в Штатах крупным боссом. Хоть магистр искусств, а не дурак. Не то что покойный муж его сестры и ваш родственничек.

— Босс...

В приложении к Конраду это слово Бланке не понравилось. Конрад — босс... Наверное, это очень глупо и старомодно, но она все так же самозабвенно и пылко любит его, как в тот первый день, в шестнадцать лет. Она держится за эту любовь, как тонущий в море за борт шлюпки. Но может быть, в этом ревящем, взбуртовавшемся море только любовь и верность имеют смысл. Уляжется буря, утихнут страсти — и они увидят солнечные и прекрасные берега. Они приглядятся — и окажется, что это все та же Куба, очищенная новыми ветрами, промытая новыми дождями. Что-то подобное говорил ей Конрад. Сейчас она представила его лицо и почувствовала, что ей стало легче. И наконец сказала то, ради чего пришла сюда:

— Передай Конраду: я все так же люблю его. Передай! И я верю в него...

— Для этого ты и пришла?

— Нет.

— Не ври. Смешно! Среди этой крови и грязи ты еще можешь любить и верить... Хорошо, я передам.

Бланка достала ключ, протянула:

— И вот... От моей комнаты. Авенида Уна, тридцать семь. Если он вернется... Когда бы он ни вернулся...

Мерильда взяла ключ, спрятала:

— Уна, тридцать семь. Хорошо. Ты останешься ночевать?

Бланка заторопилась, одернула блузу:

— Не могу. В полночь заступать на дежурство. Боюсь, не смогу и проводить — меня сменят на посту только на рассвете, и я сейчас же уеду.

— Какое дежурство? Какие посты? Что ты вообще сейчас делаешь?

Мерильда отступила на несколько шагов и впервые внимательно оглядела подругу. На Бланке была голубая блуза, зеленые брюки с накладными карманами, высокие ботинки на толстой подошве — форма милисиано.

— Что это за маскарад?

— Я работаю на радиостанции «Патриа».

— Поешь?

— Пишу репортажи.

— Кому это нужно?

— Прежде всего мне.

— За это платят деньги?

— Немного... Дело не в деньгах.

— А-а, понимаю...

— Я работаю целые дни, а иногда и ночи. Сейчас пойду на пост, а утром уезжаю в Лас-Вильяс. Я устаю как мул, никогда в жизни так не уставала. Но мне это нужно!

Мерильда покачала головой:

— Ох, Бланка, не кончится это добром! Ты суешь свою глупую романтическую башку в самую пасть.

— Что же мне еще остается? Я должна...

— «Должна, должна»!.. Как хорошо не быть никому ничего должным! И себе — в том числе! — перебила Мерильда. — Как я рада, что уезжаю!

— Счастливого тебе пути.

Они обнялись, поцеловались.

— Жду тебя в Штатах. Братцу все передам. А ты береги себя.

Бланка отошла к дверям, в последний раз обвела взглядом комнату:

— Адиос, Мери...

Вышла.

— Ох как стучат твои ботинки! — бросила ей вдогонку Мерильда и снова склонилась над чемоданами.

Гулко хлопнула дверь. Бланка с минуту постояла в палисаднике. Воздух был густой и душистый. Горьковатый. Она поймала на циферблат часов отсвет из окна. На посту ей надо быть через полчаса. Нога уже ныла меньше, и штанина высохла.

Пора!..

Девушка пошла вниз по улице, к черному до горизонта, неугомонно грохочущему океану. «Да, как гулко стучат мои ботинки!..»

3

Было уже совсем темно, когда, закончив все дела на борту, Лаптев смог наконец сойти на пирс.

Теплынь!.. Трудно представить, что в Москве в этот самый час идет снег и светятся за стеклами окон разноцветные огоньки елок... Андрей Петрович пообещал внуку привезти живого крокодила — такого, как на марке. На худой конец — обезьянку или попугая.

Город мерцал огнями в нескольких километрах от порта. А здесь тянулись пакгаузы, глухие заборы.

Поздно. Но утром у него дела на судне, да и Лена может уйти. А у него всего-то двое суток...

Андрей Петрович поднял руку.

Такси оказалось «кадиллаком» — ни более ни менее — с желтой крышей и с девицей-негритянкой за рулем. Лихо развернув, девица вырулила на автостраду. Машина нырнула в тоннель, сверкающий белой глазированной плиткой, и вынеслась на набережную. Справа громоздились башни крепости. На дальней, выступающей в море, вспыхивал, скользил по воде и гас голубой луч прожектора. Вспыхивали и гасли огромные огненные письма.

Девица сделала крутой вираж. Затормозила. Лаптев едва не расшиб лоб о ветровое стекло. Негритянка одарила пассажира великолепной улыбкой.

Он оглядел особняк, сверил адрес. «Недурно...» Окна приглушенно светились. «Так и позвонить? — Он глупо

оробел. — Надо было позвонить из порта». Но телефона он не знал.

Лаптев не видел Лену много лет — был в очередной своей «спецкомандировке», а когда вернулся, узнал, что они всей семьей уехали на Кубу.

Что означает это ее письмо? Может быть, призыв о помощи?..

Он поднялся на крыльцо.

Шаркающие шаги. В проеме двери — грузный лысый мужчина, застегивающий пижамную куртку.

— Простите...

Мужчина настороженно вглядывается сквозь очки:

— Вам кого?.. Артуро? Не может быть!.. Лена! Лена!.. — Обнимает, увлекает в дом.

Росарио собственной персоной. Как изменился красавец пикадор! Встретил бы на улице — не узнал: где его роскошная шевелюра, где смоляная курчавая борода?.. Брюшко. И даже глаза скрыты за толстыми стеклами. Вот только улыбка — прежняя.

Ладно Росарио, но Лена... Неужто она? Полная женщина в домашнем халате, с пластмассовыми бигудями в седых крашенных волосах.

— Ой, Андрей!.. — Душно обняла, чмокнула и тут же убежала в другую комнату.

— Противник захвачен врасплох! — кивнул ей вслед муж и рассмеялся. — Располагайтесь, Артуро! Подумать только! А мы и не чаяли...

Лаптев огляделся. Обжитый дом. Очень дорогая мебель. Картины. Статуэтки. Во весь пол гостиной — ворсистый роскошный ковер.

— Особняк беглого фабриканта сигар, — уловил замешательство гостя хозяин дома. — Предоставлен нам под временное жилище, пока не получим квартиру. Как специалистам.

В Москве — Андрей Петрович знал — Росарио еще с конца войны работал диктором и переводчиком на радио, в редакции вещания на Испанию.

— Теперь тружусь по специальности.

— Неужто на Кубе устраивают корриды?

— Нет! — улыбнулся он. — Занимаюсь животноводством. Те же бычки, только стараюсь не закалывать, а выращивать. Хотя — не столько бычков, сколько коров.

Появилась Лена. В шелковом платье. Высоко начеса-

ны волосы. Браслеты на запястьях. Открытые руки мягки, чересчур полны.

— Что же ты сидишь? Открывай холодильник, доставай баккарди! А я сейчас приготавливаю!

— Столько хлопот... Не надо, я ужинаю.

— Что ты, Андрей? Мы так рады!.. — Другая женщина. А голос — прежний. И уже из кухни, перемежая командами — что поставить, открыть, нарезать:

— Ты знаешь, когда произошла здесь революция, Росарио с ума сошел: на Кубу, на Кубу!.. Солдатом — староват. Какие-то ускоренные зоотехнические курсы окончил. Сейчас он занимается земельной реформой. А я работаю по специальности — детским хирургом.

Лаптев вспомнил давнее-давнее: «Ну и что? Республика победит. Я буду преподавать испанчатам русский язык или вырезать у них аппендиксы». И как тогда, он тоскливо подумал сейчас: «Все... С одной только поправкой — не испанчатам, а кубинским детям. Все вышло у нее, как мечтала, пусть и пришлось ей ждать четверть века».

На стене столовой меж старых картин, контрастируя с ними, в таком же лепном багете, висела большая цветная фотография. Поначалу Андрей Петрович подумал даже, что это — рекламный плакат, какой он увидел в порту. На том плакате восхитительно улыбающаяся красавица с шоколадной кожей и фигурой Афродиты показывала на синее море, пышные пальмы и золотой песок и приглашала посетить лучший в мире естественный пляж на курорте Варадеро. На красавице в порту была лишь узкая полоска на груди и купальные бикини-серпик на бедрах. Эта была одета немного скромней, но ни в чем другом ей не уступала. «Зачем здесь плакат? Дурной вкус...» Лаптев испытывал раздражение и досаду.

— Наша Хозефа, — с гордостью проворковала Лена. — Помнишь, Андрей, каким она была голенастым гадким утенком?

— Не может быть! — Он пригляделся. Да, Хозефа чем-то неуловимо похожа и на того Росарио, и на ту Лену. — Совсем... Совсем взрослая.

— А что же ты хочешь? Двадцать пять. Скоро мы с Росарио станем бабкой-дедкой.

— Уже и замужем?

— За лейтенантом революционной армии.

— Выходит, это у вас семейное — влюбляться в лейтенантов? Вот как летит время!..

— Она сама — лейтенант в юбке. Повстанческий характер! Учительница и милисиано. В университете русский преподает, а на курсах алфавита — это как курсы ликбеза в нашу революцию — учит и испанскому, и уму-разуму. Знаешь кого? — Лена даже засмущалась. — Девочек из публичных домов.

— Ну и родители!

— Все эти заведения на Кубе закрыты, — успокоил Росарио. — Большинство тех девочек работают теперь водителями такси.

Лаптев вспомнил негритяшку, которая только что мчала его по Гавапе.

— Хозефа у нас настоящий солдат и стала совсем кубинкой, сам увидишь, — вздохнула Лена. — Она проходила подготовку в горах Сьерра-Маэстры, в бывшем лагере повстанцев, потом была бригадисткой в селениях. За бригадистами охотились контрреволюционеры, и мы так волновались!

— А потом она еще и воевала против интервентов на Плайя-Хирон! — с гордостью добавил Росарио.

— Ну что ж... Я вижу, у вас, как сказал бы мой боцман, на борту полный порядок! — Андрей Петрович поднял высокий бокал, звякнувший льдинкой. — За вашу семью! Будьте здоровы!

Питье, приготовленное хозяином дома, — ром, содовая, соки — было приятным на вкус, легким и холодным.

— Прошу: рис с моллюсками, бататы. — Лена подала к столу блюда. — Ну а это — наша русская тушенка.

— Тянет на отечественное? Жаль, не прихватил бутылочку «столичной» и икры. Завтра доставлю.

— А черненького хлеба у тебя нет? Только наши и привозят.

— Принесу, — пообещал Лаптев.

Росарио широким ножом очистил ананас.

— Здесь угощать гостя ананасом считается даже неприличным, как у нас, скажем, репой: на Кубе это еда бедняка. Зато яблоки — самые изысканные фрукты, — сказала Лена. — И о винограде здесь прежде не слыхивали, хотя на острове для него — благодать.

— Сейчас грузинские специалисты разбивают виноградники на склонах Эскамбрая, — заметил Росарио. —

У меня в институте работают специалисты и с Украины, и из Белоруссии, чехи приехали, поляки... Вот какой стал наш мир, и какие стали мы в нем... — задумчиво проговорил Эрерро. — И с вами, Артуро, где только мы не встречаемся... Удивительным становится мир.

— Я тоже думал об этом. Вспоминал: в тридцать шестом я вез в Испанию снаряды и танки... Сейчас в трюме нашего судна — тракторы. Символично, не так ли?

— Знаешь, Андрей, кого мы здесь обнаружили? — оживилась Лена. — Помнишь, в Малаге пришел к нам в отряд журналист? Молодой, быстрый такой, в блестящей кожаной куртке на «молниях»?

— Варрон? Еще бы не помнить! Сколько раз вместе на задания в гости к Франко ходили! — Лаптев прикрыл глаза. — Помню... Кажется, его звали Павлито?

— Не Павлито, а Педро. Так вот: Варрон пробрался сюда, когда еще шла война с Батистой, ранило его здесь в горах, чуть ногу не потерял. Теперь он на кубинском радио один из ведущих редакторов.

— А Обрагона помните? — спросил Росарио.

— Феликс тоже здесь? — встрепнулся Лаптев.

— Прошел с Фиделем все баталии. Теперь капитан.

— Очень хочу повидать его.

— Засекреченный он товарищ, в органах безопасности работает. Но для компаньера Артуро — нет проблем! Послезавтра у нас митинг, должен выступать Фидель — так что забот у Феликса по горло. А потом созвонимся.

— Потом — не получится, — с огорчением сказал Лаптев. — Я пробуду здесь всего два дня.

— Как так? — ахнула Лена. — Почему?

Он рассказал, в каком качестве прибыл на Кубу.

— Но хоть это время проведешь у нас? Расскажем, покажем, живи здесь — погляди, какие апартаменты!

— Не смогу, служба... А вот если посоветуете, что показать моим ребятам, спасибо.

— Организуем, нет проблем. Зачисляйте все наше семейство в советники и переводчики экипажа!

Улыбка Росарио была прежней. И уже не вызвали внутреннего сопротивления его полнота, очки и бугристый, голый череп. А Лена?..

— Как же быть нам с Феликсом? Попробую. — Эрерро подошел к журнальному столику и снял телефонную трубку.

Капитан Обрагон встал из-за стола. Вытянул руки так, что хрустнуло в локтях. Прошел от стены к стене.

Ночь. Тишина. Только где-то за домом, внизу, глухо ворочается океан. По гравию перед домом скрипят шаги часовых. Обрагон подошел к койке. Увидел свое отражение в зеркале, вправленном в стену. Зеркало было обрамлено серебряными листьями. В этой вычурной раме его лицо было таким же неуместным, как койка — раскладная, брезентовая, солдатская, приткнувшаяся в углу этой роскошной комнаты со старомодной мебелью стиля ампир и абстрактными статуэтками на мраморных подставках. В зеркале на него глядело лицо старого человека с резкими и сухими чертами, с седеющей бородой и красным от давнего, не рассасывающегося кровоизлияния правым глазом. Угрюмое лицо солдата.

Он отстегнул пояс с «вильсоном», повесил у койки на спинку кресла. Тяжело сел, начал расшнуровывать ботинок.

В дверь постучали.

— Да?

В комнату вошла девушка-сержант из шифровального отдела. Остановилась в дверях.

— Что там еще? — проворчал Обрагон, встал и потянулся за поясом. Он очень устал. Но он знал: без срочного дела его бы не побеспокоили.

Девушка протянула бланк шифровки:

— Перехвачено и расшифровано радиосообщение из штаб-квартиры в Майами для подпольной организации «Белая роза» в Гаване.

Капитан взял бланк. Прочел.

— Оставьте. Можете идти.

Подошел к столу, нажал кнопку звонка. Приказал появившемуся в дверях бойцу:

— Немедленно вызовите ко мне дежурных по оперативному, фототехническому и агентурному отделам.

Когда офицеры собрались, Обрагон пустил по рукам шифровку. Подождал, пока они прочтут и продумают. По их лицам не увидел, что сообщение сколько-нибудь взволновало. Нахмурился:

— Это серьезно. Особенно — учитывая предстоящий митинг. Сообщите нашим постам. Проверять все машины,

въезжающие в Гавану. — Открыл сейф, достал папку. Перебрал несколько фотографий. Одну отложил в сторону: — Размножить и раздать оперативным работникам. Немедленно соберите ко мне товарищей из районных комитетов защиты революции. А сейчас пусть приведут арестованного Карлоса Наварру. Все свободны. Исполняйте.

Офицеры вышли. Обрагон сел за стол, погрузился в бумаги-досье. Об отдыхе он уже не думал, и сонливость рассеялась, лишь привычной тяжестью осев в висках. Итак, первый узелок нового дела...

В комнату в сопровождении бойца вошел Карлос, тридцатипятилетний мужчина с сумрачным тонкогубым лицом. Маскировочная, в зеленых и коричневых разводах, куртка висела на его худых плечах, как на вешалке.

— Хоть на ночь ты можешь оставить меня в покое? — Он угрюмо посмотрел из-под бровей и сел, отвалившись, в кресло.

Капитан кивнул бойцу. Тот вышел, плотно притворив за собой дверь.

— Извините. Выпущен был побеспокоить, чтобы уточнить некоторые детали, — холодно сказал оп. — Кто из ваших носит кличку Маэстро?

— Не знаю, — буркнул арестованный.

Начиналось привычное единоборство следователя с подследственным. Обрагон любил эти поединки, в которых, как в любой схватке, побеждают выдержка и воля. Не имеет значения, кто сидит по эту сторону стола, а кто — по ту. Все зависит только от выдержки, воли и убежденности. Опыт и интуиция подсказывали капитану, как нужно вести себя с тем или другим арестованным. Этот старый знакомец был самолюбив, смел, но теперь растерян. Что же касается убежденности... Капитан начал раскуривать сигару:

— Могу подсказать. Конрад де ла Ронка. Теперь припоминаете?

— Пусть будет Конрад, — все так же хмуро отозвался Карлос.

— Какую должность он занимает у Кордоны?

Арестованный отрицательно качнул головой.

— Могу подсказать — командира особой группы террористов. Не так ли?

— Пусть будет так.

— Что он вам говорил при последней встрече?

— Ничего не говорил. Мы не встречались.

— Могу подсказать. — Обрагон замолчал, попыхтел сигарой. Между ним и Карлосом заколебалась сизая завеса. — Вы встретились в штаб-квартире в Майами за неделю до высадки вашей банды в Эскамбрае.

— Черт побери!.. — вскочил Карлос. Сел. Устало спросил: — Чего же ты от меня хочешь, если сам все знаешь?

— Хочу уточнить некоторые детали.

Капитан прищурил левый глаз, словно прицеливаясь, и посмотрел на арестованного правым — красным:

— Так что он говорил вам в последнюю встречу?

Карлос похлопал прямыми ладонями по подлокотникам кресла.

— Ничего существенного. — Он колебался. — Встреча была случайной.

— Могу вам подсказать.

— Хватит! — взревел Карлос. — Меня бесит твое «вы»! Мы же два года...

— Разве?

Да, два года они дрались вместе. Обрагон помнил, как однажды в лощине их настигли каскитос¹ и рота Карлоса прикрывала отход. Его ребята и он сам яростно отстреливались до темноты и так и не дали батистовцам прорваться в лощину, и всем повстанцам удалось ночью уйти. Но сейчас на нем была маскировочная куртка, сшитая там, и сам он пришел от туда. Тех двух лет не существовало.

Видимо, Карлос почувствовал, о чем думал в эту минуту капитан. Он обмяк, глухо проговорил:

— Конрад сказал: «Скоро встретимся в Гаване».

Обрагон улыбнулся. Про себя. На жестком лице даже не дрогнули уголки губ. «Наконец-то!» И продолжил прежним спокойным и неторопливым тоном:

— Правильно, он сказал именно это. Где встретитесь? Адрес, дата, пароль?

— Он не уточнил.

«Опять заводим канитель...»

За дверью кабинета слышались голоса и шаги. Дверь резко распахнулась. Капитан с досадой обернулся. На пороге стоял команданте.

Карлос вскочил, привычно вытянул руки по швам.

¹ Прозвище солдат Батисты.

— Сиди, — бросил ему команданте и направился к Обрагону. — Салуд, Феликс! — И дружески похлопал капитана по плечам.

— Салуд, команданте!

Гость оглядел комнату. Мельком, как на одной из вещей обстановки, задержался на лице Карлоса. Прошел в угол, сел, широко расставив ноги, опершись на колени локтями и наклонив голову:

— Продолжайте.

Многолетняя жестокая работа Обрагона повлияла на его характер: сделала угрюмым и сухим. Было очень мало людей, к которым испытывал он чувства, относящиеся к сфере тонких движений души. А команданте он любил. Знал это, хотя и глубоко скрывал. Это была отцовская любовь — грубоватая, требовательная, с долей восхищения: «Каков он у меня!..» Обрагону нравилось наблюдать за ним со стороны. Большой, мужественный, с широкими покатыми плечами. Под клочковатой, вьющейся бородой — совсем еще молодое, смуглое и бледное лицо — то гневное, то воодушевленное, то по-детски доброе: мысли, интенсивно пульсирующие за этим высоким выпуклым лбом, отражаются на выражении его лица, его глаз. Непосредственность? Да. Однако, наэлектризованная энергией, напором чувств и остротой мысли, она, как электрическая искра, устанавливает контакт, передает заряд...

Одной из обязанностей Обрагона было заботиться о безопасности команданте. Капитан или его люди должны были сопровождать команданте во время его стремительных поездок по стране. Заранее никто не мог предугадать, где окажется команданте, где застанет его поздняя ночь — в сельхозкооперативе или в рабочем поселке, в горах или в хижине среди болот, в машине ли, которая будет мчать его за сотни километров на новую стройку, на митинг, в школьный городок. Обрагон видел его в первые месяцы боев в Сьерра-Маэстре, когда их была всего горстка — революционеров, начавших борьбу против диктатуры Батисты, и когда еще никто не мог предсказать их триумфальной победы. Обрагон видел его во время разгрома интервентов, высадившихся на Плайя-Хирон. Да, это была личность героическая, обладающая к тому же незаурядным талантом полководца. Теперь Феликс часто видел команданте выступающим перед сотнями тысяч людей или беседующим за дружеским столом. Видел взвол-

пованным и задумчивым, деловитым и восторженным — и поражался тому, как в одном человеке может так полно воплотиться характер его страны и его народа. Только ли его страны? Феликс столько лет оторван от родины. Но то, что происходит теперь здесь, за тысячи и тысячи километров от его Испании, стало его родным делом, а сам он — частицей кубинского народа, с которым с первого дня, как ступил на эту землю, и до последнего своего часа готов делить и горести, и радости. Команданте был родным и ему. И по возрасту он вполне мог годиться ему в сыновья. И капитан гордился им, как своим сыном.

Но сейчас это не помешало Обрагону почувствовать досаду: команданте мешал ему работать, а капитан не любил, когда ему мешают.

Он повернулся к арестованному, попытался связать оборванную нить разговора:

— Итак, где именно вы должны были встретиться?

Карлос переводил взгляд с команданте на Обрагона и молчал.

— Где именно? — нетерпеливо повторил капитан.

— Не знаю, ничего не знаю! — воскликнул Наварра. — Я же сказал: встреча у Кордоны была случайной.

— А как дела у мистера Кордоны? — не вытерпел команданте.

— Так себе...

— Представляю! С такой компанией и такими перспективами!.. — Он брезгливо поморщился. — Зато первый. Президент совета «червей». Звучит, а?

— Возможно, он в чем-то ошибается. Но он — патриот, — хмуро отозвался арестованный.

— И притом пламенный, — кивнул команданте. — После победы революции он намекал нам, что не прочь принять на себя пост президента республики. Нет ни малейшего сомнения — если бы этот господин был назначен на пост президента, он бы тут же провозгласил себя марксистом, коммунистом.

— Ни за что!

— Ну, мы-то знаем его лучше. Больше всего на свете он любит быть на первом плане. За пост президента он заложил бы душу хоть дьяволу. Но, увы, ему не предложили пост президента. Тогда он быстро разочаровался в революции и коммунизме и поспешил дезертировать в Соединенные Штаты. Пламенный патриот!

— Не верю! — упрямо ответил Карлос.

Команданте встал, подошел к нему, наклонился и посмотрел в лицо:

— Ну а ты на какой бы должности сторговался? Прокурора верховного суда? Или министра культуры?

Наварра выдержал взгляд, только глубже вдавился в кресло.

— Нет, не уязвленное самолюбие заставило меня...

— А что же? — Команданте смотрел все так же в упор.

— Ты знаешь меня с университета. Мы вместе выходили на демонстрации против Батисты. Два года я воевал бок о бок с тобой. Но я не знал в Сьерра-Маэстре, как далеко вы собираетесь зайти.

— А до какого переулка собирался идти ты?

— Я боролся за свободу Кубы, — с достоинством ответил Карлос.

— Ты один? — Команданте распрямился. Теперь он смотрел на Наварру сверху вниз. — Какое самопожертвование! А за что же боролись все остальные? А наш лозунг: «Свобода или смерть!»?

— Значит, одно и то же слово мы понимаем по-разному, — устало проговорил Карлос. — Сейчас ты считаешь, что завоевал свободу. Но скольких кубинцев ты лишил свободы?

— От чьего имени ты говоришь? — Команданте отошел к дальней стене. Казалось, он хотел издали разглядеть своего собеседника. — Неужели ты забыл, в каком положении была Куба, когда революция победила? Что было в стране, кроме слез, кроме нищеты и боли? Как жили бедняки нашей страны?

— Я тоже не из богатых, ты знаешь, — не уступал Карлос. — Моя семья тоже натерпелась при Батисте.

— Да, — кивнул команданте. — И поэтому ты пришел к нам в горы. Но, — он выбросил вперед руку с нацеленным указательным пальцем, — во имя чего пришел? Чтобы драться за какую свободу?

— Свободу простых кубинцев — таких, как я.

— И ты обманулся? — снова повторил движение команданте. — Революция не дала тебе этой свободы?

Наварра посмотрел исподлобья:

— Я буду честен: нет! Потому что она дала чересчур много свободы гуахирос и бродягам.

— Ах вот какой свободы ты хотел! — воскликнул ко-

манданте и сгреб в кулак бороду. — Наконец-то мы добрались до самой сути. Тебе не понравилось, что революция отдала «этим бродягам» виллы богачей, земли лати-фундистов, сентрали монополий.

— Да, это чересчур, — согласился Карлос.

— Я понял тебя прекрасно: бродягам — все, а тебе, герою, ветерану, бородачу, — ничего! Какая несправедливость! — Он презрительно рассмеялся, потом оценивающе оглядел Наварру. — Еще один кандидат в президенты. — И резко махнул рукой, будто отбрасывая что-то в сторону. — И еще один логический конец.

— Зачем ты приехал? — устало спросил арестованный. — Насладиться своей властью над побежденным?

Команданте прикрыл глаза, крепкими пальцами потер лоб:

— Не такое уж это удовольствие... — Он поднял глаза и посмотрел на Карлоса в упор. — Я приехал узнать, что может заставить кубинца предать родину. Узнать идеи, которые вами движут, — те идеи, за которые стоит умирать...

— Теперь ты знаешь.

— Но ты не сказал ничего нового. Обычная история. Обыкновенный предатель.

— Нет!

— Да. У нас в Латинской Америке вошли в привычку такие, ах какие красивые, легкие и приятные революции! Вчера — простой адвокат или репортер, вчера — патриот и р-революционер, а сегодня — министр и миллионер! А вы — бедняки, гуахирос, пролетарии — живите, как жили, подышайте с голоду. Но нет!..

Голос команданте набирал знакомый рокот. Обрагон был не рад этому затянувшемуся спору: растревоженный, развенчанный в своем образе героя и мученика, Карлос может ничего не сказать, а время дорого. И все же Феликс с интересом слушал и наблюдал за команданте. Он любил в нем эту запальчивость, эту резкую, темпераментную жесткуюляцию, способность чувствовать себя трибуном и говорить один на один с тем же напором и такой страстностью, с какими он говорил, выступая на площадях.

Команданте поднял руку и продолжал:

— Но нет! На этот раз революцию совершили обездоленные и для обездоленных. Мы были только ее компа-

сом. Но тебе не это было нужно. Ты возмечтал стать великим.

— Но ты — разве ты не возвеличил себя? — перебил Карлос.

— Нет, это только ответственность. Бóльшая ответственность. Я никогда не помышлял поживиться за счет на рода. И, если бы было надо, я снова бы пошел в атаку п казармы, как тогда. Снова пошел бы в горы. Каждый и нас готов отдать жизнь, чтобы жила родина... — Он за молчал.

Молчал и Карлос. Потом с болью проговорил:

— А я не болел за родину? Боль за ее судьбу и за ставила меня порвать с вами. Что такое Куба? Сардинка у пасти кита. Стоит киту только открыть пасть... Высту пив против Штатов, вы толкнули страну к гибели. Разве вы не понимаете этого?

Команданте прошелся по ковру. Остановился. Кивнул:

— А ты, поняв, дезертировал. Но от дезертира до пре дателя — один шаг. Ты сделал его. И теперь вместе с ос тальными из компании Кордоны щекочешь кита, чтобы он разинул пасть. Но Куба — не сардинка, а стальная иг ла! Кит подавится ею. И ты смеешь еще говорить о сво бode Кубы!

— Может быть, я ошибся... — опустил голову На варра.

— Что ж, крысы будут прыгать в воду, думая, что океан в разгар бури более надежен, чем корабль револю ции, — продолжал, теперь уже обращаясь не к нему, а словно бы думая вслух, команданте. — Но крысы не могут остановить корабль. Наоборот, без крыс ему легче идти по курсу. С каждым днем Куба чувствует себя уверен пей, потому что у нас становится все больше друзей. А главное — потому, что весь народ превратился в на род-герой, в народ достойных и храбрых людей. Великое счастье видеть это!

— Красивые слова... — горько усмехнулся Карлос.

— Да, — согласился команданте. — Но человек дол жен понимать красивые слова. Я не виноват, что ты по нять их не можешь.

Дискуссия затягивалась. Обрагон прервал:

— Команданте, мне нужно еще кое-что спросить у Наварры.

— Продолжайте, — кивнул команданте, отошел к дальнему креслу, тяжело сел и отвернулся.

— Подожди, Феликс, — остановил Наварра. — Ты и так все знаешь. А я... Я не знаю, что вы приготовили мне.

— Мы с тобой юристы, Карлос. Толкователи законов, — вновь повернулся к нему команданте.

— Значит?..

— И когда-то мы зубрили древних поэтов. Данте разделил свой ад на девять кругов. На седьмом круге он поместил преступников, на восьмом — воров, а на девятом — предателей, не так ли?

— Значит — к стенке? — Наварра не выдержал и судорожно облизнул губы.

Команданте пожал плечами:

— Тебя будет судить революционный трибунал.

— Понятно... — Карлос снова облизнул губы. Поднял голову. Глаза его сухо горели. — Но и тебе — недолго!.. Запомни: недолго!..

Наступила пауза. Стали отчетливо слышны шум океана и хруст гравия под ботинками часовых. Обрагон нажал кнопку звонка. Вошел боец.

— Уведите. — Когда они остались вдвоем, сердито сказал: — Ты поторопился. Мне нужны были от него важные сведения. Теперь он будет молчать.

— Извини, Феликс, — виновато посмотрел на него команданте. — Я только хотел заглянуть в его душу. Мне жаль Карлоса...

— Он бы тебя не пожалел, поменяйся вы местами.

— Ты черств, как кукурузная кочерыжка.

«Да, я черств, — с чувством обиды подумал Обрагон. — Я — высохшая кочерыжка...» Он посмотрел на свои руки, на узловатые, морщинистые пальцы. «Всю жизнь я держу в этих руках винтовку, стреляю или копаюсь этими руками в человеческой грязи... Я жесток. Но я знаю, как революции и народы расплачиваются за жалость. Мы цацкались с теми, кто стрелял нам в спины, мы были благородны и великодушны с фашистами и фалангой. А потом не могли сосчитать наших павших. И обрекли родину на десятилетия слез и пыток... Нет, прав не ты, горячий и молодой, а я...» Но Феликс понимал и команданте: легко быть правым, когда рассуждаешь отвлеченно. А когда перед тобой сидит человек, который был с тобой в горах,

вместе с тобой мерз, голодал, воевал, в конце концов...

— Там, в горах, будущее после победы представлялось мне не таким, — словно бы подхватив его мысль, задумчиво проговорил команданте. — Да, все сложнее. Но и интересней. Радостней и больней.

Капитан положил ему руку на плечо, почувствовал под пальцами тяжелые мускулы, даже пощупал их: «Крепок!»

— Да, все сложнее... И еще немало из тех, кто сейчас продолжает с нами путь, отойдут от нас. Это потери — как на войне. И борьба будет опустошать наши ряды. — Он задумался, веско сказал: — И мы не имеем права на жалость.

Команданте молчал. Обрагон не мог понять: согласен он с ним или нет? Пусть сегодня не согласен. Жизнь убедит.

— О чем не успел рассказать тебе Карлос? — прервал молчание команданте.

Обрагон подошел к столу, взял папку-досье:

— Вот, прочти радиоперехват.

— «На остров будет заброшен Маэстро, — прочел команданте. — Кто такой?»

Феликс протянул фотографию.

— А, Конрад де ла Ронка! — узнал команданте. — Магистр искусств и тоже мой бывший однокурсник. Зачем же он хочет пожаловать на остров? На подпольные гастроли?

— Ронка переквалифицировался в террористы: скрипку сменил на винтовку «манлихер» с оптическим прицелом. Думаю, готовится опасная операция. — Обрагон пытливо посмотрел на команданте. — Наверное, покушение.

— Какой уже раз? — спокойно отозвался тот.

«Молодец», — подумал капитан, но сказал жестко:

— На этот раз они готовятся серьезней. Ронка — не рядовой исполнитель, а главарь террористов. И, по нашим сведениям, смел, опытен, превосходно стреляет и люто ненавидит республику. И тебя.

Команданте задумался. Обхватил пальцами бороду. Снова посмотрел на фотографию:

— Да, припоминаю: он и в университете был заносчив и непримирим. Аристократ, фанатик времен крестовых походов. Также ненавидел Батисту — но за то, что тот

прижимал креольскую знать в угоду янки. А теперь, значит, и он там, на американском берегу... — Усмехнулся, расправил бороду: — Надеюсь, ты мне устроишь с ним встречу?

— Постараюсь. Но надо быть осторожней. Я думаю, они попытаются приурочить покушение к митингу.

— Тогда устрой встречу накануне митинга.

Он встал, поправил кобуру с тяжелым пистолетом, застегнул на «молнию» куртку. Как обычно, на погонах не было никаких знаков отличия. Только на отворотах — какие-то значки, подаренные, наверное, пионерами или иностранными туристами. Протянул руку:

— Мне пора. Еду к крестьянам в Лас-Вильяс. Собрание в новом кооперативе. Салуд!

— Салуд, команданте!

Обрагон проводил его до двери. Вернулся к столу. «Продолжим».

Вошел боец:

— Группа собрана, капитан.

Он кивнул. Товарищи вошли, тесня друг друга. Обрагон знал каждого из них — этих отважных людей, милисианос, членов комитетов защиты революции. Сколько на их счету опасных операций по обезвреживанию гусанос¹: у этого толстяка механика Лоренцо, у лысого старичка официанта, у остальных. Даже бесшабашный гаванский Гаврош — Хуанито и тот показал себя настоящим бойцом.

— Где ты так долго пропадал и где твои кудри? — спросил он мальчика.

— Я же, дядя Феликс, в больнице валялся, там меня и обчекрыжили! — Хуанито провел двумя пальцами, будто ножницами, по макушке. — Хорошо хоть вырвался оттуда!

Тут только капитан разглядел, что мальчик очень худой. перевел взгляд на остальных:

— Компаньерос, вам предстоит выполнить задание особой важности. На остров с часу на час будет заброшен опасный преступник. Он обязательно попытается проникнуть в Гавану. — Обрагон взял со стола фотографию, пустил ее по рукам. — Кому знаком этот человек?

Лоренцо прищурил глаз:

— Не знаком. Запомнил.

¹ «Черви» — презрительная кличка контрреволюционеров.

Другие разглядывали молча. А старик официант узнал сразу:

— Как же, господин магистр! У нас в «Трокадеро» имел столик!

— Ваша задача: установить постоянное наблюдение за явками, — начал инструктировать капитан. — Сообщать обо всем мало-мальски подозрительном в любое время...

— Каррамба! — прервал его Хуанито. — Так это же тот красавчик! Так и знал: контрик! — Он протиснулся к Обрагону: — Дядя Феликс, я был только что у одной сеньоры и видел у нее такое же фото!

— Где это было?

— Авенида Квинта. Вилла сеньоры Перес.

Капитан перебрал бумаги в папке, нашел нужную:

— Да, сестра диверсанта, которого мы ждем, жена батистовца. Ну и что же из того, что ты видел это фото?

— Утром сеньора сматывает удочки в Штаты. В доме у нее все вот так вот!

«Сестра... Вряд ли, если он — серьезный человек... — задумался Обрагон. — Тем более она утром уезжает. А все же...»

— Молодец, — ободрил он мальчика. — Это тоже важно. — Обернулся к остальным: — Операция по обезвреживанию преступника возложена на батальон безопасности. Но ваша помощь нам очень нужна. Копии фотографии этого магистра вам и вашим товарищам выдадут в фототехническом отделе. Кстати, кличка преступника — Маэстро. Если что-нибудь узнаете, звоните прямо сюда. Ваш пароль для телефона — «Виолетта». Жду сообщений. Все.

Когда все вышли, капитан вызвал бойца:

— Позовите Хосе Васкеса.

Хосе вытянулся. Прицелкнул каблуками:

— Слушаю, капитан!

Обрагон помедлил. Хосе Васкес — новый человек в контрразведке. Прислан из армии. Капитан с недоверием относился к новым — привык полагаться на тех, с кем воевал еще в горах. Конечно, это неправильно: на смену старым нужны молодые кадры. Но даже и ветеранам не всем можно доверять. А контрразведка — особый вид военного искусства. Если в разведке должны быть мастера, то тут — гроссмейстеры, потому что каждый раз они обязаны переигрывать разведчиков противника, быть находчивей и изощренней. Хосе — исполнитель, энергичен.

И как же испытать его другие качества, если не в деле? Почему вот только на этом молодом, розовощеком лице — старые, без блеска, глаза в сетке морщин? Пьет, что ли?.. Нет. Характеристики блестящие. «При чем тут морщины и блеск?» — одернул он себя. И сухо приказал:

— Вот адрес Мерильды Перес. Пригласите ее ко мне.

— Будет сделано! — многозначительно ответил Васкес.

— Нет, не арестовывать, — предупредил капитан. — Пока нет никаких оснований. Пригласите тактично и вежливо.

— Понял! — снова вытянулся Хосе.

— Выполняйте.

Капитан с досадой посмотрел ему вслед. Этот парень вызывал в нем неосознанное недоброжелательство. Впрочем, задание было пустяковым.

Вошел дежурный оперативного отдела, положил на стол донесение службы воздушного наблюдения: «Неизвестный самолет пересек воздушную границу республики в секторе «Z», прошел над горным массивом Сьерра-де-лос-Органос и ушел в сторону моря».

Обрагон нашел на карте указанные в донесении сектора. «Та-ак... Недалеко. Надо усилить посты на дорогах в этом районе. Прочесать леса».

Перечитал донесение. «Визитная карточка? И на том спасибо».

Но через несколько минут поступило новое сообщение: «Два неизвестных самолета пересекли воздушную границу республики в секторах «А-3» и «В-7», прошли над горными массивами Сьерра-де-лос-Баниос и Лас-Вильяс, затем ушли в сторону моря».

«А он не глуп, — подумал Обрагон, чувствуя холодок в груди, как охотник, который выходит на след. — Отвлекающий маневр. Но в каком из этих трех пунктов он приземлился?.. Нужно организовать облавы во всех. Однако главное внимание — на доступ в Гавану. Итак, сеньор Маэстро прибыл...»

Зазвонил телефон. Он снял трубку:

— А, это ты, Росарио? Привет. Как жена, как дочь?.. Почему давно не звонил?..

Говорил общие фразы, а сам испытывал раздражение. Сейчас его раздражало все, что отвлекало от дела и меша-

ло сосредоточиться. Но тут же оживился, переложил трубку из руки в руку:

— Что? Артуро? Конечно! Дай-ка мне его самого! Салуд, коронель! Нет, не забыл. Разве то забудешь? Вы на сколько приехали, коронель? Всего-то? Как обычно: то одно, то другое, работы хватает... Завтра? Не знаю, как получится завтра. А послезавтра — и того трудней. Обязательно хочу... Вот что: от дома Росарио тут десять минут. Если можете, приходите сейчас. Эрерро проводит. Вот и отлично. Заказываю пропуск и жду. Да, а как вас по-настоящему зовут, коронель Артуро? — Он старательно записал незнакомые имя и фамилию. Вздыхнул: — Разрешите, я буду называть вас по-старому, коронель? Очень рад буду увидеть!..

5

Бланка опаздывала. Автобусы по ее маршруту не шли, и ей пришлось добираться пешком. Опа шагала быстро, временами бежала. Представила лицо командира наряда, шофера Мануэля. Самодовольный и самоуверенный болван!..

Милисianos с других постов, уже передавшие оружие товарищам, толпились и смеялись на остановках.

Она перебежала улицу у ресторана «Полинезия». Вдоль подъезда приткнулись большие автомобили. Этот ресторан она прежде особенно любила. Стены обшиты бамбуком и циновками, низкий потолок из пальмовых листьев. К нему подвешены диковинные рыбы, черепахи, настоящая пирога, индейская утварь. Тут же, в зале, повара в высоких белых колпаках колдуют над чанами с невероятным варевом... А они собирались в таинственном сумраке и читали стихи, и будто бы рушилась связь времен, и можно было представить себя кем хочешь: туземкой на затерянных островах, миссионеркой, пришедшей из будущего... Однажды они были здесь с Конрадом. Ему очень понравилось...

Вот и радиостанция. Стеклянные двери ведут в полумрак вестибюля. Над входом неоновые буквы: «Radio Patria».

Остальные уже на посту: редактор ее отдела — пожилой и хромоногий испанец Педро Варрон и Мануэль. Варрон сидит в вестибюле в кресле, положив на колени автомат. Шофер стоит, подперев стену, широко расставив

поги, и оглядывает ее с головы до ног, неторопливо, будто раздевает, ища застёжки.

— Ишь штучка!.. — медленно говорит он. — Нагулялась? — И протягивает ей карабин.

Она входит в подъезд. Ночная Гавана остается за толстыми стеклами. В вестибюле у стены светится зеленый глазок поставленного прямо на пол радиоприемника. Передают какую-то беседу на политические темы. Время от времени в вестибюль спускаются с верхних этажей кабины лифтов. Раздвигаются двери. Полосы света прорезают сумрак. Сотрудники бросают на ходу: «Салуд!», «Буэнас ночес!», торопливо проходят на улицу. Напротив радиостанции — ночной бар. Доносятся обрывки музыки и голоса.

Бланка приладила карабин на плече, вышла из вестибюля, начала прохаживаться вдоль подъезда. Мануэль сделал несколько шагов следом за ней, но остановился, оперся о стену — высокий, с узкой талией и широкими сильными плечами, пропахший бензином и маслом.

— Небось тянет туда? — кивнул он в сторону бара.

— А тебе не хочется потанцевать? — Бланка дробно постукала ботинками по камню. — Ча-ча-ча! Ча-ча-ча!..

— Ваш шик не на мой вкус, — сплюнул шофер. — В этот кабак раньше без галстука и не пускали. А мне галстук — как петля висельнику. — Он снова сплюнул. — Ишь веселятся, слизняки! Как будто ничего и не изменилось!

Девушка сняла с плеча карабин, обхватила его, как партнера:

— Люблю танцевать! Ча-ча-ча!..

— Отставить! — приказал Мануэль. — Карабин заряжен. И не забывайте, сеньорита, что вы на посту.

— Виновата, камарадо начальник! — козырнула она.

— Все кривляетесь. — Мануэль смотрел сердито. — Чувствую я, что вы за штучка. — Передразнил: — «Ча-ча-ча!»

— Бланка была в Сьерра-Маэстре, — отозвался из темноты вестибюля Варрон.

Шофер стоял, раскачиваясь с пяток на поски.

— Когда мы уже оттуда спустились. — Он насмешливо хохотнул. — Много всяких хочет присосаться к революции после нашей победы.

Девушка вспыхнула:

— Я не хочу присасываться! Слышишь: не хочу!

— А чего вам хочется? — с издевкой спросил шофер. — Мороженого с вафлями? Или замуж? Зачем вы пришли к нам? Чую я — не нашим пахнет.

Редактор рассмеялся:

— На тебя надо надеть ошейник.

Мануэль бросился в вестибюль:

— Это шутка, амиго? Я не позволю называть себя собакой!

— Убери кулаки, — добродушно проворчал Варрон. — Это шутка. Какая же ты собака? Ты — лев.

— Если так... — неохотно согласился шофер. И снова подступил к Бланке: — Так что же вы замолчали? Почему вы с нами, а не с ними? — Он показал на бар.

— Разве обязательно: «с нами — с ними»? — тихо спросила она.

— Вот видишь, Варрон! Выкручивается!

— Обязательно, компаньерита, — отозвался редактор. — У баррикад только две стороны — или с той или с другой, когда идет стрельба.

— А если — не с той и не с другой?

— Значит, посредине? Пустое. Никому не нужно. Снимут, даже не целясь.

— «С нами — с ними»! «Или—или»!.. Как это плохо!..

Бланка замолчала. Стала ходить вдоль фасада.

Как плохо!.. Раньше ей ничего не надо было решать. Все было определено и предопределено. Она любила свой город, свой дом, отца, мать. И этого ей было вполне достаточно. Она писала стихи о луне, о любви, о море. Ее стихи печатали в журналах. Ею гордились родители и друзья. И ей больше ничего не было нужно. А потом все закружилось в каком-то сумасшедшем вихре, все смешалось. Будто на остров обрушился тайфун: студенческие демонстрации, расстрелы, солдаты, повстанцы!.. «Фидель высадился на Кубе!», «Фидель разгромлен!», «Фидель в горах!», «Фидель убит!», «Фидель наступает!». Все только и говорили: «Фидель, Фидель, Фидель!..» Горы Сьерра-Маэстры стали популярней самого модного курорта. Она с интересом следила за успехами повстанцев. Даже мать, даже отец сочувствовали им и Фиделю. Отец говорил: «Давно пора скинуть этого грязного выскочку!» Он тоже терпеть не мог Батисту. И когда отряды Фиделя вошли в Гавану, Бланка вместе с подругами дарила бородачам цветы, танцевала и целовала победителей. Сколько было

цветов, флагов и поцелуев!.. Бородачи были пропыленные, пропахшие дымом. Как тогда было хорошо!.. Казалось, наступает необыкновенное, замечательное время. И с этого дня у всех будет только радостное настроение, все будут улыбаться и станут необыкновенно добрыми. И наступит жизнь, исполненная какого-то нового смысла.

Даже ее отец приколот к пиджаку черно-красный флажок «Движения 26 июля» и выступал на митингах. А потом началось непонятное. Новое правительство стало отбирать земли у их владельцев и раздавать крестьянам, стало конфисковывать сентралы, заводы, а в дома известных людей переселять бедноту. И однажды отец сказал, что он напрасно восторгался Фиделем. Отколол от пиджака флажок, выбросил его в окно. Вскоре он умер от инфаркта. А мать, когда у них отобрали все, решила уехать к сестре в Бостон.

Блапка в это время была в горах, в Сьерре. Перед тем она как раз окончила католический колледж и готовилась поступать в университет. Но теперь она уже не могла жить музыкой и стихами, как прежде. Реальная жизнь разрывала поэтический флер. Жизнь грубая, острая, как камни на горных тропах.

Многие ее друзья уже уехали в Майами или готовили заграничные паспорта. Звали ее с собой. Для них было само собой разумеющимся, что они уезжают и что она тоже должна уехать. А она все не решалась сделать выбор. Мучительные мысли не давали покоя: «Почему я должна уезжать? Почему я вдруг должна стать человеком без родины—как разбитая шлюпка, которую подхватил океан?..» Но что же тогда делать? Она не знала. Решила остаться хотя бы ненадолго, чтобы самой все увидеть и понять... Мерильда уверена, что она связана с подпольной «Белой розой». Эти — тоже: «с нами или с ними»? Баррикады! Две стороны! Это бесчеловечно и жестоко—требовать от каждого: «или—или»! Такая ортодоксальность — причина ненависти и всех бед! Зачем заставлять ее делать выбор? Она не хочет ожесточать свое сердце, не хочет стрелять на баррикадах! Но как объяснить вот этим людям, что Куба так же дорога ей, как дорога она им? Как объяснить: раньше она думала только о себе, о своих стихах, а теперь ей близка ее новая работа? И мил этот старик редактор Варрон. И волнует каждое событие, происходящее в ее стране... И хочет она просто...

Мысли ее прервал голос шофера:

— Непонятно, как взяли вас в милисианос?

— Я заслужила это в Сьерра-Маэстре, — тихо ответила Бланка.

Рядом с подъездом радиостанции, в лоджии соседнего дома, была оборудована маленькая кофейня. Стойка ее выходила на улицу. За стеклами витрины громоздились ящички сигар, были рассыпаны цветные открытки. Тут же стоял телефон-автомат. За прилавком хозяйничала красивая мулатка лет восемнадцати. Молола кофе, протирала чашки и все время внимательно наблюдала за Мануэлем. «Его подружка, что ли?» — подумала Бланка.

Мулатка перегнулась через стойку и пронзительно закричала:

— Мануэль! Мануэль!

Шофер поправил автомат, сплюнул, вразвалочку подошел к прилавку:

— Чего дерешь глотку на всю Гавану?

Девушка сверкнула глазами:

— Грубиян! А ты чего любезничаешь с этой рыжей? — Она говорила нарочито громко, чтобы Бланка слышала.

— Тебе-то какая забота? — ухмыльнулся парень.

— Ах вот ты как заговорил! Тебе лишь бы новая юбка! — Девушка в сердцах так гроыхнула чашками о стойку, что они чуть не слетели на тротуар.

— Дуреха, — примирительно сказал парень. — Ты же знаешь...

— Что я знаю? — Она выскользнула из-за стойки, обняла его, прижалась щекой к куртке. — Говори. Уж я тебя знаю как облущенного!

— Заверни кран, Грациэлла! — рассердился шофер. — Я не об этом! — Он высвободился из ее объятий.

— А о чем же? Меня ты уже не любишь, да?

— О, проклятие! — взревел парень. — Да дашь ты мне сказать хоть слово?

— Говори, говори, пожалуйста, — как ни в чем не бывало снова обняла его Грациэлла. — Я только и делаю, что слушаю тебя. Хотя заранее знаю все, что ты скажешь.

— О, дьявол!

— Ну говори же, говори!

Он хлопнул себя по лбу:

— Я уже забыл, что хотел сказать.

— Вот видишь! Тебе и сказать нечего — ведь я права:

ты втрескался в эту новенькую рыжую, хотя непонятно, что ты в ней нашел.

— Конечно же ты права! — оттолкнул девушку шофер. — Права, права, права! Разве может быть иначе? Но пойми своей глупой башкой: плевать я хотел на эту рыжую, пусть она будет хоть зеленой!

— Тогда скажи ей об этом, а не петляй вокруг нее, как мул на веревке, — потребовала Грациэлла. — Сейчас и скажи!

— Надо будет — и скажу! Но подчиняться твоим капризам не намерен: я — мужчина!

— И еще какой! — подтвердила она. — Тогда скажи, что любишь меня.

— Люблю, люблю, люблю, черт подери!

Грациэлла еще крепче обняла шофера, дотянувшись до его подбородка, поцеловала. Мануэль сердито дернул плечом, пытаясь стряхнуть ее руки. Но она обняла еще крепче, примирительно проговорила:

— Все, все, больше не буду — ты меня почти успокоил. Хочешь баккарди?

— Нельзя, — неуверенно отозвался он. — Я на посту.

— Глоток рома не повредит революции. Полезно — для бдительности. — Она достала из-под стойки начатую бутылку.

— Разве что для бдительности, — согласился он и отхлебнул из горлышка.

Из темноты выплыл толстяк. Приблизился, остановился у стойки:

— Приятного аппетита! — Хозяйски прошел в кофейню, начал осматривать газовую печь. — Горелки в порядке, красавица?

— Что это ты, приятель, так рапо? — с едва прикрытой угрозой спросил шофер.

— Много работы. — Толстяк подмигнул Грациэлле. — А тебе какая забота? Налей-ка чашечку, красавица! — Выпил мелкими глотками, облизал губы. — В порядке. — Бросил монетку в телефон-автомат: — Алло! Говорит Лоренцо от Виолетты... Маэстро в моем хозяйстве пока не появлялся... Понятно. — Повесил трубку. Снова подмигнул: — Будь здорова! До встречи!

— Шляются тут всякие... — с подозрением посмотрел ему вслед Мануэль. — Чего это он приходил? Нужны ему горелки — как дождик в сафру!

— Ага, ревнуешь! — обрадовалась Грациэлла. Вздыхнула: — Славный парень этот Лоренцо!

— Я тебе!.. Учти: я не любитель таких штучек!

— А я обожаю! Ладно, ладно, успокойся — кто мне еще кроме тебя нужен? С тобой хоть бы справиться... Когда придешь?

Мануэль задумался:

— Не знаю. На рассвете, как только сменюсь с поста, уезжаю.

— Надолго?

— Может, на день, может, на год. Я — солдат. — Он кивнул в сторону подъезда: — В командировку. С ней.

— С этой рыжей? — снова насторожилась мулатка. — Ох, не нравится мне эта командировка!

— Обычная командировка, — равнодушно сказал Мануэль. — Можешь быть спокойна: я с нее глаз не спущу.

— То-то и оно!..

Шофер поставил на стойку полупустую бутылку:

— Пойду на пост.

— Здесь еще есть, — встряхнула сосуд Грациэлла. — Приходи!

Бланка без обиды, даже с интересом, прислушивалась к разговору и наблюдала за ними. «Вот и все конфликты... Быстро и просто. И так откровенно, будто только они двое в целом мире. А после смены он придет к ней...» Она почувствовала щемящую боль. Как она одинока! И как все сложно в ее жизни! Много бы она отдала за такую вот простоту...

Мануэль вернулся в вестибюль радиостанции. Старик редактор посапывал в кресле.

— Вот так, оставь вас хоть на минуту, — кивнул шофер на Варрона.

— Разбудить?

— Пусть поспит. — Бланка уловила в его голосе теплоту. — Устал. А вообще-то он что надо! Я познакомился с ним еще в Сьерре... Тогда у нас не было такого шика. Вся радиостанция — шалаш под соснами, а аппаратура — на двух мулах увезешь. Ничего, вся Куба слышала, и даже подальше! Да разве вам понять?..

— Куда уж мне... — устало отозвалась Бланка. — Вы все бородатые. А у меня почему-то борода не растет.

Мануэль пригладил свою курчавую бороду:

— Ее заслужить надо. Это теперь такая мода: каждый

сопляк отпускает... Дохлому льву любой-то на хвост наступит.

— Конечно, несправедливо, — насмешливо улыбнулась она. — Нужно бы на бороды специальные мандаты выдавать: у такого-то подлинно революционная борода, а у такого-то — контрреволюционная.

— Издеваетесь? — насторожился шофер.

— Шучу, — вздохнула она. Тряхнула головой: — Давайте лучше станцуем. Ча-ча-ча!

Баррон открыл глаза:

— Что? Что?

— Ничего, — успокоил шофер. — Сеньорита расшумелась.

— Иначе с таким кавалером заснешь. — Бланка прикрыла ладошкой зевоту. — Спать как хочется!

Редактор поднялся с кресла, потер затекшие колени:

— Пойди, компаньерита, кофе попей. Я вынул — сна ни в одном глазу.

«Хороший старик, — подумала Бланка. — Чудной...»

В вестибюль спустилась кабина лифта. Из нее вышел писатель Альдо. Бланке он напоминал Паганеля из детской книжки — сухопарый, длинный, близорукий. Писатель работал на радиостанции внештатно. Но проводил в редакции круглые сутки, и никто не знал, когда он отдыхает и спит. Старый, одинокий. Полиглот и ценитель изысканной литературы. С Бланкой он любил говорить о поэзии — причем уважительно, как с равной. Даже знал ее стихи, и они нравились ему. Сейчас, выйдя из ярко освещенной кабины, он с минуту постоял, привыкая к темноте, потом сделал неверный шаг к милисианос:

— Спокойного вам дежурства, друзья! — Сипло, как старый курильщик, прокашлялся: — Кофейня Грациэллы еще открыта?

— До рассвета, как всегда, — отозвался Мануэль.

— Можно составить вам компанию, сеньор Альдо? — подошла к нему Бланка.

— С удовольствием, коллега, — галантно раскланялся старик.

Девушка повернулась к шоферу:

— Разрешите, командир?

— Разрешаю.

Они пошли к кофейне. Писатель сухими пальцами придерживал ее за локоть.

— Почему вы так поздно? — спросила она. — Почему вы всегда так много работаете?

Альдо вздохнул:

— Не люблю стерильную тишину. Мне лучше пишется, когда вокруг голоса, обрывки музыки, люди...

Бланка то ли слышала от кого-то, то ли читала в газетах: Альдо при Батисте провел несколько лет в тюрьме на острове Пинос, а его сына, студента, убили во время демонстрации против диктатора. Застрелили на университетской лестнице. Одинокiй сухопарый писатель — бедный Паганель!..

— А о чем вы сейчас пишете, если не секрет?

— Разрабатываю один сюжет... — задумчиво сказал писатель. — Мне подарил его участник разгрома интервентов на Плайя-Хирон, студент.

Они остановились у кофейни.

— Буэнас почес, Грациэлла! — приветствовал Альдо девушку.

— Салуд, камарадо писатель, — ответила она и поставила перед ним чашечку кофе и стакан воды. «Ишь, друзья...» — подумала Бланка.

— Мне то же самое.

— Пожалуйста, деньги ваши! — Грациэлла оглядела ее, состроила гримаску, небрежно поставила чашку и повернулась к старику: — Вы сегодня не забыли пообедать?

«Ишь, заботливая... А я и не подумала спросить...» Бланка посмотрела на писателя. Втянутые щеки, отросшая на подбородке и кадыке серая щетина. «Он и вправду не пообедал... Надо будет навестить его дома, прибрать и приготовить...»

Тем временем Грациэлла достала из холодильника сандвичи, разложила их на тарелке, пододвинула к старику. Он ласково улыбнулся:

— У тебя самый вкусный кофе во всем Западном полушарии. Налей еще.

— Нельзя, камарадо писатель. Вы не сможете спать.

— Мне и не надо сегодня спать, мне надо работать.

— О чем же ваш рассказ? — спросила Бланка.

Он пододвинул к ней высокий стул, уселся и начал рассказывать. К Кубе плывет судно с контрреволюционерами. Среди гусанос — сын бывшего владельца заповедника крокодилов в Лагуне дель Тесоро. Отец перед отплытием передал сыну амулет — пояс с пряжкой из го-

ловы новорожденного крокодила. Сын поглаживает высушенную оранжевую головку и вспоминает прошлое, думает о будущем: поток сознания, ассоциации... Они высаживаются на берегу как раз в Лагуне. Сын узнает родные места. Снова чувствует себя их хозяином. Но тут подходит батальон революционной армии. Бой. Гусанос рассеиваются по болотам. Сын скрывается в зарослях у дороги. Слышит шаги. Ближе, ближе. Не выдерживает и делает шаг в болото. И в это время перед ним — крокодил. Крик. Подбегают бойцы. Но только круги расходятся по грязной воде. «Это кричала птица», — говорит один из них, и бойцы идут дальше.

Грациэлла внимательно, подперев грудью стойку, слушала писателя. Тряхнула головой:

— Бр-р-р!.. И как вам не надоест писать о таких страстях?

Альдо грустно усмехнулся:

— А вы что скажете, коллега?

— Не знаю... — Бланка помедлила. — Это жестоко.

— Нет. Справедливо... Революция — ураган, который очищает деревья от старой листвы и ломает засохшие сучья.

— Я бы никогда не написала такой рассказ.

— Не зарекайтесь. Я тоже когда-то думал, что так и буду до конца своих дней потрошить шкафы библиотек и собирать, как пчела мед, мудрость из древних фолиантов. Но однажды мой сын ушел утром из дому... На той ступени, где он унал, в мраморе так и остались щербины от пуль, а кровь его уже смыли дожди... А меня арестовали прямо в библиотеке... И теперь меня не тянет к фолиантам, я не могу и часа просидеть в тишине.

Бланка отвернулась, чтобы проглотить комок, подступивший к горлу. Бедный Паганель! Он открыл ей бездну своей тоски, одиночества и грусти. Все это так созвучно ее состоянию! Хотя ее и Альдо разделяют полвека и его сын был, наверное, много старше ее... Почему она не имеет права на свое счастье? Почему, как этот сухопарый старик, она тоже боится одиночества и тишины?

Девушка оглянулась. Здание радиоцентра конусом уходило вверх и сливалось с небом. Домá по сторонам от него и напротив, через улицу, уже были погружены в темноту. Погасли рекламы ночного бара, разъехались автомобили. Но в радиоцентре светилось много окон. Круглые сутки

не замирает в нем жизнь. Стучат телетайпы, принимая вести всего мира. За двойными стеклами студий читают тексты дикторы. Из аппаратных доносится разноголосица магнитофонных записей... Она, Бланка, — какое-то звено этого процесса. Ее голос, написанные ею фразы моментами врываются в эту сумятицу звуков, занимают свое время и свои радиоволны в эфире, в передачах, следующих за торжественно провозглашаемыми словами: «Говорит Куба — свободная территория Америки!» Ее работа в редакции — непрекращающийся спор с самой собой. Права она или не права? Права или не права Куба? И нужны или не нужны людям ее страны эти ее мысли, ее голос? В своих репортажах она рассказывает о лагерях учителей-добровольцев в горах Сьерра-Маэстры, о строителях Восточной Гаваны, о молодых рыбаках школы «Плайя-Хирон». Она не привносит в эти репортажи политику, политика чужда ей. Она не хочет ни к чему призывать. Рассказывает — и только. Ей ненавистны оружие и жестокость. Пусть каждый решает за себя сам. А она жаждет одного: чтобы всем людям было хорошо. И ей тоже хочется ясности и счастья. Разве она не имеет на это права?

К кофейне подошел грузный мужчина. Волосы на его круглой голове были начесаны чуть ли не до бровей, но сквозь пряди просвечивала лысина.

— Привет, Альдо! — провозгласил он басом. — И тебе не спится? Да разве можно спать в такую ночь! — Он навалился на стойку и пророкотал: — Бутылочку оранжада, голубка! И похолодней!

«Живчик», — подумала Бланка и пересела на край стойки. Она недолюбливала таких шумных и бесцеремонных, да к тому еще молодящихся мужчин. Недолюбливала людей, которых тронь пальцем — и брызнет из них оптимизм. Она достала блокнот. Начала писать, краем уха невольно прислушиваясь к разговору.

— Не простуди горло, Мартин, — сказал писатель.

— Я не певец! — хохотнул толстяк. — Оно у меня луженое.

Вода забулькала в его горле, как в водопроводной трубе.

— Спасибо, фея! Блаженство! — Он опять хохотнул: — Упарился я с этими прохвостами из выставочного комитета. Не хотят покупать мой последний шедевр. Долдонят:

«Идея непонятна массам!» Ты слышал когда-нибудь такую чушь? Можно подумать, что эти массы что-нибудь понимают в настоящем искусстве! Кстати, твоя последняя книжица мне понравилась.

— Лестно слышать, — отозвался Альдо. Как показалось Бланке, с иронией.

— Не радуйся! Если антифиделисты вернутся, они повесят тебя вверх ногами.

— И тебя за твои плакаты повесят, — успокоил писатель.

— Хо-хо-хо! Будем висеть рядом. У нас всегда найдется, о чем поболтать в раю, дружище! — Он отпрянул от стойки и драматически вскинул руки: — О! Вот видишь, какая несправедливость! Плакаты, которые будут стоять мне жизни, из рук рвут, а шедеврами я должен любоваться сам! — Но неожиданно он заговорил серьезно: — «Непонятны массам...» Я согласен: теперь нужно писать как-то иначе. Нужно заставить звучать эти проклятые краски, чтобы они рыдали и смеялись, молили о пощаде и проклинали. Но как это сделать? Может, установить за холстом магнитофон? — Он снова припал к стойке: — Еще бутылочку, мое чудо! Не слушай этого старика, он уже ни на что не способен, из него труха сыплется. Лучше скажи, когда ты будешь мне позировать?

Мартин сграбастал девушку пухлыми руками. Грациэлла вывернулась, потрянула головой:

— Охота была! Все равно нарисуете с одним глазом или с двумя головами!

— Это ж действительно так! — согласился художник. — Одна твоя головка — индейская статуэтка из Баракоа, а другая — голова мудреца и насмешника. А твои глаза — о! — когда я смотрю, то удивляюсь, как даже один умещается на твоей мордашке. Приходи в мою мансарду, и я выгоню вон всех своих натурщиц.

Грациэлла снова ускользнула от его рук.

— И не надейтесь, сеньор художник! Мне хватит одной головы и маловато одного глаза.

«Да она не так проста! — подумала Бланка. — Кто она в прошлом? Девчонка из рыбацкого поселка, пришедшая в город в поисках легкой жизни, или такой же осколок, как я?»

Толстяк глотнул из бутылки. Снова в его горле забулькало.

— Вот так рассуждают «массы», — вздохнул он. — Тогда выходи за меня замуж.

— А вдруг у нас родятся абстрактные дети?

— Ну, это совсем не так уж плохо. Реальные — куда опасней... — Мартин повернулся к Альдо, неторопливо оглядел Бланку. Громко спросил: — А это что за красотка? Пожалуй, в качестве натурщицы... Если без воинственных атрибутов...

— Уймись, — досадливо оборвал его писатель. — Ты годишься сеньорите Бланке в отцы.

— Не преувеличивай. В старшие братья... Ладно, пойдем тогда с тобой, старая песочница. Дома у меня кое-что есть в бутылочке.

— Мне нужно работать.

— Чушь! — Мартин подхватил старика под руку. — Ты расскажешь о своем будущем шедевре, а я покажу тебе мои — те самые, которые не хотят покупать эти подлецы. Пошли! Прощайте, серны!

Бланка смотрела им вслед. «Такие разные... И каждый несет в себе частицу творческого духа... Значит, есть в них что-то общее...» Она снова склонилась над блокнотом. У нее стало привычкой записывать мысли и образы, возникающие в голове. Ее увлекал сам процесс, формулирование обрывков мыслей. Иногда вереницы слов непроизвольно превращались в строки стихов. Вот и сейчас:

Не спится влюбленным, не спится тоскующим...

Грациэлла вымыла чашки, вытерла стойку, заглянула в блокнот:

— Письмо возлюбленному?

— Нет, — оторвалась Бланка. — Еще чашечку можно?

— Не жалко, деньги ваши... — Она кивнула на блокнот: — Меня не касается, у меня свои заботы. — Но тут же, как бы между прочим, спросила: — Вам нравится этот тип, шофер?

— Славный парень.

Грациэлла уперла кулаки в бока:

— Так вот, учтите — это мой парень.

— Желаю счастья! — примирительно сказала Бланка.

— То-то!.. «Славный»!.. Много тут всяких! — Она косилась на Бланку все еще с недоверием. — Сама знаю — славный или не славный! Если хотите знать, сеньорита,

он ужасно грубый. Даже я вся в синяках, могу показать... А вы, видать, из богатых?

— Была...

Бланка вспомнила свой дом. Но это видение показалось ей неправдоподобным. Неужели был тот большой дом на Пятой авениде, и стояли перед ним пальмы, и седой слуга-негр Джон каждое утро приносил ей в комнату срезанные цветы, а его внучка Кетти одевала ее? Нет, ничего этого не было.

— Теперь я совсем небогатая.

— А когда были богатой, сколько имели туфель?

Бланка посмотрела на свой тупоносый ботинок, повертела ногой:

— Не знаю... Сколько хотела.

— Даже десять пар?

— Наверное, много больше... А теперь — вот! — Она подняла ногу. Ботинок был в пыли и белых ссадинах.

— И не жалеете?

— Жалею, — призналась она. — Но разве в туфлях счастье?

— Красивой женщине туфли не мешают, — не согласилась мулатка. — Гвоздики, а носок чтобы узенький-узенький! И конечно, если к туфлям все прочее: платья, а к платьям — чулки, а к чулкам... — Она мечтательно прикрыла глаза.

— Пламенный революционный привет, моя красавица! — прокричал невесть откуда появившийся Хуанито.

Бланка сразу узнала мальчишку-газетчика. Но он не обратил на нее внимания — восторженными глазами он смотрел на Грациэллу.

— Кофе и «Корону»!

— А у тебя хватит монет? — насмешливо спросила девушка.

Хуанито побренчал в кармане:

— Слышишь?

Грациэлла поставила перед ним чашку кофе и стакан воды.

— А сигару не получишь: мал еще.

— Да ты знаешь, кто я?

— Дрянной мальчишка.

— А ты... — Он набрался храбрости и выпалил: — Ты самая шикарная девчонка во всем Мирамаре! — Подпрыгнул и через стойку чмокнул ее в щеку.

— Как ты смеешь! — притворно возмутилась она, перегнулась и отвесила ему оплеуху.

— Подумаешь! — потер щеку Хуанито. — И совсем не больно! — Спыхватился: — Ой, чуть не забыл! — Снял трубку телефона, набрал номер: — Хеллоу! Я — от Виолетты. Да, да!.. Нет, пока нет!.. Привет!

— От какой еще Виолетты? — потребовала Грациэлла, когда он повесил трубку. — Признавайся!

— Ревнуешь? Значит, любишь!.. Не могу, тайпа!

— А ну-ка выкладывай!

— Честное революционное, не могу! Пусть меня разрежут на куски или живьем бросят к акулам!

Грациэлла разозлилась:

— Тогда катись прочь, сопляк! Тоже мне, детектив из Голливуда!

Подошел патруль: двое бойцов революционной армии, молодые парни с серьезными лицами.

— Документы! — сказал один из них и включил электрический фонарик.

— Она своя, — отрекомендовал Грациэллу Хуанито.

— Тебя не спрашивают, малыш, — сказал второй боец. — Марш спать!

Грациэлла зашуршала юбками, достала из внутреннего кармана «тархету» — листок плотной бумаги с фотографией и оттиском ее большого пальца: документ, который обязан иметь каждый человек на Кубе.

— Полюбуйтесь.

Боец внимательно прочел «тархету». Посмотрел на фото. Перевел взгляд на лицо девушки.

— Оригинал лучше? — насмешливо спросила она.

— Ваши документы, — повернулся боец к Бланке.

— Пожалуйста.

— Сеньорита! — узнал ее мальчуган. Подпрыгнул, прихлопнул ладонями по бедрам: — Это вы?

— Салуд! — откозырял боец.

— А почему не проверяете у меня?! — с обидой воскликнул Хуанито. — Проверьте! Я тоже — гражданин республики!

— Иди спать, — легонько щелкнул его по носу боец. — Твоя «тархета» у тебя на физиономии написана.

И патрульные, стуча подковками, неторопливо пошли вверх по улице.

— Эх, когда же я вырасту! — горько воскликнул га-

зетчик. Но тут же снова подступил к Бланке: — А что вы делаете в данный момент в данном месте?

— Дежурю, мальчуган.

— Так вы милисиано в натуре? А как же Ма... — Он запнулся. — Разрешите, сеньорита, познакомиться с вами поближе!

— Полюбуйтесь на этого нахала! — притворно возмущилась Грациэлла. — Мне ты уже изменил? Одно сердце вдребезги, а теперь хочешь расколотить другое?

Но мальчик уже не обращал на нее внимания — его интересовала только Бланка.

— Разрешите вас проводить?

— В другой раз. — Она улыбнулась. Ее забавляла настойчивость этого бродяжки. — Прямо отсюда на рассвете я уезжаю.

— Куда?

— Далеко, кавалер. В провинцию Лас-Вильяс.

— А когда вернетесь?

— Когда выполню задание.

Он остолебенел:

— Задание? Ясно... Ничего не ясно, сплошной мрак... События несутся на бешеной скорости!.. А где вы живете, сеньорита?

— Ты придешь петть мне под окно серенады? Авенида Уна, мальчуган, дом тридцать семь. Приходи, я сварю тебе кофе и накормлю.

— Обязательно приду!

— Берегитесь, сеньорита, этого коварного сердцееда, — в тон Бланке сказала Грациэлла и повернулась к нему: — Давно пора тебе баиньки.

Вдалеке слышалась стрельба, крики. Хуанито замер. Прислушался. Сорвался с места. Уже на ходу крикнул:

— До скорого свидания, сеньорита! — И устремился в ту сторону, откуда доносился шум.

Бланка допила кофе.

— Пора на пост. А то грозный начальник даст взбучку.

Она уже собралась идти, но тут появились еще двое. Она сразу определила: русские. Молодые, светловолосые, коротко стриженные парни в одинакового покроя рубашках в клетку. Только клетки были разного цвета.

Они увидели кофейню, увидели Грациэллу. Вытаращили глаза. Достали разговорники, начали торопливо листать.

— Разрешите познакомиться! Мы — советские моряки. Жора — наш комсорг, — показал один на другого. — Он и я комсомольцы, понимаете? Я, — парень ткнул себя в грудь прямым пальцем, — я — Саша.

— Комсомол? — поняла Грациэлла. — Уо мисма комсомола.

— Дело на мази, — сказал один другому. — Значит, мы товарищи по борьбе.

— Что же она стоит за стойкой? Это же мелкобуржуазно. Ей надо идти на производство.

Саша протянул Жоре разговорник:

— Попробуй сагитируй.

Бланка и Грациэлла ничего не понимали.

— Какие они симпатичные, эти русские, — кокетливо улыбаясь, сказала мулатка. — Сколько ни вижу их в Гаване — все симпатичные. Может быть, специально таких присылают?

— Не знаю, — отозвалась Бланка. — Наверное, специально.

Она снова, в какой уже раз сегодня, вспомнила Хозе-фу. Специально не специально, но что-то особенное в них есть...

Парни беспомощно перешли на жесты:

— Буль-буль-буль!

— Баккарди они не пьют, им запрещено. Агуа?

— Агуа, — с сожалением подтвердил Жора. — Агуа. Грациэлла откупорила бутылочки с содовой.

Тот, что назвался Сашей, положил на стойку монетки, а Жора начал рыться в карманах, достал значки, нашел-таки нужную фразу в кпжице:

— Это вам значки на память. — Обернулся и к Бланке: — Это вам значки на память. — Вынул открытки: — Это вам открытки на память. Это Москва. Это наше судно, сухогруз «Хосе Ибаррури», порт приписки — город революции Ленинград.

— О, Ленинград, Ленинград! — кивнула Грациэлла.

— Разрешите, товарищ по борьбе, я вам приколю значок, — снова перешел на русский Саша и перегнулся к девушке.

— Грациас! Ой!

— Виноват! От контакта с живой материей дрожат пальцы.

— Товарищ старший матрос! — строго сказал Жора.

— Эх, ничего ты не понимаешь в стратегии и тактике... Видишь, уже взаимопонимание, еще минута — и согласие, а там недалеко и до сердечности.

— Вот скажу я замполиту, пропишет тебе Андрей Петрович лекарство от сердечности.

— Это будет завтра, а сегодня... Сжуем по сигарке?

— Ты же знаешь, я не курю, — заколебался Жора.

— Любовь требует жертв. Камарада, будьте любезны — сигары. Вот эти, самые большие.

— Но, — отрицательно покачала головой мулатка. — Но! — Сказала Бланке: — Они хотят охотничьи.

Бланка спросила:

— Вы говорите по-английски?

— Да, конечно, — обрадовался Жора. — К сожалению, мы еще не выучили испанский, мы первый раз на Кубе. Его английский был вполне сносным.

— Эти сигары вам нельзя. Это охотничьи. Их курят только кубинцы. Если вы никогда не пробовали, вы можете упасть в обморок — такие они крепкие, — объяснила она.

Жора обрадовался. Перевел своему приятелю.

— Купите лучше «Корону» или «Ромео».

— Большое спасибо. До свидания. Мы торопимся в порт. Гуд бай! — И увлек за собой второго парня.

— Симпатичные, — проговорила им вслед Грациэлла.

Бланка кивнула. Мимолетная, ничего не значащая встреча. Но почему-то на душе стало легко.

Она пошла на пост.

Опустела улица. Грациэлла приткнулась в углу кофейни, оперлась локтями о стойку, положила голову на руки и задремала. С набережной потянул ветер, принес грохот волн.

6

Лаптев сидел в плетеном кресле на балконе. Балкон, обращенный в сторону Мексиканского залива, возвышался, как бы плыл над городом.

Было пять часов утра, и Андрей Петрович наблюдал рождение утра. Прибой укротил свой пыл, не бился гри-

вой о камни, а лениво ластился к берегу. И все море, розово-голубое в рассветном солнце, мелко рябило. На горизонте оно растворялось в мягкой дымке. И из этой же дымки струилось небо.

Но вот лучи зажгли края облаков и белые свечи небо-скребов. И город словно бы начал подниматься, стряхивал сон, щурясь от яркого света, молодой и красивый.

Совсем другой, чем был этой ночью... Та Гавана была словно бы в черно-бархатном, с блестками, платье — такая непохожая на эту, бело-голубую и ослепительную, устремившую в небо свои этажи. Ночью она распласталась под тяжестью густозвездного неба, стала низкой — вровень с первыми этажами, с окнами бесчисленных кафе и ночных клубов, баров, кинотеатров и бильярдных, в которых и за полночь глухо стучали шары. Те улицы были наполнены шепотом, чуть ли не за каждой стеной ритмично ухали негритянские барабаны, щелкали кастаньеты, тренькали гитары, чуть ли не под каждым деревом прижимались друг к другу влюбленные. Андрей Петрович почувствовал себя в ночной Гаване совсем одиноким. Надо ли было на старости лет открывать ему еще и эту страну?

Он пробыл в доме у Лены и Росарио до полночи. Радужные хозяева. Желанный гость. Но и только. Потом, договорившись встретиться и на следующий день, Эрерро проводил его к Феликсу. Оказалось — рукой подать.

В особняке Обрагона пахло знакомым и давним. Часовые. Зуммеры. Быстрые шаги.

Феликс был занят — Андрей Петрович уловил напряжение, словно бы наэлектризовавшее воздух, — однако обрадовался встрече не меньше, чем сам Лаптев.

Феликс огорчился, узнав, что Лаптев приехал всего на два дня. Спросил: «Чего ты очень хочешь; коронель?» — «Если бы удалось увидеть Фиделя». — «А, дьявол, не повезло — как раз перед тобой он заезжал сюда... Мог бы познакомить». — «Ого! Ты с ним в таких друзьях?» — «Прошли вместе от Сьерра-Маэстры. Но приезжал он по делу. Одна «каша заваривается», как ты любил говорить. Увидишь и услышишь его на митинге, это я тебе устрою». — «Мне — и моим ребятам из экипажа, договорились?»

Лаптев знал: его матросы хотели бы увидеть Фиделя. Да и воображение самого Андрея Петровича глубоко

волновала судьба вождя кубинской революции: перед поездкой многое услышал и прочел о нем. Совсем еще молодой человек — сейчас всего тридцать шесть. Имя его по-испански означает «верный». Из семьи богатого помещика-землевладельца, блестяще окончил колледж. В характеристике учителя записали: «Фидель Кастро заполнит не одну золотую страницу в книге своей жизни». Отважился ли кто-нибудь из них предположить, что это будет за книга?.. Молодой адвокат, доктор права, имевший уже собственную контору, он в пятьдесят втором году, когда Батиста, главарь реакционной военщины, совершил на Кубе государственный переворот, подал в верховный суд страны заявление: потребовал заключить в тюрьму диктатора и его сообщников. В суде посмеялись над этим заявлением, подивились отчаянной храбрости заявителя. Но молодой адвокат от слов перешел к делу: повел патриотов на штурм военной казармы «Монкада» в городе Сантьяго-де-Куба. Юноши с револьверами и гранатами — на каменные стены. На каждого штурмующего — двадцать обороняющихся. И не какие-то там инвалиды, а до зубов вооруженные кадровые офицеры и солдаты. Взрыв отчаяния? Кто пал у стен крепости, кого замучили в застенках... Фиделя, которому удалось скрыться в горах, Батиста приказал «взять в плен только мертвым». Его схватили, к счастью, лишь ранили. Заседание военного трибунала состоялось прямо в палате госпиталя. Обращаясь к членам трибунала, Фидель язвительно сказал: «Единственная публика, которую я вижу... это около ста солдат и офицеров. Спасибо за любезное и серьезное внимание, которое мне оказано! Дай бог, чтобы здесь оказалась вся армия! Я знаю, что рано или поздно она будет гореть желанием смыть позорное, грязное и кровавое пятно, которым запачкан военный мундир в результате действий группы бездушных людей. Пока еще они живут в свое удовольствие за спиной армии, но недалеко то время, когда народ сбросит их». И еще он сказал: «Я не поступлю так, как поступают все адвокаты, которые просят свободы для подзащитного. Я не могу просить ее, когда мои товарищи еще страдают на острове Пинос в позорном заточении. Пошлите меня к ним разделить их судьбу. Ведь понятно, что честные должны либо погибать, либо сидеть в тюрьме, если в республике президентом является преступник и бандит». А закончил

так: «Вы можете меня осудить, это не имеет значения: история меня оправдает!» Его приговорили к пятнадцати годам тюрьмы. Но его речь, получившая название «История меня оправдает!», в списках распространилась по всей Кубе, превратилась в программу борьбы патриотов. Фидель после штурма «Монкады» стал в глазах народа национальным героем, а день штурма превратился в день отсчета вооруженного движения против диктатуры, завершившегося в ночь на новый, пятьдесят девятый год разгромом сорокатысячной армии Батисты, бегством диктатора и полной победой повстанцев. И кто теперь, бросив ретроспективный взгляд, назвал бы штурм «Монкады» необдуманным и бессмысленным взрывом отчаяния?.. Андрей Петрович на собственном опыте знал, как важно бывает в критические моменты действовать решительно и отважно, уповая и на то, что результаты скажутся лишь через годы.

Лаптев разговаривал с Обрагоном, но этот разговор рвался на клочки: звонил телефон, входили сотрудники, приносили бланки, получали распоряжения. Голоса были сдержанны, но взволнованны. «Какую кашу варишь?» — спросил Андрей Петрович. «Знаешь, на Кубе издавна была пословица: «Бедная наша страна — так далеко от бога и так близко от Соединенных Штатов». С таким соседом хватает забот», — уклончиво ответил Феликс. Лаптев понял: какая-то контрразведывательная операция, связанная с этим «соседом».

Спросил: «Как ты оказался на Кубе, на этой работе?»

Обрагон поведал. После отъезда Артуро и Хозефы их саперный батальон продолжал действовать на Центральном фронте, под Мадридом. Феликс командовал отрядом, а когда прибыл опытный диверсант, волонтер из Латвии, коммунист, Обрагона, Варрона и еще двух бойцов откомандировали в штаб обороны столицы, в сегуридад, — «пятая колонна» активизировалась. В Испании воевал до последнего. Уже пал Мадрид, уже франкисты осадили Барселону... Его ранило на Эбро, с последней группой прикрытия они отошли через горы во Францию. Там их интернировали. Сменил три концлагеря. Потом началась вторая мировая война. Там же, во Франции, участвовал в движении Сопротивления. После 9 мая сорок пятого года где только не побывал. А вот на родине — не довелось. «Что знаешь о судьбе наших ребят?» Студент-анар-

хист Лусьяно убит под Мадридом. Божидар умер от ран в лазарете — ушел из отряда и воевал в интербригаде, со своими, с югославами. Рафаэля, крестьянина из Андалузии, схватили и замучили франкисты. Называл имена. Всплывали в памяти лица. И мрачным рефреном звучало: «Убит. Убит. Умер от ран. Погиб в концлагере. Замучен франкистами»...

Из слов людей, входивших в кабинет, из приказаний, которые отдавал Обрагон, Лаптев понял, о чем шла речь. Подобными операциями он занимался едва ли не с девятнадцатого года, еще в оперативной группе ВЧК, под руководством Феликса Эдмундовича.

Но сейчас, самым своим присутствием, он невольно отвлекает Феликса, мешает ему сосредоточиться.

Андрей Петрович поднялся:

— Давай лучше встретимся утром.

Вышел из особняка. И снова обступила его ночная душистая Гавана. И он вдруг решил, что останется в городе до утра — на судне у него сейчас дел нет, там полным ходом идет разгрузка, а ему нужно побыть наедине с самим собой.

Он бродил по темным улочкам. Из-за стен, закрытых и отворенных дверей и окон доносилось бречание гитар, радиомызыка, голоса. Лаптев вспомнил, как вот такой же ночью уходил его саперный батальон форсировать ледяную Тахо под Толедо, а накануне Лена сказала, что она — жена Росарио. Это было четверть века назад... Он усмехнулся: да, вот какие уже мерки... Хочешь или не хочешь признавать, а прожил порядочно, вступил в пору подведения итогов...

И вдруг всплыло совсем давнее, из детства: «Ерема, Ерема, сидел бы ты дома...» Действительно, надо ли было так стремиться сюда, через полмира, чтобы увидеть Лену?..

Он шел в гору по какой-то улице и неожиданно оказался у сверкающей громады «Гавана либре». Подумал: почему бы не снять в отеле номер, соснуть пару часов на кровати, всеми четырьмя ножками упирающейся в земную твердь? За недели путешествия по морям соскучился он по спокойному, без качки, ложу.

Лифт вознес на двадцатый этаж. Стеклянная стена номера была распахнута на Мексиканский залив. В комнате гулял влажный, свежий ветер. Город внизу лучил-

ся огнями, вспыхивал прожектор маяка, светились огни судов в бухте.

За горизонтом едва уловимо рождалось утро.

7

Хуанито вприпрыжку мчался по улице, обгоняя ватаги таких же, как и он, ребят. Раннее утро Гаваны — час учеников. С книгами и тетрадками, с картами и гербариями, они спешили к школам. У стен школ были установленны щиты. На плакатах — маленькие смешные человечки держали в руках раскрытые книги: «Счастливы 1963 год. Народ, который учится, — это народ, который побеждает!» Или другие человечки: в одной руке винтовка, в другой — книга: «Чтобы быть свободными, надо быть образованными!» А еще чаще, просто и ясно: «Куба — первая страна Америки, свободная от неграмотности!»

Мальчику нравились эти звонкие революционные лозунги. Но вот учиться... Корпеть над тетрадками в тихих классах, с неподатливым пером в руке... Ну уж нет! Улицы — вот его школа! Энергия бурлила в нем, и сиденья парт казались ему утыканными гвоздями. Что поделаешь — учиться, конечно, придется. Но потом. Сейчас главное — защищать революцию! Он день и ночь должен быть на посту!.. Поэтому даже больше, чем лозунги, были ему по душе на авенидах Гаваны густо-зеленые мясистые кактусы с желтыми дырами от пуль — следы схваток с гусанос, слизняками-контрреволюционерами.

Он пробежал несколько улиц и замедлил шаги на авениде Пасео, у резиденции бразильского посольства. У ограды посольства стояли усиленные наряды народной полиции. А за оградой, за мелкоячеистой сеткой решетки, топтались или лежали на траве угрюмые и небритые люди. Прямо на ветвях и кустах сохло белье. Хуанито знал: это на территории посольства укрылись несколько десятков контрреволюционеров. Вот они, протяни руку и схвати!.. Ненавистные рожи!.. Но за чертой ограды по каким-то там законам власть республики кончалась. Зато и гусанос не могли показать носа на сантиметр дальше сетки. Они находились в добровольном заточении много месяцев. Наверно, подышают от скуки. Часами, прильнув к ограде, смотрят на улицу. Мальчугану их не

было жалко ни на мизинец: ух, сколько на счету каждого преступлений! Может, это кто-то из них убил его отца.

Он остановился около ограды, начал пританцовывать и горланить им же самым сочиненную песенку:

Черви, черви!
Слизняки в банке!
Скоро будем ловить на вас рыбу!..

Гусанос лениво ругались и грозили ему кулаками. Они уже привыкли. Но постовой сердито прикрикнул из-под навеса на углу:

— Проходи, проходи! Не останавливаться!

Хуанито показал язык и ему и побежал дальше. Некогда объяснить, кто он такой. У него самого — срочное дело!..

Вот и пужный ему дом. Мальчуган примерился и, выждав момент, прошмыгнул мимо часового. Тот узнал — и только покачал головой.

Через три ступеньки — вверх по лестнице. У двери Хуанито нагнулся, потер ботинки углом ковра, чтобы блестели. Осторожно приоткрыл дверь в кабинет.

Капитан Обрагон сидел над бумагами. В комнате ничего не изменилось с тех пор, как Хуанито побывал здесь несколько часов назад. Не тронута и постель. Дымится на столе чашка кофе, и воздух сизый от сигарного чада.

Только в кресле, напротив дяди Феликса, сидит совсем седой и бритобородый пожилой человек в костюме странного фасона, да еще темно-синем: как ему не жарко? Хуанито никогда прежде этого мужчину не видел. И теперь оробел. Уже хотел было притворить дверь, но вспомнил, почему прибежал сюда:

— Дядя Феликс, это я! Колоссальные новости!

Капитан поднял от бумаг глаза с тяжелыми, набухшими веками.

— Доброе утро, мальчуган! — Он с хрустом потянулся. — Выкладывай.

Но Хуанито колебался: можно ли при этом седом? А вдруг незнакомец — из тех и дядя Феликс его допрашивает?

— Можешь говорить, — понял Обрагон. — Это коронель Артуро, мой бывший командир.

Ого!.. Хуанито впервые видел кого-то, кто был коман-

диром над самим дядей Феликсом. А звания «коронель» он вообще не слыхивал: на Кубе самым высшим было — команданте, и даже Фидель был команданте!.. Хуанито питал уважение только к военным. Но сейчас он с почтением посмотрел на седого штатского: факт, переоделся для маскировки. Коронель!.. И начал:

— Дядя Феликс, ночью я совсем забыл сказать: у той сеньоры на авениде Квинта была еще одна сеньорита. И вот у нее я видел... — он сделал паузу, — фото этого контрика! — Прицокнул языком. — Сеньорита втрескана в этого типа по макушку!

В душе мальчугана что-то скребнуло. Жалость? Может быть. Но если он и мог пожалеть сеньориту, то только потому, что она красивая и ласково разговаривала с ним, накормила его в доме на авениде Квинта. Однако если она тоже контра, никакой жалости к ней быть не может! А все же жалко...

— Кто она? — спросил капитан.

— Зовут Бланкой, рыжая, глазищи — как блюдца, живет на авениде Уна, 37, — припомнил Хуанито. — Она — милисиано и дежурила у подъезда радиостанции «Патриа», а теперь уже умотала в провинцию Лас-Вильяс выполнять какое-то задание. Вот!

Обрагон удивленно глянул на мальчика:

— Откуда тебе все это известно?

— Будьте спокойненьки! Я, дядя Феликс, день и ночь на страже революции!

— Вот какие у меня помощники! — сказал, обращаясь к седому, капитан, и Хуанито залился краской от гордости.

Обрагон притянул паренька к себе. Ощутил под пальцами, как худы его плечи.

— Отлично, Хуанито! А сейчас новый приказ: марш спать! — Встал, подвел его к двери: — Ляжешь у нас, наверху. И без моего разрешения — никуда ни шагу!

— Дядя Феликс, а как же с этой рыжей?.. — заканючил мальчуган. — Я же знаю, где она живет, я был уже около ее дома!

— Хорошо, выспишься, а ночью вместе с моими бойцами пойдешь в засаду на авениду Уна. Только смотри мне. Без разрешения командира группы никуда носа не суй!

— Слушаюсь, капитан! — стукнул пяткой о пятку мальчик.

Когда он выбежал, Обрагон повернулся к Лаптеву:

— А? Настоящий вырастет солдат!

Пододвинул календарь, пометил: «Путевку в санаторий для Хуанито».

— Пошли его к нам, Феликс, — сказал Андрей Петрович. — Республике нужны не только солдаты. У нас он выучится на хорошего инженера.

— Это мысль! Он ведь сирота. А сейчас как раз подбирается группа на учебу в Советский Союз. Вот только как его убедить? Хотя — в Советский Союз...

Все время, пока мальчуган был в кабинете, Лаптев наблюдал за ним с особенным интересом. Как похож на тех давних пастушат — агентов Ксанти, которые вели его, Росарио, Божидара и анархиста Лусьяно за «длинным языком» под Агьенсу... Наверное, и сам он без малого полвека назад был таким же — когда выуживал из проруби трехлинейки для красногвардейского отряда отца... Правда, с собой он не может сравнивать — не может посмотреть на себя, пацана, со стороны... Но наверное, ни одна революция и ни одна революционная война не обходятся без таких вот Валь Котиков и Гаврошей — пусть говорят они на разных языках и одних от других отделяют десятилетия и века... Что живет в их душах: неиссякаемая жажда приключений? Или обостренное, еще бескомпромиссное чувство справедливости и не подточенная коррозией жизненного опыта самоотверженность?.. Чудесные ребята. Ради будущего таких, ради их счастья и идет по всему миру борьба... Он вспомнил давние слова Феликса Эдмундовича, когда ВЧК развертывала борьбу с детской беспризорностью: «Все для них! Плоды революции — не нам, а им!..» Кажется, Дзержинский сказал это паркому просвещения Луначарскому... Сущая правда. А его Василий, фронтовой сын, ставший настоящим сыном?.. Ракетчик. Инженер-полковник. Коронель!.. Пусть в детях осуществляются наши мечты. Это и лучше. Счастливей. Непременно нужно, чтобы Хуанито поехал в Советский Союз. В Москву. А жить мальчуган сможет в семье Василия или у него...

— Давай так и решим, Феликс, — твердо сказал Лаптев.

— Нет проблем, как любит говорить бывший пикадор, — кивнул Обрагон.

Он снял трубку телефона и позвонил в радиоцентр. Кто ночью дежурил в вестибюле? Шофер Мануэль Родригес, Бланка Гарсия де Сальгадо. Редактор Варрон.

Отнял трубку:

— Одно к одному, коронель. Нам не придется разыскивать журналиста — сейчас приглашу его сюда. — И в трубку: — Немедленно пошлите за Варроном. Попросите как можно скорей прийти в управление безопасности... Да, срочное дело. К капитану Обрагону. — Повесил трубку. Нажал кнопку звонка: — Приведите Карлоса Наварру.

Встал, подошел к карте республики. Задумался, глядя на нее. Из опыта он знал: разрозненные сведения — как штрихи на листе бумаги, один к одному. Они в конечном счете создают цельный рисунок. Неужели с первых же шагов пришла удача?.. Он не верит случайностям и не полагается на удачливость: враг хитер, и победит в единоборстве более умный и сильный. Не этому ли учил его и остальных волонтеров четверть века назад Артуро?..

Обернулся к гостю:

— У вас есть еще время, коронель?

— Весь день.

— Сейчас я должен допросить одного... Бывший наш. Стал предателем. Можете присутствовать. Но только — ни слова. Он очень издерган. И очень обидчив.

— Понимаю. — Лаптев пересел к окну, в дальнее кресло.

Боец ввел в комнату Карлоса. Обрагон снова сел за стол, показал арестованному на кресло.

— Что еще? — угрюмо спросил Наварра, покосившись на пожилого мужчину в углу.

Дуэль продолжалась. Вчера в проигрыше оказался Обрагон. Или помешал команданте, или неправильным был психологический расчет. Пожалуй, на Карлоса скорее подействует не насмешка, а откровенность.

Феликс молча рассматривал арестованного. Наварра устало протянул руку, взял со стола сигарету:

— Я же сказал: больше не выжмете из меня ни слова.

— И уже выпалил целую дюжину. Слушай, Карлос,

не карабкайся на пьедестал героя. — Он говорил, словно бы думая вслух. — Смотреть реальным обстоятельствам в глаза — для этого нужно больше мужества.

— А ты, Феликс? Как бы ты вел себя на моем месте? — Карлос несколько раз затянулся, закашлялся.

Обрагон встал, подошел к окну, распахнул створки. Город уже был залит солнцем. Щебетали птицы. Ветер на какое-то время стих. Все так же задумчиво капитан проговорил:

— Прежде всего я не дался бы в руки врагов живым... Но если бы и схватили, не сказал бы ни слова. А ты уже много сказал. Фактом больше, фактом меньше — не имеет значения... А самое главное — скажу тебе откровенно — я ни при каких обстоятельствах не мог бы перейти на сторону врага. Даже если бы разочаровался в идеалах, за которые дрался... Я просто пустил бы себе пулю в лоб.

«Молодец, — подумал Лаптев. Феликс говорил медленно, и он, хоть и не полностью восстановил в памяти испанский, поспевал за ним, понимал почти все. — Я тоже сказал бы только так...»

Карлос же снова затянулся сигаретой, опустил голову. Задумался. Какие мысли накладывают такую тяжелую печать на его лицо, заостряют морщины?.. Что питает само явление: предательство?.. Андрею Петровичу не раз приходилось сталкиваться с такими вот предателями, изменниками, перебежчиками на сторону врага. Убежденный враг, антипод — это ясно. Враг — если он силен, умен и открыто соперничает с тобой в силе и умении, может даже вызывать уважение. Но не предатели!.. Побудительные причины предательства различны. Иногда — деньги. Чаще — неудовлетворенное тщеславие. Еще чаще — малодушие, когда собственная шкура дороже всего мира и всего самого святого... Но результат предательства всегда один, и расплата за него должна быть одна. Вступающий на путь измены должен знать это.

Обрагон молчал. И Карлос тоже не торопился нарушить затянувшуюся паузу. Наверное, он наконец-то все понял. Хотя бы только одно: надеяться ему не на что. Остается достойно закончить игру...

Смял в пепельнице сигарету, поднял голову. Посмотрел на капитана. Обрагон встретился с ним взглядом. Да, теперь Наварра будет говорить.

— Может, ты и прав... — сказал Карлос. — Эх, если бы я знал, какие фортелы выкинет со мной судьба, не ввязывался бы в эту историю!.. Видно, история не по мне...

«Этого толкнуло на предательство честолюбие».

Наварра помедлил. С усмешкой спросил:

— Так какие детали ты хочешь уточнить?

Обрагон вернулся к столу:

— Явочные квартиры, на которых может объявиться Конрад де ла Ронка.

Арестованный мстительно улыбнулся:

— Вот оно что! Обкладываете, значит, Маэстро со всех сторон? — Он огляделся: — Любопытно, как этот красавчик будет вести себя здесь? Дай карту города.

Капитан развернул на столе карту. Карлос склонился над ней, изучая. Потом стал показывать, тыкая в сплетения улиц вздрагивающим, в ссадинах, пальцем:

— Здесь... Здесь... Здесь... Пароли...

— «Аделапте», отзыв: «Фиалка», — подсказал Обрагон. — Это все нам известно. А еще?

— Больше не знаю, честное слово.

— А знакомо тебе имя: Бланка Гарсия де Сальгадо? Карлос задумался. Отрицательно качнул головой.

Лаптев подумал: «Да, судя по всему, он больше не знает...»

В дверях появился дежурный:

— Капитан, пришел компаньеро Варрон.

— Пусть войдет.

— Салуд, камарадос! — Редактор, прихрамывая, приблизился к Обрагону, похлопал его по плечу: — Рад тебя видеть, старик! Все худеешь! — Вежливо поклонился незнакомцу у дальнего окна, повернулся к Наварре: — Привет, Карлос! Рад тебя видеть! А ты все такой же! — Протянул ему руку.

Карлос вскочил.

— Что это о тебе так давно не было слышно? — продолжал Варрон. — Работаешь в провинции?

Наварра отступил на шаг:

— Не дотрагивайся до меня! Запачкаешься...

Наступило неловкое молчание. Редактор перевел взгляд с Карлоса на Обрагона:

— Не может быть...

Капитан нажал кнопку звонка. Вошел боец.

— Уведите арестованного.

Карлос направился к дверям. Маскировочная куртка висела на его плечах. Кисти рук почти касались колен. На пороге он остановился. Сипло проговорил: — Прощай, Феликс... Прощай, Педро... — Развел руками — и вышел.

Баррон посмотрел на капитана:

— Неужели?..

— Да, еще один... И не только дезертир и предатель. Высадился на днях во главе банды гусанос в Эскамбрае. Имел диверсионные задания в Гаване.

Редактор сел. Стал раскачиваться в кресле из стороны в сторону:

— А я ничего и не знал... Только подумать: лейтенант Карлос Наварра... Обрадовался, старый осел: «Рад тебя видеть!..»

— Хватит о нем. А вот мы, стыд и позор, так давно не виделись! — перевел разговор Обрагон.

— Проклятая работа. Отбирает все до последней минуты, до последней извилины! — Редактор постучал себя по лбу.

— Да, с каждым днем она становится все ответственней и сложнее, — сказал капитан. — Там моей задачей было не допустить, чтобы в наши отряды проникли агенты Батисты. А теперь мы охраняем безопасность государства.

— И наш голос, голос Кубы, слышен теперь на весь мир: «Говорит радио «Патриа»!.. — отозвался Баррон. — Все сложнее с каждым днем... — Он встал, зашагал, хромая, по комнате. Опять мельком взглянул на Лаптева, но так и не узнал, остановился напротив Обрагона, хмуро и прямо посмотрел ему в глаза: — И я все чаще ловлю себя на мысли: не пора ли сойти с дистанции? Не путаемся ли мы у молодых под ногами и не мешаем ли им бежать вперед?

— Нет, Педро... Мы не можем сойти. Наш груз потерь и лет — невосполнимый для них опыт. Без него им пришлось бы начинать с самого начала и терять драгоценное время на старте. Мы не имеем права сойти.

Баррон плюхнулся в кресло. Они замолчали.

Андрей Петрович внимательно — как еще недавно на Хуанито — смотрел на журналиста. Стало досадно, что Баррон не узнал его: неужели так изменился?.. «Да, стариков это всегда обижает, потому что изменения одно-

значны». Но и он сам скорее поверил, чем признал бывшего своего бойца. Тот был шустрый, худой, с буйной шевелюрой. Этот — грузен, лыс, хром. Нездоровое, одутловатое лицо, да еще обрамленное редкой длинной бородой. И даже ростом вроде бы стал ниже. Только глаза сохранили что-то прежнее... Да, он. Старый разведчик, Лаптев всегда прежде всего обращал внимание на глаза. Внешность можно изменить как угодно. Трудней всего изменить выражение глаз. Не цвет их — это тоже теперь не так уж сложно. А именно — выражение. Четверть века...

— Мы не имеем права сойти, чтобы не повторился Мадрид, — как бы замыкая прошлое с настоящим и включая в это настоящее Лаптева, задумчиво проговорил Обрагон. — Ты помнишь, Педро, Малагу и Гвадалахару, помнишь Толедо? Помнишь, как мы познакомились с тобой?

Баррон мягко улыбнулся — и стал больше похож на того, давнего:

— Как сегодня. В нашем славном саперном батальоне, в Малаге.

— Да... А потом... Помнишь, как прощались с коронелем Артуро?..

— Еще бы! — отозвался Педро. — А после того как он уехал, наш батальон дрался на Эбро, на высотах у Харамы.

— А потом в Мадриде нам в спину ударила «пятая колонна»... Нет, мы не имеем права сойти с дистанции. Пока мы работаем на революцию, мы служим Испании. — Обрагон достал платок, высморкался. — Бессонная ночь. Выше голову! Сожмем кулаки!

— Сожмем! — поднял руку Баррон. — Но пасаран!

«Все живо...» — подумал Лаптев, почувствовал, как защищало в носу.

— Так зачем ты стащил меня с койки? — ворчливо спросил Педро. — Чтобы полистать пожелтевшие страницы?

— Да, — пригладил ладонью бороду капитан. — Разрешите представить... — И отчеканил: — Коронель Артуро!

Баррон недоверчиво проследил за движением его руки, взгляделся в Лаптева — и рванулся к нему, свалив тяжелое кресло.

— Вот это встреча! Живой! Наш коронель!

Они обнялись.

— А я вижу: сидит кто-то, молчит... Что-то скребнуло... Но разве мог подумать!

Педро засиявшими, молодыми глазами разглядывал гостя:

— Да, да, вы!.. Надо же... Мне говорил Росарио, когда приехал... Но не надеялся, что снова увижу. Он говорил, вы — генерал?

— Теперь уже в запасе.

— Значит, сошли с дистанции?

— Возраст. Я ведь намного старше вас, мои волонтеры. И болезни. И раны. Да и недавно снял я погоны.

— А все эти годы — воевали, взрывали? — не скрывая восхищения, спросил Педро.

— Только в войну. А последние годы занимался совсем другими делами, работал за пределами Советского Союза, — уклончиво ответил Лаптев и замолчал.

— Артуро не сошел с дистанции — и никогда не сойдет, — убежденно сказал Обрагон. — Сейчас он привел на Кубу судно с тракторами и автомобилями. Но вы еще найдете время поговорить по душам. А сейчас я позвал тебя не только для того, чтобы обрадовать сюрпризом. — Он пододвинул досье: — Скажи, что ты знаешь о Бланке де Сальгадо?

Редактор мягко улыбнулся:

— Наша новая сотрудница. Очень способная и милая девушка. Моя дочь, наверное, была бы похожа на нее... Тоже рыжая.

Лаптев вспомнил: у Педро в Мадриде была семья. Значит... Он не стал спрашивать, чтобы не травить ему душу.

— Не торопись сравнивать, — остановил капитан. — Что еще ты можешь сказать о ней?

Варрон задумался:

— Талантливая поэтесса... Стихи искренние и чистые... Сейчас она на распутье. Из богатой семьи, но не может идти со своим классом, потому что любит Кубу. Она уже была в Сьерре, в лагере учителей-добровольцев. Но еще не попала в переделку, когда нужно сделать окончательный выбор.

— Н-да, психологично... — Обрагон подошел, наклонился над редактором: — А если предположить, что она — враг?

— Нет, — отмахнулся Педро. — У тебя есть данные?

— И да и нет. Точных нет. Но косвенных — целая куча. Или она — милая девушка, случайно попавшая в опасную зону, или опытный и превосходно законспирированный враг, один из козырей в большой игре.

— Не могу поверить... — Редактор покосился на дверь. — Карлос?.. И все же наша сила в доверии, а не в подозрительности. Так?

Он повернул голову к Андрею Петровичу, как бы ища у него поддержки.

«Ты прав, в доверии», — подумал Лаптев. Та давняя история с лейтенантом Эрерро очень многому его научила. И в войну, и уже после войны, в не менее трудные годы, помогла удержаться от непоправимых решений. «Да, факты, пусть их и куча, — еще совсем не все. Главное — что представляет собой сам человек». Но в этом споре он не мог встать ни на ту, ни на другую сторону — не знал, о ком шла речь. Мила? Талантлива?.. Это ровным счетом ничего не значит. Опытными врагами оказывались и юные красавицы, и даже подростки. Он промолчал.

Ответил Обрагон:

— Доверяй, но проверяй. — И сухо спросил: — Куда она поехала?

Педро рассказал: он послал девушку в провинцию Лас-Вильяс сделать репортаж на крестьянскую тему. Хочет, чтобы Бланка самостоятельно выполнила задание — так у нее больше ответственности. С ней только шофер Мануэль Родригес.

— Это какой Родригес?

— Тот самый, наш пулеметчик.

— Хорошо, парень надежный.

— Только, по-моему, влюблен в Бланку по уши! — улыбнулся Варрон.

— Это уже хуже...

— Я хочу верить!

— Дай бог, чтобы было по-твоему. Хорошо, старик, иди, отсыпайся.

Варрон поднялся:

— Теперь сон не затащишь на аркане. Поковыляю на работу. — Посмотрел на Лаптева: — Может быть, заглянете ко мне на радиостанцию, компаньеро Артуро?

— Обязательно.

У двери Варрон поднял кулак:

— Но пасаран!

Лаптев и капитан ответили приветствием, объединившим их навечно.

Как только редактор вышел, Обрагон вызвал дежурного:

— Хосе Васкеса — ко мне!

Васкес вошел, поцуро остановился подальше от Обрагона:

— Мерильда де ла Перес скрылась... Я виноват, капитан.

Обрагон молча посмотрел на него. Глянул на Хосе и Лаптев. Маловыразительное лицо. Блестящие волосы, старательно уложенные волнами и покрытые какой-то жидкостью. Бриолином, что ли?.. Глаза настороженные.

Васкеса, видимо, встревожило молчание капитана и присутствие в кабинете третьего человека.

— Кто мог предвидеть... — начал он.

— Контрразведчик должен все предвидеть, — оборвал капитан.

— Клянусь, впредь!..

— Надеюсь, — снова остановил Феликс. — Поэтому и поручаю тебе новое задание. — Он подошел к карте. — Вот в этот район выехала корреспондент радиостанции «Патриа» Бланка Гарсия де Сальгадо. Двадцать два года, рост средний, волосы рыжие, глаза голубые. Машина «тонваген», гаванский номер 316-26. Шофер Мануэль Родригес. Слушай внимательно: вполне возможно, что Сальгадо — связная «Белой розы» и она воспользовалась командировкой для прикрытия, чтобы отправиться на связь с Маэстро. Твоя задача: найти ее, не отпускать ни на шаг. В случае необходимости — действовать по обстоятельствам. На шофера Родригеса можешь положиться — наш. Выезжай немедленно. С приметам человека, которого мы ищем, знаком?

— Да. Рост — сто семьдесят семь. Брюнет, глаза карие. На правой щеке родинка.

Обрагон кивнул:

— Возьми в отделе и фотографию. Выполняй.

Васкес круто повернулся. Лаптев успел увидеть, как лицо его расплылось в улыбке: пронесло, мол.

Зазвонил телефон. Обрагон снял трубку:

— Где?.. Сволочи! — Обернулся к Андрею Петрови-

чу: — Сообщает уполномоченный районного отдела безопасности из Пинар-дель-Рио: перед рассветом банда гусанос подожгла в кооперативе «Либертад» плантацию сахарного тростника. Убит дежуривший в поле крестьянин-милисиано. Куда скрылись бандиты — неизвестно.

Он медленно положил трубку. «Как в первые годы нашей революции», — устало подумал Лаптев.

8

Солнце клонилось к закату. Бланка уже несколько часов была в пути. Она побывала в двух горных деревушках, затерявшихся меж кофейных плантаций, апельсиновых и лимонных садов, посадок ананаса и агавы. Агава — растение с трагической судьбой: раз в жизни расцветает и как только созреют плоды — погибает. Ей всегда было жалко агаву.

Бланка успела побеседовать с крестьянами в кооперативах, сделала записи на магнитофон на ферме, проинтервьюировала молодого администратора народного имения. А теперь дорога вела все выше и выше в горы, и уже далеко внизу остались последние клочки обработанной земли. Их машина карабкалась по каменистой тропе с трудом — она не предназначалась для столь неблагоустроенных дорог. Это был маленький тупоносый автобус «тонваген», специально оборудованный для звукозаписи. Кузов его, отделенный от кабины толстой стенкой, был превращен в салон с магнитофонами, пультом записи и диванами вдоль стен. Окна задернуты шелковыми занавесками, пол устлан пробковым матом — уютный передвижной домик, в котором можно вести радиорепортажи и отдохнуть в дальнем пути. Но Бланка предпочла расположиться в кабине водителя, обдуваемой ветром, обдаваемой пылью, но зато не мешающей глазеть по сторонам. Теперь девушка с интересом смотрела, как тропа медленно уползает под машину, будто автобус неохотно заглатывает ее.

— Куда мы едем? — спросила она.

— Увидите, — коротко бросил, не поворачивая головы, Мануэль.

В дороге он стал удивительно молчаливым и даже не смотрел на свою спутницу. Пыль припорошила его курчавую бороду. Вспотевшее лицо было покрыто, как индей-

ской татуировкой, потеками грязи. Бланка заглянула в зеркальце над ветровым стеклом: лицо ее за день обгорело, волосы из рыжих стали пепельными. «Ничего себе красotka!»

Горы расступились — и открылась лощинка. Она была распахана. Зеленый, уже наливающийся желтизной, стоял стеной сахарный тростник. Крутые склоны горы поросли кустарником и деревьями. В стороне виднелся одинокий крестьянский домик — бойо, строение, своей формой напоминавшее древние индейские хижины. Каменистая тропа обрывалась у края поля.

— Дальше дороги нет! — воскликнула Бланка.

Мануэль все так же молча остановил машину. Девушка выпрыгнула из кабины. Огляделась. Прислушалась. Радостно улыбнулась.

— Как здесь красиво! Как тихо! Только цикады... — Она раскинула руки. Потом сложила ладони у рта и крикнула: — Ого-го-го!..

Горы отозвались удаляющимся эхом.

— Слышишь? Они отвечают нам...

Мануэль неторопливо вышел из машины. Посмотрел на Бланку. Отвел глаза в сторону:

— Там, за полем, — обрыв. По дну — речка. А еще ниже — водопад.

— Откуда ты знаешь?

Шофер молчаливо пошел к краю поля. Девушка догнала его. Действительно, лощина круто обрывалась вниз, и там пенился водопад. Бланка пнула камешек. Он, подпрыгивая, покатился вниз, плюхнулся в воду.

— А с той стороны — пещеры, — показал Мануэль. — Во-он, видишь? Маскировочка что надо!

— Ты здесь отдыхал?

— Я здесь воевал, сеньорита, — отчужденно сказал парень. Но все же, после паузы, начал рассказывать: — Три недели мы были в засаде в тех пещерах. Сидели, поджидали карательный отряд. Дождались! Батистовцы и думать не могли, что мы здесь. Спустились к водопаду, столпились, начали искать брод. А мы как ударили — пух полетел! Но у них оказался миномет... Там, на склоне, — две могилы, Хесуса и Джильберто...

Девушка оглянулась на него:

— Ты такой молодой, а у тебя уже такая большая жизнь!

— Ничего еще и не начинал. Только и умею: стрелять и крутить баранку...

Голос Мануэля был совсем не таким, как ночью, на посту. И вообще за этот день Бланка начала менять мнение об этом парне, ставшем ее неожиданным попутчиком. Не так уж он самодоволен и самоуверен. Наоборот. Он даже чем-то симпатичен ей. Ее радовали эти маленькие открытия: когда люди вдруг оказывались иными, чем можно было судить о них по первым впечатлениям. И почти всегда — они оказывались лучше...

— А что ты хочешь уметь? — спросила она.

— Ого! Все хочу. А больше всего — плавать на большом корабле за моря-океаны, в самые дальние страны. И чтобы, когда возвращался, встречали меня на берегу рыжая жена и сынишка — вот такой! — тоже рыжий...

Бланка насторожилась:

— Разворачивай. Дальше дороги нет.

— Жук бабочке не товарищ?

— Поехали!

Он подошел к ней, посмотрел прямо в лицо:

— Извини. Я не хотел...

Она повела рукой:

— Зачем ты хочешь испортить эту красоту? Среди такой красоты все должно быть настоящее. Ради этого ты и воевал. — Она глубоко вздохнула: — А мне эти горы напоминают мой лагерь в Сьерра-Маэстре.

— Твой! Как же! — язвительно заметил Мануэль.

— Да, мой! Хоть этого теперь у меня не отнять! Мой лагерь был в Минас-дель-Фрио.

— Ого! — удивился парень. — Как раз там одно время стоял наш отряд. Местечко — у черта на самых рогах. Дожди и жидкая глина по колено.

— И мы жили там так, как до этого жили вы: под открытым небом, гамаки привязывали к соснам. И даже два раза взбирались на пик Туркино.

Мануэль с интересом посмотрел на нее:

— Скажи ты! Что-то не верится... А как вы, сеньорита, вообще попали в горы?

«Какое ему дело?» — подумала она. Но почему-то ей захотелось рассказать этому грубому парню обо всем, что с нею произошло. Зачем?.. Этого она не знала. Просто нужно было рассказать.

— Когда умер мой отец, мать стала собираться в Бос-

тон, а мои друзья готовили паспорта в Майами... Они настаивали, чтобы я тоже уехала. А я колебалась. Ужасов о революции я слышала. Но ведь я сама видела, как весь город ликовал, когда в Гавану вступили бородачи, а Батиста бежал. Я сама помнила, как солдаты Батисты расстреливали студентов... И я решила сама узнать, так ли в действительности страшна революция... Я сказала друзьям: «Позвольте мне самой подумать и разобраться...»

— Сложная задачка!

Ее не остановил насмешливый тон Мануэля.

— Может быть, для тебя и легкая... Однажды я была дома, включила телевизор. Как раз выступал Фидель. Он говорил, что правительство объявляет новый набор в школы по подготовке учителей-добровольцев в горах Сьерра-Маэстры. И я решилась. Ведь учителя после подготовки должны будут рассказывать крестьянам о революции. А раз так, то нам-то уж должны разъяснить, что это такое... И я записалась.

— А дальше? — нетерпеливо спросил Мануэль.

— Нас было много, целый батальон девушек и парней. Одна даже советская — наполовину испанка, наполовину русская.

— Вот это да!

— Теперь она настоящая кубинка. В горном лагере все было необычно, дико и интересно. Я никогда прежде не думала, что между девушками и парнями могут быть такие товарищеские отношения.

— Как у нас в отрядах!

— Вот видишь... — Бланка покосилась на шофера. — И это было прекрасно! Мы учились. Строили в деревнях дома и школы, учили крестьян. А в свободные часы разводили костры, танцевали и пели.

— И сеньорита решила, что она — за революцию! — В голосе шофера снова зазвучала ирония.

— Нет, не решила, — сердито ответила она.

— Почему же вы сейчас здесь, а не в Майами?

Бланка подошла к самому краю обрыва. Из-под ног вниз осыпались комья земли. Река шумела, и от нее веяло холодом.

— Мы учились, жгли костры, строили и пели песни... И вдруг однажды слышали по радио: «Народ Кубы!..» — Голос ее изменился. Он стал похож на тревож-

ный голос диктора радио: — «Силы вторжения атакуют с моря и с воздуха различные пункты нашей национальной территории. Вперед, кубинцы! Дадим отпор железом и огнем варварам, которые не уважают нас и которые пытаются вернуть нас к рабству!..»

Мануэль встрепнулся:

— Точно! Это было семнадцатого апреля! Так говорил Фидель, когда интервенты высадились на Плайя-Хирон!

— Да.

— Ну и что?

— И я почувствовала, что я — кубинка... — ответила девушка.

— Ты воевала против интервентов? — недоверчиво спросил шофер.

— Нет. Все парни из нашего лагеря ушли на берег. Девушек не пустили. Только одной, Хозефе, той самой, советской, удалось... Но нам всем раздали оружие... Я пробыла в горах еще месяц, окончила курсы. Вернулась. Старые друзья еще ждали меня. Один сказал: «Ты задержалась, Бланка. Ну что ты теперь будешь делать?» Я посмотрела на него и подумала: среди тех, кто пытался высадиться на Плайя-Хирон, могли быть и мои прежние друзья. Наверное, были... И я сказала, что никуда не поеду. Он посмотрел на меня как на сумасшедшую: «В Сьерра-Маэстре красные отлично промыли твои мозги. А я уже получил паспорт и уезжаю в Штаты». Я ответила: «О'кей! А я остаюсь на Кубе навсегда!..»

Мануэль рванулся к ней:

— Ты же стала наша, компаньерита!

— Не знаю.

— Ты наша, я тебе говорю!

Бланка отступила от него:

— «Наша», «ваша»... Я не хочу быть ничьей! Я хочу быть сама собой, можете вы это понять? Я не хочу ни революций, ни контрреволюций! Я просто хочу, чтобы Куба жила без тревог!

Мануэль нахмурился:

— Без тревог — это невозможно... И Куба стала сама собой только после нашей победы. Поверь, быть революционером — счастье!

— Да, конечно: без ваших пистолетов и пулеметов счастья нет!..

— У тебя в голове каша, компаньерита... Сердцем ты уже с нами, а котелком своим никак не можешь понять этого.

Она сникла:

— Я тоже хочу быть счастливой...

— Все хотят.

Парень снова подошел к ней:

— Я хочу тебе сказать... Раньше мешало, а теперь...

Бланка покачала головой:

— Не надо...

— погоди! Ты не думай, Грациэлла — это так...

— Не надо!

Он схватил ее за руки:

— Бланка!

Девушка рванулась. Мануэль держал ее крепко. Глаза его потемнели.

— Не смей! Отпусти! — Она с ненавистью посмотрела на него. — Насиловать не будешь, герой революции?

Шофер отбросил ее руки:

— Дура...

Круто повернулся, зашагал к «тонвагену». Бланка, помедлив, пошла за ним. Открыла заднюю дверцу.

В это время на пороге хижины показался старик. Приложил ладонь к глазам. Пронзительно закричал:

— Э-эй! Куда же вы? — Быстро заковылял к машине, на ходу выкрикивая: — Здравствуйте! А я гляжу: автомобиль! Кого это, думаю, принесли черти? Неужто сына? Как же, жди! Дождешься этого паршивца!

Старик подошел к автобусу, подслеповато оглядел его, а затем Мануэля и Бланку:

— Диковинная машина... Дом на колесах — ишь ты! — И к Бланке: — Куда же вы? Заходите, гостями будете! Тоскую я тут один со старухой, без людей... Заходите!

Он выкрикивал слова так просительно, что девушке стало его жалко.

— С удовольствием, дедушка, — сказала она, захлопывая дверцу «тонвагена». — Мануэль, возьми магнитофон и пленки, пожалуйста.

— «Возьми, положи, отнеси, принеси — пошел вон!» — взревел шофер.

— Я же сказала: «Пожалуйста».

— «Пожалуйста!» — передразнил он. — Мне не пять лет.

Старик сочувственно покачал головой:

— Муженек твой?

— Не дай бог!

— Жених? Если до свадьбы так!..

— Ладно вам!.. — оборвал Мануэль, схватил магнитофон и сгреб в охапку коробки с лентой.

Гуськом по тропинке они направились к дому — жалкой хибарке, крытой пальмовыми листьями. В комнате была полутьма и прохлада.

— Мать, ставь все, что есть, — гости к нам! — закричал с порога старик.

Откуда-то из сумрака выскользнула маленькая старушка, молча поклонилась.

— Вы не обращайтесь внимания, — вздохнул крестьянин. — Она у меня немая, а все слышит, все. Хвороба у нее какая-то такая приключилась... — Он снова вздохнул: — Ох, как тяжело без разговору-то... Садитесь, садитесь!

— Вы не беспокойтесь, — попыталась утешить его девушка.

— Помалкивай, внучка! И мне по такому случаю перепадет, — хитровато улыбнулся он. — А то держит в голоде, все для сыновей бережет, такая у меня мать зажимистая!

Старик все больше нравился Бланке. Настоящий крестьянин, не тронутый цивилизацией. «Проинтервьюирую и его», — решила она и открыла магнитофон, стала заправлять пленку.

— Что это у тебя за штуковина? — оживился гуахиرو. Девушка включила магнитофон:

— Не обращайтесь внимания, дедушка.

Но он не унимался:

— А может, как ж-жахнет — и прощай, старик, ниши старухе привет из царствия небесного?.. Вон как ж-жикает!

— Это магнитофон, дедушка, — начала объяснять Бланка. — Все, что мы говорим, он записывает. А потом можно по радио передать.

— Как это так? — удивился крестьянин. — А если я ненароком сболтну что не так?

— Мы потом вырежем, — успокоила она.

— Это ж как понимать? — ужаснулся он. — Язык вырежете?

Бланка рассмеялась:

— Да вы не беспокойтесь! Я буду спрашивать, а вы отвечайте — вот и все.

Старик засопел, почесал подбородок:

— Выходит, я должен говорить по-умному? — Позвал старуху: — Иди сюда, мать, на подмогу. Если я что не так ляпну, ты меня щипай. Только без выверта, с сочувствием.

Жена его подошла, стала рядом, сплела руки на груди. На старика она поглядывала неодобрительно: куда, мол, лезешь?

Бланка поднесла микрофон ко рту:

— Скажите, дедушка, как вам сейчас живется, при новой власти? Что изменилось? Легче вам жить стало?

Она установила микрофон перед крестьянином.

— Вот как легче! — косясь на диковинный предмет, начал он. — Ох, как тяжелей, внучка, как тяжелей! Раньше ж у меня ничего не было, ни кола ни двора. В болоте жил, как крокодил, только морда паружу. А теперь дом, поле, забот полон рот... Света белого не вижу. Все в землю смотрю: ковыряю, копаю, рублю, стучу, пилю... А как уборка тростника начнется — хоть ложись и помирай! И руби его, проклятущего, и грузи, и вози!.. Пот аж до нутра прошибает. Отмаешься, а бригадист уже тут как тут, с книжкой. Не отвертишься. Отдолбишь с бригадистом — ружье в руки и охраняй плантацию, чтоб гусанос не спалили...

Девушка сочувственно покачала головой:

— Выходит, хуже теперь вам живется, дедушка?

— Шут его знает!.. По-твоему, городскому, хуже?.. А скажи, внучка: четыре месяца в году работать, а восемь не работать — лучше или хуже?

— Конечно, лучше.

Крестьянин простодушно посмотрел на нее:

— А четыре месяца каждый день обедать, а восемь — живот веревкой подтягивать? Лучше?

Она растерялась:

— Хуже...

— А если не работать — откуда же на обед взять?

— Не знаю...

— А сахар какой лучше: горький или сладкий? — не унимался дед.

— Разве бывает горький сахар?

— Еще какой горький! — вздохнул он. — Вот оно как: «лучше — хуже»... Больше работы — всегда лучше. Что человеку надо? Дело. А если прохлаждаться, какой от него прок?

Мануэль, все это время с безразличным видом слушавший разговор Бланки со стариком, расхохотался:

— Да тебя, дед, в агитаторы определять можно!

Крестьянин все так же простодушно посмотрел на него, потом на Бланку — и широко, хитро улыбнулся, обнажив беззубый рот:

— Хе-хе!.. Так я ж и есть этот самый... агитатор!

«Ну и старикан! — подумала девушка. — А прикидывался... Чудо, а не дед!..»

Она перемотала на начало ленту с записью беседы со стариком, переключила рычажок магнитофона:

— Сейчас, дедушка, послушаете. Услышите свой голос.

— А ну-ка! — оживился он, пододвинулся ближе, шикнул на старуху, чтобы не громыхала тарелками.

Из динамика магнитофона раздался залиvistый петушиный крик.

— Это я? — оторопел старик.

Мануэль захохотал во все горло, даже слезы брызнули. Бланка смутилась, но тоже не смогла сдержать улыбки:

— Нет, дедушка, нет. Это мы раньше петуха записывали в деревне, для фона.

Крестьянин ничего не понял.

— Вот те раз! Накукарекал! — то ли с обидой, то ли с насмешкой проворчал он.

За стеной дома заурчали подъезжающие машины. Донеслись голоса. Старик насторожился:

— Кого еще несет?

Дверь открылась. Пригнув голову, в избу вошел команданте — и с ним еще несколько человек в форме офицеров революционной армии. Команданте осторожно распрямился. Макушкой он едва не доставал до потолка. Приветственно взмахнул рукой:

— Салуд, отец! Салуд, мать! — Повернулся к Бланке и Мануэлю: — Салуд!

— О, здравствуй, команданте! — оживился, вскочил старик. Показал на скамью у стола.

Команданте прошел к столу. Присел с краю, положил

рядом с собой шапку-касбетку. Протянул хозяину дома сигару в целлофановой обертке. Крестьянин взял, с видом знатока понюхал. Раскуривать не стал, а припрятал подарок в карман. Команданте улыбнулся:

— Специально заехал к тебе по дороге. Сын просил передать: жив, здоров.

— Еще б ему не жить-здороветь, — ухмыльнулся старик. — Большим начальником стал.

— Отличный у тебя сын, можешь гордиться.

— Как же не гордиться? Все в начальники лезут... Жду не дождусь, когда ты его из города в шею выгонишь.

Жена крестьянина уже выставила на стол миски с малангой, рисом, рыбой. По комнате потянуло душистым запахом кофе.

— Садитесь за стол, дорогие гости, — пригласил хозяин и прикрикнул на жену: — Все уж доставай, старуха, подчистую! Знаю я, какой там у них в городе харч по карточкам. — Он подмигнул команданте: — Аль для начальства — без карточек?

— По карточкам, отец. Для всех.

Команданте пододвинул миску с малангой, с аппетитом начал есть. Взялись за ложки и Бланка с Мануэлем. Девушка с любопытством и недоброжелательством поглядывала на команданте: «Играет в демократию, что ли?.. Уж ему-то — малангу...»

Крестьянин сам не дотрагивался до еды. Говорил, словно бы хотел насладиться беседой, запасти тепло живого общения на многие дни вперед:

— Вы мне там!.. А то ходил я к Антонио. Это когда еще только начали землю раздавать. Послали соседи, чтоб нас не обделили. Пришел в Гавану. Пока отыскал — уходился, аж ноги подгибаются. Зачем столько людей собралось в городе? В поле бы их всех... А автомобили — ж-жик, ж-жик!.. Того и гляди... Страшно подумать! А воздух как на пожаре. Разыскал паршивца. На горе он живет, в отеле «Гавана Хилтон». Как подошел, как глянул — оторопь взяла. Ну, думаю, вытолкают меня оттуда взашей. Кругом все блестит. Подхожу к дверям, а они сами распахиваются! Ну, думаю, попал... Внутри разгуливают-прохлаждаются такие все, в золоте. Ну, думаю, генералы! Оказывается — прислуга. Обошлись уважительно. Один вверх повез в ящике. Кругом зеркала, и в каж-

дом — моя рожа и так и эдак. Ну, думаю... Не успел и подумать — ж-жик! — и под самым небом. Привел меня этот генерал, стучит, а оттуда выходит этакий хват, из всех карманов бумаги и карандаши торчат, на боку пистолет, морда аж позеленела. Гляжу, а это он, паршивец, Антонио! Вои как разбаловался!

Все за столом рассмеялись.

— Некогда твоему сыну баловаться, — успокоил старика командапте. — А у тебя, я вижу, и без нас гостей хватает.

Он повернулся и с интересом посмотрел на Бланку.

— Я корреспондент радиостанции «Патриа», — сказала девушка.

— Рад познакомиться, компаньера. Извините, что помешал вашей работе. О чем готовите материал, если не секрет?

— Беседую с крестьянами: что они думают о новой власти.

— О, это очень интересно и важно! От того, что они думают, во многом зависит судьба всей революции: нам теперь не страшна ни внешняя, ни внутренняя контрреволюция; нам страшен голод. Это самая острая проблема. Если не забудете — сообщите, когда будет ваша передача. Обязательно послушаю.

Он устало, широко и открыто улыбнулся.

«Удивительны встречи на дорогах! — подумала Бланка. — В них, наверное, главная прелесть работы журналиста. С кем не сведет дорога... Только подумать: в хижине у партизанской тропы — старик крестьянин — отец министра; сам командапте над миской маланги — такой, оказывается, простой и любопытный...» Его открытая улыбка подкупила Бланку. И теперь, чувствуя на себе его взгляд, она подумала: «Не подкрасила губы и вся в пыли...»

А он продолжал — с интересом к ней и к старику:

— Очень хорошо, что до него добрались! Замечательный дед! Четырех сыновей дал революции. И все — как на подбор. Хуана мы потеряли... — Он замолк, чуть склонил голову.

— После его смерти мать и онемела, — отозвался старик. — Да ты меня не нахваливай: хитрый какой нашелся! Это я ей в машинку пою, понимаю — политика. А тебе так и скажу: неважные наши дела.

— Почему же? Выкладывай!

— Каждый начальник любит слушать только то, что ему хочется слушать. Но я тебе прямо скажу: дела — хуже некуда. Куда ты меня денешь за такие слова, а?

— Хватит шутить, — гулко положил на стол большую ладонь команданте. — Почему — хуже некуда?

Бланка почувствовала, что слова крестьянина больно его задели.

— Земли тебе отрезали?

— Отрезали, это правда. Да куда мне ее столько, этой земли, если всех сыновей начисто забрали? Один — в армии, другой — по кабинетам расседает. Третьего вообще за океан отправили... А кто будет землю ковырять? Разве ж оно само вырастет?

— Пойми, отец, — подсел к нему вплотную команданте, — нужны нам твои сыновья — и в армии, и в аппарате. И кадры специалистов нужны. Сейчас твой Рауль в Советском Союзе учится, а вернется в деревню агрономом.

— Как же, жди! — протянул старик. — И когда дождешься? Да разве у меня одного такое опустошение...

— Да, — вздохнул команданте. — Противоречия... Один на один ты не наковыряешь. Объединяться надо. Ссуду дадим, тракторы пришлем. Специалистов направим. Не приказываю, но советую — объединяйтесь. Без кооператива далеко не уедете... Как не стыдно тебе: отец министра, воинов революции — единоличник, мелкий буржуй. Договорились, отец? — Он похлопал старика по колену. — А что сыну передать?

— Пусть, стервец, ждет в гости. На митинг-то я приеду — послушаю, что ты там говорить будешь.

— Приезжай, послушай. — Команданте снова повернулся к Бланке: — Ну, не буду мешать компаньере корреспонденту. Надеюсь, не придется услышать: «охваченные небывалым энтузиазмом», «благодаря неустанной заботе» — и тому подобное? Народ-то вон как думает и говорит. — Его глаза хитровато блеснули в прищуре. — Лучше пусть сам старик расскажет о своих заботах и проблемах. Вы-то чем сами раньше занимались?

— Ничем... — растерялась девушка. — Училась. Писала стихи.

Она сделала движение, будто бы отбрасывая прошлое в сторону.

— Нет, — поднял ладонь команданте. — И теперь пишите.

— В последнее время почему-то расхотелось.

Бланка отверпулась. Глянула в окно. Оказывается, уже ночь. Так бывает в горах: минуту назад еще светло — и вдруг сразу темнеть.

— Пишите стихи, — повторил он. — Надо писать. Сейчас самое время писать стихи.

От него пахло пылью, потом, сыромятной кожей ремней. Запах солдата. Она снова подумала: «Как я выгляжу?..»

Команданте встал, направился к двери. За ним встали молчаливые его спутники.

— До свидания! Значит, отец, увидимся в Гавапе?

Они вышли. Мануэль сорвался следом. А старик приосанился, кивнул на дверь:

— Видала?.. Вот как! Соседи и не поверят. Ну ладно, что еще тебе накукарекать, внучка?..

Мануэль остановился у машины команданте. Смотрел, как он садится, захлопывает дверцу.

Команданте протянул ему руку:

— Салуд! — Задержал ладонь, взгляделся в его лицо: — Мы знакомы, комбатъент?

— Да. Я воевал в твоих отрядах. Если я тебе понадобится...

— Обязательно еще понадобится. Салуд!..

Машины отъехали. Шофер подождал, пока рассеется в горах шум моторов, подошел к краю обрыва. Внизу шумел водопад, и даже в темноте сверху видна была его белесая грива. Но противоположный берег был черен — не разглядеть ни пещер, ни холмиков могил...

Мануэль постоял, потом вернулся к «тонвагену». Включил фонарик, ударами каблуков стал опробовать скаты — не спустили ли.

Со склона к полю, осторожно раздвигая ветви, спустился мужчина. Услышав хруст сучьев, шофер обернулся. Мужчина прыгнул на тропу. В лунном свете Мануэль разглядел на нем форму бойца Революционной армии. Лицо незнакомца заросло бородой.

— Буэнас ночес!

— Буэнас ночес, компаньеро! — отозвался шофер..

— Который час? — спросил мужчина, подходя к машине. — Мои стали.

Мануэль сдвинул манжету, посветил на циферблат:

— Без двадцати...

Неизвестный выбросил вперед руку с ножом. Удар был точен. Без стога парень сполз на землю. Мужчина огляделся, подхватил его под мышки, поволок к обрыву. Пинками толкнул. За убитым зашуршали вслед комья земли. Внизу шумел поток. Трещали цикады.

Бородач секунду помедлил, вслушиваясь. Потом побежал к «тонвагену», включил зажигание, нажал на стартер.

В этот момент с дороги донесся стрекот приближающегося мотоцикла. Луч света прорезал темноту.

Мотоциклист подъехал к автобусу. Соскочил, осветил фонариком номер.

— Ага, 316-26!.. Наконец-то!.. — облегченно воскликнул он и обратился к мужчине: — Из радио «Патриа»?

— Предположим.

— Ты — Мануэль Родригес?

— А ты?

Мотоциклист сунул руку в карман:

— Не беспокойся. — Достал удостоверение. — Я — Хосе Васкес, из управления безопасности. От капитана Обрагона. Ты должен его знать.

— Как же!.. Очень приятно.

— А Бланка Сальгадо в доме? — Васкес показал на светящиеся окна.

— Сальгадо?.. — переспросил бородач. — Можешь сам посмотреть.

— Ты не очень-то любезен! — разозлился Хосе. — Но я-то знаю тебя лучше, чем ты меня... — Он огляделся по сторонам: — Тут ничего подозрительного не было?

— Абсолютно.

— Оставайся здесь, — приказал Васкес. — Я пойду к ней. Если что — дам сигнал. Будь наготове! — Достал пистолет, направился к избе. Толчком ноги распахнул дверь, бросил взгляд по сторонам. Спрятал пистолет: — Привет этому дому!

Старик встал ему навстречу:

— Щедрый день на гостей! Проходите к столу! — Замахал на Бланку: — Хватит мучить, внука! Легче десять арроб тростника срубить, чем столько языком намо-

лоть... — И снова повернулся к гостю: — Что хорошего скажешь?

— Я еду в Гавану, — начал объяснять Васкес. — Забарахлил мотоцикл. Свечи, наверно... Вы отсюда не в Гавану, сеньорита?

— Да, сейчас едем.

Девушка встала, закрыла магнитофон, сложила стопкой пленки.

— Не подбросите? А мотоцикл я бы до завтра здесь оставил.

— Пожалуйста, места хватит. А вы кто?

Хосе достал документ:

— Уполномоченный по проведению аграрной реформы.

— Ага, уполномоченный! — оживился крестьянин. — Тогда ответь мне, уполномоченный, почему...

— Потом, старый, в другой раз! — отмахнулся Хосе. — Устал! С рассвета мотаюсь по всей провинции — как черт за грешницей, еле нашел ее.

— Меня? — удивилась Бланка.

— Это я в шутку.

— Люблю шутников! — резко ответила девушка.

— Такая премиленькая, а не понимает юмора, — подмигнул старику Васкес.

— До свидания, дедушка! — Бланка направилась к двери. — Думаю, передача получится интересной. — Она открыла дверь и крикнула в темноту: — Мануэль, помоги!

— Разрешите, я? — подскочил Васкес. Подхватил магнитофон, коробки с пленкой.

— Приезжай еще раз, внучка! — сказал напоследок старик. — Такая без разговора тоска!..

Они подошли к машине. Луна уже скрылась за горой. Лощина тонула в темени.

Мужчина сидел в кабине за рулем отвернувшись. Бланка открыла заднюю дверцу. Попросила:

— Не очень тряси, хорошо?

Не дождалась ответа.

— Обиделся? Не обижайся... Я подремлю.

Она поднялась в салон. От кабины шофера ее отделяло толстое стекло, задернутое занавеской. Бланка облокотилась на спинку дивана, устало вытянула ноги. Как хорошо!..

Хосе сел в кабину рядом с бородачом. Приказал:

— Поехали!

Колеса зашуршали по каменистой тропе. Горы обступали ее с обеих сторон. Частоколом стояли по их гребням пальмы. На обломанных стволах мертвыми изваяниями сидели нахохлившиеся марабу. Бланка чувствовала, как тяжелеют веки. Сколько она уже без сна?.. Глаза слипались. Качка и шелест колес убаюкивали. Она расшнуровала, сбросила тяжелые ботинки, поудобнее пристроилась на сиденье и провалилась в сон...

Машина выехала с тропы в поселок. Промчалась мимо безмолвных, с редкими огнями домов. И вот уже — матово мерцающее полотно шоссе Виа-Бланка. Сияет луна. Справа, у самой дороги, искрится море с проступающими на его фоне силуэтами пальм.

Васкес достал сигару, откусил конец ее, с удовольствием раскурил. Оглянулся на стекло, отделяющее кабину от кузова. Нарушил молчание:

— С виду такая тихонькая и премиленькая, а? Но я тебе скажу по секрету... — Он доверительно придвинулся к бородачу. — Контра! Из самого гнезда! Радио, всякие там магнитофоны — для прикрытия. Мы за ней давно присматриваем!..

Мужчина молчал. Казалось, и не слушал. Вперед по шоссе замелькали красные огоньки. Бородач прибавил скорость. Хосе вцепился в его руку:

— Стой! Это же контрольный пост!

Водитель продолжал жать на акселератор.

— Стой ты! С ними не шути — стреляют без промаха!

Автобус притормозил. Подошел патруль. Бородач сузил руки в карманы.

— Свои! — бодро крикнул Хосе, доставая удостоверение. — От капитана Обрагона! — Он высунулся из кабины: — Да это ты, Рамон?

— А, Хосе! — узнал боец. — Давай проезжай!

Машина тронулась. Васкес крикнул:

— Желаю удачи! — И снова придвинулся к водителю: — Ждем важного гуся... — Он опять покосился на стекло салона. — С того берега... Тому, кто поймает, повышение обеспечено. На фото — так, ничего особенного. И ростом — с тебя, не выше.

Он включил фонарик, осветил в лицо водителю:

— На тебя, Родригес, похож. И родинка на щеке. Только без бороды.

— Убери фонарь, слепит, — впервые за всю дорогу нарушил молчание мужчина. — Чудесный ты парень.

— Ты тоже мне нравишься, — отозвался Хосе. — Надо нам встретиться в теплой обстановке.

— Может, и встретимся, — проговорил водитель.

9

Они ехали в порт на рейсовом автобусе. Хоть и жара, а кондуктор — в темном форменном пиджаке, при галстукке, в золотых очках. Профессор, да и только!.. Выдал и прокомпостировал билетки, на оборотной стороне которых были отпечатаны политические карикатуры и революционные лозунги. У Лаптева: „¡Venceremos!“ Он попросил билеты у своих спутниц. У Хозефы — „¡Patria o muerte!“, а у Лены — „¡Ordene, komandante!“ Это фамиллярно-энергичное обращение: «Приказывай, команданте!» Андрей Петрович уже видел на плакатах, расклеенных по городу: Фидель изображен в полной солдатской выкладке стоящим на склоне горы и смотрящим вдаль.

Андрей Петрович еще утром, из кабинета Феликса, позвонил Эрерро. Росарио не оказалось — уже на работе, начинают в институте в семь. Идти в их дом Лаптеву почему-то не хотелось. Договорился с Леной, что встретит ее и дочь в холле «Гавана либре».

Ждал битых два часа. Бесцельно тратил такое дорогое время. Ругая женщин про себя на чем свет стоит, в нетерпении вышагивал по мраморным плитам холла. В продуманном беспорядке громоздились в холле обкатанные океаном валуны, из натуральной красной земли росли пальмы, бананы и кактусы. Вмонтированный в бронзовую позеленевшую абстрактную скульптуру, журчал фонтан. С потолка свешивались гирлянды бумажных цветов и станиолевого «дождя», зеркальные разноцветные и прочие традиционные украшения, а посреди тропических растений холла стояла «елка» — тропическая сосна с длинными неколючими иглами, припорошенная ватными хлопьями «снега», которого здесь никогда не видывали. Все это были приметы недавнего празднования Нового года. У дверей концертного зала собирались юно-

ши и девушки в форменных блузах, с пистолетами на поясах и одинаковыми треугольными голубыми лоскутами, спадающими с погона на плечо. Транспарант над входом в зал приветствовал участников конгресса учителей-добровольцев. То там, то здесь — группки. Звучала чешская, польская, болгарская, немецкая речь. Лаптев увидел и соотечественников. Многие были одеты почему-то в яркие клетчатые ковбойки. Прислушался: «Надои... Искусственное осеменение... Страховые запасы силоса...» В одной из групп увидел и тех парней, которых привез сюда на «Хосе Ибаррури». Тут же прохаживались в расшитых золотом одеяниях служители отеля. Судя по повадке — ветераны. Да, многое они повидали в этих стенах.

Наконец, еще за стеклом двери, он увидел Лену и с нею — высокую девушку. Как ни в чем не бывало, болтая, они неторопливо поднимались по ступеням. Фотоэлемент предупредительно раздвинул перед ними створки.

— Ну, знаешь, набрались испано-кубинских привычек!.. — с досадой начал было Андрей Петрович, но, пораженный, замолк. Его буквально ослепила красота дочери Лены. Хозефа взяла все лучшее, что было у матери и отца — еще тогда, в молодости: чудесный овал лица Лены с выступающими скулами и ямочками на щеках, ее серые, с голубизной, большие глаза, четко очерченный рот, ее хрупкую, с девичьи угловатыми плечами и ключицами фигуру, пышную пшеничную гриву. А от Росарио ей достались темные брови, шафранная смуглость, мягкая улыбка и грация пикадора, легкая и полная изящества. Она была затянута в синюю униформу, с таким же треугольным лоскутом, свешивающимся с погона на плечо; на туго перехватившем талию ремне, украшенном латунными кнопками, висела кобура.

— Здра-авствуйте! — щедро улыбнулась она. — А я вас сразу узнала! Только вы казались мне гораздо выше и толще!

Он-то помнил ее неуклюжим подростком со сбитыми коленками и исцарапанными руками. А теперь ее собственная фотография в сравнении с реальной Хозефой не стоила ни гроша.

В автобусе Лаптев крутил головой, глаза на достопримечательности, а мать и дочь перебрасывались слова-

ми, намечая программу экскурсии для моряков его экипажа:

— Аквариум-океанарий с акулами...

— Часовню-усыпальницу Колумба...

— Тогда уж и фонтан «Индий»...

— Хотелось бы не столько древние достопримечательности, сколько нынешнюю жизнь, — попытался внести коррективы первый помощник капитана.

— Нет, — возразила Хозефа, — без этого они не почувствуют Кубу. К тому же все памятники — в старом городе, рядом с портом... Потом — Замок трех королей Морро...

Сейчас автобус как раз катил мимо крепости. Под дневным солнцем она выглядела совсем не грозной и не мрачной, а декоративно-картинной: оранжевая на фоне синего моря и неба. На открытом плацу перед крепостью занимались маршировкой солдаты. Над башней ветер полоскал красно-бело-синий флаг.

— Пираты, конкистадоры, флибустьеры! — махнула в сторону башен девушка. — А как переход к новой истории — при Батисте в каменных подвалах была тюрьма для революционеров.

— Хозефа у нас опытный гид, — заметила Лена, и Андрей Петрович сдался.

— А потом проедем на Пятую авениду Мирамара — это район самых красивых дворцов и вилл. Их бывшие хозяева сейчас в Штатах, а весь район стал зоной учебных заведений. Кстати, там и моя школа... А потом проедем в районы новостроек: в Гавана-дель-Эста и в «Радующий глаз»...

Программа была рассчитана, видимо, на месяц — и для бездельников-туристов. Но он уже не возражал. Вся эта поездка при ярком свете превратилась для него в цепь открытий.

По фотографиям кубинская столица представлялась ему скоплением небоскребов. Ничуть не бывало — город оказался одно- и двухэтажным: виллы, дворцы, коттеджи. Только на самых выигрышных местах, вдоль береговой линии и на гребнях холмов, группировались многоэтажные здания. Их и было-то всего десятка полтора, но, расположенные умело и эффектно, небоскребы создавали впечатление города, устремленного ввысь. Улицы террасами спускались к морю. Сколько Лаптев ни смотрел по

сторонам — не увидел ни одного одинакового здания и ни одного забора. Если дома и были отгорожены от улицы, то лишь зеленым заслоном цветущих кустов, кактусов или приземистых пальм.

Одолев невидимый рубеж, они въехали из Новой Гаваны в Старую, и теперь их автобус катил вдоль великолепной Прадо — улицы, рассеченной бульваром из цветного инкрустированного мрамора. Мраморной была и ограда, и скамьи, и сама «мостовая». Из прорубленных в благородном камне отверстий вздымались стволы вековых деревьев, смыкавших над бульваром густейшие кроны. Меж прогуливающихся сновала детвора на роликовых коньках. От Прадо расходились улочки — такие узкие, что в них не протиснуться и автомобилю.

И наконец, показалась гавань — пакгаузы, нагромождения ящиков, мешков и бочек, колонны машин и тракторов, а за ними — краны и мачты.

Огромная бухта Гаваны была тесно заставлена судами. На флагштоках — все больше алые полотнища. На бортах: «Лениногорск», «Уссурийск», «Декабрист», «Балтика» — сухогрузы, танкеры, лесовозы, «пассажир»...

Лаптев и женщины оставили автобус и направились на пирс пешком. Бухта, когда смотришь на нее сверху, напоминала пузатый кувшин в разрезе, тонким горлышком пьющий синь океана. Она самой природой была предназначена для встречи мореплавателей — даже в жестокий шторм вода в пей будет лишь рябить. Подобные бухты так и называются: «бухты-бутылки».

— Вон, слева, — мой «Хосе»! — повел рукой на бело-черную громаду Андрей Петрович.

— Вы — у причала «Ле Кувр»? — Хозефа смотрела почему-то не на его судно, а на странное сооружение из кусков рваного железа, ржавых болтов и шестерен — мрачную конструкцию, которую Лаптев принял за модернистскую скульптуру в стиле поп-арт. — Раньше причал назывался «Панамерикен». После революции республика закупила у Бельгии боеприпасы, их доставили на судне «Ле Кувр». Американские диверсанты взорвали его у этого причала. Можете представить, что здесь было, когда рвались фугасы... Эта скульптура — из остатков «Ле Кувра».

У трапа сухогруза их встретил измученный ожиданием комсорт.

— Свободная от вахты смена к экскурсии готова! — доложил он.

Хозефа первой оттарабанила ботинками по трапу, взбежала на борт.

И снова Лаптеву остро вспомнилось давнее-давнее: севастопольский пирс, такой же, только куда ниже, белый борт, трап и сбегаящая по нему девушка с развевающимися золотыми волосами, перехваченными широкой голубой лептой.

Сейчас на середине трапа Лена остановилась, несколько раз судорожно заглотнула воздух и, вцепившись руками в поручень, виновато, прерывисто проговорила:

— Круто... Сердце...

10

Миновав еще один патрульный пост, «тонваген» въехал в Гавану.

— Остановить! — приказал Васкес водителю.

Спрыгнул. Открыл дверцу салона, осветил фонариком. Бланка спала, свернувшись комочком в углу дивана. Хосе потряс ее за колено:

— Эй, девочка, куда тебя везти?

— А?.. — замотала головой, просыпаясь, Бланка. — Уже? Я вздремнула? — Она сладко зевнула, потянулась, закинув руки за голову. — Пожалуйста, домой. Авенида Уна, тридцать семь...

Автобус покати по городу. Светились огни баров и кинотеатров. Вспыхивали и гасли лозунги над домами. Из полуприкрытых век Бланка глядела на скользящие огни. Оцепенение сна еще не прошло.

«Тонваген» свернул на тихую темную улочку, остановился у двухэтажного дома на самой набережной. Неугомонно шумел прибой.

Бланка, не обуваясь, взяв в руку ботинки, вышла из автомобиля. Отряхнула куртку, похлопала ладонью по брюкам.

— До свиданья, девочка! — тоже спрыгнул на землю Хосе. — Надеюсь, до скорого!

Она уловила какую-то многозначительность в его голосе, насмешливо хмыкнула, но ничего не ответила. Попросила водителя:

— Мануэль, помоги, я еле держусь на ногах.

И стала подниматься по наружной лестнице на второй этаж, так и неся в руках ботинки и чувствуя ступнями прохладу камня.

— Спасибо! — протянул руку бородачу Васкес. — Отсюда мне пешком — два шага. Мы еще увидимся, приятель!

Тот молча кивнул. Взял магнитофон и направился вслед за Бланкой.

Хосе снизу видел, как девушка отперла дверь, вошла в квартиру. За нею вошел водитель.

Из темноты к Васкесу выступили несколько человек. Он оглянулся, узнал Хуанито.

— Ага, ты уже здесь! Ну как дела, бродяжка?

— Пока мертвая зыбь, командир, — отозвался мальчуган. — Только мне кажется, что в квартире сеньориты кто-то есть.

— Интересно. Теперь она в мышеловке. И будем надеяться, что заштормит. Главное — бдительность! — Он подошел к телефонной будке на углу улицы. Набрал номер: — От Виолетты. Да, капитан... Носился за ней по всей провинции, как черт за грешницей... Доставил... К ней сейчас поднялся шофер Мануэль... Не торопится выходить. Да, капитан... Слушаюсь, капитан!

Повесил трубку. Вернулся к дому. Посмотрел на светящиеся окна квартиры Бланки. По занавесям двигались нелепые тени.

«Хотел бы я знать, как они там веселятся», — подумал он.

Бланка вошла в комнату, сбросила куртку на кресло, уронила ботинки. «Дома!» Ее дом — маленькая и уютная квартирка с балконом и окном на море. У окна — письменный стол, на нем — пишущая машинка со сбитым шрифтом и западающей буквой «о», с которой она вечно воюет. По обе стороны стола, вдоль стен, — полки с книгами. На стенах — фотографии лагеря Сьерра-Маэстры, и она на этих фотографиях: боевая, веселая, ничем не отличающаяся от подруг-бригадисток. Цветы в вазочках привяли, обвисли. У дивана на полу книга с развороченными страницами. Позапрошлой ночью читала, утром торопилась, не успела убрать.

Бланка подняла книгу. Дверь ванной скрипнула, открылась.

— Кто здесь?

Запахивая халат, в комнату вошла Мерильда.

— Ты?

— Ради бога, не так громко! — Мерильда неодобрительно оглядела ее. — Наконец-то...

— Ты же должна была...

— Но они пришли, — перебила ее подруга. — Хлыщ в ремнях, а за дверью — целая дюжина негров. Отобрал паспорт и приказал быть дома, ждать, пока вызовут. Он в одну дверь, а я — в другую. И теперь я... — Мерильда беспечно повертела рукой, — теперь я, моя дорогая, беглый государственный преступник.

Бланка спикла: «Значит, она не увидит Конрада...» Остановила себя: «С Мери беда, а ты — о своем...» Не оборачиваясь, позвала:

— Где ты там, Мануэль?

— Кого ты привела? — Мерильда испуганно отступила к ванной.

В комнату вошел бородач.

Бланка, не оборачиваясь, попросила:

— Поставь магнитофон на стол. Спасибо.

Подошла к балконной двери, подняла солнцезащитные жалюзи. За распахнутой балконной дверью растянулось мерцающее море. От горизонта к набережной тянулась лунная дорога. Справа вспыхивал, скользил по воде и гас прожектор маяка Эль-Морро.

— Все молчишь? Обиделся? — Она повернулась. Отпрянула: — Как вы сюда попали? Мануэль!

Мужчина улыбнулся:

— Не узнаете?

Он вышел на середину комнаты, под лампу.

— Братец! — охнула от двери ванной Мерильда.

— Конрад? — недоверчиво, всматриваясь, проговорила Бланка и бросилась к нему. Отступила. Отвернулась. — Извините, сеньор...

— Доброе предзнаменование! — Конрад оглядел комнату. Обнял сестру. Поцеловал в лоб. Повернулся к Бланке: — Я рад, что вы вместе.

Девушка не верила своим глазам: «Он! Здесь! Боже, что делать?..»

— Что же это я! Вы, наверное, хотите есть? Я сейчас!..

Она бросилась на кухню, начала торопливо доставать

все, что было в холодильнике. Заправила кофеварку. Бутылка с баккарди была пуста. «Мерильда выпила», — с досадой подумала она. Прислушалась.

Мерильда говорила Конраду:

— Она ждала тебя, братец, как ненормальная — клянись на распятии! Но я бы предпочла увидеть тебя не здесь.

— Я тоже однолюб, — отозвался Конрад. — Я люблю одну женщину, одну страну...

— Оба — психи. Кажется, я начинаю вам завидовать...

Бланка стиснула руки: «Неужели это правда? Неужели возможно такое счастье?.. Не надо подслушивать, не надо!..» Она плотнее прикрыла дверь.

— Но сейчас не время любить, — продолжал Конрад. — Время ненавидеть и действовать. Любыми средствами. За алтари и очаги.

Что-то неистовое было в выражении его лица. Мерильда никогда прежде не видела брата таким.

— Сейчас мы все проходим проверку, как металлы в мастерской ювелира. — Он начал тяжело вышагивать по комнате. — Огонь и кислоту выдержат только благородные металлы.

«Какой высокий стиль!» — насмешливо подумала Мерильда. Но сказала:

— Ну уж мы-то с тобой благородны от двенадцатого колена!

— Ты всегда была легкомысленна.

Конрад подошел к ней, посмотрел сверху вниз. Она подняла голову:

— Пока не поставили к стенке Луиса, не отобрали дом и не запретили уезжать.. Теперь я готова грызть их живьем!

Она даже скрипнула зубами.

— Что ж, сестра... Ты твердо решила?

— Терять мне нечего. «За алтари и очаги! Аминь!»

Конрад помедлил, глядя на нее. Потом подошел к письменному столу, взял листок и карандаш. Быстро написал, протянул записку:

— Вот. Адрес запомнила? Пароль: «Аделанте». Отзыв: «Фиалка». Получишь записку или устный ответ —

немедленно назад. Дорога́ каждая минута. — Он кивнул на дверь: — Иди.

Мерильда оторопела:

— Сейчас? Ведь скоро полночь!

Он протянул руку:

— Дай. Я сам.

Она решилась:

— Переодеюсь и пойду.

Выбежала в ванную. Конрад подошел к балконной двери. Ветер парусил занавеси.

Мерильда вернулась уже одетая:

— Иду. Можешь быть спокоен.

— Да поможет нам бог! — Он поднял руку. — Жду.

Она вышла. Хлопнула входная дверь. В комнату внесла поднос с бутербродами и кофе Бланка.

— Вот. Больше ничего нет. Вы же знаете — карточки... — Она виновато посмотрела на Конрада. Оглянулась: — А где же Мери?

— Я ее послал... Мне надо.

Конрад подошел, взял из ее рук поднос, поставил на стол:

— Я рад тебя видеть.

— Я ждала вас... Я знала...

— Мы не могли разминуться. Мы шли навстречу друг другу. — Он отступил. С улыбкой посмотрел на нее: — Как ты похорошела! А волосы — как червонное золото!

— Вы совсем не изменились. — Она достала из сумочки фотографию. — Только эта борода... Настоящий повстанец.

Конрад глянул на снимок. Разорвал:

— Это неосторожно.

— Что вы наделали!

Он улыбнулся:

— Зачем? Теперь здесь я. — За руки притянул девушку к себе.

Она послушно приникла к нему:

— Конрад?.. Помните?..

— У меня дурацкая память. Я никогда ничего не забываю.

— На мне было голубое платье... Мой первый бал!

Бланка счастливо рассмеялась. Он обнял ее:

— Ты — прелесть!

Она потрясла головой:

— Может быть, все это — сон? Поцелуйте меня! — Сама потянулась на носках, поцеловала. — Откуда вы взялись, Конрад?

— Оттуда... — Не отпуская Бланку, он снова подошел к балконной двери. Помолчал, прислушиваясь: — Шумит... Только в Гаване так шумит море. Только в Гаване так поет ветер... И все так же мигает маяк Эль-Морро, добрый старик мечтатель из моего детства...

Он задумался. Потом повернулся, обнял Бланку, обхватил обеими руками:

— Я научился ненавидеть... Но, оказывается, я не научился любить!

— Чудно... Маяк Эль-Морро тоже был таинственным другом моего детства... А сейчас с его камней спиннингами ловят рыбу. Пойдемте завтра ловить?

— Ловить рыбу? — Он рассмеялся. — Ты просто прелесть, Бланка! Сколько у тебя хладнокровия и мужества! Я уже переставал верить. Я уже привык иметь дело с предательством и трусостью... — Разомкнул руки, отошел к балкону: — Может быть, и правда, никуда не надо идти, разве что со спиннингами на маяк Эль-Морро... А эти негодяи и трусы пусть копошатся, как в навозной куче, пусть себе играют в полководцев, премьеров и президентов... Они дрожат от страха, когда кто-нибудь хлопнет у них над ухом в ладоши. Единственное, на что они отважились, — это послать своих сынков на Плайя-Хирон. Да и то думали, что это будет увеселительная прогулка с пикником на берегу моря и с девочками из «Тропикианы»... Как я рад, что вырвался оттуда! Пусть это будет стоить мне жизни!

Бланка слушала, пытаясь вникнуть в смысл его слов, но ничего не могла понять: «Наверное, я схожу с ума от радости!..»

— Почему ты не ешь? Поешь же! Ты останешься здесь? — Она осмотрелась: где же устроить гостя?

— У меня только один диван... Но я смогу спать и в кресле...

— Глупая!.. — Он притянул девушку к себе: — Разве имеет значение что-нибудь, кроме нашей любви?

Она решилась. Достала из шкафа постель. Одну подушку, вторую. Руки ее сделались непослушными, ватными.

Конрад снял с пальца перстень. Подошел к ней. Надел перстень на ее холодный дрожащий палец:

— Перед богом и всем светом!..

Обнял и поцеловал в губы. Далеко за домом, в городе, куранты начали бить полночь.

11

Обрагон прислушался к бою курантов:

— Полночь... — Снова перевел взгляд на Хосе: — Ну и что дальше?

— Мальчишка сразу ее узнал. Сказал мне. Я — за нею. А она — прямо к тому дому на бульваре Пасео. Я ее и... Догнал и...

— И опять поторопился, — досадливо оборвал Васкеса капитан. — Немедленно возвращайся к дому Сальгадо. Проверь, у нее ли еще шофер Мануэль. А эту пусть введут.

Хосе вытянулся:

— Слушаюсь, капитан! — Круто повернулся, вышел. Тотчас боец ввел в кабинет Мерильду. Женщина остановилась посреди комнаты. На ее лице застыло смешанное выражение удивления и брезгливости.

— Прошу, — показал на кресло Обрагон.

Она вскинула голову:

— Бывала здесь...

Подошла не к тому креслу, на которое показал капитан, а к другому, низкому, в углу, под торшером:

— Разрешите? Мое любимое.

Села. Закинула ногу на ногу, достала сигареты, закурила.

«Снова — кто кого... — подумал Обрагон. — Эта штучка будет выкручиваться. Гонор, ненависть — и страх». Он положил перед собой стопку чистых листов бумаги, начал писать: «Мерильда Антонио де ла Перес...» Поднял голову:

— Возраст?

Женщина не торопясь затянулась сигаретой. Оттопырила губы, выпустила струю дыма:

— Вы плохо воспитаны. У дамы возраст не спрашивают.

«И она еще преподает мне уроки хорошего тона!..» Капитана начало это забавлять.

— К сожалению, на этот раз вы не на рауте, а на допросе у следователя, — насмешливо сказал он. И резко, тоном приказа, повторил: — Возраст?

— Двадцать семь, — передернула плечами Мерильда. — Хотя все давали не больше двадцати.

— Вас окружали лгуны. Место рождения?

— Мое — Гавана. — Она сделала паузу. — Моих предков — Мадрид.

«Вот как?.. Земляки... Это твои родичи стреляли нам в спину, а потом распинали на крестах... Впрочем, и здесь они занимались тем же самым. Родовая профессия...»

— Замужем?

— Вдова. С вашей помощью.

«Да, можно было и не спрашивать. Луис де ла Перес, жандармский генерал, садист, зверь «Ла Кабаньи». Сколько наших замучил он в тех склепах...»

— Прошлой ночью вас предупредили, чтобы вы не покидали своего дома. Но вы предпочли скрыться. Почему?

Мерильда снова глубоко затянулась. Он терпеливо ждал.

— Хорошенькое предупреждение! Этот хлыщ сразу стал меня лапать и тыкать в нос пистолет!

«Васкес? Вот как!.. Ну, милый...»

— Почему вы решили покинуть родину?

Она посмотрела на него с нескрываемым удивлением:

— Остаться? Зачем? Что связывает меня с этим городом? Ни семьи, ни друзей, ни дома... — Она усмехнулась: — А завтра вы еще захотите послать меня на рубку сахарного тростника.

— Да, это будет ужасно. Скажите: хоть однажды за всю свою жизнь вы сделали что-нибудь полезное для людей?

— Как же! — повела рукой женщина. — Я постоянно давала работу моим портнихам. И пожалуйста, не читайте мне лекции по политэкономии.

«Конечно, вряд ли стоит рассказывать тебе о том, сколько людей должны были подыхать с голоду, чтобы ты могла давать работу портнихам».

— Я вообще не способна к учению — в колледжах у меня всегда были неуды, — продолжала она. — И я терпеть не могу политики. Политики вот так хватило моему мужу!

Мерильда провела ребром ладони по горлу.

«Что ж, если учение дается тебе так тяжело, не буду. Да и бесполезно. И почему уносишь ноги в Штаты, тоже не требует разъяснений: будешь обедать без карточек, по утрам принимать молочные ванны, а у нас не хватает молока детворе...»

— Кто из ваших родственников находится в Штатах?

— Уже никого... — Она спохватилась. — Ах, вспомнила: родной братец. Конрад.

«Почему она запнулась? Почему «никого»? Знает, что Ронка вылетел или отплыл сюда?.. Любопытно...»

— Давно вы не получали от него известий?

— Очень. Он ленив писать.

«Почему она отвечает так поспешно?»

— Говорит вам что-либо имя Бланка?

Мерильда насторожилась. Посмотрела на капитана. Отвела взгляд:

— Заурядное кубинское имя. — Сигарета сломалась в ее пальцах. — Не знаю! Не впутывайте меня! Я же сказала: политика — не моя сфера!

— К чему это вы — о политике? Я спрашиваю о вашей подруге сеньорите Бланке Гарсия де Сальгадо.

Она вымученно улыбнулась:

— Ах, о Бланке!.. Я не подумала... Конечно, Бланка — моя подруга детства.

Обрагон начал писать, в такт движению пера кивая головой. Чувствовал: женщина следит за ним. «Знает... Что-то знает...»

Он откинулся на стуле:

— Вот и отлично. Дело двинулось... Не просила ли ваша подруга детства передать что-либо брату?

— Неужели вас интересует лирика? Такие чувства, как любовь?

— Любовь и ненависть — родные сестры. А ненависть — как раз предмет нашего особого интереса.

Она загасила окурок в пепельнице:

— Бланка просила передать, что любит братца и ждет его.

— И только?

— Разве этого мало? — искренне удивилась она.

«Неужели действительно любовная история? Нелепо. Однако вполне может статься...»

— А когда и где ждет?

И по тому, как вздрогнула, напряглась женщина, он понял: попал!

— Хочу предупредить вас...

Мерильда вскочила. Сделала несколько шагов к нему:

— О, как вы все мне надоели! Капитан, выпустите меня в Штаты!

«Ага, не хватило выдержки!.. Не помог и апломб. Думает, что мы что-то знаем... Что же мы знаем?..» Требовались еще какие-то, столь же удачные намеки. Ища их, он начал тянуть:

— Полагаю, что до выяснения некоторых обстоятельств сеньоре придется задержаться... Отдохнуть на острове Пинос.

Она ненавидящими глазами посмотрела на него:

— Покойный муж возил меня туда, показывал... Очаровательное место! Вилла с видом на море, только рябит в глазах от решеток! — Женщина подступила к нему: — Надеюсь, настанет час, когда мы встретимся там с вами!

— Напрасные надежды.

Она подперла бока кулаками:

— Да, для вас Пиноса будет мало! Вас будут стрелять на улице, как бешеных собак!

Обрагон ударил кулаком по столу:

— Осторожнее, сеньора!

Как он ненавидел ее! Не меньше, чем она. «Такие ездили смотреть на казни республиканцев, как на спектакли».

Он перевел дыхание:

— Политика — не ваша сфера. Прочтите и распишитесь.

Он пододвинул к ней листки протокола.

Мерильда взяла, начала читать вслух:

— «Протокол допроса...» — Подняла голову. — Звучит педурно. — Голос ее предательски дрогнул.

— Куда вы направлялись в столь поздний час?

Она все еще смотрела на листы:

— Бульвар Пасео — обычное место моих ночных прогулок.

— А если я подскажу вам адрес, по которому вы шли?

Она отложила в сторону протокол. Молча пожала плечами.

— А если я вам подскажу: ваша подруга детства толь-

ко что вернулась из провинции Лас-Вильяс... — Он растягивал слова, нащупывая и чувствуя, как она цепенеет. — Вернулась и привезла...

— Нет! — выкрикнула она. — Не тяните из меня жилы!.. Если я скажу, что вам нужно, вы выпустите меня в Штаты?

— Содействие следствию подтвердит вашу невиновность.

Мерильда отошла к своему креслу, в угол комнаты. Села. Закурила. Обрагон увидел: она успокоилась. В чем он промахнулся?..

— Вы и без меня все знаете... — Она сделала затяжку. — Да, Бланка привезла с собой Конрада. И в эту минуту он находится у нее дома.

Феликс с огромным трудом удержал восклицание. Нагнул голову, закрыл глаза, чтобы подавить в себе желание вскочить.

Она же подумала, наверное, что это сообщение несколько его не удивило:

— Видите, я сказала правду... Я свободна и могу уезжать в Штаты?

«Не может быть!.. Этого не может быть!.. Так просто...»

— А куда и зачем вы шли?

Мерильда поднялась, оправила кофту. Подошла к столу. Вынула из лифа записку:

— Вот, он сам написал. — Протянула листок капитану: — Пароль: «Аделанте», отзыв: «Фиалка». Я должна была передать — и получить устный или письменный ответ.

Обрагон взял записку, пробежал торопливо написанные строчки. «Текст зашифрован. Но почерк Маэстро. Адрес явки... Пароль... Да, кажется, правда».

За домом куранты пробили один раз. Звук медленно таял.

«Час ночи... Понадобился всего час, чтобы ты предала родного брата и подругу детства... Эх вы, герои!..» Эта женщина уже не вызывала у него ничего, кроме презрения. Он нажал кнопку звонка.

Вошел сержант.

— Уведите. И немедленно вызовите ко мне...

Его прервал телефонный звонок.

Бланка подняла руку. Перстень поблескивал на пальце.

«Он сказал: «Перед богом и всем светом!..» Как в сказке о прекрасном принце... — Она перевела взгляд на диван. — Брачное ложе?.. Сейчас... И мне совсем не страшно».

Посмотрела на него. Конрад молча стоял посреди комнаты.

— Ты, наверное, очень устал?.. Ты давно приехал?

Он огляделся:

— Мечты...

Провел ладонью по лбу. И словно бы стер рукой то выражение лица, которое было еще мгновение назад. Из мягкого, грустно-восторженного оно вдруг стало жестким.

— Мерильда почему-то не вернулась. Мне надо уходить.

И голос его стал другим. Резким.

— Я не улавливаю смысла в твоих словах...

— Я не имею права, Бланка. Извини, я дал волю чувствам. Я должен немедленно уйти.

«Куда? Почему? — Обида захлестнула ее. — Не любит!..»

— Не понимаю...

— Нам надо уходить, — решительно повторил он.

«Уходить...» — эхом отозвалось в ней.

— Мы пойдем с тобой вместе. Мы будем идти с тобой рука об руку — до конца.

«До ко-онца-а...» — повторило эхо. «Значит, любит?.. Зачем же уходить?.. Я ничего не могу понять!..»

— Не бойся, Бланка. Смелость, еще раз смелость, всегда смелость! — Он расправил плечи. — Да, это самое опасное задание. Но и льва узнают по когтям!

Она посмотрела на него. Что стало с его лицом!.. Оно заострилось. Глаза лихорадочно блестели. Он побледнел.

— Конрад, милый, о чем ты говоришь? Что это за странные шутки?

Он не слушал ее, продолжал о своем:

— Опасаюсь, что и здешние подлецы в последний момент поджали хвосты. Всегда лучше полагаться на себя одного. Но я выполню задание! К вящей славе божьей!

«Какой-то кошмар, бред...» — Бланка в изнеможении присела на край дивана.

Он подошел, положил руки на ее плечи:

— Так необходимо. И ты пойдешь со мной.

— Конечно пойду, и куда ты хочешь... Но куда? Какое задание?

Конрад отступил от нее. Лоб его покрылся испариной. Глаза иступленно горели.

— Ты умеешь стрелять?

«Святая Мария!.. Что случилось с ним, бедным?»

Бланка с жалостью посмотрела на него:

— Я начинаю понимать...

— И я уверен, ты будешь надежной помощницей до конца!

«Мерильда говорила: босс... А эти испытания сломили его разум. Бедный Конрад!..»

— Конечно, я буду твоей помощницей... Я пойду с тобой... Только успокойся, милый! Что с тобой? Ты был добрым, открытым, как ребенок, и мудрым, как египетский бог Тот...

— Бог! — воскликнул он. — Только не слюнявый египетский Тот, а Саваоф — грозный, мстительный и нетерпимый, требующий покорности и жертв!.. «Пусть ненавидят — лишь бы боялись». Каждый человек достоин того, чего он стоит. Ты, я, мы — соль земли. И мы не имеем права перед историей и богом допустить, чтобы эту соль растолкли и развеяли по ветру или чтобы гуахирос даб-ривали ею свое варево!.. Четыре столетия назад наши предки-конкистадоры пристали с мечом и крестом к этим берегам, когда здесь еще бродили краснокожие с кольцами в ноздрях!.. Мы не имеем права раздать свое наследство этим бродягам!..

— Успокойся, милый!

Она протянула к нему руки. И тут только увидела: его куртка и брюки — в бурых пятнах и на руках темно-красные запекшиеся потеки.

— Кровь! — испугалась она. — Ты весь в крови! Ты ранен?

Он спокойно оглядел свою одежду, посмотрел на руки:

— Нет. Это его кровь.

— Чья?

— Того шофера.

Бланка отшатнулась:

— Пойдите!.. Ничего не понимаю... Вас привела сюда Мерильда?

— Я приехал на вашей машине.

— А... А Мануэль?

— Он мог помешать нам, — спокойно сказал Конрад.

— И вы... Вы убили его?

— К сожалению. У каждого свой крест.

Он сделал шаг к ней.

— Не подходите!

Конрад с удивлением посмотрел на девушку:

— Тише, ты разбудишь весь город. Тут что-то не так... Сейчас мы разберемся. С кем же вы? С нами — или с ними?

— Оставьте меня!

— Не могу. Сейчас речь не обо мне. Поймите: или — или. И если вы еще не сделали выбор, я помогу вам.

«Выбор! И он тоже требует выбора! Боже!..»

— Замолчите!

— Наша любовь, наконец.

«И он говорит о любви!..»

— Как вы смеете! Убийца!

Конрад пригнул голову. Посмотрел на девушку в упор. Она содрогнулась под его взглядом.

— Вот как? Хорошо...

По его губам скользнула улыбка. Такая же жестокая, как взгляд.

— Не знаю, как тут все переплелось: ваша поездка в Лас-Вильяс, в тот квадрат; Мерильда, все прочее... Я думал, это подготовлено... Ошибся. Но сама судьба сделала за вас выбор: ваш шофер убит, на вашей машине я приехал в Гавану, и, наконец, я в вашей квартире... Любой из этих улик достаточно, чтобы вас признали сообщницей. У вас единственный путь — идти со мной.

— Нет! Нет! Нет!

— Да не кричите же! — Он подошел к балконной двери. — Та-ак... С Мерильдой что-то случилось... — Возвратился к Бланке: — Возьмите себя в руки. Нам нужно уходить. Одевайтесь.

«Боже!.. Уж лучше бы он сошел с ума!.. На что он поднимал руку! Неужели нужно было все это, чтобы понять и сделать выбор?.. Боже мой, неужели нужно было все это!..»

Конрад направился к двери. Девушка вскочила, раскинув руки, встала перед ним:

— Убивать? Нет! Не пущу!

— Я не шучу. — Он сунул руку в карман.

— Не пущу! — Она загородила дверь.

— Ну что ж...

За окнами куранты пробили один раз.

Хосе Васкес оставил машину на углу авениды Уна и заспешил к дому Бланки. «Одно к одному! Одно к одному!..» Он испытывал досаду за все неудачи этих дней — когда, казалось, можно было проявить себя с таким блеском. И злость на капитана — за его тон, за то, что Обрагон прав, за то, что в его власти и отчитать его, и даже решить судьбу. А Васкес очень хотел работать в органах безопасности: не такая изнурительная служба, как в армии; жизнь в столице; власть не только над подчиненными бойцами, а над всеми смертными... «Хоть бы попался этот подлец Ронка в мои руки! Все бы отыграл!..» — тешил он себя надеждой.

В темноте у дома Бланки маячило несколько фигур. В маленькой и тонкой Васкес узнал Хуанито. Тихо спросил:

— Больше никто не выходил от красотки?

— Нет, командир.

— Лезь по трубе на балкон. Что-то шоферишка застрял у нее. Лезь!

Мальчуган ловко вскарабкался по трубе, спрыгнул на балкон. Остановился в дверях. Его рожица расплылась в улыбке.

— Я очень поздно, сеньорита? Вы приглашали меня на чашку кофе!

Он заглянул в комнату, увидел Бланку, преградившую путь мужчине. И в ярком свете увидел мужчину. Остолбенел. И закричал истощенным голосом:

— Маэстро! Он здесь!

— А, проклятие!.. — Конрад выхватил пистолет и повернулся к Хуанито.

— Ребенка! — Бланка заслопила мальчугана.

— А-а, святая Мария! — Конрад выстрелил в девушку.

Она упала. Он выстрелил вслед исчезнувшему в тем-

ноте Хуанито. За стеной дома слышались крики. Он бросился к окну. Выпрыгнул. Стреляя наугад, побежал. Его преследовали голоса:

— Держи! Держи! Уйдет!..

Щелкали выстрелы.

13

Предводительствуемые Росарио, Лаптев и его команда ехали в провинцию Пинар-дель-Рио.

Как ни удивительно, но вчера, пусть и к позднему вечеру, вся программа экскурсии, задуманная Леной и ее решительной дочерью, была выполнена: и «Колумбус», где некогда находился прах открывателя Америки; и аквариум — огромная чаша-бассейн высотой в два этажа с иллюминаторами, в которые тыкались носами акулы, акулята, страшные океанские черепахи и иные представители бездн, и, приплюснув к стеклу свой нос, можно было посмотреть им глаза в глаза; и роскошную авениду Пинта; и даже район новостроек Гавана-дель-Эсте, который кубинцы в обиходе нарекли гаванскими Черемушками, но, наверное, напрасно: протянувшийся до поселка рыбаков Кохимар, того самого, где Хемингуэй нашел своего Сантьяго для повести «Старик и море», он сохранял все своеобразие праздничной гаванской архитектуры.

Морячки Андрея Петровича не столько любовались архитектурными и инженерными новациями, сколько глазели на юных кубинок, танцующей походкой проплывавших по тротуарам. Было на что поглазеть: в открытых и затянутых до невозможности одеяниях, будь то униформы милисианос, бригадисток или пестрые платья, белые, красные, голубые брючки, они не скупились на улыбки в желании продемонстрировать все свои прелести. Темно- и светловолосые, бело- и темнокожие, негритянки, мулатки, метиски, креолки, с чертами европейскими, азиатскими, африканскими, они представляли как олицетворенная красота женщин всего мира. Нигде в других странах Лаптеву не довелось видеть ничего подобного. Теперь он и сам краем глаза любовался кубинками.

Лена, уловив всеобщий интерес, как заправский гид, прокомментировала: когда Колумб причалил к Большим Антилам, здесь на островах жили одни лишь индейцы. В то время их было больше миллиона, только на Кубе

обитали двести тысяч. Перед тем как поднять якоря и отправиться в обратный путь, дон Христофор записал в дневнике, что он «нашел то, что искал», — не золото, не жемчуга, а рабов. Через два года сюда нагрянула из Испании целая флотилия. Конкистадоры согнали на берег местных жителей, отобрали самых сильных и статных и заточили в трюмы каравелл. И так — год за годом. А потом на смену истребленным туземцам начали завозить из Африки негров, и за три столетия переправили на Кубу миллион невольников; потом заманили сюда тысячи китайских кули; а за последние два столетия судьба забрасывала на остров французов и итальянцев, немцев и евреев, поляков и американцев — волнами бурь, сотрясавших континенты, отголосками революций, контрреволюций, мятежей, войн. И среди населения Кубы все больше становилось мулатов и метисов, даже выходцы из Испании — креолы отличаются теперь от своих предков. Сложилась кубинская нация, этническими корнями связанная с четырьмя континентами земли. Известный ученый Антонио Нуньес Хименес написал так — Лена процитировала на память:

— «Каждая национальность привезла из-за моря свои обычаи, культуру и предметы обихода. Каждая из них внесла свой особый вклад в процесс формирования всего того, что называется теперь кубинским... Смешение испанцев и индейцев с африканцами, их детей с мулатами и китайцами, а позднее смешение всех этих групп стало противоядием от расовой ненависти. Связи, созданные человеческой любовью, оказались сильнее искусственных барьеров между людьми разных рас».

А от коренных жителей сохранились лишь форма жилищ крестьян, названия рек, гор, селений, растений и животных да тысячи слов в современном языке — куда больше, чем самих индейцев, — добавила она. — Кстати, знаете, как называется фирма, которая обслуживает в здешнем порту ваше судно?

— «Мамбисас», — сказал всеведущий комсорг Жора.

— Правильно. Это слово было боевым кличем индейцев.

Когда они шествовали по авениде Пинта, она процитировала апостола кубинской революции Хосе Марти:

— «Самым счастливым будет тот народ, который лучше всех обучит своих детей...» Когда первого января

пятьдесят девятого года бородачи Фиделя вступили в Гавану и жители просили у повстанцев автографы на память, многие разводили руками: они не умели писать.

— А нынешний лозунг Кубы: «Чтобы быть свободными, надо быть образованными!» — вставила Хозефа и повела плечом с голубым треугольником бригадистки, подшитым к погоничку.

Лаптев, выбрав момент, когда Лена отъединилась от группы, спросил ее:

— Ты счастлива?

Она удивилась:

— На такой вопрос можно ответить лишь в двадцать. — Задумалась. — Не так это просто — оторвать себя от всего... И столько повседневных проблем. И быт, как говорится, заедает...

Он подумал: та Лена не сказала бы ни одного этого слова.

Она спохватилась:

— У меня крепкая семья, интересная работа. А дочь! — горделиво посмотрела на Хозефу. — Мы дружим.

«Не та Лена... Другая. Деловита. Погружена в заботы семьи. Раздобрела... Что-то приобрела, наверное. Но уже не представить ее с голубой лентой в пшеничных волосах... — Оборвал себя. — Почему я так требователен к ней? Тоже мне, юноша! Поглядел бы на себя со стороны, пенсионер...»

Экскурсия по Гаване была вчера. На сегодня Лена оказалась занятой — операции в больнице. Поэтому опеку над Андреем Петровичем и его командой взял Росарио.

Не полагаясь на его пунктуальность — испанцы не знают цены времени, — Лаптев с утра пораньше поехал к Эрерро на службу.

В противоположность вчерашнему было ветрено. С Атлантики порывами налетал влажный солоноватый бриз. Насколько хватало глаз, от самого горизонта, он трепал море, разбивал волны о Малекон, выметал улицы, рвал голоса дикторов в репродукторах. Растрепанная и гулкая, Гавана под этим ветром была похожа на мучачу — озорную девчонку с огромными глазами.

На площади Революции, у вонзающегося в небо пяти-

гранного обелиска — памятника Хосе Марти, вдоль которого тянулись каменные трибуны, радисты опробовали микрофоны. По площади гулко разносилось:

— ¡Uno! ¡Dos! ¡Tres!.. ¡Uno! ¡Dos! ¡Tres!..¹

Лаптев понял: идут приготовления к митингу.

На краю площади, напротив обелиска, возвышался тысячеоконный квадратный небоскреб. По фасаду его были натянуты портреты Карла Маркса и Ленина. Не так давно в небоскребе располагались миnistерства Батисты. Сейчас у стеклянного вестибюля сидели на стульчиках девушки-милисианос с самозарядными винтовками на коленях. Лифт вознес Андрея Петровича на восемнадцатый этаж. Ветер и здесь гулко хлопал дверьми, сотрясая дом. В кабинете Росарио были полированные столы, кресла, обтянутые мерцающей зеленой кожей, белые телефоны и неработающий эр-кондишн. А над столом его красовалась табличка: «Говори короче — мы отстаи на 58 лет!» Вот уж что не свойственно кубинцам, как и всем латиноамериканцам, — так это говорить коротко. Лаптева озадачила и цифра:

— Почему — пятьдесят восемь?

— Ровно столько хозяйничали на Кубе янки.

Океанский бриз гудел и в кабинете, колебля жалюзи окон, вороша на столах бумаги.

Росарио сам, видимо, решил придерживаться энергичного лозунга над столом — поднялся, затянул ремень на животе, поправил кобуру:

— Нас ждут в народном имении в Пинар-дель-Рио. Поехали!

— Это далеко? Мы должны обернуться к вечеру — готовимся к отходу.

— Нет проблем!..

Отечественный, львовский, взятый в управлении порта автобус осваивал живописнейшую дорогу. Поехал даже боцман Храпченко. Комсорг Жора дирижировал, одессит Саша брэнчал на гитаре. Все дружно цели.

Росарио, держа микрофон у губ, исполнял роль гида.

Шоссе оторвалось от моря, и теперь по обеим сторонам тянулись невысокие горы с возделанными по скло-

¹ Один! Два! Три!.. (исп.)

нам полями, на границе земли и неба ровняли строй белоствольные королевские пальмы, а вдоль дороги, в кофейнях-кантинах, восседали на стульчиках перед стойками мужчины в широкополых шляпах.

Дорога — именно она создает представление о стране. Первое впечатление, которое остается самым ярким. Разве не запомнил Лаптев на всю жизнь ревущий грузовик с ящиками снарядов в кузове и испанца, метнувшего в Лену золотое ядро апельсина?.. Странно... Образ той гибкой девчонки с растрепавшимися волосами не желал совмещаться с нынешней Леной.

Андрей Петрович прислушался к голосу гида. Росарио рассказывал:

— Куба — это материк в миниатюре. На острове есть почти все, что характерно для обширных континентов: горы и равнины, леса и саванны, реки и озера, болота и пустыни. Год здесь не делится на привычные весну, лето, осень, зиму, а разграничен на два сезона: сухой, с декабря по апрель, и влажный — все остальное время. Кубу отличает постоянство температур. Средняя январская равна двадцати одному градусу, средняя августовская — двадцати восьми, а среднегодовая — двадцати четырем.

— Посмотрите налево! Посмотрите направо!.. Обратите внимание на цвет земли. Нет, это не битый кирпич — это матанса, краснозем, самая богатая почва в мире. Она так плодородна, что практически неистощима. На Гаити, в Перу и на Ямайке сахарный тростник дает урожаи три-четыре года, а здесь — восемь и десять лет. Есть плантации, где его посадили и сто лет назад. С той поры только и руби в сафру — срубил, жди следующего урожая. Представьте себе, если бы так можно было выращивать хлеб — не сеять, а лишь жать? Учтите к тому же еще и то, что кубинский тростник — самый сладкий в мире.

— Я читал, сахарным тростником одарил Кубу Христофор Колумб? — продемонстрировал свою эрудицию Жора.

— Совершенно верно, он завез это растение на Большие Антилы с Канарских островов, — подхватил Эреро. — К середине прошлого века тростник стал здесь монокультурой, сама же Куба превратилась в главного поставщика сахара на мировом рынке. Однако этот дар

природы оборачивался для кубинцев бедой: народ был чуть ли не самым нищим на всем свете, потому что все доходы от сахара заграбастывали янки.

Парни слушали внимательно. Молодец, Росарио, продолжай в том же духе!..

— И первым же своим декретом революционное правительство провозгласило закон об аграрной реформе. Вспомните один из первых декретов вашей революции...— Эрерро щедро повел рукой. — Теперь вся земля Кубы принадлежит народу. Фидель сказал: «Наша революция — это социалистическая, демократическая революция обездоленных, совершенная обездоленными для обездоленных». И тысячи кубинцев аплодировали его словам и кричали: «Вперед и вперед! А кому не нравится, пусть примет слабительное!»

Матросы захохотали.

Через час они достигли цели своего путешествия.

— И вот теперь, друзья, вы уже можете увидеть, что приносит обездоленным аграрная реформа. — Росарио первым вышел из автобуса, жестом хозяина пригласил за собой гостей. — Это народное имение Лос Пинос. Прежде все земли принадлежали сыну Батисты. На плодородных участках он разбил плантации тростника, а крестьян вытеснил в болота.

Поселок народного имения напоминал маленький город. Вдоль асфальтированной дороги, обсаженной молодыми деревьями, поднимались новенькие двухэтажные коттеджи. В распахнутых окнах появились женщины. Высыпала детвора. Здесь еще не привыкли к экскурсантам.

Подкатил голубой ободранный «шевроле». За рулем сидел молодой человек в шляпе ковбоя. Хлопнул дверцей. Расправил плечи. Смуглое лицо, обрамленное смоляной курчавой бородкой. На мягких сапогах — шпоры. Лаптев перевел взгляд на Росарио и снова посмотрел на юного кубинца: будто копия пикадора тех далеких испанских дней!..

— Познакомьтесь. Управляющий народным имением, — представил Росарио.

Управляющий начал показывать им свое хозяйство, повел на фермы, к легким навесам с загородками из жердей. Под навесами мелапхолично пережевывали корм горбатые зебу и коровы.

— Здесь все для крестьян в повинку, — снова вступил

в права гида Эрерро. — И дома, и фермы, и даже то, что коров можно доить два-три раза в день. Раньше здесь получали от коровы молока меньше, чем у вас от козы. Когда советские зоотехники организовали показательную вторую дойку, гуахино приехали чуть ли не со всей округи.

Росарио легко перепрыгнул через загородку. Схватил за рога крепыша бычка и ловко, казалось, без усилия, повалил его на спину. Бычок беспомощно засучил в воздухе копытами.

«Ишь ты...» — посмотрел на бывшего пикадора Андрей Петрович.

Бодман Храпченко не удержался, перелез через ограду, подступил к другому бычку, вцепился в него, сопел-сопел, но побороть не смог:

— Ч-чертов сын!..

Подшли светловолосые парни. Они были в клетчатых рубашках, их носы на январском солнце обгорели до ключев.

— А, морячки! Здорово! Есть ростовские? А харьковские?..

Так на фронте искали земляков...

Гурьбой вернулись в поселок.

— Красиво живут, — сказал комсорг Жора.

К стенам коттеджей были прикреплены таблички. Андрей Петрович поначалу не обратил внимания, но, приглядевшись, прочел надпись, повторявшуюся на каждом жилище: «Это и твой дом, Фидель!»

На стене одного из домов была вывешена фотография юноши. Траурная черная рамка. К стене прислонены охапки полевых цветов.

Управляющий стянул с головы широкополую шляпу и из бравого ковбоя превратился в курчавого юношу с погрустневшим лицом:

— Ольварес, мой друг. Недавно убили, когда сторожил плантацию. Гусанос переоделись в форму наших бойцов. Ольвареса убили, а тростник подожгли. Его мать сказала: «У меня есть еще четверо сыновей, и каждый из них готов отдать жизнь за свободу!».

Андрей Петрович подумал: мать этого Ольвареса похожа, наверное, на Пасионарию. «Лучше быть вдовой героя, чем женой труса». Это еще тогда, в Мадриде... А потом, в Москве, Долорес Ибаррури, мужественно приняв удар — весть о гибели своего сына Хосе под Сталингра-

дом, — показала, что достойна своих слов... Да, Испания — Сталинград — Куба — звенья одной цепи...

Он огляделся. Как все здесь мирно, будто дремлет под солнцем. Но и здесь еще гремят выстрелы. А в Гаване, может быть, в эти самые минуты Феликс и кто-то из его парней идут под пули Маэстро.

14

Мерильда плелась по почной пустынной улице. В голове кружилось. Пустота. И такое чувство, будто ты бесконечно стара... Впереди, над подъездом небоскреба, светились огни. Она прочла: «Radio Patria». Это здесь, кажется, служила Бланка?.. Странно: в душе ничто не шевельнулось — ни жалость, ни угрызение... Пустота.

Рядом с подъездом, напротив, в лоджии дома, Мерильда увидела маленькую кофейню. Стойка ее была открыта на улицу, за прилавком молодая мулатка, позевывая, мыла чашки, расставляла их вереницей, донышком кверху на маленьких блюдах.

Было тихо, только привычно шумело море. Мерильда подошла к стойке. Порылась в сумочке:

— Налей.

Девушка молча наполнила чашку ароматным кофе.

— Чего-нибудь покрепче. Рома с апельсиновым соком. — Залпом выпила, протянула рюмку: — Еще. — Достала кошелек, вытряхнула на стойку все его содержимое: — Хватит?

Девушка неодобрительно глянула на нее:

— Шлепала бы домой. Уже и так накачалась.

— Домой? — покачала головой Мерильда. — В моем доме — школа коммунистической морали. Ха-ха!..

— Не трепи языком. Ничего не дам.

— Умоляю, милочка! — жалобно попросила женщина. — Это у меня сегодня ничего нет. А завтра я тебя озолочу.

— Как же, поверила.

— И ты не веришь?.. — Она закрыла лицо руками, качалась на стульчике из стороны в сторону. — И я не верю... Ничего больше нет и не будет... Пустая консервная банка из-под анчоусов... Сожрали анчоусы, а банку — пинком на помойку...

Девушке стало ее жаль. Налила рюмку. Мерильда залпом выпила.

— Спасибо, милочка!.. — Рассмеялась: — Даже для Пиноса не подхожу... Так: то ли карманница, то ли шлюха...

— Ну и палпзалась! — с презрением сказала девушка, собрала рюмки и вытерла доску. — Противно. Мужчины пьют — ладно, они мужчины. А женщина...

У стойки появился прохожий. Его голова жирно лоспилась бриолином под светом ламп.

— Двойной! — еще издали крикнул он, поднимая два пальца.

Девушка молча подала ему стакан баккарди. Он выпил, причмокнул и потребовал:

— Повторить! — Достал из-за пазухи туфли, протянул через стойку: — А? Такие по карточкам не отрежешь, а? Мечта, а?

Мулатка взяла, повертела в руках, погладила носки:

— Прелесть!

— Блеск-треск, а? — подмигнул мужчина. Кивнул в сторону моря. — Оттуда. Не дешево, но и не дорого. Берем, а?

Она вышла из-за стойки. Скинула башмак. Начала примерять.

— Не лезут... Не лезут, хоть лопни! — С сожалением отдала. — Еще влипнешь — контрабанда.

Мерильда подняла голову, помотала ею:

— Не-ет, консервная банка...

Прохожий подскочил к ней:

— А вам, сеньора, а? По заказу — для вашей ножки. Можно примерить, а?

Опустился на колени, подостлав газету. Надел на ее ногу одну туфлю, провел пальцами от ступни до колена:

— Какая ножка!

Мерильда страхнула туфлю:

— Пошляк. Такой фасон носили в прошлом веке.

Набриолиненный оживился, глаза его заблестели:

— Сеньора с тонким вкусом, да? Ду ю спик инглиш? Шпрехен зи дойч?.. Могу вам предложить люкс, а?

— Счет на Манхеттен-банк. Наличными не ж-желаю...

Он скорбно покачал головой:

— А-а, понимаю: заведение накрыли, фирма пошла ко дну, красotka оказалась за бортом, а?

— Телепат.

— Сочувствую вашей ситуации, сам чуть не отправился акулам на ужин, но пока еще барахтаюсь, — доверительно зашептал он. — И могу помочь чужому горю, а? Такие ножки не должны пропадать, хочу кое-что предложить, а? — Повернулся к девушке: — Повтори, дурочка. Мне и сеньоре. Я плачу!

— Она уже и так хороша. Можешь тащить, паук.

— Твоя забота, а? — огрызнулся он. — А если я люблю интеллигентно, со вкусом, а?

К кофейне вприпрыжку подбежал Хуанито. Правая рука его была забинтована. Но круглая рожица сияла.

— Салуд, Грациэлла! Чашку кофе и «Корону»! В кредит. Но завтра будет работка!

Девушка улыбнулась:

— Соплив — «Корону». Вот тебе ледсенец.

— Не оскорбляй! — Мальчуган показал на забинтованную руку. — В схватке с коварным врагом!

— Уже слышали. Повторный сеанс. Валяй что-нибудь повенькое.

Мальчик сразу сник:

— Я тоже почти что не верю... Я первый его увидел. Но он — в окно, и теперь его ищи-свищи... А я мог бы уже прогуливаться по тому свету...

Девушка ласково провела ладонью по его жесткому ежику:

— Это правда? Бедненький мой! Тебе очень больно?

— Факт. Но я не обращаю внимания. Солдат революции должен стерпеть все. Когда вытаскивали пулю, я множил трехзначные на пятизначные и ошибся только на сто тысяч... — Он огляделся: — Интересно: на том свете тоже есть улицы, море, кофе?

Грациэлла пожала плечами:

— Не знаю. Может быть, и есть.

Хуанито вздохнул:

— Все равно на этом мне как-то больше правится... Я заглянул в ее комнату и вдруг вижу — оп! Я как закричу! А он выхватил пистолет — и бабах! Бабах!.. — Уткнулся в забинтованную руку: — Если бы не она...

Девушка похлопала его по вздрагивающим плечам:

— Успокойся!

— Мне так ее жалко... И так стыдно... Я ведь думал!.. Мерильда, на мгновение протрезвев, повернулась к мальчугану:

— Ты о ком это, Хуанито?

Он узнал, отскочил на середину тротуара:

— Сеньора? Побег с каторги?

— Не-ет, босопогий генерал, от вас не убежишь...

Он подступил к ней:

— О вашей подруге... Она пала смертью героя.

— Бедная девочка. — Но в голосе ее не было сожаления. — Хотя и не бедней меня. Мир ее праху...

Набриолиненый оживился:

— А ты, оказывается, благородная, а? Ух, предпочитаю благородных! Не обчистят утром, когда спишь, а?

Женщина смерила его взглядом:

— Сукин ты сын...

— Понимаю, вхожу в положение — нервы, — согласился он. — И у меня тоже нервы, а не шнурки от ботинок, а? — Снова потребовал: — Наливай. Плачу.

Грациэлла налила, со злостью сказала:

— Пейте и проваливайте — а то позову наших!

Из темноты слышались шаги. Цокали подковки сапог. Набриолиненый замер. Заторопился:

— Святые слова, дурочка, подальше от греха, а? — Подхватил под руку Мерильду. — У меня шикарная квартира, могу предложить на ночь, а там поглядим, а?

— Поглядим, — согласилась Мерильда. — В тебе что-то есть. По крайней мере, кошелек и хамство. — Передразнила: — «Пошли, а?»

От подъезда радиостанции подошел писатель Альдо. За эти сутки он, казалось, постарел на десять лет. На щеках клочьями торчала седая щетина. Щеки обвисли, скорбными складками собрались у губ морщины. Глаза были тусклы.

— Как поживаете, камарадо писатель? — приветствовала его девушка.

— Завари мне покрепче, Грациэлла, — попросил он.

— Ставлю десять против одного, вы снова забыли поужинать. — Вместе с чашкой кофе она пододвинула к Альдо блюдо с сэндвичами.

— Не хочу...

— Вы заболели? — Девушка приложила ладонь к его лбу. — Вот вам большая чашка кофе с ромом.

Он достал платок, вытер глаза:

— Я старый, и нервы сдают...

— Вам просто надо выспаться.

— Нет... Мне надо работать. Я должен работать, а то разорвется сердце.

Подошел к кофейне художник Мартин:

— Привет, старый... Я уже слышал.

Грациэлла откупорила ему бутылку сока. Он отхлебнул из горлышка:

— Тебе не кажется, что рушится весь свет?.. Аристократы превращаются в грязных убийц... Я напишу портрет этого Ронки в самой реалистической манере — чтобы его мог узнать каждый! А руки у него будут по локоть в крови — и эту картину поймут все!

Писатель заглотнул воздух:

— Скажи, есть справедливость на свете?

— Вот увидишь: его схватят, засунут в рот грязный кляп и поволокут по улицам. А потом его пристрелят под забором как шелудивую собаку!.. Идем. Уже пора занимать места.

— Да, уже пора... Болит сердце... Пошли.

Хуанито смотрел им вслед, пока писатель и художник не скрылись в темноте. Потом повернулся к девушке, с запинкой спросил:

— Грациэлла, а как по-настоящему объясняются в любви?

Она склонила голову набок, повела рукой:

— Становятся на колени. И говорят: «Я люблю тебя, счастье мое, жить без тебя не могу и прошу твоей руки!»

— А зачем: «прошу руки»?

— Так полагается.

Мальчуган тут же, на тротуаре, опустился на колени, одним духом выпалил:

— Я люблю тебя, счастье мое, жить без тебя не могу и прошу твоей руки!

Грациэлла вытаращила глаза:

— Ты чего это? Обалдел?

— Я по-настоящему!

— Вот как? — Она подбоченилась, вскинула голову. — Тогда повтори. Ну! «Я тебя люблю...»

Хуанито вскочил. Слезы брызнули у него из глаз:

— Не смейся! Я по-настоящему, честное революционное! — Голос его дрогнул. — Когда он в меня стрелял, я,

знаешь, о ком подумал? О тебе! У меня никого больше нет, кроме тебя и дяди Феликса...

Грациэлла вышла из-за стойки, обняла мальчика:

— Ишь ты... — Она замолчала. Потом совсем другим голосом — особенным, очень низким — проговорила: — Я люблю Мануэля, понимаешь?

— Ну и что же? И меня тоже люби... Знаешь, я скоро уеду... Дядя Феликс сказал, что меня пошлют в Москву. Ты представляешь? Правда, на учебу... Ну да зато в Москву! Но я и там, клянусь, буду все время думать о тебе! Ты только не смейся... Я могу все для тебя сделать, что ты захочешь! Хочешь, побегу на площадь и займу тебе место у самой трибуны?

— Где там тебя найдешь? — Девушка ласково притянула Хуанито за уши. — Мы с Мануэлем и сами протолкаемся поближе. Он обязательно должен подъехать с минуты на минуту. — Она поцеловала Хуанито в щеку и подтолкнула: — Беги, малыш! До встречи на площади!

— Дерь-то какой сегодня! Газеты будут нарасхват! — Мальчуган сорвался с места. Убегая, крикнул: — А я тебя все равно люблю, счастье мое, жить без тебя не могу и прошу твоей руки!

Девушка, улыбаясь, стала собирать чашки. Вытерла стойку. Облокотилась на нее, положила голову на руки. То ли задумалась, размечталась, то ли задремала с негаснущей улыбкой на лице.

Подошел старик гуахи́ро. Оглядел выставленные в витрине ящички сигар, вздохнул. Робко потер корявой ладонью по доске прилавка:

— Почем кофе-то у тебя, хозяйюшка?

Девушка открыла глаза:

— Три сентаво чашка, дед.

— Ух, уходился... — Он пристроил мешок на высокий стульчик, сам взобрался на другой. — Три сентаво, говоришь, твой кофе? А пять за две чашки сойдет?

— Сойдет, дед.

— Тогда давай. — Он порылся в кармане, достал монетки и бумажку. Монетки старательно пересчитал, две протянул Грациэлле, остальные бережно упрятал назад. Показал бумажку: — Глянь-ка, чего тут накарябано?

Грациэлла развернула, поднесла поближе к лампе:

— Авенида Коли... Адрес. А тебе зачем? Там район богачей.

— Хе-хе!.. — горделиво усмехнулся крестьянин. — Сын у меня там проживает, Антонио. Большой человек, паршивец этакий! Раньше он тут, на горе, жил, в отеле «Хилтон», по-новому «Гавана либре», что ли... Приперся сюда, а его и след простыл. Теперь тащись...

— Ишь какой у тебя сын: отель «Хилтон», авенида Коли! — неодобрительно проговорила девушка. — А отец родной на своих двоих ковыляет... Неважнецкий у тебя сын!

Старик обиделся:

— Да он такой же голодранец, как и я, только начальник большой — с самим Фиделем бок о бок воевал, и сам Фидель в начальники его поставил! А жрать у него нет ничего — вот, несу гостинцы. Далеко еще топать на эту Коли?

— Далеко, дед, — примирительно сказала мулатка. — Пока доберешься, дух выпустишь. А автобусы еще не скоро... — Она снова глянула на записку. — Да тут у тебя и телефон написан. Сейчас позвоним. Раз он у тебя большой начальник, пусть автомобиль присылает.

Она опустила в автомат монетку, набрала номер. Старик опасливо следил за ней. Полюбопытствовал:

— Это еще что за штуковина? Тоже мотает?

— Сейчас узнаешь. Как сына зовут?

— Да я ж говорю: Антонио, будь он неладен!

Она прижала трубку к уху:

— Алло! Алло! Антонио?.. Доброе утро!.. Да не девочка, а дед! Вот дурак! — Протянула трубку старику: — Разбудили. Говори с сыном!

Старик удивился:

— Да где же он?

— Тут, — показала она на трубку. — Отсюда слушай, сюда говори.

Старик взял трубку, повертел в руках:

— Чудно! — Приложив к уху, послушал. — Ничего не слышать... — Но, видимо, услышав голос сына, заорал что есть мочи: — А, это ты, Антонио! Ах паршивец, я все ноги оббил, тебя ищу, а ты тут!.. Да приехал, можешь радоваться! Где? Да здесь! — Он огляделся. — Тут. Как где? Давай присылай авто! Нет?.. А вот она говорит: раз ты шишка, должен прислать! Да на шута ты мне сдался пешком — пешком я и сам! — Он отдал трубку Грациэлле, перевел дыхание, отер ладонью пот с лица: —

Аж взопрел... Дурной он какой-то стал, ничего не сообщает. Или спросонья... «Где? Где?» А я — здесь. — Взял мешок, закинул через плечо: — Пойду на площадь, поближе к Фиделю. А там свидимся с сыном. — Снохватился: — А где вторая чашка?

Грациэлла налила, пододвинула к нему и монетки:

— Ладно, дед, забирай свои финансы — я тебя угощаю. Может, и поесть хочешь? Вот сэндвичи. Тоже бесплатно.

Крестьянин сгреб деньги, упрятал в карман:

— Вот это уважила! — С недоброжелательством покосился на телефон: — Ишь, стервецы, напридумывали! А какой толк?.. Только дуреют все.

— Для удобства, дед, — объяснила она. — Комфорт. Цивилизация.

— Во-во, цивилизация! Стараешься, аж взопреешь, а потом тебе же и огорчения... — Он отхлебнул кофе, пошевелил губами, оценивая на вкус. Расположился к девушке, начал рассказывать: — Приехали ко мне эти, с машинкой. Мотала она, мотала, аж язык на плечо высунул. А эта рыжая: «Не обращайтесь внимания, дедушка!» Укатила, а пыпче в овраге парня нашли — нож в животе торчит. А какой парень был!

Грациэлла насторожилась:

— Ты о чем это, дед?

Он почмокал губами:

— Об этой самой, о цивилизации... — Глотнул кофе. — Жалко парня, мочи нет... Такой он был, как мой старший, Хуан, которого Батиста убил... А теперь спекся, почернел... Крикнул я соседей. Вытащили мы его, бумаги нашли...

— Ну?

— Вот тебе и ну... Там и похоронили, на склоне. Там еще две могилки есть, таких же солдат. С войны остались...

Девушка придвинулась к старику, притиснулась к стойке так, что сдавило дыхание.

— А кто... — с трудом начала она, и голос ее дрожал, а во взгляде были и страх, и надежда. — Кто был этот парень, дед?

— Шофер. Имя его в тех бумагах. Звали: Мануэль Родригес...

— А-а-а-а! — Она упала головой на стойку, захлебнулась в крике.

Старик склонился над ней:

— Ты чего, внучка, что с тобой?

Девушка вскинула голову, забарабанила кулаками по доске:

— Ты врешь! Врешь! Врешь! — Чашки слетели на тротуар, разбились. — Мама, мама моя! Что же это такое!.. — Она снова с криком упала на стойку.

Крестьянин оторопел:

— Ах ты, будь я неладен... Ах ты господи!.. Что же тут делать? Выпей, внученька, выпей!.. — Начал тормошить ее, гладить по плечам заскорузлой рукой. — Чего ты так-то? Неужто твой?.. Ах ты господи!..

15

Лаптев неторопливо шел по ночной улице. Увидел открытый на тротуар, освещенный прилавок кофейни, продавщицу за прилавком, старика в одежде гуахиرو.

Подошел, выгреб из кармана горстку сентаво:

— Можно попросить чашечку кофе?

И вдруг старик резко обернулся к нему, сердито спросил:

— Ослеп? Не видишь?

— Что? — даже растерялся Андрей Петрович.

— Не видишь: горе!

Девушка подняла голову, и он увидел залитое слезами ее лицо.

— Кофе! — вскричала девушка. — Кофе! Всем вам — только кофе! А его убили!

— Горе, внученька, — положил корявую ладонь на ее плечо гуахиرو. — Но не надо плакать. Нам нельзя плакать... Будь они прокляты! — Он воздел кулаки к небу.

— Извините, — пробормотал Лаптев. — Извините... — И отошел от кофейни.

Чем вызвана эта вспышка?.. Он не совсем понял, что выкрикнула девушка, что сказал старик крестьянин. У них своя боль, неведомая ему трагедия... И он ничем не в силах им помочь...

Андрею Петровичу не хотелось омрачать эту ночь — свою последнюю ночь в Гаване. Остаток дня после возвращения из Пинар-дель-Рио он провел на сухогрузе —

принял участие в подготовке судна к отходу. Убедился, что на борту, как заверил боцман Храпченко, «полный порядок», и после смены вахт ушел в город.

Посидел на влажном парапете Малекона. Попил кофе. Знал, что все равно не заснет, и не хотел ни минуты тратить на сон. Доберет на обратном долгом пути. А сейчас, словно бы отворив душу, сердце, он впитывал мельчайшие впечатления — живым, пульсирующим, им скоро будет суждено превратиться в воспоминания.

Что унесет он отсюда с собой? Воспоминания о прекрасной стране? Да... Совсем недавно Лаптев побывал в Париже. Сравнить невозможно: Гавана и Париж не сопоставимы. Сказать, какой город красивей, вряд ли кто отважится. Просто другие измерения. Париж — отягощенный веками и легендами, представлениями, почерпнутыми из литературы, живописи, кино. А Гавана — незнакомая и юная, блестящая под солнцем, отшлифованная ветрами алая жемчужина Антил. Ключ был именно в этом. Алая. Охваченная пафосом революции, ее энтузиазмом и романтикой, торжествующая свою первую победу на гребне волны, на семи ветрах — куда до нее всем столицам старого мира!..

Пройдут годы, все стабилизируется, окрепнет, уляжется... Все станет надежней и прочней. И спокойней. Но с этим деловитым спокойствием уйдут приметы юности и энтузиазма. Не будут смеяться в полночь и на рассвете посты милисианос. Женщины сменят зеленые и голубые блузы на пестрые платья и кольты на поясах — на замшевые или крокодиловые сумочки... Вместо «красных батальонов», марширующих на сафру, двинутся в поля тростниковоуборочные комбайны; банды гусанос останутся только в романах и кинофильмах, и враги, глубоко законспирированные, осевшие на годы, будут куда более осторожными и трудней уязвимыми...

И Лаптев вдруг почувствовал: судьба этого острова стала частицей его судьбы. Может ли такое произойти за двое суток? Но почему — за двое? Разве дело лишь в том, что Куба прекрасна? Нет, главное — в ином. Она — как бы преемница дел всей его жизни, дел, борьбы, поражений и побед людей его поколения. И разве не его ученики Феликс, Педро, Варрон, Росарио и Лена?

Пусть только сейчас, здесь, понял он, что ушла любовь. Любовь, которая согревала его душу четверть века,

до седых волос, — юношески пылкая, не позволявшая ему разменивать себя на мелочи. Далеко не каждому выпадает испытать такое... И он должен быть благодарен судьбе за это.

И еще он благодарен судьбе, что довелось ему на исходе жизни снова испытать пьянящий пафос революционной бури. Как несправедливо: чувствует себя молодым, будто все самое главное впереди, а за плечами уже шесть десятков лет...

Неторопливый ток ночи — без суеты, без резких шумов, с успокоенным свечением редких огней — настраивал на раздумье. Андрей Петрович подумал: а ведь больше никогда не доведется ему побывать здесь. У слова никогда был горьковатый привкус. Сколько раз прежде, покидая страны, города, он знал, что больше никогда не вернется. Но чувство, которое овладело им теперь, было несоизмеримо по силе со всем, испытанным ранее: это никогда связано с грузом его седых лет. Ну что ж... Он благодарен судьбе и за то, что дожил до этих вершин. И вдруг, со слепящей остротой вспышки, он подумал: «А что если бы не поверил пикадору тогда, под Толедо, и отправил бы его в сегуридад?.. И если бы не поверил в псковском городке, в кабинете у Хаджи, когда вновь увидел Росарио и тот был облачен в мундир вражеского офицера?..»

Последняя ночь догорала. Над кромкой океана поднимался рассвет — и уже вспыхнули розовые свечи небоскребов по холмам Гаваны.

Лантев посмотрел на часы: пожалуй, Феликс снова заступил на свой пост. Надо заглянуть к нему, узнать, как там с этой операцией «Маэстро», и проститься. На митинге он к капитану не пробьется. А после митинга их «Хосе Ибаррури» снимается с якоря.

16

Капитан Обрагон сидел за столом. Могло показаться, что он не вставал вот уже вторые сутки. Лицо Феликса приобрело землистый оттенок, а правый, с разлившимся кровоподтеком глаз стал еще красней.

Зазвонил телефон. Капитан узнал голос команданте. Слушал молча, сомкнув губы. Резко сказал в трубку:

— Да, понимаю. Не надо, команданте. Я не люблю

валериановых капель... Да, понимаю. Мой принцип тоже такой: доверяй, но проверяй. Жду.

Он повесил трубку, нажал кнопку звонка. Приказал вошедшему дежурному:

— Еще кофе. И покрепче.

Когда он вышел, капитан снял трубку:

— Доложите готовность по секторам.

И тут же отозвался молодой голос:

— Отряды комитетов защиты революции заняли посты на подступах к площади.

Обрагон услышал в коридоре быстрые, знакомые шаги. Дверь резко распахнулась. В кабинет вошел команданте:

— Салуд! — Он сбросил на кресло каскетку, расстегнул куртку, расправил гимнастерку. — Все в порядке?

— Пока — нет. — Капитан развернул на столе карту, начал показывать, как построена система обеспечения безопасности: — Вот первая линия оцепления. Вот — вторая. Посты усилены. Подняты на ноги все члены комитетов защиты революции, не говоря уже о нашем батальоне. Все здания и улицы вокруг площади под наблюдением. Саперы проверили каждый дюйм.

Его прервал телефонный звонок. Обрагон выслушал. Повесил трубку:

— Докладывают состояние готовности. Гарантирую: если не завершим операцию к митингу, Маэстро на площадь все равно не прорвется — разве что спрыгнет на нее с парашютом. Кроме прочего, устроены засады у всех явок «Белой розы». Но на эти явки Ронка не выходил — кружит по городу, как волк.

Он подошел к окну, поднял жалюзи. Уже светало. Явственней доносился шум прибоя. В него вплетались шаги.

Обрагон выглянул в окно. По улице — вверх, к площади Революции, — шли люди.

— Народ собирается.

Команданте тоже остановился у окна. Лицо его отяжелело, резче и глубже обозначились морщины. Сейчас он выглядел намного старше своих лет.

С улицы в комнату донеслась маршевая песня и в ритм ей — чеканная поступь. В сторону площади маршировало подразделение революционной армии.

Светало быстро. Ударил солнечный луч. На стене комнаты вспыхнули золотые квадраты.

Издаലെка, едва отличимые — и то лишь для привычного уха, — донеслись хлопкн пистолетных выстрелов. Затем — автоматная очередь.

17

Конрад с трудом протиснулся в щель ограды.

Это был двор склада или магазина, заставленный разбитыми ящиками, захламленный рваными бумажными мешками.

Ронка огляделся и, осторожно ступая, побрел в глубь двора, за бочки и тюки. Шел он медленно. Каждое движение отдавалось болью в левом плече. Он поддерживал правой рукой раненую руку — под локоть, ощущая только тяжесть, а не свое кровоточащее тело.

Ночью неизвестно где он потерял каскетку, порвал в ключья блузу и брюки. Без передышки, как зверь, заматающий следы, петлял он по Гаване. Выходил на явки и обостренно чувствовал что-то настороженное, враждебное за молчаливыми дверями и окнами тех домов, которые должны были укрыть его. Несколько раз чуть было не напоролся на патруль — вдавливался в стены, растворялся в тени. Ему чудилось: весь город взвел затворы своих карабинов и пистолетов... И одновременно слух и взгляд улавливали и фиксировали и шорохи моря, и свет в окнах ночных баров, и шепот влюбленных, и музыку... Гавана жила, и ей не было никакого дела до него — Конрада де ла Ронка!..

Перед рассветом он все-таки парвался на засаду. Пришлось отстреливаться, бежать. Кажется, погоня отстала. Но он еще долго не позволял себе отдохнуть. Только сейчас, в углу двора, перевел дыхание. Опустился на кучу хлама. Привалился спиной к шероховатой стене. Небо над головой становилось жемчужным. Розовым светом загорались кромки облаков.

Хотелось пить. Губы пересохли, и язык распух. Наверное, поднимается температура. Он попробовал пошевелить левой рукой в плече. Резкая, перехватившая дыхание боль. Пуля задела кость?.. Тогда, в перестрелке, он даже не ощутил ранения — только потом, в проходных дворах, когда стал тяжелым и горячим рукав...

Что же делать дальше?.. Ночь укрывала. А теперь, на

свету, первая же встреча с любым горожанином... Если только не уповать на чудо и на милость божью...

Тупая, как боль в плече, продиралась мысль. Конрад сознательно отгонял ее. Не давал ей завладеть мозгом. Но она проступала все четче: «Бланка... Бланка!..»

Что же делать дальше? Рыскать по городу, пока не схватят, не засунут в рот грязный кляп, поволокут, как мешок, а потом пристрелят под забором?.. Пристрелят, как он пристрелил Бланку. Женщину, которую любил... Бессмысленно. На площадь он все равно не проберется. Все бессмысленно. Все было бессмысленно с самого начала...

Бессмысленно? Ну нет!.. Только бы выбраться отсюда и вылечить руку. Только бы выбраться! Есть же в городе те, кто должен помочь ему!..

«Бланка...» Ну и что? У каждого свой крест...

Он словно бы прислушался к тому, что происходило в его душе. Он не испытывал ни жалости, ни страха. Снова — только ненависть. Да, он выполнит задание — пусть это будет стоить ему жизни!..

Ронка ощущал раненую руку. Ничего. Кровотечение остановлено. Подумаешь — плечо. Правая рука цела, голова ясна, и тренированное тело напряжено силой. Нет, еще не точка!

За оградой слышались шаги. Цоккая подковками каблучков, приближался патруль. Голоса бойцов были возбуждены и самоуверены. Вот уже можно разобрать, что говорят. Звонкий, совсем молодой голос:

— Он не мог далеко уйти, я видел — он ранен. Он где-то здесь!

Другой, с хрипотцой:

— Вот! Смотрите — кровь!

Шаги затихли за оградой. Наверно, солдаты осматривают землю, ищут следы.

Третий голос:

— Капли... И еще... Он пролез здесь!..

Снова шаги. Приближаются к тому месту, где Конрад нашел проход во двор. Неужели — попался?

Голос с хрипотцой:

— Сейчас проверим. Только осторожней. Он умеет стрелять, этот гад. Ты, Хесус, стой здесь. Вы, ребята, оцепите по углам. А мы с Франком прочешем двор. Пошли!

Ронка встал. Бесшумно, как кошка, прыгнул за угол сарая. С трех сторон — каменные стены. Не выбраться. Но зато отсюда, из-за укрытия, весь двор — как площадка в тире...

«Вы не ошиблись, парни, стрелять я умею». Правой рукой он достал из внутреннего нагрудного кармана пистолет с еще полной обоймой. Привычно, большим пальцем снял предохранитель...

И вдруг сверху, с крыши, металлическим мегафонным голосом рывкнуло:

— Бросай оружие! Лицом к стене! Руки за спину! Ты у нас на мушке!..

ЭПИЛОГ

— Заходи, Артуро. Кофе пить будешь? Вот сигары. Обрагон провел ладонью по седой щетине щеки. Лаптев не удивился бы, если бы он содрал кожу — даже на вид щетина была жесткой, как наждак.

— Спасибо. Выпил вашего кофе столько, что хватит на весь обратный рейс. Зашел попрощаться.

— Когда отчаливаешь?

— Митинг — в полдень?

Феликс кивнул.

— Сколько он продлится?

— Фидель говорит обычно не меньше трех часов.

— Я так и рассчитал. Мы договорились с комендантом порта: хочу, чтобы мои ребята — все, кто свободен от вахты, — побывали на митинге и послушали Фиделя. Мобилизовал все семейство Эрерры: Лена, Хозефа и Росарио будут им переводить. Пусть мои ребята подышут нашим семнадцатым годом. А как дела у тебя? Маэстро взяли?

Обрагон размял плечи, покрутил шеей.

— Все в порядке. Взяли. Чисто взяли. — Он усмехнулся. — В награду я получил приказ до десяти часов спать.

— Молодцы. Давай обнимемся. Ты заслужил отдых.

— Куда торопишься? У тебя-то есть свободное время?

— В десять я должен быть на судне.

— Отлично. Успеем. Подожди, побреюсь. — Феликс снова скребнул по щеке и вышел.

Лаптев привалился к мягкой спинке кресла. Почувствовал: несмотря на кофе, его размаривает в тепле.

— Поехали, — вернулся Обрагон.

— Куда?

— Узнаешь, не торопись. Хочу сделать подарок — чтобы осталась память о нашей встрече.

Снова — набережная, замок Трех королей Эль-Морро на мысу, полуторакилометровый тоннель под устьем Гаванской бухты — и великолепное шоссе Виа-Бланка. И щиты плакатов: «1963 год — мир и творческий труд!», «Вперед, на сафру!», «Родина или смерть!», «Мы победим!»... За рулем сидел Обрагон. Лаптев видел его лицо в профиль — сомкнутые губы, красный глаз, нечисто выбритую, в порезах, щеку. На кого он сейчас похож? Да конечно же — на Виктора Гонсалеса, политделегата, комиссара его саперного отряда. Только у Виктора не было бороды.

Куда мчат они сломя голову, бессмысленно растрачивая его последний кубинский день? Лаптев почувствовал досаду: лучше бы побродил по солнечным авенидам или посидел на Малеконе... В дом к Эрерро его почему-то не тянуло.

Автострада удалилась от берега моря. По обеим ее сторонам и по холмам встали королевские белоствольные пальмы. По склонам холмов потянулись ряды кофейных кустов с густой темной листвой. Они перемежались лимонными и апельсиновыми деревьями. Андрей Петрович уже знал: деревья оберегают кусты от ветров. Холмы, саванна — и снова холмы подступали к шоссе.

Но вот потрепанный «виллис» резко свернул с Виа-Бланка на тропу, начавшую круто подниматься к поросшей лесом вершине.

Из-за ствола пальмы выступила фигура в зеленой форме. На курчавой голове — берет. В руках — карабин.

Капитан протянул «тархету». Молодой боец-негр внимательно ее изучил, посмотрел на фотографию и в лицо Обрагону. Взял карабин «на караул».

Еще две минуты — и, миновав следующий контрольный пост у шлагбаума, их «виллис» приткнулся к купе деревьев на плоской, будто срезанной, вершине холма.

Желтая, вытоптанная трава. Зеленые брезентовые палатки и крытые гофрированным железом капониры. Темные тонкие стволы орудий, уставившиеся в небо.

Капитана и гостя встречают — молодой и пожилой, оба в одинаковых гимнастерках без знаков различия и в каскетках. О том, что они — командиры, можно судить только по пистолетам и планшеткам на поясах.

— Комиссар Эрнандес и командир батареи лейтенант Самора, — представляет сначала пожилого, потом молодого Феликс. И добавляет: — У нас мало времени.

Полевой командный пункт, как всюду и везде, — брезентовая палатка со стойкой карабинов, с зуммерами и картами.

— Боевой КП у них там, — топает ботинком по земле Обрагон. — Пошли.

Они идут к орудиям. Боевые расчеты на местах.

— Рамон Карралес, сержант! — Широколицый парень в лихо надвинутом на одно ухо берете протягивает ладонь.

— Сколько тебе лет?

— Уже семнадцать, компаньеро.

Андрей Петрович переводит взгляд с одного артиллериста на другого:

— А им?

— По пятнадцать-шестнадцать, компаньеро.

— Это все парни из бедняцких рабочих и батрацких семей, — поясняет комиссар Эрнандес. — Были чистильщиками сапог, уличными бродяжками, а кто — и воришками. После того как победили, мы собрали их и отправили в горы. За год обучили грамоте. Сказали: кем хотите стать? Эти все, — он обвел рукой вершину холма, как бы жестом объединения, замыкая в круг батарею, — захотели стать комбатъентес, солдатами революции.

— Разве хватит им года обучения?

— Конечно нет. Учителя приходят и сюда. Но ту программу, которую положено осилить за три года, они усваивают за год. Им очень нравится учиться.

— Были маленькие и щуплые, — вставляет командир. — А теперь вот как выровнялись.

Их разговор прерывает пронзительный вой сирены.

Секунды — и все расчеты на местах. Шевелятся темные стволы на фоне пронзительно синего неба.

— К бою готовы! — докладывает семнадцатилетний сержант.

— Это учебная тревога. Для гостя, — усмехается Обрагон. — Для них, зенитчиков, самое опасное время су-

ток — на рассвете и на закате. В эти часы все расчеты — у орудий. Но наша армия в полной боевой готовности в любой час.

Они поднимаются в кабину радара.

— Теодор Пино, сержант! — Оператор, большерукий и узкоплечий, хмурит для солидности брови, но в глазах — детское любопытство.

— А тебе сколько лет, сержант Пино?

— Уже шестнадцать, советико компаньеро!

— Кто же тебя обучил управляться с радаром? — Лаптев показывает на экран, по которому неустанно кружит светящийся луч.

— Первый оператор Луис Касорла, — отвечает сержант и показывает на парня, который старше его разве что на год.

— А тебя, первый оператор, кто обучил?

Касорла, как и подобает командиру, отвечает с суровостью:

— Меня обучил компаньеро Иван.

Они идут от орудия к орудию. Мальчишки. Чернокожие и просто смуглые от загара; курчавые, рыжие, черпоглазые и сероглазые. Наверное, ни один не старше семнадцати...

— Представляешь, какими станут они через десять лет? — задумчиво произносит Феликс. — А через двадцать? Куда нам с тобой до них!.. Предлагают остаться пообедать. Предлагают посмотреть футбольный матч. В футбол они раньше не играли. Научили их советские камарадос. А теперь хотят, чтобы Куба вышла на мировую футбольную арену — не меньше. — Он смотрит на часы. — Нет времени.

Комиссар скрывается за пологом палатки. Возвращается, держа что-то в руках. Развертывает:

— Это вам, коронель Артуро!

Успел-таки Феликс рассказать им...

В руках комиссара — полотнище кубинского флага.

— Знаешь, Артуро, что символизируют эти цвета на флаге? — говорит Обрагон, встряхивая и расправляя складки. — Красный треугольник — цвет революции. Белый цвет — чистота ее помыслов. Синий — цвет моря, окружающего наш остров. А звезда в красном треугольнике — сама Куба, путеводная звезда Латинской Америки.

— Этот флаг еще в конце прошлого века поднял апостол кубинской революции Хосе Марти, — добавляет комиссар.

— Я не знаю, что вам сказать... — Волнение перехватывает горло Андрея Петровича. — Спасибо. За драгоценный ваш дар.

«Виллис», переваливаясь на ухабах, спускается с холма. Сзади словно бы сомкнулась стена пальм, и уже не видно ни стволов орудий, ни палаток, ни часовых.

Лаптев смотрит на Обрагона. Да, Феликс, ты не мог придумать подарка лучше. А с виду ты такой скупой на движения души...

Они спустились с тропы, выскочили на блестящий, словно бы лоснящийся, асфальт, и уже засверкало по правую руку море с гривами волн и белыми кучевыми облаками над ним.

— Ты знаешь, — прервал долгое молчание Феликс, — я думаю: каждый из наших — и те, кого мы хоронили под Толедо, и кого потом замучил Франко, сжег в крематориях Гитлер, и кого замучили здесь, в «Ла Кабанья», при Батисте, — каждый из наших, даже если бы и знал наперед свою судьбу, разве не пошел бы он по этой самой дороге?.. Я думал об этом еще в Мадриде, и в концлагере во Франции, и в отряде Сопротивления... Думаю и теперь.

— Да, — уловил ход его мыслей Лаптев. — Потому мы и не можем сойти. Мы идем, мы оступаемся и падаем, мы разбиваемся насмерть и снова идем. Мы не возим революции из страны в страну в своих походных ранцах. Но мы в любом месте и до конца должны быть революционерами. — Он положил руку на плечо Феликса: — И нам ли убеждать в этом друг друга? Но мы должны убеждать в этом молодых. Ведь им тоже драться всю жизнь.

Чем ближе к городу, тем интенсивней становилось движение на шоссе. Уже не только автомобили и повозки — по обочинам шли люди. Поодиночке. Группами. Колоннами. Звук их шагов поглощал шуршание шин.

— Я слышу эти шаги, я вижу этих людей, — снова сказал Феликс, — и мне кажется, что это идет сама революция. Она идет уже четыре года.

— Нет, — возразил Лаптев. — Революция началась на Кубе не четыре года назад. Она началась в семнадцатом в России, она в Испании потерпела поражение в тридцать девятом, а в пятьдесят девятом пришла сюда... Да, она идет! Еще будут выстрелы из-за угла. И еще много будет павших и уставших в борьбе. Но, сколько бы ни пало, революция — на марше. И значит, ничто не было напрасным!..

Не сказал, но подумал, словно бы подводя итог: «А значит, и моя жизнь не была напрасной...»

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Волонтеры	5
«Чтобы жила Франция...»	125
Зеленая ракета	171
Улица Царя Самуила, 35	187
Обелиск у Билы Глипы	229
Посты сменяются на рассвете...	256

Понизовский В. М.

П56 Посты сменяются на рассвете. — М.: Воениздат, 1979. 390 с. (Военные приключения.)
В пер.: 1 р. 40 к.

Сборник приключенческих повестей, объединенных темой борьбы советских людей и коммунистов-интернационалистов других стран против фашизма, за утверждение социалистических идеалов.
Книга рассчитана на массового читателя.

П 70302-040 без объявл.
068(02)-79

Р2

*Владимир Миронович
Понизовский*

ПОСТЫ СМЕНЯЮТСЯ НА РАССВЕТЕ

Редактор *С. И. Смирнов*
Художественный редактор
Т. А. Тихомирова
Художник *Н. А. Васильев*
Технический редактор
А. Н. Медникова
Корректор *Е. Г. Семеляк*
ИБ № 843

Сдано в набор 29.5.78 г.
Подписано в печать 31.08.78 г.
Г-12149. Формат 84×108/32.
Бумага типографская № 2.
Гарн. обыкн. нов. Высокая печать.
Печ. л. 12¼. Усл. псч. л. 20,58.
Уч.-изд. л. 21,407. Тираж 100000 экз.
Изд. № 4/4043. Зак. № 9-19. Цена 1 р. 40 к.

Воениздат
103160, Москва, К-160
Набрано в 1-й типографии Воениздата
103006, Москва, К-6,
проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Отпечатано с матриц на Книжной ф-ке им. М. В. Фрунзе
Республиканского производственного объединения
«Полиграфкнига» Госкомиздата УССР,
Харьков, Донец-Захаржевская, 6/8.

5600/2 26/4 21

1р. / 40к. 1-30

